В.Е. Чухно

История населённых пунктов Украины

Середино-Будский район Сумской области

Владимир Чухно

История населённых пунктов Украины:
Середино-Будский район
Сумской области

Киев, 2013

Чухно Владимир Егорович. История населённых пунктов Украины: Середино-Будский район Сумской области. – Киев, 2013. – 354 с.

ISBN 978-617-696-099-7

Настоящая книга содержит в себе краткие сведения о заселении Середино-Будского района Сумской области, времени основания большинства его населённых пунктов, их дореволюционной истории, количестве проживавших в них жителей и т.д. В ней приведены биографии наиболее известных уроженцев Серединобудщины, краткие сведения о некоторых основателях хуторов и сёл, помещены портреты ряда владельцев населённых пунктов и т.п.

Книга написана на языке большинства населения Середино-Будского района. Она имеет справочный характер и будет интересна не только жителям Серединобудщины, но и всем, кто интересуется историей Украины.

ISBN 978-617-696-099-7

© Чухно В.Е.

Содержание

Содержание 3
От автора 10
Заселение Серединобудщины 13
Город Середина-Буда (Середина-Буда) 19
Пгт Знобь-Новгородское (Зноб-Новгородське) 29
С е л а 35
Белоусовка (Білоусівка) 35
Боровичи (Боровичі) 39
Васильевка (Василівка) 42
Васильевское (Василівське) 44
Великая Берёзка (Велика Берізка) 45
Винторовка (Винторівка) 48
Гаврилова Слобода (Гаврилова Слобода) 49
Гаврилово (Гаврилове) 51
Голубовка (Голубівка) 51
Гутко-Ожинка (Гутко-Ожинка) 56
Демченково (Демченкове) 59
Дуболесье (Дуболісся) 60
Жихово (Жихове) 61
Журавка (Журавка) 65
Заречье (Заріччя) 69
Знобь-Трубчевская (Зноб-Трубчевська) 70
Каменка (Кам’янка) 71
Карпеченково (Карпеченкове) 76
Ким (Кім) 77
Красичка (Красичка) 78
Красноярское (Красноярське) 80
Кренидовка (Кренидівка) 80
Крещиково (Хрещикове) 83
Кривоносовка (Кривоносівка) 84
Кудоярово (Кудоярове) 88
Кустино (Кустине) 88
Лесная Поляна (Лісова Поляна) 89
Лесное (Лісне) 89
Луг (Луг) 93
Лужки (Лужки) 94

Лукашенково (Лукашенкове) 94
Любахово (Любахове) 95
Лютое (Люте) 96
Мефёдовка (Мефедівка) 97
Моховое (Мохове) 101
Новая Гута (Нова Гута) 102
Нововасильевка (Нововасилівка) 104
Нововладимировка (Нововолодимирівка) 105
Новосовское (Новосовське) 105
Новый Свет (Новий Світ) 106
Обиход (Обихід) 106
Очкино (Очкине) 107
Перемога (Перемога) 116
Пигаревка (Пигарівка) 117
Пилипы (Пилипи) 119
Поделы (Поділи) 120
Полесское (Поліське) 120
Полянка (Полянка) 121
Порохонь (Порохонь) 122
Рог (Ріг) 126
Рожковичи (Рожковичі) 127
Ромашково (Ромашкове) 129
Руденька (Руденька) 132
Рудня (Рудня) 134
Сибилёвщина (Сибилівщина) 135
Смелое (Сміле) 136
Сорокино (Сорокине) 136
Старая Гута (Стара Гута) 137
Стародубово (Стародубове) 142
Стягайловка (Стягайлівка) 143
Сытное (Ситне) 145
Таборище (Таборище) 146
Троицкое (Троїцьке) 149
Уборок (Уборок) 150
Украинское (Українське) 150
Улица (Улиця) 151
Уралово (Уралове) 153
Хильчичи (Хильчичі) 156

Хлебороб (Хлібороб) 160
Червоное (Червоне) 161
Чернацкое (Чернацьке) 164
Чигин (Чигин) 168
Шалимовка (Шалимівка) 170
Ясная Поляна (Ясна Поляна) 172
П о с ё л к и 175
Варваринский (Варваринське) 175
Высокосов (Високосів) 175
Глухой уголок (Глухий куток) 175
Деменск (Деменськ) 175
Ефания (Єфанія) 176
Зеленый (Зелене) 176
Зеленый Гай (Зелений Гай) 176
Калиновский (Калинівське) 177
Каменский (Камінське) 177
Комаровка (Комарівка) 178
Красный Бор (Красний Бор) 180
Красный Прогресс (Красний Прогрес) 180
Курган(Курган) 180
Лан (Лан) 181
Луг (Луг) 181
Михальковский (Михальківське) 181
Новая Спарта (Нова Спарта) 182
Петровский (Петровське) 182
Покровский (Покровське) 182
Рудак (Рудак) 183
Свердлово (Свердлове) 183
Соловьёв (Соловйове) 184
Уречье (Уріччя) 184
Широченск (Широченськ) 185
Ягодное (Ягідне) 185
Ясная Поляна (Ясна Поляна) 185
Х у т о р а 186
Александровка (Олександрівка) 186
Андрейков (Андрійків) 187
Барятин (Барятин) 187
Белосветов (Білосвітів) 188

Береговой (Береговий)....189
Боровой (Боровий) 189
Бродок (Бродок) 190
Василия Кучерявого (Василя Кучерявого) 190
Вильна Праця (Вільна Праця) 190
Винторовка (Винторівка) 191
Виткин (Віткин) 191
Вовнянский (Вовнянський)....191
Вороного (Вороного)....192
Высокая Гряда (Висока Гряда) 192
Голое Болото (Голе Болото)....192
Горовой (Горовий)....192
Гриневич (Гриневич) 193
Громов (Громів)....193
Гутка (Гутка)....193
Даровский (Даровський) 194
Демьяненко (Дем'яненко)....194
Демьяновский (Дем'яновський) 195
Дмитрия Ковалёва (Дмитра Ковальова) 195
Дубовая Корна (Дубова Корна) 195
Духля (Духля)....195
Елизаветинский (Єлизаветинський) 196
Журавский (Журавський)....196
Заёлка (Зайолка)....198
Займище (Займище)....198
Захлюповка (Захлюпівка)....199
Землянка (Землянка)....199
Зимник (Зимник)....199
Ивана Стародея (Івана Стародія) 200
Ивкин (Івкін) 200
Изотовка-Калинского (Ізотівка-Калинського) 200
Кажушный (Кажушний)....201
Калеевский (Каліївський)....201
Калиновка (Калинівка) 201
Калинского (Калинського) 202
Канавцев Гай (Канавців Гай) 202
Карнютин (Карнютин)....202
Кенин (Кенин) 202
Керонского (Керонського)....203

Компанейцев (Компанійців)....203
Косенков (Косенків)....203
Котляров (Котлярів)....203
Кравоновский (Кравоновський)....204
Кравченков (Кравченків)....205
Красносвигск (Красносвигськ)....205
Круглики (Круглики)....205
Круково (Крукове)....205
Кузьмин Окоп (Кузьмин Окоп)....206
Курганки (Курганки)....206
Кутневский (Кутневський)....206
Лаврово (Лаврове)....207
Лежнёв (Лежнів)....207
Леонов Угол (Леонів Угол)....208
Леонтия Ковалёва (Леонтія Ковальова)....208
Липовый Рог (Липовий Ріг)....208
Лостовецкого (Лостовецького)....209
Лужки (Лужки)....209
Луначарский (Луначарський)....209
Лютый (Лютий)....209
Маевский (Маївський)....210
Макуховщина (Макухівщина)....211
Макухинский (Макухинський)....211
Мальвинский (Мальвинський)....211
Марьяновка (Мар'янівка)....211
Матронченко (Матронченко)....212
Маховой (Маховий)....212
Недушка (Недушка)....212
Немцев (Німців)....213
Новенький (Новенький)....213
Новиков (Новиків)....213
Новокрасный (Новокрасний)....214
Новопетропавловский (Новопетропавлівський)....214
Ображеевка (Ображіївка)....214
Ольховик (Ольховик)....215
Ольховка (Ольхівка)....215
Онопреенков (Онопрієнків)....215
Осташков (Осташків)....216
Павленко (Павленко)....216

Палеев (Паліїв) 216
Пастушенко (Пастушенко) 216
Пенище (Пенище) 217
Первомайский (Першомайський) 217
Перелесянка (Перелісянка) 217
Пески (Піски) 217
Песчанка (Піщанка) 218
Петровский (Петровський) 218
Пигаревский (Пигарівський) 218
Писаренков (Писаренків) 219
Подалянкин (Подалянкин) 219
Подлесный (Підлісний) 219
Покорский (Покорський) 220
Полюшкин-Ложок (Полюшкин-Ложок) 220
Поножное (Поножне) 220
При урочище Лютой (При урочищі Лютої) 221
Присторное (Присторне) 221
Приствороннее (Приствороннє) 221
Пунинского (Пунинського) 221
Раев (Раєв) 222
Речица(Річиця) 222
Руда (Руда) 222
Руднянская Больница (Руднянська Лікарня) 222
Савицкий (Савицький) 223
Самсонов (Самсонов) 223
Сапачов (Сапачов) 224
Селище (Селище) 224
Слободка (Слободка) 224
Совка (Совка) 224
Соловьёв (Соловйов) 224
Софиевский (Софіївський) 225
Спасский (Спаський) 226
Степаненко (Степаненко) 226
Стринадкин (Стринадкин) 226
Суденкин (Судєнкін) 226
Сухолютка (Сухолютка) 227
Сучкин (Сучкин) 227
Терещенка (Терещенка) 228
Тимощенков (Тимощенків) 228

Толкачи (Толкачі) 228
Уречье (Урічча) 229
Фалько (Фалько) 229
Федора Белаша (Федіра Білаша) 229
Ховсти Бор (Ховсти Бор) 229
Христианодорф (Христианодорф) 230
Цыганков (Циганків) 230
Ченчиков (Ченчиків) 230
Чёрная Грязь (Чорна Грязь) 231
Черня (Черня) 231
Чигинский (Чигинський) 231
Шапошников (Шапошників) 232
Шарепин (Шарепин) 232
Швайкино (Швайкино) 232
Шот (Шот) 233
Административно-территориальное деление Серединобудщины 234
Известные уроженцы Серединобудщины 257
Андрей Парфенович Заблоцкий-Десятовский 257
Павел Парфенович Заблоцкий-Десятовский 266
Михаил Парфенович Заблоцкий-Десятовский 272
Николай Маркович Колмаков 275
Герасим Иванович Лузанов 279
Иван Иванович Пантюхов 281
Василий Фёдорович Псиол 288
Михаил Осипович Судиенко 289
Иосиф Михайлович Судиенко 299
Ермолай Васильевич Четвертаков 304
Михаил Васильевич Юркевич 308
Усадьба Судиенко в Очкино 311
Список использованных источников: 322

От автора

Настоящая книга представляет собой краеведческое исследование и содержит в себе краткие сведения о заселении Середино-Будского района Сумской области, времени основания большинства его населённых пунктов, их дореволюционной истории и т.д. В ней приведены биографии наиболее известных уроженцев Серединобудщины, краткие сведения о некоторых основателях хуторов и сёл, помещены портреты ряда владельцев населённых пунктов и т.п.

В работе было использовано большое количество литературных источников и архивных материалов. Однако часть содержащейся в ней информации основана на народных преданиях и легендах и может оказаться ошибочной. Поэтому мы будем рады любым замечаниям читателей, и постараемся устранить допущенные ошибки при переиздании книги, если такой случай представится (e-mail: Chuxno@yandex.ru).

Книга имеет справочный характер и будет интересна не только жителям Середино-Будского района, но и всем, кто интересуется историей Украины. Содержащиеся в ней сведения о количестве дворов и численности населения (мужского и женского пола) по состоянию на 1859, 1883, 1892, 1897, 1901, 1913, 1917, 1923, 1926, 1970, 1976, 2001 и 2008 гг., о количестве податных душ (душ мужского пола, платящих подати) по состоянию на 1795 и 1799–1891 гг. и т.д. были почерпнуты нами из следующих источников:

1. ЦГИАК, фонд 1336, опись 1, дело, 1797 год[1].

2. Список наявних у Малоросійській губернії селищ, із зазначенням, в яких вони містяться повітах і скільки в кожному душ чоловічої статі, що сплачують податки 1799–1801 рр. // Описи лівобережної України кінця XVIII – початку XIX ст. – Київ, 1997[2].

3. Списки населённых мест Российской империи. Том XLVIII. Черниговская губерния. – СПб., 1866[3].

4. Волости и важнейшие селения Европейской России. Вып. III. Губернии Малороссийские и Юго-Западные. – СПб., 1885[4].

5. Список населённых мест Черниговской губернии, имеющих не менее 10 жителей по данным 1892 г. // Календарь Черниговской губернии на 1893 год. – Чернигов, 1892[5].

6. Руссов А.А. Описание Черниговской губернии. Том 2. Приложение IV. Списки населённых мест Черниговской губернии. – Чернигов, 1899[6].

7. Список населённых мест Черниговской губернии, имеющих не ме-

нее 10 жителей по данным 1901 г. – Чернигов, 1902[7].

8. Список селений Черниговской губернии по уездам и волостям. – Чернигов, 1913[8].

9. Список селений и городов Черниговской губернии по уездам и волостям. – Чернигов, 1919[9].

10. Список населённых мест Черниговской губернии на 1924 г. – Чернигов, 1924[10].

11. Список населених місцевостей Глухівщини. – Глухів, 1927[11].

12. Военно-топографическая карта Генерального штаба СССР, 1941 года издания, масштаб 1:100.000, (листы: N-36-139, N-36-140, N-36-141)[12].

13. Історія міст і сіл Української РСР. Сумська область. – К., 1973[13].

14. Середино-Будський район. Долі людей та поселень краю. (Упор. Нетудихаткін А.В.). – Суми, 2009[14].

15. Приложения к трудам редакционных комиссий для составления положения о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. Сведения о помещичьих имениях. – Т. 6. – СПб., 1860[15].

16. О выкупе земельных наделов временнообязанными крестьянами. Черниговская губерния. // РГИА. – Ф. 577. – Оп. 47[16].

17. Кулаковський П.М. Чернігово-Сіверщина у складі Речі Посполитої 1618–1648 рр. – К., 2006[17].

18. Лазаревский А.М. Описание старой Малороссии. Т. 1. Полк Стародубский. – К., 1888[18].

19. Генеральне слідство про маєтності Стародубського полку. – Т. 1. – К., 1929[19].

20. Константинович Н.К. Обозрение Румянцевской описи Малороссии. Вып. 3. Полк Стародубский. – Чернигов, 1875[20].

21. Опис Новгород-Сіверського намісництва 1779–1781 рр. – К., 1931[21].

22. Домантович М.А. Материалы для географии и статистики России. Черниговская губерния. – СПб., 1865[22].

23. Семёнов В.П. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т. 7. Малороссия. – СПб., 1903[23].

24. История городов и сёл УССР. Сумская область. – К., 1980[24].

25. Корноухов Е.А. Алфавитный список церквей Черниговской епархии. // Труды Черниговской губернской архивной комиссии 1906–1908 гг. – Вып. 7. – Чернигов, 1908[25].

26. Адрес-календарь духовного ведомства Черниговской епархии на 1879 год. – Чернигов, 1879[26].

27. Гумилевский Д.Г. Историко-статистическое описание Черниговской епархии. – Кн. 6. – Чернигов, 1874[27].

28. Корнієнко О.М. Зруйновані храми Сумщини. Мартиролог втрачених святинь. – Суми, 2007[28].

29. Памятная книжка Киевского учебного округа на 1901 год. Ч. 4. Черниговская губерния. – К., 1901[29].

30. Список начальных школ духовного ведомства, состоящих к 1-му января 1899 года в Черниговской епархии. // Приложение к №3 официальной части Черниговских епархиальных известий за 1900 год. – Чернигов, 1900[30].

31. Список о школах, заведённых до 1861 года при церквах Черниговской епархии, в которых состояло до 25 и более учеников и учениц. // Черниговские епархиальные известия. Часть неофициальная. – Чернигов, 1861. – №14[31].

32. Ведомость о школах грамоты Черниговской епархии за 1894–1895 учебный год. // Черниговские епархиальные известия. – Чернигов, 1895. – №20[32].

33. Грамотность в Новгород-Северском уезде в начале 1897 г. – Чернигов, 1898[33].

34. Модзалевский В.Л. Малороссийский родословник. – Т. 1. – К., 1908[34].

35. Модзалевский В.Л. Малороссийский родословник. – Т. 2. – К., 1910[35].

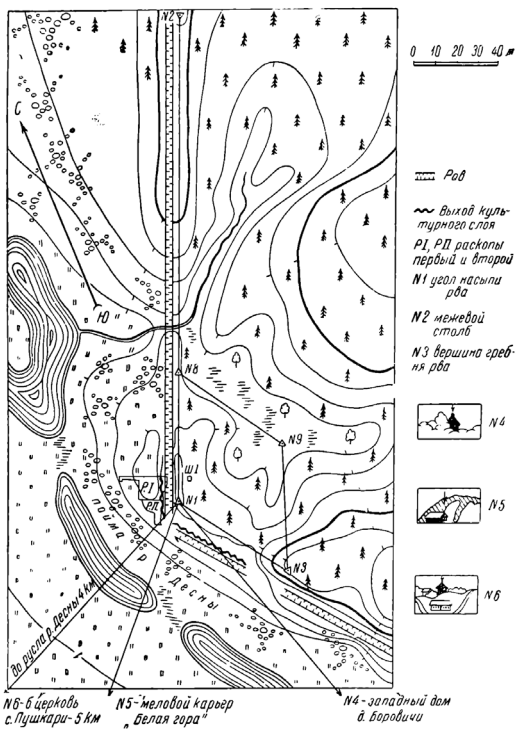
36. Модзалевский В.Л. Малороссийский родословник. – Т. 3. – К., 1912[36].

37. Модзалевский В.Л. Малороссийский родословник. – Т. 4. – К., 1914[37],

38. Василенко Н.П. Генеральное следствие о маетностях Нежинского полка 1729–1730 гг. – Чернигов, 1901[38].

Заселение Серединобудщины

Территория нынешнего Середино-Будского района была заселена людьми с глубокой древности, особенно его юго-западная часть, район рек Десны, Свиги и Знобовки. В эпоху неолита и бронзы здесь проживали племена охотников, земледельцев и скотоводов. Остатки их поселений были выявлены на южной окраине села Очкино и вдоль берегового песчаного склона между сёлами Боровичи и Очкино во время археологических экспедиций, которые проводились под руководством постоянного сотрудника Всеукраинского археологического комитета Виктора Дмитриевича Юркевича в 1924–1925 гг. [39] и профессора Московского государственного университета Михаила Вацлавовича Воеводского в 1945–1948 гг.

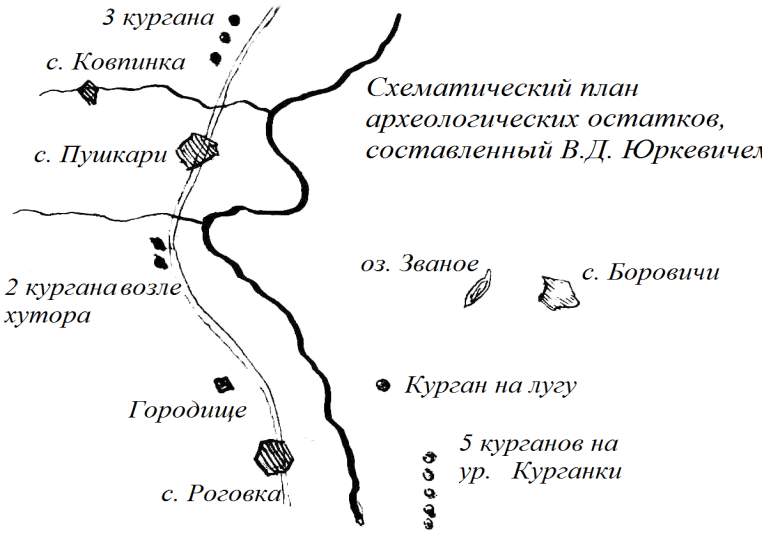

План стоянки Мыс Очкинский

В 1947 году Деснинская экспедиция М.В. Воеводского открыла вблизи Очкино неолитическую стоянку Мыс Очкинский, которая существовала на протяжении 500 лет (ок. 2000–1500 гг. до нашей эры) и относилась к днепро-деснинской группе среднеднепровской культуры. На ней были найдены тонкостенный сосуд с геометрическим шнуровым орнаментом эпохи позднего неолита[40], мотыга, обломки зернотёрки и другие орудия труда, охоты и рыбной ловли, которые свидетельствуют о том, что её древние обитатели занимались не только охотой и рыболовством, но и примитивным земледелием[41].

В нескольких километрах от стоянки Мыс Очкинский, в районе села Боровичи Середино-Будского района, было выявлено более девяти поселений эпохи неолита и бронзы [24, с. 518]. Часть из них была открыта в 1924–1925 гг. В.Д. Юркевичем, обнаружившим остатки древних куль-

тур на Лысой Горе, на северо-западном побережье озера Званого, на песчаных холмах между озером Званым и селом Боровичи, на плавнях Десны, простирающихся от юго-западного побережья озера Званого до переправы возле села Роговки и т.д.

В ходе обследования некоторых из них В.Д. Юркевич нашёл большую стрелу (копьё) из жёлтого кремня, крупный кремнёвый осколок в форме ножа, множество обломков грубой неолитической посуды и других предметов, принадлежавших жителям раннего неолита, бронзы и других эпох, и на этом основании сделал вывод о том, что территория вблизи Боровичей была заселена людьми, начиная с каменного века «до наших дней, возможно, без значительных перерывов»[42].

К такому же выводу пришёл и руководитель Деснинской экспедиции М.В. Воеводский. В ходе раскопок Боровичских стоянок он нашёл множество кремнёвых скребков, резцов и других орудий труда, характер изготовления которых позволил ему утверждать, что «поздний неолит вблизи Боровичей совершенно явно перешёл в культуру бронзового века»[43].

Следы проживания первобытных людей эпохи неолита и бронзы были выявлены недалеко от села Нововасильевки (урочище Старое поле), между сёлами Очкино и Нововасильевка (урочище Угол поля)[44] и в районе других населённых пунктов Середино-Будского района: Уралово (местность Ровки) [14, с. 285], Кривоносовка[45], Жихово, Стягайловка[46], между сёлами Хильчичи и Глазово (урочище Старый кирпичный

завод)[47] и т.д. Однако их подробно никто не изучал.

Не оставалась в запустении территория Середино-Будского района и в домонгольскую эпоху. Большинство славянских поселений того времени находилось в районе рек Десны, Свиги и Знобовки, поблизости сёл Очкино, Боровичи и Голубовка.

На существование славянских поселений вблизи Очкино указывал в своей работе «Северянская земля и северяне по городищам и могилам» известный археолог и историк права Дмитрий Яковлевич Самоквасов[48], вблизи Боровичей – постоянный сотрудник Всеукраинского археологического комитета В.Д. Юркевич[49], а вблизи Голубовки – известный русский историк и филолог Михаил Несторович Сперанский[50]. Небольшие славянские поселения находились и в районе других населённых пунктов: Порохони, Троицкого и т.д. Однако большинство из них до наших дней не сохранилось, кроме, может быть, Порохони.

Порохонь является одним из древнейших населённых пунктов района и впервые упоминается в Ипатьевской летописи под 1146–1154 гг.[51]: «Великий князь Изяслав II приехал на «снемъ» с Давыдовичами и велел им идти на двоюродного брата Святослава Ольговича. Поход вылился в грабёж богатого имения Святослава Ольговича. Пришедшие стали в «лесе в Порохни». Рядом паслось громадное стадо Ольговича, состоявшее из трёх тысяч кобыл и тысячи жеребцов. Скоро запылали окрестные сёла, и затрещало пламя над дворами и полными убранного жита амбарами»[52].

Следующими по древности населёнными пунктами Середино-Будского района являются Знобь-Новгородское и Знобь-Трубчевская. Они были основаны до середины XV века, и в 1440–1460 гг. пожалованы великим князем литовским и королём польским Казимиром Ягеллончиком – Олгишу[53] (Знобь-Новгородское) и Артюшку[54] (Знобь-Трубчевская). Вместе со Знобью-Новгородской Олгиш получил во владение и Порохонь. Каких-либо других значительных населённых пунктов на момент указанного пожалования на территории района не было, и в «Записях земельных дач короля Казимира» они не упоминаются.

В 1503 году Северские земли отошли к Великому княжеству Московскому. Однако существенных изменений в процессе заселения Серединобудщины это не вызвало. И лишь в конце XVI – начале XVII века на её территории возникло четыре новых населённых пункта: Очкино, Уралово (Олтарь), Хильчичи и Чигин. Большинство из них находились в юго-западной части района, в нескольких километрах от более древнего села Глазово Шосткинского района, которое было основано в конце XV

– начале XVI века.

По утверждению А.М. Лазаревского, Глазово издавна принадлежало Новгород-Северскому Спасо-Преображенскому монастырю, и его монахи могли принимать участие в заселении сопредельных территорий, в том числе и соседних с ним Уралово (Олтаря), Хильчичей и Чигина. Однако подтверждений этому мы не нашли.

В декабре 1618 года Северские земли были официально переданы в состав Речи Посполитой. Вскоре после этого значительная часть Новгород-Северского повета была пожалована его старосте Александру Пясочинскому[55], известному политику своего времени, талантливому дипломату и признанному авторитету среди польской шляхты.

Александр Пясочинский и его сын Ян сыграли важную роль в колонизации новгород-северских земель и основали на территории нынешнего Середино-Будского района три населённых пункта: Кривоносовку, Мефёдовку и Ромашково. Кем были поселены другие населённые пункты, основанные в то же время – доподлинно неизвестно.

После освобождения Украины от поляков процесс заселения новгород-северских земель начался с новой силой. Его активными организаторами были генеральный судья Василий Леонтьевич Кочубей, стародубский полковник Лукьян Иванович Жоравко, генеральный хорунжий Иван Афанасьевич Юркевич и другие представители украинской казацкой старшины. Благодаря им на территории нынешнего Середино-Будского района в 1648–1723 гг. возникло около десяти хуторов и сёл: Боровичи, Великая Берёзка, Голубовка, Журавка, Каменка, Красичка, Старая Гута, Стягайловка, Каменский и т.д.

Однако ещё больше населённых пунктов (более 50 хуторов и сёл) украинская казацкая старшина и пришедшее ей на смену украинское дворянство основало в последующие годы, с 1723 по 1859 гг. При этом часть из них возникла на основе различных хозяйственных предприятий и промыслов: буд для изготовления поташа, гут для выработки стекла, руден для добычи железа и т.д. (Рудня, Гутко-Ожинка, Гутка, Шалимовка и др.). Заселение середино-будских земель продолжалось и после отмены крепостного права, однако оно не было таким интенсивным, как в дореформенное время.

Территория Середино-Будского района заселялась преимущественно местными жителями. Однако их было недостаточно для интенсивного заселения края, и владельцы вновь образованных слобод, хуторов и сёл привлекали в свои владения переселенцев из других регионов России и Украины, обещая им при этом различные льготы.

Приток пришлого населения в некоторых населённых пунктах был довольно высок и составлял более 50 %. К примеру, в ходе проведения Румянцевской описи Малороссии в селе Старая Гута «назвали себя местными жителями 17 % населения; 19 % прибыло в него из близлежащей Ямпольской сотни, 17 % – из великорусских сёл (в том числе из шереметьевской слободы Михайловки Дмитровского уезда Курской губернии). Остальные 47 % были выходцами из Левобережной Украины, в основном Черниговской губернии. Среди ремесленников встречались уроженцы Почепа, Стародуба, Сум и Харькова»[56].

Большинство жителей Серединобудщины того времени составляли «литвины» – представители обособленной этнографической группы восточного славянства, сформировавшейся в XIV–XVI вв. на территории северных районов нынешней Сумской и Черниговской областей, южных районов Брянской области и сопредельных с ними районов Гомельской области[57].

Литвины получили своё название от принадлежности к гражданству Великого княжества Литовского и, возможно, являлись прямыми потомками коренных жителей Северщины – севрюков. По мнению некоторых исследователей, литвины относились к «аборигенному «русскому» населению, которое в результате замкнутости сельской жизни в прошлом и отдалённости от больших административно-политических и промышленных центров оставалось постоянным в генетическом отношении со времён Киевской Руси, стойко хранило в себе вплоть до начала XX века «русское» самосознание и называло себя людьми «русскими», категорически отмежёвываясь при этом от россиян»[58].

Однако не все разделяют эту точку зрения. Одни считают население северных районов Сумской и Черниговской областей смесью трёх славянских народов: русского, белорусского и украинского, другие роднят их с белорусами, придавая им «особый этнографический характер»[59], третьи относят к отдельному, совершенно особенному типу, чуть ли не народности древних северян[60] и т.д.

Кто из исследователей прав, сказать сложно. Однако, как бы там ни было, литвинам присущи свои особенности в сфере традиций, хозяйства и быта, и они разговаривают на особом диалекте белорусского языка – «северско-белорусском», который, по мнению известного советского языковеда профессора П.А. Расторгуева, содержит в себе основные черты говора северян, населявших когда-то значительную территорию Черниговской, Курской и Полтавской губерний, и схож с языком белорусов Гомельщины[61].

Диалект этот сохранился и по сей день: «ён» – он, «яна» – она, «якая» – какая, «нима» – нет, «гаманеть» – разговаривать, «сялята» – в этом году, «летась» – в прошлом году и так далее. Не исчезли и сами литвины. Их потомки продолжают жить на севере Украины, сохраняя обычаи и традиции своих предков. Однако с каждым годом их становится всё меньше и меньше.

В последние годы уровень смертности на Серединобудщине значительно превысил уровень рождаемости. По этой причине опустели и были сняты с учёта населённые пункты: Новый Свет, Поделы, Каменское, Новосовское, Полянка, Пилипы, Уборок, Крещиково, Белоусовка, Курган, Лужки, Высокосов, Гаврилово и др.

Если так будет продолжаться и дальше, то некогда процветающий край с богатой историей и культурными традициями превратится в пустырь с полуразрушенными домами да покосившимися крестами на сельских кладбищах.

Город Середина-Буда (Середина-Буда)

Административный центр района – город Середина-Буда (до 1785 г. – одноимённое село, в 1785–1924 гг. – местечко, с 10.12.1924 г. – рабочий посёлок (пгт), с 1964 г. – город), географические координаты: 52°11'18" с.ш., 34°02'04" в.д., расположен вблизи границы с Россией, на расстоянии около 210 км к северо-западу от города Сумы.

Серединo-Будскому городскому совету подчинены населённые пункты: Красный Прогресс, Рудак, Свердлово, Винторовка, Сорокино, Хлебороб и Шалимовка.

Точное время основания Середина-Буды неизвестно. По мнению выдающегося украинского историка Александра Матвеевича Лазаревского, она была «основана раскольниками, при Самойловиче» [18, с. 233–234], между 1672 и 1687 гг. Такой же точки зрения придерживался и историк Михаил Иванович Лилеев, который полагал, что «местечко Середина-Буда, находящееся около великороссийской границы, заселено было во время гетманства Самойловича великороссийскими поселенцами, главным образом раскольниками», и в доказательство этого ссылался на наличие в нём значительного количества «великорусского населения, раскольничьего по преимуществу»[62].

По другой версии, поддерживаемой авторами многотомного издания «Городские поселения в Российской империи», заселение Середина-Буды «началось ещё при польском владычестве»[63]. Сходной точки зрения придерживается и местный краевед А.В. Нетудыхаткин. По его мнению, Середина-Буда была поселена в 1638 году на месте одной из буд, построенных предпринимателем Шапором Чеховичем [14, с. 14].

Первое известное нам упоминание о Середина-Буде относится к концу восьмидесятых годов XVII века. К тому времени она уже была значительным населённым пунктом и имела статус села.

В сентябре 1689 года Иван Мазепа пожаловал Середина-Буду своему сподвижнику генеральному войсковому есаулу Андрею Михайловичу Гамалею за его участие в Чигиринском, Крымском и других походах[64], а 20 сентября 1690 года Пётр I закрепил её за ним царской грамотой [38, с. 234–237].

После смерти Андрея Гамалея, наступившей до апреля 1696 года, Середина-Буда досталась в наследство его среднему сыну, бунчуковому товарищу Андрею Андреевичу Гамалее (? – 19.03.1706) [34, с. 241], который был женат на Анастасии Михайловне Миклашевской, дочери стародубского полковника Михаила Миклашевского.

19 марта 1706 года Андрей Гамалей погиб в бою под Несвижем. После его смерти Середина-Буда перешла по наследству к его сыновьям: Василию, Григорию и Ивану. Однако они были несовершеннолетними и не могли самостоятельно управлять унаследованным селением. Воспользовавшись этим обстоятельством, гетман Скоропадский отобрал у них Середина-Буду «для певных причин» и оставил её во владении своего гетманского двора[65], а когда они подросли, пожаловал им взамен её сёла Борщов и Чеховку[66].

По утверждению известного собирателя украинской старины Александра Ивановича Ханенко, Середина-Буда была отобрана у Гамалеев в то время, когда жена Андрея Гамалея находилась во вдовстве[67]. Если это действительно так, то это случилось в промежутке между 1708 годом, когда Иван Скоропадский был избран гетманом войска Запорожского, и 1710 годом, когда Анастасия Михайловна вышла замуж за бунчукового товарища Петра Корецкого [34, с. 240–241].

После отобрания Середина-Буды у Гамалеев она была приписана к гетманскому двору и находилась во владении гетмана Скоропадского до его смерти, наступившей 3 июля 1722 года, после чего поступила в казённое ведомство и в 1726 году была передана в аренду Марии Строгоновой и её детям для поддержания парусной мануфактуры. Однако уже

И.И. Скоропадский

И.Д. Меншиков

в следующем году договор аренды с ними был расторгнут – и Середина-Буда была пожалована сподвижнику и фавориту Петра Великого генерал-фельдмаршалу А.Д. Меншикову. В его владении она находилась до 9

октября 1727 года, после чего была «отписана на государя»[68], и через несколько дней передана во владение гетману Даниилу Апостолу.

26 ноября 1727 года Даниил Апостол пожаловал Середина-Буду тайному советнику Фёдору Васильевичу Наумову (1692–1757), служившему министром-советником при гетманской канцелярии (1727–1728), дабы он, «яко знатная персона, от лица монаршего присланная, не имел в обиходах своих нужды и скудости»[69]. Однако уже в сентябре следующего года Даниил Апостол отобрал Середина-Буду у Ф.В. Наумова и приписал её к своему гетманскому двору, сославшись на то, что министру-советнику будет довольно и тех маетностей, которыми владел его предшественник генерал-майор С.Л. Вельяминов[70].

После смерти Даниила Апостола, наступившей 17 января 1734 года, Середина-Буда поступила в казённое ведомство и 5 сентября 1734 года

Д.П. Апостол

А.И. Шаховский

была пожалована Анной Иоанновной князю Алексею Ивановичу Шаховскому (1690–1737), главному командиру и члену Правления гетманского уряда, «на содержание стола их»[71]. В его владении она находилась до его смерти, наступившей 26 апреля 1737 года, после чего предоставлялась на ранг другим правителям Малороссии.

В 1750 году Середина-Буда была пожалована на гетманский уряд Кириллу Григорьевичу Разумовскому.

При нём большинство середино-будских жителей занимались винокурением. По свидетельству советника и руководителя Экономической канцелярии гетмана Григория Николаевича Теплова: «Практически каж-

дый крестьянин здесь удерживал винокурню, продукцию от которой контрабандным путём сбывал, главным образом, в ближайших российских городах, таких как Севск, Трубчевск, Карачев, Орёл и Кромы. Крестьяне Середина-Буды имели заслуженную репутацию состоятельных людей. Особенно это касалось местных раскольников, среди которых было не-

К.Г. Разумовский

П.А. Румянцев-Задунайский

мало настоящих богачей. После издания гетманского универсала 1759 года, которым крестьянам запрещалось заниматься винокурением, большинство жителей Середина-Буды пришли в обнищание и разошлись в поисках другого заработка. Правда, уже в 1762 году для них было сделано исключение, и им было разрешено вновь заниматься винокурением, с тем условием, чтобы они с каждого котла платили по 40-й бочке водки и на своих подводах сами отвозили её в Гадяцкий гетманский замок»[72].

Занимался винокурением и граф К.Г. Разумовский. Во второй половине XVIII века он имел в Середина-Буде винокуренный завод на 48 котлов, на котором производилось около 25 тысяч (по другим около 80 тысяч) вёдер спирта в год[73].

После ликвидации Гетманщины, 17 ноября 1764 года Середина-Буда была пожаловала на губернаторский уряд фельдмаршалу П.А. Румянцеву-Задунайскому[74], а после его смерти, наступившей 8 декабря 1796 года, перешла по наследству к его детям[75].

На момент описания Новгород-Северского наместничества (1779–1781) Пётр Александрович владел в Середина-Буде 383 посполитыми дворами и 466 хатами, а выборные казаки – 1 двором и 3 хатами, подпо-

мощники – 7 дворами и 8 хатами, казачьи подсоседки – 2 дворами и 4 хатами, коллежский асессор Григорий Даровский – 2 дворами и 3 хатами [21, с. 159–161] и войсковой товарищ Герасим Соколиков – 43 крестьянами мужского пола украинской национальности и 18 крестьянами российской национальности (1783)[76].

Середина-Буда того времени представляла собой значительный торговый и промышленный центр, в котором работало 16 лавок с мануфактурным товаром и стеклом, 37 рыбных лавок, 11 мясных лавок, 10 лавок, предназначенных для сдачи в аренду купцам, приезжающим на ярмарки с разными шёлковыми и суконными товарами и т.д. В ней проводилась одна ярмарка в год (8 сентября), на которую приезжали купцы из Москвы, Орла, Курска, Рыльска, Севска, Глухова, Путивля, Новгород-Северска и других населённых пунктов, и еженедельные «торги». Ко времени описания Новгород-Северского наместничества (1779–1781) в Середина-Буде проживало 570 обывателей со своими семьями, которые владели 279 винокуренными котлами, в том числе священники – 15 котлами, казаки – 12 котлами, купцы – 10 котлами, а крестьяне – 242 котлами [21, с. 159–161].

В 1785 году Середина-Буде был пожалован статус местечка. Вскоре после этого в ней были открыты ратуша, сиротский и словесный суды[77], а для управления полицейской частью 18 июля 1844 года введён особый чиновник со званием смотрителя и с правами и обязанностями станового пристава[78].

В начале XIX века в местечке начинает зарождаться крупное промышленное производство. В 30-х годах позапрошлого века в Середина-Буде были введены в эксплуатацию три мыловаренных завода купца Василия Ивановича Марухина и купеческой жены Матрёны Романовны Банниковой[79], на которых в 1846 году производилось около 6500 пудов мыла в год[80], в 1853 году заработал котельный завод, выпускавший в 1850-х годах продукции на сумму около 100000 руб. в год [14, с. 18], во второй половине XIX века были запущены заводы по изготовлению конопляного масла Ивана Григорьевича Петрунькина, Якова Андреевича Чемисова[81] и Анны Яковлевны Ярмуш[82], пенькотрепальный завод Я.А. Чемисова, кожевенный завод, паровая вальцовочная мельница и ряд других небольших предприятий [24, с. 503].

К началу XX века Середина-Буда превратилась в значительный торговый и промышленный центр Черниговской губернии, в котором работало более двадцати промышленных и торговых предприятий, в том числе: маслобойный завод Я.А. Чемисова, производивший в 1912 году

конопляного масла на сумму 49675 руб. в год, маслобойный завод И.Г. Петрунькина, вырабатывавший продукции на сумму 122060 руб. в год[83]; кожевенный завод Гончарова, выпускавший изделий из кожи на сумму 8500 руб. в год [23, с. 337], две пенькотрепальные фабрики (И.Г. Петрунькина и Я.А. Чемисова), две аптеки (Я.П. Селегинского и товарищества «Цирель-Спринцсон»), шесть бакалейных магазинов (И.И. Инютина, И.И. Карповцова, Л.Ф. Мирошникова, И.Г. Петрунькина, М.Ф. Родионова и М.А. Хайкина), пять магазинов по продаже мануфактурных товаров (И.И. Безносова, Г.А. Гончарова, А.Н. Дубрановского, И.А. Троицкого и М.Т. Харитонова), два магазина по продаже рыбы (Э.А. Янкилевича и Х.Н. Яснопольского), галантерейный магазин М.С. Меклера, магазин по продаже железных и скобяных изделий У.Ф. Мирошникова, магазин по продаже керосина И.Г. Петрунькина, магазин по продаже посуды Г.И. Банникова, магазин по продаже зерна Я.А. Чемисова и ряд других предприятий[84].

В конце XIX – начале XX века в Середина-Буде процветали различные промыслы: сапожный, бондарный, портняжный, слесарный, кузнечный и другие. На одной только улице Севской в начале XX века работало семь кузниц [14, с. 19].

В середине 90-х годов позапрошлого века в местечке была открыта железнодорожная станция, с платформ которой в начале XX века отправлялось более 2,3 миллионов пудов различных грузов в год, преимущественно деревянных стоек для рудников и шахт Донецко-Криворожского региона [23, с. 337].

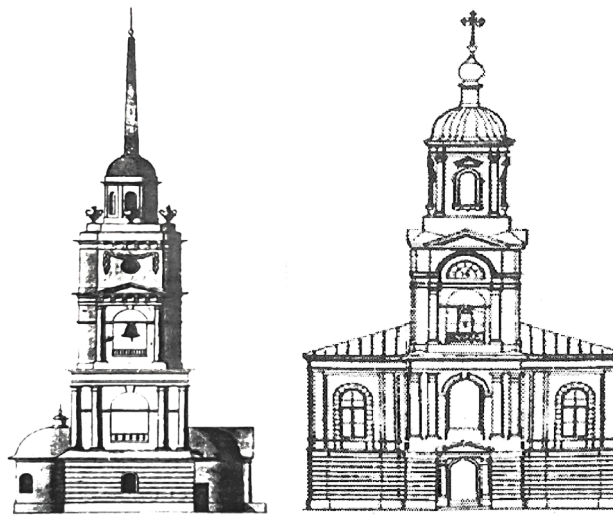
В 1904 году в Середина-Буде числилось 823 дома. Большинство из них (807 домов) были деревянными и крытыми соломой и камышом (567 домов), и лишь незначительная часть была построена из кирпича (16 домов) и покрыта железом (197 домов) и деревом (59 домов). Общая протяжённость всех дорог в местечке составляла 21,2 км, из которых только 2,5 км имели твёрдое покрытие. В Середина-Буде того времени не было ни водопровода, ни канализации, ни электричества, а все её улицы освещали 19 керосиновых светильников. На весь населённый пункт работал 1 врач, 1 акушерка, 10 извозчиков, 1 нотариус и 320 ремесленников. В местечке действовало 7 постоялых дворов, 6 трактиров и харчевен, 4 учебных заведения и 1 библиотека-читальня[85].

Большинство середино-будских жителей в пореформенное время жили бедно, получали небольшую заработную плату (чернорабочий мужчина получал в день 50 коп., а женщина 30 коп.) и едва сводили концы с концами. Многие из них были недовольны существующими по-

рядками и условиями своей жизни и в годы первой русской революции 1905–1907 гг. принимали участие в забастовочном движении, в разгроме Хутор-Михайловского сахарного завода и в отобрании у помещиков скота и другого имущества [24, с. 504].

Около 90 % всего населения Середина-Буды в 1904 году исповедовали православную веру, а 10 % – иудаизм[86].

В местечке действовали три православных храма: Троицкий, Николаевский и Рождество-Богородичный, и одна синагога.

Колокольня храма до и после перестройки

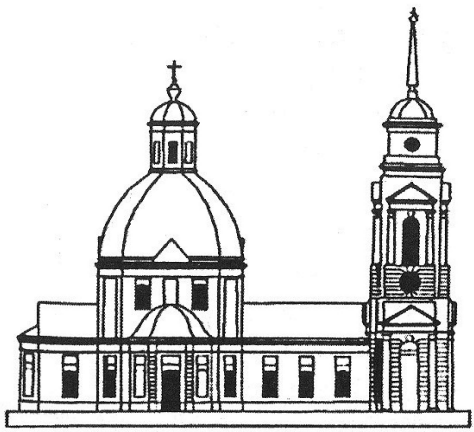
Рождество-Богородичный храм был построен по инициативе местного протоиерея Ивана Лузанова, земляка графа К.Г. Разумовского. В знак благодарности за это его имя было высечено на внутренней стене храма, у его входа. По утверждению Николая Марковича Колмакова, Рождество-Богородичный храм был построен по проекту известного архитектора графа Бартоломео Франческо Растрелли[87]. Однако подтверждений этому мы не нашли.

Храм был возведён в 1783 году [25, с. 26] и имел три престола: главный – в честь Рождества Богородицы, южный – в честь Иоанна Предтечи и северный – во имя святой великомученицы Варвары [27, с. 71]. В 1808 году к его западному фасаду была пристроена классическая многоярусная колокольня, на которой в середине 19 века (до 1864 года) был возведён новый сферический купол и высокий шпиль.

В 1865 году Рождество-Богородичный храм и его колокольню пере-

строили по проекту известного петербургского архитектора Андрея Штакеншнейдера, а в 1930 году колокольню и храм разобрали, оставив в нём лишь один притвор и основное помещение с алтарём.

В перестроенном виде Рождество-Богородичный храм существует и поныне. Он относится к уникальным памятникам Северщины и включён в Свод памятников истории и культуры Украины.

Николаевская церковь (1861)

Храм святого Николая был построен в 1780 (1787) году [25, с. 26] в стиле позднего барокко. В 1822 году к нему пристроили четырёхгранную трёхъярусную колокольню, увенчанную приплюснутым куполом со шпилем, а в 1861 году прямоугольную «тёплую церковь» – зального типа, с двускатной крышей. В 1902 году тёплую церковь удлинили к западу и пристроили к её входу крыльцо с колоннами.

В 20-х годах прошлого века колокольню и первоначальное помещение храма разрушили, а тёплую церковь отдали под столярную мастерскую. Однако в начале Великой Отечественной войны её возвратили верующим, и в ней возобновились богослужения, которые с небольшими перерывами продолжаются по сей день.

Троицкий храм был построен в 1749 (1743, 1747) году [25, с. 26] и являлся древнейшим храмом Середина-Буды. Он функционировал до 30-х годов прошлого века, после чего был переоборудован под электростанцию, а в 1950-х годах разрушен [28, с. 277].

В Троицком храме хранилась одна из наиболее почитаемых икон Черниговской губернии – чудотворная икона Казанской Божьей Матери, которая была включена в Список чудотворных и особо почитаемых икон в пределах Черниговской епархии[88].

Согласно высочайше утверждённого расписания приходов и причтов Черниговской епархии от 17 января 1876 года, все Середино-Будские храмы были объединены в единый Середино-Будский приход, настоятелем которого в 1879 году был священник Николаевской церкви Фёдор Мысловский, а его помощниками – священник Рождество-Богородичной

церкви Григорий Демьянович и священник Троицкой церкви Александр Рожановский [26, с. 103].

В разное время в середино-будских храмах служили Григорий Демьянович (? – 1879 – ?), Александр Константинович Рожановский (? – 1879–1900 – ?), Феофан Константинович Мысловский (? – 1879–1917 – ?) и другие священники.

До революции в Середина-Буде функционировало несколько церковно-приходских школ, приходское училище, двухклассное сельское народное училище и ряд других учебных заведений.

Первое известное нам учебное заведение в местечке – церковно-приходская школа при Рождество-Богородичном храме – была открыта до 1767 года [27, с. 71]. Со временем церковно-приходские школы начали работать и при других храмах. В октябре 1860 года была открыта церковно-приходская школа при Николаевской церкви, в которой в 1861 году работало два наставника и обучалось 18 мальчиков и 9 девочек [31, с. 175], а в 1896 году школа грамоты при Рождество-Богородичной церкви, в которой 1 января 1899 года училось 9 мальчиков и 13 девочек [30, с. 184–185].

В 1844 году в Середина-Буде было открыто двухклассное городское приходское училище. Оно размещалось в доме местного мещанина Николая Петрунькина, который бесплатно передал его училищу в пользование сроком на пять лет[89]. В 1860–1861 учебному году в училище обучался 51 ученик, а в 1901 году – 148 учеников (72 мальчика и 76 девочек) [29, с. 121].

В 1886 году в местечке начало работу сельское двухклассное народное училище, в котором в 1901 году обучалось 113 мальчиков и 38 девочек. Оно находилось в общественном доме и содержалось за счёт средств казны и местного общества. Казна выделяла на его содержание 500 руб., а местное общество – 725 руб. За училищем было закреплено $^1/_4$ десятины земли, на которой учащиеся выращивали саженцы плодовых деревьев и учились ухаживать за ними.

В 1912 году в Середина-Буде было открыто высшее начальное училище, которое размещалось на Ярмарочной площади и обеспечивало выпускников базовым средним образованием [14, с. 19–20].

Процент грамотности среди середино-будских жителей был одним из самых высоких в Новгород-Северском уезде и в начале 1897 года составлял 40 % [33, с. 42].

О происхождении названия города никаких достоверных сведений не сохранилось. Одни исследователи связывают его с фамилией каза-

ка Середы, который, по их мнению, основал Середина-Буду во второй половине XVII века[90], другие – с географическим положением местечка (нахождением её в середине между двумя другими Будами)[91], третьи с именем стародубского мещанина Ерофея Аникиевича Середы или его предков, которые могли заниматься в этих местах будным промыслом [14, с. 16] и т.д.

А.А. Бобров

В Середина-Буде родились писатель-мемуарист Николай Маркович Колмаков (15.11.1816 – 21.05.1896), баснописец Герасим Иванович Лузанов (1789–1830) и, по некоторым данным, известный отечественный хирург, доктор медицины, профессор Александр Алексеевич Бобров (29.05.1850 – 26.11.1904) [14, с. 42].

Сведения о количестве дворов и численности жителей (податных душ в 1795, 1799 гг.) города Середина-Буды:

год	1795	1799	1849	1859	1883	1892	1897	1901	1910	1917
дворов	–	–	–	473	–	565	771	–	823	–
жителей	1328	1608	3576	4674	–	4914	4944	5244	6290	7661
год	1923	1926	1939	1959	1970	1979	1989	1998	2001	2008
дворов	1096	1513	–	–	–	–	–	–	–	–
жителей	7507	7257	7700	7862	7537	7965	8499	8300	7511	7265

Пгт Знобь-Новгородское (Зноб-Новгородське)

Посёлок городского типа Знобь-Новгородское (до 16.06.1961 г. – село) (географические координаты: 52°15'49" с.ш., 33°35'53" в.д.) расположен по левую сторону реки Знобовки, на расстоянии около 35 км к северо-западу от Середина-Буды.

Знобь-Новгородское является административным центром Знобь-Новгородского поселкового совета, в состав которого входят населённые пункты: пгт Знобь-Новгородское, Кустино и Лютое.

Точное время основания Зноби-Новгородской неизвестно. По утверждению православного богослова и историка Филарета (Гумилевского), она является поселением дотатарским [27, с. 78]. А.М. Лазаревский придерживался другой точки зрения и считал, что Знобь-Новгородская была «поселена не позже XVI века крестьянами Зноби-Трубчевской, бежавшими сюда от крепостной зависимости» [18, с. 230]. Современные исследователи имеют свою версию о времени основания Зноби-Новгородской и утверждают, что «постоянное поселение людей под названием Зноба ведёт свой отсчёт с конца XVI – начала XVII века» [14, с. 63].

Фрагмент карты Северских земель в XV веке

По результатам наших исследований, Знобь-Новгородская была поселена до середины XV века – в то время, когда Северские земли входили в состав Великого Княжества Литовского, а, может быть, и раньше.

Об этом свидетельствуют данные, содержащиеся в «Записях земельных дач короля Казимира», согласно которым в середине XV века «Знобов у Северскомъ Новегородьце» уже существовала и между 1440 и 1460 гг. была пожалована великим князем литовским и королём польским Казимиром Ягеллончиком – Олгишу[92].

С 1503 года по декабрь 1618 года Знобь-Новгородская входила в состав Великого княжества Московского и Русского царства, а после заключения в декабре 1618 года Деулинского перемирия отошла к Речи Посполитой. На момент её передачи Польше, в конце июня 1619 года, в ней числилось 6 подданных московского царя, которые платили дань в царскую казну в размере 10 пудов мёда в год и определённую денежную сумму от занятия рыбной ловлей и бобровыми гонами [17, с. 424].

В промежутке между 1620 и 1625 гг.[93] Знобь-Новгородская (или её часть) была пожалована шляхтичу Яну Завольскому, который через непродолжительное время обменял её и соседнее с ней село Знобь-Трубчевскую на село Погорельцы, принадлежавшее новгород-северскому подкоморию Щасному Вишелю. В 1629 году Щасный Вишель продал свою часть Зноби-Новгородской камергеру польского двора и стародубскому маршалу князю Петру Юрьевичу Трубецкому, а свободную часть Зноби-Новгородской король Польши в 1633 году пожаловал новгород-северскому старосте Александру Пясочинскому. За ним в 1638 году в селе числилось 10 дворов, а за Петром Юрьевичем Трубецким – 6 дворов [17, с. 307–308, 404, 424, 445].

После смерти П.Ю. Трубецкого, которая наступила в 1644 году, его владения в Зноби-Новгородской перешли по наследству к его жене Елизавете Друцкой-Соколинской и сыну Юрию Петровичу Трубецкому (? – 1679), а владения Александра Пясочинского, умершего в декабре 1645 года, остались во владении его жены Эльжбеты и сына Яна.

После освобождения Украины от поляков Знобь-Новгородская была взята в «диспозицию и власть гетманскую и войсковую» и находилась под её ведомством до 18 февраля 1718 года, после чего была пожалована гетманом Скоропадским новгород-северскому протопопу Афанасию Алексеевичу Заруцкому «за труды его в составлении печатной конклюзии на прославление имени царского», а 21 марта 1718 года закреплена за ним жалованной грамотой Петра I «в вечное утверждение» [19, с. 492, 268–271].

Под «печатной конклюзией», за которую Афанасий Заруцкий получил во владение Знобь-Новгородскую, подразумевался его литературный труд «Хлеб ангельский, на крестном жертовнице испеченный», который

представлял собой богословское экзегетическое сочинение – толкование на евангелие Иоанна с хвалебными стихами в честь Петра I и его семейства. Указанная работа была написана в 1717 году на 775 рукописных страницах, украшенных множеством рисунков с изображениями святых, Петра I, членов его семьи и других лиц, однако так и не была напечатана[94].

После смерти Афанасия Заруцкого, наступившей около 1720 года, Знобь-Новгородская в 1723 году перешла по наследству к его сыну Андрею Афанасьевичу Заруцкому, священнику соборной Успенской Новгород-Северской церкви [35, с. 141–142]. По ревизии 1723 года за ним в селе числилось 37 дворов и 20 хат, за казаками – 22 двора [18, с. 230], а за войсковым товарищем Матвеем Фёдоровичем Добронизским – 6 хат бобылей [34, с. 413].

Знобь-Новгородская того времени входила в состав Новгородской сотни Стародубского полка и являлась одним из её куренных центров, в котором в 1732 году служило 17 казаков: Андрей Тяглин (атаман), Артём Шишкевич, Иван Лебид, Иван Платонов, Гришка Кузьмин, Степан Шупик, Яким Глотов, Остап Жир, Пётр Тяглин, Семён Артёмов, Корней Журенок, Андрос Ганжов, Клим Зюкин, Омелььян Енин, Андрей Сидоров, Гришка Кашник и Ничипор Зюка.

После смерти Андрея Заруцкого (? – 12.02.1733) Знобь-Новгородскую унаследовали две его дочери: Анна Андреевна Заруцкая, которая была замужем за священником Новгород-Северской соборной церкви Игнатом Афанасьевичем Томиловским (? – до 1756), и Прасковья Андреевна Заруцкая, которая состояла в браке с новоместским сотником Андреем Тимофеевичем Силевичем (ок. 1715 – ?) [35, с. 142].

Свою часть Зноби-Новгородской после вступления в брак Анна Заруцкая уступила своему мужу Игнату Афанасьевичу Томиловскому, который продал её бунчуковому товарищу Василию Максимовичу Корсаку [18, с. 230–231]. Доля Прасковьи Андреевны перешла по наследству к её дочери Анне (ок. 1746 – после 1799), которая 21 августа 1762 года уступила её своему мужу бунчуковому товарищу Федору Григорьевичу Псиолу [37, с. 209–210].

На момент проведения Румянцевской описи Малороссии (1765–1768) в Зноби-Новгородской числилось 56 дворов, 3 хаты и 8 бездворных хат, из которых бунчуковому товарищу Василию Максимовичу Корсаку принадлежало 16 дворов и 1 бездворная хата, тайному советнику Григорию Николаевичу Теплову – 2 двора и 3 бездворные хаты, войсковому товарищу Фёдору Григорьевичу Псиолу – 10 дворов и 4 без-

дворные хаты, казакам – 28 дворов и казаку Ямпольской сотни Ивану Новикову – 3 подсоседческие хаты [20, с. 839], а на момент описания Новгород-Северского наместничества (1779–1781) – 98 дворов, 114 хат и 2 бездворные хаты, из которых выборным казакам принадлежал 1 двор и 1 хата, подпомощникам – 33 двора и 36 хат, подсоседкам казачьим и разночинческим – 20 дворов, 26 хат и 1 бездворная хата, бунчуковому товарищу Фёдору Григорьевичу Псиолу – 17 дворов и 18 хат, бунчуковому товарищу Ивану Степановичу Судиенко – 2 двора и 2 хаты, бунчуковому товарищу Василию Максимовичу Корсаку – 22 двора, 25 хат и 1 бездворная хата, тайному советнику Николаю Ивановичу Неплюеву – 3 двора и 6 хат [21, с. 145], сыновьям Матвея Фёдоровича Добронизского – значковым товарищам Степану Матвеевичу Добронизскому и Илье Матвеевичу Добронизскому – 3 мужчины и 5 женщин (1785) [34, с. 413, 415] и войсковому товарищу в отставке Луке Голубовскому, женатому на дочери знобовского священника Пелагее Тарнежевской, 8 ревизских душ обоего пола (1783)[95].

В 1779–1781 гг. в Зноби-Новгородской проживало 123 обывателя со своими семьями, которые занималась выращиванием зерновых, конопли и других сельскохозяйственных культур и изготовлением водки. Коноплю они продавали приезжавшим купцам, а спиртные напитки отвозили для продажи в Глухов и в местечко Городище [21, с. 145].

По ревизии 1794 года в Зноби-Новгородской числилось 326 податных душ мужского пола, которые принадлежали 5 помещикам. Наиболее крупным из них был Фёдор Григорьевич Псиол, владевший 253 ревизскими душами [24, с. 511–516]. Кому принадлежали другие крепостные, мы не знаем.

После смерти Фёдора Псиола, наступившей до 1799 года, принадлежавшие ему владения в Зноби-Новгородской унаследовал его сын – штабс-капитан Степан Фёдорович Псиол (1780 – после 1842), земский комиссар (1809) и подкоморий Новгород-Северского уезда (1832) [37, с. 211], а от него они перешли к его жене Александре Ивановне, дочери директора Новгород-Северского главного народного училища Ивана Ивановича Халанского [16, с. 78], и сыну Степану Степановичу Псиолу.

Накануне отмены крепостного права, в 1859 году, в Зноби-Новгородской числилось 134 двора, в которых проживало 419 мужчин и 429 женщин. Большинство из них принадлежали к крепостному сословию и находились в собственности наследников графини Н.И. Шуленбург[96], А.И. Псиол, Е.Д. Маевской[97] и других помещиков.

В ходе крестьянской реформы 1861 года все крепостные Зноби-

Новгородской получили свободу и небольшие участки земли – по четыре десятины песчаных и супесчаных земель на двор, а большая и лучшая часть земель осталась в собственности местных помещиков: агронома Степана Степановича Псиолы, владевшего в 1869 году 3079 десятинами земли, подполковничьей жены Просковьи Ивановны Соколовой, владевшей 512 десятинами земли, наследников дворянина Гаврила Васильевича Богуславского и других.

В промышленном отношении Знобь-Новгородская в XIX веке была развита слабо. В пореформенное время в ней функционировал небольшой свеклосахарный завод помещицы Е.Д. Маевской, построенный в 1858 году, работало 3 постоялых двора, 6 лавок, 2 ветряных мельницы, 1 крупорушка [4, с. 116], несколько магазинов по продаже бакалейных и мануфактурных товаров Андрея Савича Голубовского и Фёдора Ивановича Пантерова[98] и ряд других небольших промышленных и торговых предприятий.

Большинство знобовских крестьян после отмены крепостного права жили бедно и в годы первой русской революции выступали против помещика С.С. Псиолы, который захватил 200 десятин их земли и леса. Однако их выступления были жестоко подавлены [13, с. 536].

С незапамятных времён в Зноби-Новгородской функционировала Николаевская церковь деревянной постройки, в которой на момент описания Новгород-Северского наместничества 1779–1781 гг. служило 2 священника и 2 причетника. В 1767 году за церковью числился жилой дом с постройками и земельный участок площадью около 60 десятин, который на протяжении многих лет передавался от одного священника к другому[99].

К концу 70-х годов XVIII века знобь-новгородская церковь обветшала и в 1785 году на её месте была возведена новая кирпичная церковь святого Николая [25, с. 24], которая была освящена в 1786 году. В церкви хранился серебряный крест, подаренный в 1757 году Потапом Федоровичем, триод, 1685 года издания, богослужебная книга «Апостол», 1738 года издания и другие церковные ценности [27, с. 78–79].

По высочайше утверждённому расписанию приходов и причтов Черниговской епархии от 17 января 1876 года, Николаевская церковь входила в состав Белоусовско-Знобовского прихода, настоятелем которого в 1879 году был священник Михайловской церкви села Белоусовки Алексей Золотов, а его помощником священник Николаевской церкви Зноби-Новгородской Александр Венедиктов [26, с. 103–104].

В разное время в Николаевской церкви служили Николай Калинов-

ский (? – ?), Александр Венедиктов (? – 1874–1888 – ?), Иоанн Померанцев (? – 1899 – ?) и другие священники.

Весной 1935 года Николаевская церковь была разобрана на кирпичи, из которых были построены сельский клуб и большой двухэтажный жилой дом[100].

До революции в Зноби-Новгородской работало несколько учебных заведений: церковно-приходская школа, школа грамоты и земская школа. Церковно-приходская школа была открыта при Николаевской церкви до 1768 года[101], школа грамоты – в 1891 году [32, с. 30–31], а двухклассная земская школа – в 1910 году [14, с. 69]. Процент грамотности среди знобовских жителей был невысоким и в начале 1897 года составлял всего 10,3 % [33, с. 27].

Первую часть своего названия Знобь-Новгородская позаимствовала от названия реки Знобовки, а вторую – от принадлежности к Новгород-Северскому уезду. Её современное название сформировалось лишь в конце XIX века. А до этого времени она в разных источниках называлась по-разному: Зноб (1640, 1750 гг.), Зноба (1729, 1779–1781), Новгородская Знобь (1765–1768), Знобь (1799–1801), Знобь (Новгородская) (1859) и даже Великая Знобь. Именно так её называл игумен Свято-Симеоновского монастыря в Бресте, Святой преподобномученик Афанасий Брестский (в миру Филиппович), который в феврале 1638 года останавливался на ночлег в Зноби-Новгородской во время своей поездки в Москву к царю Михаилу Фёдоровичу Романову[102].

Сведения о количестве дворов и численности жителей (податных душ в 1795, 1799 гг.) Зноби-Новгородской:

год	1795	1799	1859	1883	1892	1897	1901	1913	1917	1923
дворов	–	–	134	171	234	232	–	237	255	318
жителей	355	282	848	1132	1213	1227	1073	–	1515	1415
год	1926	1959	1970	1979	1989	1992	1999	2001	2008	
дворов	326	–	–	–	–	–	–	–	–	
жителей	1560	1965	2524	2649	2668	2600	2500	2222	2042	

С ё л а

Белоусовка (Білоусівка)

Село Белоусовка (географические координаты: 52°17'56" с.ш., 33°40'08" в.д.) находилось по левую сторону реки Улички, на расстоянии около 3,5 км к северу от села Стягайловки.

По предположению А.М. Лазаревского, Белоусовка «была поселена Григорием Николаевичем Тепловым» (20.11.1717 – 30.03.1779) [18, с. 233], известным государственным деятелем России, статс-секретарём и сенатором[103].

Г.Н. Теплов

Однако прямых подтверждений этому мы не нашли. Г.Н. Теплов приехал в Украину и занял должность советника и руководителя Экономической канцелярии гетмана Разумовского в Глухове 30 июня 1751 года[104]. Однако к тому времени Белоусовка уже существовала и входила с состав Ямпольской сотни Нежинского полка (1750)[105].

Поэтому, вероятнее всего, она была поселена кем-то другим и пожалована Г.Н. Теплову гетманом Разумовским за его заслуги по службе во время его пребывания на Украине в 1751–1760 гг.

8 октября 1778 года Г.Н. Теплов завещал Белоусовку с 10 дворами своему сыну Алексею Григорьевичу Теплову (26.08.1763 – 11.08.1826)[106], занимавшему в своё время должности Слободско-Украинского и Киевского гражданского губернатора, сенатора Межевого департамента и предводителя дворянства Орловской губернии[107], и одновременно с этим запретил ему закладывать и продавать завещанное имение до вступления в брак и рождения детей[108].

Через несколько месяцев после составления завещания Г.Н. Теплов умер. После его смерти А.Г. Теплов переоформил Белоусовку на себя и на момент описания Новгород-Северского наместничества 1779–1781 гг. владел в ней одной мельницей на реке Уличке, домом с винокуренным заводом, 17 дворами и 17 хатами, в которых проживало 17 обывателей со своими семьями. Большинство его подданных земледелием занимались

мало из-за недостатка пахотных земель, а «пропитание своё и прибыль получали от топорного мастерства» [21, с. 149–150].

По преданию, А.Г. Теплов владел Белоусовкой до своей смерти, наступившей 11 августа 1826 года, после чего его наследники продали её полковнику Ивану Ивановичу Неплюеву (24.04.1800 – 26.10.1858), сыну тайного советника Ивана Николаевича Неплюева (26.03.1750 – 6.07.1823), служившего губернатором Минской губернии, сенатором и членом Государственного Совета России[109].

И.И. Неплюев со своей семьёй

В июне 1841 года И.И. Неплюев построил в Белоусовке Никольскую фабрику по производству упаковочной бумаги, на которой трудились 22 работника и производилось бумаги на суму 2200–3000 руб. в год [14, с. 280], а 21 декабря 1851 года подарил её вместе с Белоусовкой своей дочери Наталье Ивановне Неплюевой (1826 – 5.08.1856)[110].

Наталья Ивановна была замужем за графом Карлом Людвиговичем Шуленбургом (18.03.1822 – 7.02.1874)[111], потомком рыцаря-крестоносца Вернера фондер-Шуленбурга, убитого в 1119 году при осаде крепости Сен-Жанд'Акры[112] и имела от него сына Ивана (7.05.1850 – 16.06.1891) и дочь Марию (23.11.1851 – 24.10.1908).

В 1854 году она построила в Белоусовке свеклосахарный завод с 4 гидравлическими прессами [22, с. 341], однако вскоре заболела и 5 июля 1856 года умерла. После её смерти все её белоусовские владения перешли по наследству к её мужу и несовершеннолетним детям.

В 1860 году они владели в Белоусовке и четырёх прилегающих деревнях 568 крепостными мужского пола [15, с. 24] и двумя заводами: свеклосахарным и винокуренным [22, с. 307]. При Шуленбургах белоусовские крестьяне жили бедно, испытывали притеснения со стороны помещичьих управляющих и весной-летом 1859 года выступали против выполнения барской повинности и переселения в другие населённые

пункты[113].

В ходе крестьянской реформы 1861 года белоусовские крестьяне получили свободу и небольшие участки земли худшего качества, а большая и лучшая часть земель осталась во владении К.Л. Шуленбурга и его детей.

7 февраля 1874 года Карл Людвигович Шуленбург умер. После его смерти все его белоусовские владения унаследовал его сын Иван Карлович Шуленбург, поручик Кавалергардского полка, который был женат на дочери родоначальника российской инженерно-технической школы В.А. Панаева – Валентине Валерьяновне Панаевой.

В 1875 году Иван Карлович овдовел, уволился из армии и переехал в Новгород-Северский, где поступил на службу почётным мировым судьёй Новгород-Северского округа, а затем был избран председателем уездной земской управы и предводителем дворянства Новгород-Северского уезда (1882–1891)[114]. Он был одним из наиболее зажиточных новгород-северских помещиков и, помимо обширных земельных владений на Новгород-Северщине, имел в собственности многоэтажный жилой дом в Санкт-Петербурге по ул. Фурштатской, 36, винокуренный завод в селе Белоусовке, на котором трудилось 20 рабочих[115] и ряд других небольших торговых и промышленных предприятий.

Михайловская церковь

По преданию, после его смерти, наступившей 16 июня 1891 года, все его белоусовские владения перешли по наследству к его жене Елизавете Дмитриевне Ознобишеной (? – 1898) и сыну Сергею (20.05.1875 – ?).

В 1852 году в Белоусовке была возведена Михайловская церковь деревянной постройки [25, с. 23], которая была перенесена в неё из со-

седнего села Улицы по инициативе местного помещика Линицкого [14, с. 132].

По высочайше утверждённому расписанию приходов и причтов Черниговской епархии от 17 января 1876 года Михайловская церковь входила в состав Белоусовско-Знобовского прихода, настоятелем которого в 1879 году был священник Михайловской церкви Алексей Золотов [26, с. 103–104].

После прихода к власти большевиков белоусовцы сохранили свою церковь и до июля 1942 года отправляли в ней религиозные обряды[116]. В разное время в ней служили Алексей Золотов (? – 1878 – ?), Макарий Стефанович Красин (? – 1899 – ?), Николай Петрович Новиков (1926 – ?), Владимир Дмитриевич Золотов (? – 1942) и другие священники.

В пореформенное время в Белоусовке было открыто народное училище, законоучителем в котором служил священник Алексей Золотов, а учителем – его сын Семён Золотов (1878)[117], а в 1897 году – школа грамоты, в которой 1 января 1899 года обучался 21 мальчик и 1 девочка [30, с. 180–181]. Процент грамотности среди белоусовских жителей был одним из самых высоких в Протопоповской волости и в начале 1897 года составлял 22,3 % [33, с. 30].

Белоусовка была небольшим населённым пунктом и в 1795 году насчитывала 31 податную душу мужского пола, в 1799–1801 гг. – 36 податных душ мужского пола, в 1859 году – 30 дворов и 239 жителей, в 1883 году – 58 дворов и 323 жителя, в 1892 году – 76 дворов и 479 жителей, в 1897 году – 84 двора и 547 жителей, в 1901 году – 407 жителей, в 1913 году – 79 дворов (вместе с хутором Шилиным), в 1917 году – 73 двора и 528 жителей (вместе с хутором Шилиным), в 1923 году – 124 двора и 610 жителей, в 1926 году – 131 двор и 649 жителей, а в 1941 году – 780 жителей. В годы Великой Отечественной войны Белоусовка потеряла большую часть своего населения, 736 человек из 789[118]. Немцы отомстили белоусовцам за их связь с партизанами и 31 июля 1942 года полностью сожгли село и расстреляли 344 мирных жителей[119].

После войны Белоусовка была восстановлена. Однако понесённые в годы войны потери отрицательно сказались на её дальнейшем развитии. Начиная с 60-х годов прошлого века, численность населения в ней начала снижаться, и к концу 90-х годов прошлого века она опустела и 19 октября 2000 года была снята с учёта населённых пунктов Сумской области[120].

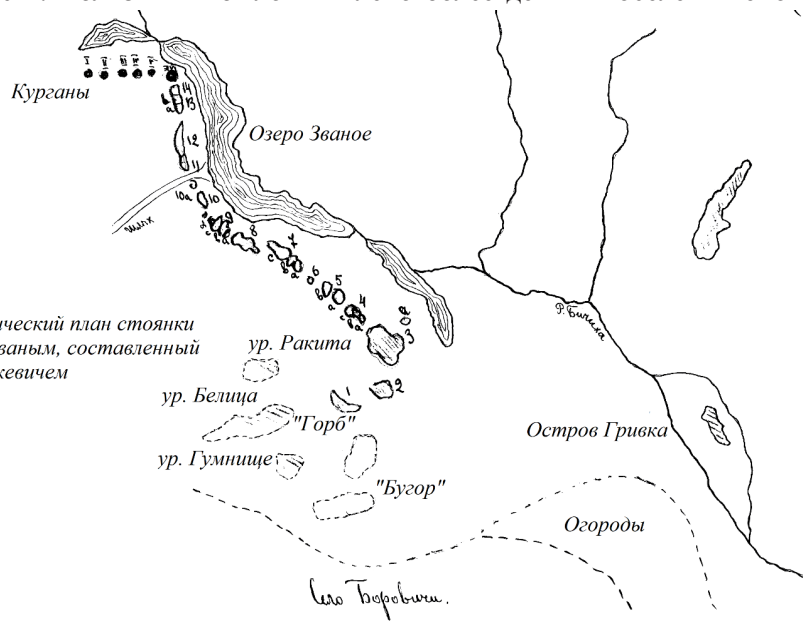
О происхождении названия села никаких сведений не сохранилось. За время своего существования оно неоднократно меняло своё название и

в разное время называлась по-разному: слобода Белоусовка (1750, 1779–1781), деревня Белоусовка (1799–1801), село Графскосельское (Графское, Белоус, Белоусовка, Никольск) – 1859 г., село Белоусовка (Графское) – 1913, 1917 гг. и т.д.

Боровичи (Боровичі)

Село Боровичи (географические координаты: 52°11'01" с.ш., 33°21'56" в.д.) расположено по левую сторону реки Свиги, на расстоянии около 6 км к северо-западу от села Кривоносовки.

Боровичи имеют давнюю историю, уходящую корнями в глубокую древность. Вблизи них было выявлено более девяти поселений эпохи

Схематический план стоянки над оз. Званым, составленный В.Д. Юркевичем

неолита и бронзы [24, с. 518–519]. Часть из них была открыта в ходе экспедиции, которая проводилась в 1925 году постоянным сотрудником Всеукраинского археологического комитета В.Д. Юркевичем. При обследовании Боровичей и его окрестностей им были выявлены остатки древних культур на Лысой Горе, на северо-западном побережье озера Званого, на песчаных холмах, простирающихся от озера Званого до села Боровичи, на плавнях Десны, раскинувшихся от юго-западного побережья озера Званого до переправы возле села Роговки, на отдельных песчаных холмах между озером Званым и огородами жителей Боровичей

(Гумнище, Белица, Ракита и др.), на набережной Боровичей и т.д.

В ходе обследования указанных территорий В.Д. Юркевич нашёл: большую стрелу (копьё) из жёлтого кремня, несколько скребков, крупный кремнёвый осколок в форме ножа, множество осколков посуды с орнаментом, два серебряных колечка, серебряную гривну с запонкой, две железные стрелы княжеского типа и ряд других предметов, принадлежавших жителям раннего неолита, бронзы и других эпох, и на этом основании сделал вывод о том, что территория вблизи Боровичей была заселена людьми, начиная с каменного века «до наших дней, возможно, без значительных перерывов»[121].

К аналогичному выводу пришёл и руководитель Деснинской экспедиции – профессор Московского государственного университета М.В. Воеводский. В ходе раскопок Боровичских стоянок, которые проводились его экспедицией в 1936–1940 и 1945–1948 гг., им было найдено множество кремнёвых скребков, резцов и других орудий труда, характер изготовления которых позволил ему утверждать, что «поздний неолит вблизи Боровичей совершенно явно перешёл в культуру бронзового века, выделяющуюся плоскодонными сосудами, покрытыми геометрическим гребенчатым и прочерченным орнаментом, которые в основном имеют своеобразный местный характер»[122].

Каких-либо точных сведений о времени основания Боровичей не сохранилось. По мнению А.М. Лазаревского, они были поселены стародубским полковником Лукьяном Ивановичем Жоравко «во время его полковничества» [18, с. 223], в 1709–1719 гг. Однако это мнение ошибочно, поскольку в указанное время Боровичи уже существовали. Это следует из грамоты Петра I о пожаловании Л.И. Жоравко «и жене его, и детям, и потомству в утверждение» его собственных деревень «Лукьяновки и Борович с мельницами, пашнею, сенными покосами, рыбными ловлями и рощами» [19, с. 260], которая была подписана в ноябре 1708 года, когда Лукьян Иванович ещё был новгородским сотником (1693–1709).

По нашему мнению, Боровичи были поселены в одно время с Журавкой, или чуть позже. Доказательством тому служит жалованная грамота царей Иоанна и Петра Алексеевичей, данная в 1695 году знатному товарищу Лукьяну Журавко в подтверждение универсалов гетмана Мазепы, на владение мельницей, которая была построена им «в полку Стародубском в Новгородском уезде, под лесом, называемым Мерзликом, между урочищами Вачевский борок и Печищи, на реке Свиге, с четырьмя колёсами и с людьми при ней поселёнными»[123].

Со дня поселения Боровичи находились во владении своего основателя, а после его смерти, наступившей летом 1719 г., перешли по наследству к его жене Ирине Черкесовне Жоравко (? – после 1737), которая по оборонному универсалу от 13 августа 1719 года владела в них 15 дворами и 24 хатами (1723) [35, с. 42].

После смерти Ирины Черкесовны Боровичи и другие её новгород-северские владения оказались в собственности Ивана Тимофеевича и Антона Тимофеевича Жоравко, которые в 1748 году добровольно разделили их между собой, а 14 декабря 1749 года получили на них подтвердительную царскую грамоту. «Деревня Боровичи со слободкой прозываемой Леском и с мельницей о двух колёсах мучных и третьем валюшном» по указанному разделу достались генеральному есаулу И.Т. Жоравко [20, с. 836–837].

На момент проведения Румянцевской описи Малороссии (1765–1768) Иван Тимофеевич владел в Боровичах 15 дворами и 14 бездворными хатами [20, с. 836–837], а в 1779–1781 гг. – 33 дворами и 33 хатами. В указанное время в селе проживали 33 обывателя со своими семьями, которые занимались выращиванием конопли и продажей её в Новгороде-Северском [21, с. 146].

После смерти И.Т. Жоравко, наступившей после 1792 года, все его имения в Черниговской губернии унаследовала единственная дочь Наталья Ивановна Покорская-Жоравко (7.07.1749 – после 1811) [18, с. 93], а от неё они перешли к её сыновьям Ивану Ивановичу Покорскому-Жоравко (ок. 1770 – 1830–1831) и Фёдору Ивановичу Покорскому-Жоравко (ок. 1778 – до 1828).

По преданию, в начале 30-х годов XIX века Покорские-Жоравко продали Боровичи очкинскому помещику Михаилу Осиповичу Судиенко (1802 – 8.09.1871), а он через несколько лет подарил их губернскому секретарю Ивану Михайловичу Кутневскому (1781 – после 1838), незадолго перед тем проигравшему своё единственное имение в селе Синине Стародубского уезда Черниговской губернии.

Получив Боровичи в дар, Иван Михайлович сошёлся со своей крепостной Агафьей Григорьевной (фамилия неизвестна), которая родила ему несколько дочерей и трёх сыновей – Андрея, Якова и Алексея. Их обучением в 1838 году занимался ученик Новгород-Северской гимназии Михаил Корнеевич Чалый (1816–1907), ставший впоследствии известным биографом Т.Г. Шевченко. Свои первые впечатления о Боровичах он описал в воспоминаниях, опубликованных в 1889 году в журнале «Киевская старина»: «Вот, наконец, и резиденция Ивана Михайловича, хутор Бо-

ровичи, прелестный уголок, со всеми принадлежностями деревенской природы: с трех сторон его огибал лес, с четвёртой тянулись поля, за полями, до самой Десны, зеленели луга, сверкали озёра, а возле самого дома, справа, находился проточный пруд, с двумя мельницами»[124].

Во владении И.М. Кутневского Боровичи находились до 40-х – 50-х годов XIX века, после чего перешли к коллежскому асессору Якову Тимофеевичу Тимкову-Канельскому, который в 1860 году владел в них 116 крепостными мужского пола [15, с. 22].

После отмены крепостного права владения Я.Т. Тимкова-Канельского в Боровичах оказались в собственности дворян Георгия Ефимовича Корниевского, Меланьи Ефимовны Лишиной, Александры Ефимовны Левицкой, Елены Николаевны Музалевской, В.Е. Корниевского и М.Е. Корниевского, и уже они заключали в 1866–1868 гг. с местными крестьянами выкупные сделки [16, с. 81].

Ни церкви, ни школы до революции в Боровичах не было. Может быть, поэтому процент грамотности среди местных жителей был одним из самых низких в Хильчичской волости и в начале 1897 года составлял всего 6,17 % [33, с. 27].

Своё название Боровичи позаимствовали от названия урочища Боровиха, вблизи которого его поселил Лукьян Иванович Жоравко.

Сведения о количестве дворов и численности жителей (податных душ в 1795, 1799 гг.) села Боровичи:

год	1795	1799	1859	1892	1897	1901	1913	1917
дворов	–	–	40	76	85	–	91	94
жителей	104	111	374	541	613	526	–	611
год	1923	1926	1940	1976	1989	2001	2008	
дворов	113	132	135	140	–	–	–	
жителей	633	678	–	–	186	146	98	

Васильевка (Василівка)

Село Васильевка (географические координаты: 52°18'18" с.ш., 33°44'29" в.д.) расположено по левую сторону реки Улички, на расстоянии около 4 км к западу от села Старя Гута.

По утверждению А.М. Лазаревского, Васильевка была поселена сыном полтавского полковника Василия Васильевича Кочубея бунчуковым товарищем Василием Васильевичем Кочубеем (? – до 1792) [18, с. 233], который с 1772 по 1779 гг. служил предводителем дворянства Глухов-

ского уезда, а с 1782 по 1783 гг. занимал должность советника Новгород-Северского наместнического правления. Местные краеведы разделяют эту точку зрения и считают, что это произошло в начале 50-х годов XVIII века [14, с. 272–273].

На момент описания Новгород-Северского наместничества (1779–1781) Васильевка находилась в собственности В.В. Кочубея, который владел в ней мельницей на реке Уличке о 2 колах и 11 хатами. В то время в селе проживало 11 обывателей со своими семьями, которые земледелием занимались мало из-за недостатка пахотных земель, а промышляли изготовлением бондарных изделий и продажей их в Старой Гуте и Новой Гуте [21, с. 152].

После смерти В.В. Кочубея, которая наступила до 1792 года, Васильевка перешла по наследству к его сыну – предводителю дворянства Глуховского уезда Василию Васильевичу Кочубею (ок. 1750 – 03.1800), а от него – к его жене Елене Васильевне Туманской [35, с. 536] и трём сыновьям – Александру, Демьяну и Аркадию.

А.В. Кочубей

Весной 1826 года Кочубеи разделили между собой унаследованные имения и закрепили Васильевку за действительным тайным советником Аркадием Васильевичем Кочубеем (9.02.1790 – 4.03.1878)[125], служившим Киевским вице-губернатором (9.03.1827 – 1830) и губернатором Орловской губернии (1.01.1832 – 4.05.1837)[126], а 23 декабря 1836 года утвердили указанный раздел через Глуховский земский суд.

Накануне отмены крепостного права, в 1859 году, в Васильевке числилось 40 дворов, в которых проживали 60 мужчин и 66 женщин. Большинство из них были крепостными и принадлежали А.В. Кочубею.

В ходе крестьянской реформы 1861 года А.В. Кочубей утратил право собственности на своих крепостных крестьян, однако сохранил за собой обширные земельные владения, которые находились в его собственности до 4 марта 1878 года, после чего перешли по наследству к его сыну – председателю императорского Русского технического общества Петру Аркадьевичу Кочубею (17.06.1825 – 15.12.1892), а от него к его сыну – предводителю дворянства Глуховского уезда Василию Петровичу Кочу-

бею (02.1868 – ?) [35, с. 548, 441].

Ни школы, ни церкви до революции в Васильевке не было. Несмотря на это, процент грамотности среди местных жителей был довольно высоким и в начале 1897 года составлял 18 % [33, с. 30].

Своё название Васильевка позаимствовала от имени основателя – бунчукового товарища Василия Васильевича Кочубея.

Сведения о количестве дворов и численности жителей (податных душ в 1799 г.) села Васильевки:

год	1799	1859	1892	1897	1901	1913	1917
дворов	–	40	25	27	–	37	37
жителей	26	126	153	189	152	–	250
год	1923	1926	1940	1976	1989	2001	2008
дворов	63	68	73	43	–	–	–
жителей	294	322	–	–	67	38	21

Васильевское (Василівське)

Село Васильевское (географические координаты: 52°17'00" с.ш., 33°29'18" в.д.) находится на просёлочной дороге, которая ведёт из села Кренидовки в село Украинское, на расстоянии около 7 км к северо-востоку от Кренидовки.

Васильевское было поселено в 20-х годах прошлого века на месте сада, принадлежавшего помещику Склярову [14, с. 166–167]. Со дня основания оно входило в состав Селецкой волости Трубчевского уезда Брянской губернии, а с мая 1925 года – укрупнённой Трубчевской волости Почепского уезда Брянской губернии. В состав Украины село было передано только 1 сентября 1926 года, после принятия Президиумом ЦИК СССР постановления от 16 октября 1925 года «Об урегулировании границ УССР с РСФСР и БССР»[127].

В 1926 году в Васильевском числилось 56 дворов, в которых проживало 294 жителя.

В годы коллективизации в нём был организован колхоз им. Красина, который просуществовал до 1950 года, после чего его присоединили к кренидовскому колхозу им. Будённого. С того времени прошло более шестидесяти лет, однако в народе Васильевское до сих пор называют – Красин.

В 1942 году немецкие оккупанты сожгли в Васильевском 26 дворов и расстреляли 21 жителя. Однако усилиями местных жителей село было

восстановлено и к середине 50-х годов прошлого века насчитывало около 50 дворов, в которых проживало более 200 жителей. В послевоенные годы в селе работала молочнотоварная ферма и конюшня.

Начиная с 60-х годов прошлого века численность населения в Васильевском начала снижаться, а село приходить в упадок. В 1989 году в нём проживал 31 житель, в 2001 году – 19 жителей, а в 2008 году – 4 жителя.

Великая Берёзка (Велика Берізка)

Село Великая Берёзка (географические координаты: 52°13'05" с.ш., 33°50'33" в.д.) расположено по левую сторону реки Знобовки, на расстоянии около 16 км к северо-западу от Середина-Буды.

Село является административным центром Великоберёзковского сельского совета, в состав которого входят населённые пункты: Великая Берёзка, Лукашенково, Перемога, Троицкое и Ясная Поляна.

Начало основанию Великой Берёзки, или как её изначально называли – Берёзка, положил генеральный судья Василий Леонтьевич Кочубей, которому гетман Мазепа 1 апреля 1705 года выделил место для строительства мельницы на реке Знобовке, между трубчевскими землями и землями сёл Чернацкого, Зноби и Голубовки, рядом с урочищами или протоками Крутой Лог и Берёзки, и разрешил ему при той мельнице людей поселить [35, с. 527].

К началу 1708 года В.Л. Кочубей соорудил на выделенном месте плотину с мельницей, однако поселить людей не успел. Весной 1708 года его обвинили в ложном доносе против Ивана Мазепы и 15 июля 1708 года казнили, а все принадлежавшие ему имения отобрали[128]. Однако уже в октябре 1708 года донос Кочубея подтвердился, и гетман Скоропадский возвратил его жене и двоим сыновьям отобранные у них имения, а Пётр I утвердил их за ними царской грамотой от 12 марта 1710 года [38, с. 182–186].

Вслед за тем Кочубеи разделили между собой возвращённые имения и закрепили «Знобовку с пущами и мельницей» за младшим сыном Василия Леонтьевича – Фёдором Васильевичем Кочубеем (? – 1729), который между 1710 и 1723 гг. поселил вблизи доставшейся ему мельницы на реке Знобовке село Берёзку и по ревизии 1723 года владел в ней 10 хатами [18, с. 231].

После смерти Фёдора Кочубея, наступившей в конце 1729 года, его берёзковские владения перешли по наследству к его старшему брату, пол-

тавскому полковнику Василию Васильевичу Кочубею (? – 21.08.1743), а от него – к его младшему сыну Петру Васильевичу Кочубею (? – 23.07.1769)[129].

На момент проведения Румянцевской описи Малороссии 1765–1768 гг. П.В. Кочубей владел в Берёзке 19 дворами, 4 бездворными хатами [20, с. 841] и винокурней, которая производила около 500 вёдер водки в год (по данным на 1768 год). Занимались винокурением в указанное время и местные крестьяне. 8 из 23 берёзковских дворов содержали в своём хозяйстве винокурни. Наиболее крупная из них, на четыре котла, находилась в хозяйстве зажиточного крестьянина Тарандеева, который имел в собственности 5 лошадей, 15 голов крупного рогатого скота и 40 свиней[130].

23 июля 1769 года Пётр Васильевич Кочубей умер. После его смерти село Берёзку унаследовал его брат – глуховский подкоморий и предводитель дворянства Глуховского уезда Василий Васильевич Кочубей [35, с. 534], который на момент описания Новгород-Северского наместничества 1779–1781 гг. владел в ней 34 дворами и 45 хатами [21, с. 158].

В 1781 году В.В. Кочубей отдал Берёзку в приданое своей дочери Елизавете Васильевне Кочубей (? – 05.1800)[131], а после её смерти и смерти её мужа, надворного советника Ивана Андреевича Марковича (1742–1814) [35, с. 536] она перешла по наследству к их дочери Пульхерии Ивановне Маркович (ок. 1775 – после 1836), которая в 1816 году владела в селе 126 ревизскими душами [37, с. 669–670].

В конце 30-х – начале 40-х годов позапрошлого века Пульхерия Ивановна или её наследники продали Берёзку титулярному советнику Петру Петровичу Гусакову (1816 – ?), женатому на их дальней родственнице – правнучке полтавского полковника В.В. Кочубея – Прасковье Васильевне Скоропадской.

Накануне отмены крепостного права, в 1859 году, П.П. Гусаков владел в Великой и Малой Берёзках 185 крепостными крестьянами мужского пола [15, с. 20] и свеклосахарным заводом с 5 гидравлическими прессами в Великой Берёзке[132].

Через несколько лет после отмены крепостного права П.П. Гусаков продал Великоберёзковский свеклосахарный завод и другие свои владения в Великой Берёзке врачу Родиону Георгиевичу Беловскому, который в 1884 году довёл производительную мощность завода до 26500 пудов сахарного песка в год[133].

Завод успешно функционировал до 1909 года, пока на нём не случился пожар. После пожара Р.Г. Беловский передал завод в аренду своим

родственникам Терещенкам, которые восстановили повреждённое огнём оборудование и возобновили выпуск готовой продукции, продолжавшийся до революции 1917 года, после чего завод законсервировали, а затем демонтировали [14, с. 82].

Со второй половины XIX века при заводе функционировала больница, в которой оказывали медицинскую помощь не только работникам завода, но и членам их семей.

Родион Григорьевич был известным в Новгород-Северском уезде врачом, землевладельцем и промышленником и, помимо производства сахара, занимался изготовлением кирпича и разведением лошадей. В Великой Берёзке он содержал небольшой конезавод, на котором в начале XX века работало 14 мужчин и 4 женщины[134], и кирпичный завод, производивший в 1885–1887 гг. от 90 до 100 тысяч штук кирпичей в год[135].

Издавна (до 1765 года) в Великой Берёзке действовала православная церковь Вознесения Господня. Однако к концу 70-х годов XVIII века она обветшала, и в 1779 году на её месте была возведена новая церковь[136], в которой в 1779–1781 гг. служил 1 священник и 1 причетник. Церковь имела два этажа и была построена в виде креста. По левую сторону от её главного входа находилась высокая колокольня, а за ней – церковное кладбище.

Вознесенская церковь функционировала до 1933–1934 гг., после чего её второй этаж разобрали, а на первом разместили сельмаг [28, с. 278]. В разное время в ней служили Иван Максимович (? – 1878 – ?), Арсений Бондаревский (? – 1898 – ?), Василий Виноградский (после 1917) и другие священники.

Осенью 1861 года в Великой Берёзке была открыта первая церковно-приходская школа на 40 детей. Она была основана по инициативе местного священника Иоанна Максимовича и находилась в его доме. Наставником в школе служил пономарь Василий Трубачёв, который получал за свою работу от сельского общества жалованье в размере тридцати рублей серебром в год и по два пуда ржи в месяц[137].

В 1875 году в селе начала работать земская школа, в которой в 1896–1897 учебном году обучалось 39 мальчиков и 14 девочек, а в 1901 году – 54 мальчика и 24 девочки. Школа находилась в доме Родиона Георгиевича Беловского и содержалась за счёт его пожертвований в сумме 120 руб. в год, средств Новгород-Северского земства в сумме 165 руб. и сельского общества в сумме 75 руб. [29, с. 122].

Процент грамотности среди берёзковских жителей был одним из

самых высоких в Протопоповской волости и в начале 1897 года составлял 36 % [33, с. 30].

Своё название Великая Берёзка позаимствовала от названия урочища или протоки Берёзки, вблизи которой гетман Мазепа разрешил Василию Кочубею построить мельницу и поселить хутор.

Сведения о количестве дворов и численности жителей (податных душ в 1795, 1799 гг.) села Великая Берёзка:

год	1795	1799	1859	1883	1892	1897	1901
дворов	–	–	49	89	114	109	–
жителей	89	91	355	541	635	664	661
год	1917	1923	1926	1970	1989	2001	2008
дворов	168	207	195	71	–	–	–
жителей	998	1012	850	211	225	178	165

Винторовка (Винторівка)

Село Винторовка (географические координаты: 52°14'28" с.ш., 33°57'15" в.д.) расположено на левом берегу реки Улички, на расстоянии около 9 км к северо-западу от Середина-Буды.

Винторовка была основана во второй четверти XVIII века. Со дня основания она имела статус хутора и в 1750 году входила в состав Ямпольской сотни Нежинского полка[138].

В 1764 году Винторовка вместе с Середина-Будой и Гавриловой Слободой была пожалована на ранг генерал-губернатору Малороссии Петру Александровичу Румянцеву-Задунайскому. На момент описания Новгород-Северского наместничества 1779–1781 гг. он владел в населённом пункте 9 дворами и 10 хатами, в которых проживало 10 обывателей со своими семьями. Большинство из них земледелием занимались мало из-за отсутствия пахотных земель, а «содержание и прибыль свою имели от бондарного ремесла» [21, с. 154].

После смерти П.А Румянцева-Задунайского, наступившей 8 декабря 1796 года Винторовка оставалась свободной.

В 1859 году в ней числилось 7 дворов, в которых проживало 50 жителей, принадлежавших к разным сословиям, преимущественно мещанам.

В Винторовке родился Герой Социалистического Труда Григорий Васильевич Дубинин (18.01.1928 – 31.12.2008)[139].

Сведения о количестве дворов и численности жителей села Винторовки:

год	1859	1892	1897	1901	1913	1917	1923
дворов	7	17	16	–	10	23	35
жителей	50	96	102	117	–	153	195
год	1926	1940	1976	1989	2001	2008	
дворов	42	38	27	–	–	–	
жителей	208	–	–	58	33	25	

Гаврилова Слобода (Гаврилова Слобода)

Село Гаврилова Слобода (географические координаты: 52°15'41" с.ш., 33°53'03" в.д.) расположено по левую сторону реки Улички, на расстоянии около 8 км к юго-востоку от села Старая Гута.

Г.И. Головкин

По предположению А.М. Лазаревского, Гаврилова Слобода была поселена известным государственным деятелем России, первым канцлером Российской империи, графом Гавриилом Ивановичем Головкиным (1660 – 25.07.1734) [18, с. 233].

Если это действительно так, то это случилось между 1711 и 1734 гг., когда Гавриил Иванович владел в Глуховской сотне населёнными пунктами Чуйковка и Журавка.

Во владении Г.И. Головкина Гаврилова Слобода находилась до его смерти, наступившей 25 июля 1734 года, после чего, вероятно, была причислена к казённому ведомству и предоставлялась на ранг правителям Малороссии.

В 1764 году она вместе с Винторовкой и Середина-Будой была пожалована генерал-губернатору Малороссии Петру Александровичу Румянцеву-Задунайскому, который на момент описания Новгород-Северского наместничества 1779–1781 гг. владел в ней 61 двором и 63 хатами. В то время в селе проживало 66 обывателей со своими семьями, которые земледелием занимались мало из-за недостатка пахотных

земель, а «содержание своё и прибыль имели от винокурения, которое они производили из хлеба», покупаемого в Середина-Буде и Погощи, а готовую продукцию отвозили в Очкино и сплавляли по реке Десне в местечко Городище [21, с. 153].

После смерти П.А. Румянцева-Задунайского Гаврилова Слобода оставалась свободным населённм пунктом и в 1795 году насчитывала 215 податных душ мужского пола, 162 из которых составляли мещане, 50 – государственные крестьяне и 3 – владельческие крестьяне[140].

В начале 80-х годов XIX века в селе работали 2 лавки, 3 ветряных мельницы, 4 крупорушки, 1 маслобойный завод [4, с. 117] и ряд других небольших предприятий. Большинство из них принадлежали местным землевладельцами, среди которых выделялись отставной майор Борис Воскобойников, дворянин Николай Николаевич Калугин, купец Василий Степанович Шапошников и другие.

В 1767 году в Гавриловой Слободе была возведена православная церковь Архистратига Михаила [25, с. 23], в которой в 1779–1781 гг. служил 1 священник и 2 причетника.

Согласно расписанию приходов и причтов Черниговской епархии от 17 января 1876 года, Михайловская церковь входила в состав Гаврилово-Голубовского прихода, настоятелем которого в 1879 году был священник Михайловской церкви села Голубовки Иоанн Максимович, а помощником настоятеля – священник Михайловской церкви села Гаврилова Слобода Александр Головачевский [26, с. 104].

В октябре 1860 года в селе была открыта церковно-приходская школа, в которой в 1860–1861 учебном году обучалось 25 мальчиков и 1 девочка [31, с. 175], а в 1885 году – земская школа, которую в 1901 году посещало 89 мальчиков и 28 девочек. В начале XX века учителем в школе работал Григорий Павлович Теслюков, а законоучителем священник Александр Головачевский. На содержание школы земство выделяло 320 руб., а сельское общество 120 руб. [29, с. 123]

Процент грамотности среди жителей Гавриловой Слободы был одним из самых высоких в Новгород-Северском уезде и в начале 1897 года составлял 38,5 % [33, с. 12, 29].

По преданию, Гаврилова Слобода позаимствовала своё название от имени основателя – Гавриила Ивановича Головкина. До революции её название в списках населённых мест Черниговской губернии писалось по разному: Гаврилин Хутор – 1779–1781 гг., Слободка Гаврилова – 1799–1801 гг., село Гаврилова Слобода – 1859, 1892, 1897, 1901 гг., село Слобода Гаврилова – 1897, 1913, 1917 гг. и т.д.

Сведения о количестве дворов и численности жителей (податных душ в 1795, 1799 гг.) села Гаврилова Слобода:

год	1795	1799	1859	1892	1897	1901	1913
дворов	–	–	113	221	223	–	170
жителей	215	53	863	1253	1421	1560	–
год	1917	1923	1926	1976	1989	2001	2008
дворов	270	306	313	131	–	–	–
жителей	1648	1405	1431	–	156	92	70

Гаврилово (Гаврилове)

Село Гаврилово (географические координаты: 52°16'35" с.ш., 33°53'02" в.д.) находилось по правую сторону реки Улички, на расстоянии около 10 км к юго-востоку от села Старая Гута.

Точное время основания села неизвестно, поскольку в XIX веке оно входило в состав Гавриловой Слободы и как отдельный населённый пункт ни в одних источниках не упоминалось.

Гаврилово было небольшим населённым пунктом и в 1917 году насчитывало 38 дворов, в которых проживало 226 жителей, в 1923 году – 60 дворов и 276 жителей, в 1926 году – 66 дворов и 313 жителей, а в 1989 году – 21 жителя.

Начиная со второй половины 60-х годов прошлого века численность населения в Гаврилово начала снижаться, а село приходить в упадок. Ко времени проведения переписи населения 2001 года оно опустело и 27 июля 2007 года было снято с учёта населённых пунктов Сумской области[141].

Голубовка (Голубівка)

Село Голубовка (географические координаты: 52°14'35" с.ш., 33°46'50" в.д.) расположено по левую сторону реки Знобовки, на расстоянии около 21 км к северо-западу от Середина-Буды.

Голубовка является административным центром Голубовского сельского совета, в состав которого входят населённые пункты: Голубовка, Заречье, Лесное и Полесское.

По утверждению А.И. Ханенко, Голубовка была основана около 1671 года новгородским сотником Чернацким[142]. А.М. Лазаревский придерживался другой точки зрения и считал, что её поселил «на

корогов» новгородский сотник Черняй [18, с. 231]. И тот и другой исследователь строили свои предположения на показаниях жителей Голубовки и Каменки, которые они давали в ходе Генерального следствия о маетностях Стародубского полка 1729 года. Однако их показания были противоречивы. Жители Голубовки утверждали, что их село и село Каменку осаживал новгородский сотник Черняй, а жители Каменки считали, что это сделал новгородский сотник Чернацкий [19, с. 407–408, 480].

Отвечая на вопрос о том, кто основал Голубовку, А.И. Ханенко отдал предпочтение показаниям жителей Каменки, а А.М. Лазаревский – Голубовки. Однако никто из них свои выводы не аргументировал. В связи с этим однозначно утверждать, что Голубовку основал новгородский сотник Василий Черняй, как это делает А.М. Лазаревский, или новгородский сотник Михаил Чернацкий (Чарницкий), как об этом говорит А.И. Ханенко, мы не можем.

Не можем мы указать и точное время поселения Голубовки, поскольку она могла быть основана как в 1673 году, когда новгородским сотником был Михаил Чернацкий (Чарнацкий), так и в 1675 году, когда указанный пост занимал Василий Черняй[143].

5 августа 1680 года стародубский полковник Григорий Карпович Коровка-Вольский пожаловал Голубовку с мельницей новгородскому сотнику Константину Мартыновичу Корноуху (25.05.1680 – 1681 (1684), 1691) [20, с. 838–839], а после его смерти она поочерёдно предоставлялась на ранг другим новгородским сотникам: Ивану Стягайло (1686–1687, 1691–1692, 1698; 1699), Лукьяну Ивановичу Жоравко (1693–1709), Семёну Березовскому (1710–1712), Даниле Герасимовичу Кутневскому (1712–1715, 1729), Фёдору Лисовскому (1715–1718 (1721), 1722), Семёну Яковлевичу Галецкому (1722–1723 (1725)), Василию Христичевскому (1724 (1725) – 1727, 1729 (1735) – 1738) [19, с. 480] и Степану Ивановичу Судиенко (1730, 1732, 1736, 1739–1763) [18, с. 231].

Из всех перечисленных сотников хуже всех обращался с местными жителями Фёдор Лисовский. Он отбирал их имущество, бил и принуждал к непосильной работе. В связи с этим они вынуждены были жаловаться на него бунчуковому товарищу А. Полоницкому, руководившему в 1719 г. следствием по делу Лисовского: «он яко волк, похитивши нас бедных под свою державу, не яко иные державцы, отечески, но яко немилосердный тиран с нами поступает, битьем смертным, или грабежом нищит нас, в работу другим людям запродаёт, как и теперь запродал нас за четыреста золотых. А те арендаторы, по данному Лисовским позво-

лению, тяжкими работами нас утесняют; такого малослыханного немилосердия не могучи понести, все почти из села порасходились, дома и грунта свои покидая и так, уже из тридцати дворов с лишком, как Лисовскому мы достались, остается нас только шесть дворов»[144].

В 1763 году на должность новгородского сотника был назначен Андрей Андреевич Рачинский (1763–1780 (1782)), служивший до этого времени регентом капеллы епископа львовского Льва Мелецкого, а с 1753 года – руководителем капеллы графа Кириллы Разумовского. Рачинский сочинял церковную музыку и часто играл на скрипке перед великокняжеской четой. На одном из концертов его игра настолько понравилась будущему императору Петру Фёдоровичу, что тот подарил ему скрипку работы известного итальянского мастера Страдивари, а став императором, удостоил его звания камер-музыканта[145].

При назначении на должность сотника Андрей Рачинский получил во владение село Голубовку и по ревизии 1764 года владел в ней 3 дворами, 5 хатами и 36 бездворными хатами[146], а в 1765–1768 гг. – 24 дворами [20, с. 844].

На момент описания Новгород-Северского наместничества 1779–1781 гг. в Голубовке числилось 34 двора и 39 хат, из которых А.А. Рачинскому принадлежало 26 дворов и 28 хат, а бунчуковому товарищу Ивану Степановичу Судиенко – 8 дворов и 11 хат. Андрей Андреевич имел в Голубовке 18 винокуренных котлов, которые сдавал в аренду казакам-подпомощникам Ямпольской и Новгородской сотни и другим лицам, получая от них арендную плату в размере от 6 до 10 руб. в год с котла [21, с. 151]. Винокурня обеспечивала работой значительную часть местных жителей, а производимая на ней продукция отправлялась для продажи по реке Десне в местечко Городище или отвозилась сухопутным путём в Полтаву, Глухов и Густин.

22 августа 1783 года Екатерина II пожаловала Голубовку в вечное и потомственное владение князю Александру Андреевичу Безбородко (14.03.1747 – 6.04.1799), влиятельнейшему государственному деятелю своего времени[147], а он в 1787 году подарил её своему другу – тайному советнику Осипу Степановичу Судиенко [18, с. 231], который служил в Главном почтовых дел управлении в Санкт-Петербурге.

После получения Голубовки в дар О.С. Судиенко построил в селе усадьбу, которая находилась на берегу реки Знобовки и включала в себя помещение для приготовления пищи, пекарню, склады, конюшню, кузницу, мельницу и одноэтажный господский дом, украшенный классическими колоннами.

Территория усадьбы была обнесена двухметровой кирпичной оградой со входом, а внутри неё находился плодовый сад с небольшим озером, в котором разводили карасей и другую ставковую рыбу.

О.С. Судиенко

После смерти О.С. Судиенко, наступившей 4 декабря 1811 года, Голубовку унаследовал его сын Михаил Осипович Судиенко, который в 1860 году владел в ней 234 крепостными крестьянами мужского пола и свеклосахарным заводом [22, с. 341], производительной мощностью около 7840 пудов сахара в год (по данным на 1860–1861 гг.)[148].

8 сентября 1871 года М.О. Судиенко умер. После его смерти принадлежавшие ему владения в Голубовке перешли по наследству к его сыну Иосифу Михайловичу Судиенко (27.07.1830 – 5.12.1892), который через несколько лет продал их врачу и предпринимателю Родиону Георгиевичу Беловскому.

Вскоре после оформления договора купли-продажи Р.Г. Беловский закрыл Голубовский свеклосахарный завод, а его оборудование перевёз в Великую Берёзку и установил на Великоберёзковском свеклосахарном заводе.

В пореформенное время в селе работали 2 ветряных мельницы, 1 крупорушка и 1 лавка, [4, с. 116].

В Голубовке издавна функционировала православная Михайловская церковь деревянной постройки. Она была построена до 8 ноября 1687 года, прослужила более 60 лет и к 1745 году полностью обветшала [27, с. 75]. В 1748 году на её месте была возведена новая церковь деревянной постройки[149], однако в середине 70-х годов XVIII века она сгорела от удара молнии. В 1778 году местным помещиком О.С. Судиенко в Голубовке была построена новая церковь [25, с. 23], которая находилась на холме, в 300 метрах от помещичьей усадьбы. Рядом с ней возвышалась колокольня, а за ней располагались дома священника и дьяка.

Согласно расписанию приходов и причтов Черниговской епархии от 17 января 1876 года, голубовская церковь входила в состав Гаврилово-Голубовского прихода, настоятелем которого в 1879 году был автор утерянной «Летописи сёл Голубовки и Берёзки» священник Михайловской

церкви Гавриловой Слободы Иоанн Максимович, а его помощником – священник Михайловской церкви села Голубовки Александр Головачевский [26, с. 104].

В церкви хранилось Евангелие в переплёте из чёрного бархата, подаренное 8 ноября 1687 года новгородским сотником Давидом Трофимовичем Пушкаренко (1679) и его женой Анастасией с дарственной надписью: «Я раб божий Давид Пушкаренко, сотник войска их Царского Пресветлого Величества, из женою моею Анастасиею, надалисмо сие Евангелие за отпущение грехов своих до храму престола Архистратига Христова Михаила в вечную посессию, до слободы Голубовки»[150].

Какое отношение к указанной церкви имел Давид Трофимович Пушкаренко, мы не знаем. Вероятнее всего, он владел Голубовкой в то время, когда был новгородским сотником. Однако его почему-то ни местные старожилы, ни А.М. Лазаревский, ни другие исследователи в числе владельцев села не называли.

Возможно, ответ на этот вопрос кроется в легенде, связанной со строительством старой голубовской церкви. По преданию, она была возведена на холме, в котором был похоронен местный разбойник Михаил Степанович Бочаренко (Кудояр), в отпущение грехов его за совершённые злодеяния.

До того как стать разбойником, Кудояр проживал в городе Севске и встречался с дочерью богатого местного казака Анастасией Кирпотенко. Однако по настоянию родителей Анастасия вынуждена была выйти замуж за новгородского сотника Давида Пушкаренко, который после вступления в брак пригрозил Кудояру расправой, если тот не оставит его жену в покое.

Опасаясь за свою жизнь, молодой влюблённый покинул родительский дом и подался в район Голубовки, где организовал банду разбойников, которая проживала в пещере и на протяжении нескольких лет грабила зажиточных людей, проезжавших по дороге из Новгорода-Северского в Севск.

В мае 1679 года Кудояр захватил повозку, в которой ехала к родителям его возлюбленная Анастасия. Между молодыми людьми вспыхнула призабытая любовь, и они стали жить вместе. Узнав об этом, Давид Пушкаренко напал с отрядом казаков на разбойников и убил Кудояра[151].

Что случилось с награбленными им ценностями, неизвестно. По преданию, записанному археологом М. Сперанским, Кудояр закопал их в курганах, во множестве находившихся в этих местах, а «всем зарытым вещам сделал опись, которую местные крестьяне выпахали в поле, за-

катанной в воске и за 50 копеек уступили владельцу соседнего хутора, от которого она перешла к голубовскому священнику»[152]. Однако о её дальнейшей судьбе ничего неизвестно.

После прихода к власти большевиков, в 1918–1919 гг., голубовская церковь была закрыта и переоборудована под сельский клуб и читальню, а в годы Великой Отечественной войны разрушена [28, с. 279].

В октябре 1860 года в Голубовке была открыта церковно-приходская школа, которую в 1860–1861 учебном году посещал 31 мальчик и 22 девочки [31, с. 175], а в 1887 году – земская школа, в которой в 1901 году обучалось 39 мальчиков и 4 девочки. Земская школа находилась в доме землевладельца Р.Г. Беловского и в 1901 году содержалась за счёт средств земства в сумме 285 руб. [29, с. 123]. Процент грамотности среди местных жителей был невысоким и в начале 1897 года составлял 16,4 % [33, с. 30].

Поблизости села были выявлены остатки городища и могильник времён Киевской Руси[153].

Сведения о количестве дворов и численности жителей (податных душ в 1795, 1799 гг.) села Голубовки:

год	1795	1799	1859	1883	1892	1897	1901	1913
дворов	–	–	68	109	154	159	–	218
жителей	82	94	473	665	892	1046	1089	–
год	1917	1923	1926	1940	1976	1989	2001	2008
дворов	208	198	198	228	119	–	–	–
жителей	1384	1137	951	–	–	250	203	182

Гутко-Ожинка (Гутко-Ожинка)

Село Гутко-Ожинка (географические координаты: 52°10'28" с.ш., 33°42'24" в.д.) расположено по правую сторону реки Свиги, на расстоянии около 1 км к северу от села Жихово.

По утверждению А.М. Лазаревского, Гутко-Ожинка была «поселена Заруцкими в первой половине XVIII в.» [18, с. 229]. Вадим Львович Модзалевский придерживался другой точки зрения и считал, что она была основана после 1724 года вдовой стародубского полкового хорунжего Ивана Юркевича – Зиновией Панасовной Юркевич и её сыновьями.

В доказательство этого он ссылался на жалобу Андрея Афанасьевича Заруцкого в Генеральную войсковую канцелярию от 27 июля 1724 года, в которой тот жаловался на незаконные действия Зиновии Юркевич:

«сего лета новгородская жителька, именуемая Юркевичка, с сынами своими на урочище Ожинки заняла гуту и пущу мою палит и пустошит» и просил провести по его жалобе следствие[154]. Генеральная войсковая канцелярия удовлетворила его просьбу и в августе 1724 года направила на место конфликта бунчукового товарища Пахома Пекалицого и товарища Стародубского полка Демьяна Нестеровича, которые по приезде в урочище Ожинки обнаружили рядом с рекой Свигой «новопостроенную гуту Юркевичевой, в которой уже проводились работы».

В связи с этим они начали следствие, в ходе которого составили карту местности с обозначением местонахождения гуты, опросили свидетелей со стороны Андрея Заруцкого и Зиновии Юркевич, осмотрели представленные ими документы и установили, что урочище Ожинки принадлежало на основании царской грамоты от 13 ноября 1708 года новгород-северскому протопопу Афанасию Алексеевичу Заруцкому [19, с. 266–269], а после его смерти перешло в 1723 году по наследству к его сыну Андрею Афанасьевичу Заруцкому [35, с. 142]. Однако, несмотря на это, они решения в его пользу не вынесли.

На момент проведения указанного следствия никакого поселения вблизи гуты ещё не было. Оно возникло немного позже и впервые упоминалось под названием Гута в «Дневнике генерального хорунжего Николая Ханенко», который 11 июня 1733 года побывал на принадлежащей Юркевичам гуте, а 13 июня того же года получил от одного из её владельцев – Пантелеймона Ивановича Юркевича – «шкла штук разных числом 23, да кубок стеклянный»[155].

В 1764 году Гутко-Ожинка находилась во владении Юркевичей и числилась за Николаем Ивановичем Юркевичем, который, с его слов, лично поселил её «на собственной земле и владел ею более сорока лет». Своею считали Гутко-Ожинку и войсковые товарищи Фёдор Григорьевич Псиол и Яков Игнатьевич Томиловский, наследники Андрея Афанасьевича Заруцкого, умершего 12 февраля 1733 года. Спор между ними за обладание спорным населённым пунктом длился много лет и был разрешён только после проведения ревизии 1764 года, когда Погарский поветовый подкоморский суд отобрал Гутко-Ожинку у Юркевичей и передал её во владение Ф.Г. Псиолу и Я.И. Томиловскому[156].

На момент проведения Румянцевской описи Малороссии 1765–1768 гг. в Гутко-Ожинке числилось 9 дворов и 13 хат, из которых войсковому товарищу Ф.Г. Псиолу принадлежало 5 дворов и 6 бездворных хат, а войсковому товарищу Я.И. Томиловскому – 4 двора и 7 бездворных хат [20, с. 840], а на момент описания Новгород-Северского наместничества

1779–1781 гг. – 34 двора и 35 хат, из которых бунчуковому товарищу Ф.Г. Псиолу принадлежал 21 двор и 21 хата, а бунчуковому товарищу Я.И. Томиловскому – 13 дворов и 14 хат. В указанное время в селе проживали 35 обывателей со своими семьями, которые земледелием занимались мало из-за недостатка пахотной земли, а прибыль свою имели от винокурения и занятия бондарным и колёсным промыслами [21, с. 159]. Стекольного завода в селе к тому времени уже не было. Вероятно, он был закрыт после того, как Гутко-Ожинку отобрали у Юркевичей и передали Псиолу и Томиловскому.

После смерти Ф.Г. Псиола, наступившей до 1799 года, принадлежавшие ему владения в Гутко-Ожинке достались его сыну штабс-капитану Степану Фёдоровичу Псиолу (1780 – после 1833), земскому комиссару (1809) и подкоморию Новгород-Северского уезда (1832), а от него перешли к его дочери Марии Степановне Шотт (? – 16.10.1909), которая была замужем за Петром Даниловичем Шотт (1821–1870), дейтвительным статским советником, служившим управляющим государственными имуществами в Таврической губернии.

Что касается владений Я.И. Томиловского, то после его смерти, наступившей до 1782 года, они остались во владении его жены Анастасии Ивановны Скорупы (1757 – ?)[157], а от неё перешли к её сыну капитану Алексею Яковлевичу Томиловскому (1771 – ?), который служил Рязанским губернским прокурором и обер-секретарём Правящего Сената. После смерти Алексея Яковлевича принадлежавшие ему владения в Гутко-Ожинке достались его сыну, предводителю дворянства Новгород-Северского уезда (1854–1855) Александру Алексеевичу Томиловскому (1816–1855), а от него перешли к его жене Александре Николаевне Томиловской (урождённой Паниной)[158] и детям – В.А. Томиловскому, А.А. Томиловскому, М.А. Томиловской, Е.А. Томиловской и А.А. Томиловскому (1852 – ?) [16, с. 80].

В 1866 году за Марией Степановной Шотт в Гутко-Ожинке числилось 115 десятин земли, за крестьянами более 220 десятин, за Александрой Николаевной Томиловской – 227 десятин, а за наследниками Александра Александровича Томиловского – 376 десятин. В 1900 году большая часть земельных владений Александра Алексеевича Томиловского и его жены Александры Николаевны находилиась в собственности Анатолия Александровича Томиловского, владевшего в Гутко-Ожинке и других населённых пунктах Новгород-Северского уезда 341 десятинами земли[159].

Своей церкви в Гутко-Ожинке не было, а её православные верующие

до 1863 года были приписаны к церкви Покрова Пресвятой Богородицы села Протопоповки, а с 1863 года – к Михайловской церкви села Жихово.

С 1897 года в Гутко-Ожинке функционировала школа грамоты, в которой 1 января 1899 года обучались 12 мальчиков и 1 девочка. Учителем в ней работал крестьянин Андрей Яковлевич Якушов, а законоучителем священник Михаил Иванович Ординский [30, с. 182–183]. Процент грамотности среди местных жителей был невысоким и в начале 1897 года составлял 12,3 % [33, с. 30].

Первую часть своего названия Гутко-Ожинка позаимствовала от названия предприятия по производству стекла – Гута, а вторую от урочища Ожинки, на территории которой её поселили Юркевичи. За время своего существования Гутко-Ожинка неоднократно меняла своё название и в разных источниках называлась по-разному: дер. Гутка – 1765–1768, 1859 гг., дер. Гута – 1779–1781 гг., дер. Гутка Юркевичева – 1799–1801 гг., дер. Гутка (Ожинка) – 1913, 1917 гг. и т.д.

В 1899 году в урочище Петровское возле Гутко-Ожинки был найден клад из 157 монет, которые были отчеканены в 1622–1629 гг. в Польше, Швеции, Литве, Пруссии и других зарубежных странах[160].

Сведения о количестве дворов и численности жителей (податных душ в 1795, 1799 гг.) села Гутко-Ожинка:

год	1795	1799	1859	1892	1897	1901	1913	1917
дворов	–	–	29	78	83	–	77	73
жителей	99	110	250	481	464	497	–	513
год	1923	1926	1940	1976	1989	2001	2008	
дворов	97	99	144	70	–	–	–	
жителей	540	505	–	–	128	90	66	

Демченково (Демченкове)

Село Демченково (географические координаты: 52°08'23" с.ш., 33°54'58" в.д.) расположено по обе стороны безымянного ручья, впадающего в реку Знобовку, на расстоянии около 3 км к юго-западу от села Ромашково.

Демченково, или, как его изначально называли, хутор Стрижевский, было основано в первой половине XVIII века. Оно было небольшим населённым пунктом и в 1750-х годах находилось во владении хорунжего генеральной войсковой артиллерии Ивана Андреевича Раковича [37, с.

237–238].

После смерти И.А. Раковича, наступившей до 19 июля 1759 года, Демченково перешло по наследству к его жене Феодосии Григорьевне Брянцевой и двум дочерям – Варваре и Марии, которые в конце XVIII – начале XIX века продали его мелкопоместному помещику Лазаревичу.

В конце 20-х годов позапрошлого века Лазаревич умер, а его владения в Демченково унаследовали его жена и три дочери[161].

По преданию, после окончания в 1835 году строительства Хутор-Михайловского сахарного завода в Демченково поселился кузнец Фёдор Фёдорович Демченко со своей женой и пятью сыновьями. Сыновья Фёдора Фёдоровича вскоре поженились и приумножили количество проживавших в хуторе Демченок. Со временем их стало так много, что за населённым пунктом закрепилось название – Демченково [14, с. 258].

За время своего существования Демченково неоднократно меняло своё название и называлось: хут. Стрижевский –1759 г., хут. Стрижевщина – 1799–1801, 1892, 1897, 1901 гг., хут. Лазаревичев – 1853 г, хут. Стрижевщина (Лазаревщина, Демченков) – 1859 г., хут. Стрижевский (Демченков) – 1913, 1917 гг. и т.д.

Сведения о количестве дворов и численности жителей (податных душ в 1795, 1799 гг.) села Демченково:

год	1795	1799	1859	1892	1897	1901	1913
дворов	–	–	6	8	9	–	16
жителей	19	26	58	77	96	114	–
год	1917	1923	1926	1940	1989	2001	2008
дворов	20	23	26	32	–	–	–
жителей	144	153	159	–	35	25	13

Дуболесье (Дуболісся)

Село Дуболесье (географические координаты: 52°12'51" с.ш., 33°48'09" в.д.), находилось на расстоянии около 3 км к юго-западу от села Великая Берёзка.

Дуболесье было основано в первой четверти XX века и изначально называлось – Дуброва. Оно было небольшим населённым пунктом и в 1923 году насчитывало 21 двор, в которых проживало 118 жителей, в 1926 году – 24 двора и 123 жителя, а в 1940 году – 15 дворов.

Село находилось в стороне от автомобильных дорог и относилось к неперспективным населённым пунктам. Начиная с 60-х годов прошлого

века численность населения в нём начала снижаться, и в 1977–1985 гг. оно опустело и было снято с учёта населённых пунктов Сумской области.

По преданию, своё название Дуболесье позаимствовало от названия дубравы, вблизи которой её поселили переселенцы из окрестных населённых пунктов.

Жихово (Жихове)

Село Жихово (географические координаты: 52°09'55" с.ш., 33°41'37" в.д.) расположено по левую сторону реки Свиги, на расстоянии около 25 км к юго-западу от Середина-Буды.

Жихово является административным центром Жиховского сельского совета, в состав которого входят населённые пункты: Жихово, Гутко-Ожинка, Красичка, Рудня и Новая Спарта.

По утверждению Александра Матвеевича Лазаревского, Жихово было поселено в первой половине XVII века [18, с. 228]. Во время польского правления оно входило в состав землянских владений Новгород-Северского повета[162] и какое-то время находилось во владении Станислава Драгомира[163], который, по предположению А.М. Лазаревского, и был основателем Жихово [18, с. 228]. Однако подтверждений этому мы не нашли.

После освобождения Украины от поляков Станислав Драгомир добровольно уступил Жихово Черниговской епископии, находившейся на территории Спасо-Преображенского Новгород-Северского монастыря, а гетман Юрий Хмельницкий закрепил его за ней своим универсалом от 21 января 1660 года.

6 августа 1673 года архиепископ черниговский, новгородский и всего севера Лазарь Баранович разделил владения Черниговской архиепископии и выделил село Жихово Новгород-Северскому Спасо-Преображенскому монастырю, а гетман Иван Самойлович закрепил его за ним своим универсалом от 21 августа 1673 года.

Однако часть жиховских крестьян этому воспротивилась и, отказавшись подчиняться новому собственнику, записалась в казаки. В ответ на это руководство монастыря подало жалобу Ивану Самойловичу, который признал действия крестьян незаконными и 7 октября 1673 года обязал «новозаписанных казаков» отдавать монастырю «обычную повинность и надлежащее послушание». Жиховские казаки не подчинились указанному распоряжению, и гетман Мазепа 28 ноября 1688 года вынужден

был издать новый универсал, которым обязал не только «новозаписанных казаков», но и тех, которые сами или их предки казацких вольностей не заработали, возвратиться в крестьянство[164].

Но и его требования жиховские казаки проигнорировали. Они настойчиво добивались своих прав и вынудили Ивана Скоропадского определить в 1711 году в селе Жихово и других монастырских сёлах несколько десятков казаков, «которых деды, отцы и сами они служили козацко». Считая такое решение незаконным, руководство Спасо-Преображенского монастыря отказалось от его исполнения, и «когда жиховские казаки пришли с походу полтавского, тогда чернцы новгородские в подданство их себе насильно привернули» [18, с. 228].

В ответ на это казаки подали жалобу в Малороссийскую коллегию, которая 16 апреля 1723 года признала действия монахов незаконными и перевела одну часть жиховских крестьян в казаки, а другую оставила в крестьянстве. После этого монахи начали притеснять казаков. По этой причине между ними вспыхнул конфликт, который вылился в 1730 году в масштабную потасовку.

Узнав, что ямпольский сотник Оболенский «вписывает подданных монастырских до своей сотни в компут казацкий», наместник Спасо-Преображенского монастыря и иеромонах Герасим отправились по сёлам Дмитровской волости, чтобы воспрепятствовать этому. Однако когда они доехали до села Жихово, их, по словам архимандрита Нила, «постигла полная неудача. Те жиховцы, подданные монастырские, ещё не видевши в селе отца наместника и ни одного слова, злого или доброго, от него не слышавши, а уже приготовились к драке». Они начали с того, что «посланному по войта и по громаду парубку лоб разбили. Когда же после этого наместник велел взять и связать двоих из них и увезти с собою, то всё множество противников, догнавши отца наместника возле церкви с кольями и копьями, начали его и бывших при нём бить нещадно и прибили бы его на том же месте в смерть, если бы не будка крепкая защитила и кони не понесли». Но и быстрота лошадей не спасла наместника от жиховцев. «В другом месте села другие бунтовщики переняли его и били его, отца, наместника, убегающего, а потом гнались вслед за ним и на полпути ко дворцу дмитровскому настигли и мало не до смерти, як сноп молотя, прибили, и завернули с собою в село», а затем «при множестве разбойников» отправили в Ямполь к сотнику, а от него под конвоем в Глухов.

Жиховские казаки в своей жалобе к гетману Апостолу описывали конфликтную ситуацию иначе: «Чернцы новгородские, как и прежде за

козацство наше смертным боем бивали, от какого некоторые и померли, и все наши пожитки разворовали, так и теперь вышеупомянутые черницы, услышав, что, як деды и отцы наши в разных походах службу казачью его императорскому величеству отбывали, и мы похотели так же её императорскому величеству служить, напали ночью, иных повязавши казаков, били без пощады, отправили в монастырь новгородский в тюрьму, а коней, скот рогатый, овец, свиней со всем приплодом до монастыря своего отобрали»[165].

Своими действиями монахи вынудили большинство жиховских крестьян возвратиться в их подданство. Однако не сразу. Некоторые из них ещё долго противились переходу под монастырскую власть, в связи с чем архимандрит монастыря Нил вынужден был 22 июля 1730 года жаловаться на них гетману Даниилу Апостолу: «И доныне дворов несколько жиховских осталось непокорённых, а взять их и представить суду нельзя, понеже вооруженные косами кроются днём в пуще, а в ночи, пришедши в село, возмущают смирившихся людей»[166].

В 1733 году Жихово было отобрано у Спасо-Преображенского монастыря и по решению генерального суда передано графу Гавриилу Ивановичу Головкину в счёт возмещения ущерба в сумме 1600 руб., причинённого ему монастырским управляющим, незаконно захватившим имущество его крестьян[167]. Об этом 12 июня 1733 года генеральный хорунжий Николай Ханенко лично объявил жителям Жихова[168]. Однако после того, как виновников наказали, граф Г.И. Головкин смягчился и возвратил монастырю отобранное у него село.

По ревизии 1723 года Спасо-Преображенский монастырь владел в Жихово 19 дворами и 20 хатами [18, с. 228], а на момент описания Новгород-Северского наместничества 1779–1781 гг. – 46 дворами, 75 хатами и 7 бездворными хатами. В указанное время в селе проживало 132 обывателя со своими семьями, которые занимались выращиванием конопли и других сельскохозяйственных культур. Коноплю они поставляли в монастырскую экономию, а из семян делали масло, которое продавали в Глухове и Новгороде-Северском [21, с. 159].

В 1786 году на основании именного указа Екатерины II от 10 апреля 1786 года «О штатах Киевской, Черниговской и Новгород-Северской епархий» Жихово было изъято у Спасо-Преображенского монастыря и передано в казённое ведомство[169].

С указанного времени оно находилось в ведении казны, а его жители имели статус государственных крестьян и платили денежный налог государству.

В пореформенное время в селе работали 2 постоялых двора, 13 ветряных мельниц, 1 крупорушка [4, с. 116], 1 магазин по продаже промышленных и продовольственных товаров Залмана Еселева[170] и ряд других небольших торговых и промышленных предприятий.

Во время первой русской революции 1905 года значительных крестьянских выступлений в Жихово не было. Несмотря на это, власть содержала в селе конный отряд жандармов во главе со становым приставом.

Издавна в Жихово действовал Михайловский храм деревянной постройки, который был возведён в 1728 году [27, с. 76]. В 1768 году при нём функционировала небольшая церковно-приходская школа, в которой преподавал дьяк[171].

К середине XIX века Михайловской храм обветшал, и в 1858 году на его месте был возведён новый кирпичный храм [25, с. 75], который был освящён в 1859 году.

По высочайше утверждённому расписанию приходов и причтов Черниговской епархии от 17 января 1876 года, Михайловский храм входил в состав Олтаро-Рудновско-Жиховского прихода, настоятелем которого в 1879 году был священник Покровской церкви села Олтаря Василий Пиневич, а помощником настоятеля – священник Михайловской церкви села Жихово Василий Андриевский [26, с. 105].

В разное время в храме служили Василий Андриевский (? – 1863–1879 – ?), Михаил Иванович Одринский (? – 1899–1901 – ?) и другие священники.

До революции в Жихово работало несколько учебных заведений. В октябре 1860 года в селе была открыта церковно-приходская школа, в которой в 1860–1861 учебном году обучалось 27 мальчиков [31, с. 175], в 1886 году – школа грамоты, в которой 1 января 1899 года училось 63 мальчика и 4 девочки [30, с. 180–181], а в 1897 году – земская школа. Земская школа размещалась в общественном доме и содержалась за счёт средств Новгород-Северского земства в сумме 250 руб. и сельского общества в сумме 135 руб. В 1901 году в ней обучалось 44 мальчика и 6 девочек. Учительницей в школе работала Стефанида Ивановна Пустовойтова, а законоучителем священник Михаил Одринский. [29, с. 124]. Процент грамотности среди жиховских жителей был невысоким и в начале 1897 года составлял 10 % [33, с. 26].

В Жихово родился Герой Советского Союза Андрей Лаврентьевич Титенко (15.12.1918)[172], доктор исторических наук, известный советский дипломат и руководитель партизанского движения Лука Егорович Кизя

(21.02.1912 – 29.12.1974) и русский писатель, поэт и литературный критик Виктор Александрович Крещик (Зернов) (3.08.1937)[173].

Сведения о количестве дворов и численности жителей (податных душ в 1795, 1799 гг.) села Жихово:

год	1795	1799	1859	1883	1892	1897	1901	1913
дворов	–	–	133	279	340	455	–	437
жителей	288	294	1277	1671	2247	2476	2468	–
год	1917	1923	1926	1970	1976	1989	2001	2008
дворов	373	517	523	333	303	–	–	–
жителей	2596	2842	2811	1170	–	751	617	521

Журавка (Журавка)

Село Журавка (географические координаты: 52°11'57" с.ш., 33°24'36" в.д.) расположено в одном километре от правого берега реки Свиги, на расстоянии около 4 км к юго-востоку от села Очкино.

Журавка была основана известным представителем украинской казацкой старшины Лукьяном Ивановичем Жоравко, который с 1693 по 1709 гг. служил новгородским сотником, а с 1709 по 1719 гг. стародубским полковником, и со дня основания называлась его именем: Лукьяновка (Жоравка) – 1729 г., Журавка (Лукьяновка) – 1765–1768 гг., Жоравка – 1750, 1779–1781 гг., Журавка – 1799–1801, 1859, 1892, 1897, 1901, 1913, 1917 гг.

Точное время основания Журавки неизвестно. По мнению А.М. Лазаревского, она была поселена слободой в конце XVII века, когда Лукьян Жоравко был у гетмана Мазепы управляющим его «замком батуринским» [18, с. 38, 223]. Аналогичной точки зрения придерживался и А.И. Ханенко[174]. Их выводы основывались на показаниях местных жителей, которые в ходе Генерального следствия о маетностях Стародубского полка утверждали, что их село «осадил Лукьян Жоравко, будучи у гетмана Мазепы господарем» [19, с. 426].

Однако кроме журавских жителей, в ходе Генерального следствия была опрошена и невестка основателя села – Анна Павловна Жоравко, которая утверждала, что Журавка была поселена слободой её свекром «ещё за гетмана Ивана Самойловича, за позволением его, при покупке мельниц на реке Свиге и части земель» [19, с. 15, 425].

Её показания, на наш взгляд, заслуживают большего доверия, поскольку она была лично знакома с Лукьяном Ивановичем и могла слышать от

него историю основания села. Однако однозначно утверждать, что её показания более правдивы, чем показания местных жителей, мы не можем, поскольку у нас для этого нет оснований.

Наличие противоречий в показаниях журавских жителей лишают нас возможности определить и точное время основания Журавки, поскольку она могла быть поселена как в 1672–1687 гг., когда гетманом Войска Запорожского на Левобережной Украине был Иван Самойлович, так и в 1687–1693 гг., когда Лукьян Жоравко занимал должность управляющего Батуринским замком.

Л.И. Жоравко

Какого-либо разрешения на поселение Журавки у Лукьяна Ивановича не было. Это следует из того, что уже через несколько дней после сдачи им Новгорода-Северского русской армии[175] он обратился к Петру I и попросил выдать ему жалованную грамоту на «собственные его деревни Лукьяновку и Боровичи». Пётр I его просьбу удовлетворил и в знак благодарности за оказанную помощь назначил его стародубским полковником и пожаловал ему в ноябре 1708 года «и жене его, и детям, и потомству в утверждение» село Журавку, с мельницами, пашнями, сенокосами и рощами, которые 12 марта 1710 года были закреплены за ним универсалом гетмана И. Скоропадского [19, с. 259–260].

Летом 1719 года Лукьян Жоравко умер. Незадолго до смерти он подарил Журавку своему сыну от первого брака бунчуковому товарищу Григорию Лукьяновичу Жоравко (? – 23.04.1724) [19, с. 426], который по оборонному универсалу от 14 августа 1719 года владел в ней 15 дворами и 24 хатами (1723) [35, с. 42].

После смерти Григория Лукьяновича, которая наступила 23 апреля 1724 года, его журавские владения унаследовала его жена Анна Павловна Жоравко (? – 13.04.1731), дочь наказного гетмана Павла Полуботка[176], а от неё они перешли к её единственной дочери Марии Григорьевне Жоравко (? – до 1749) [35, с. 43].

23 января 1732 года Мария Григорьевна вышла замуж за мглинского сотника Максима Михайловича Турковского (? – до 1754) и передала ему в приданое село Журавку с хутором Журавским, пасеку и мельницу

на реке Свиге и другое недвижимое имущество, которое 29 апреля 1732 года было закреплено за ним универсалом гетмана Апостола[177].

Однако детей от брака у неё не было, и после её смерти всё приданое имущество было возвращено её ближайшим родственникам – двоюродным братьям Ивану Тимофеевичу и Антону Тимофеевичу Жоравко, которые в 1748 году добровольно разделили между собой указанные и другие владения, а 14 декабря 1749 года получили на них подтвердительную царскую грамоту. Село Журавка с Журавским хутором достались по указанному разделу Ивану Тимофеевичу Жоравко [20, с. 836–837], генеральному есаулу (1765–1781) и члену Малороссийской коллегии с 1771 по 1782 гг.

На момент проведения Румянцевской описи Малороссии 1765–1768 гг. И.Т. Жоравко владел в Журавке 43 дворами и 3 бездворными хатами [20, с. 836], а в 1779–1781 гг. – 51 двором и 57 хатами. В указанное время в селе проживало 60 обывателей со своими семьями, большинство из которых занимались выращиванием конопли и других сельскохозяйственных культур [21, с. 157].

После смерти И.Т. Жоравко, которая наступила после 1792 года, все его владения в Черниговской губернии унаследовала единственная дочь Наталья Ивановна Покорская-Жоравко (7.07.1749 – после 1811) [18, с. 93], а от неё они перешли к её сыновьям Ивану Ивановичу Покорскому-Жоравко и Фёдору Ивановичу Покорскому-Жоравко.

И.И. Покорский-Жоравко

По преданию, в начале 30-х годов XIX века Покорские-Жоравко продали Журавку очкинскому помещику Михаилу Осиповичу Судиенко, который в 1860 году владел в ней 257 крепостными мужского пола [15, с. 22].

В ходе крестьянской реформы 1861 года все судиенковские крепостные получили свободу и небольшие участки земли, а большая и лучшая часть земель осталась в собственности М.О. Судиенко, который выращивал на них коноплю и другие сельскохозяйственные культуры и сдавал землю в аренду местным жителям.

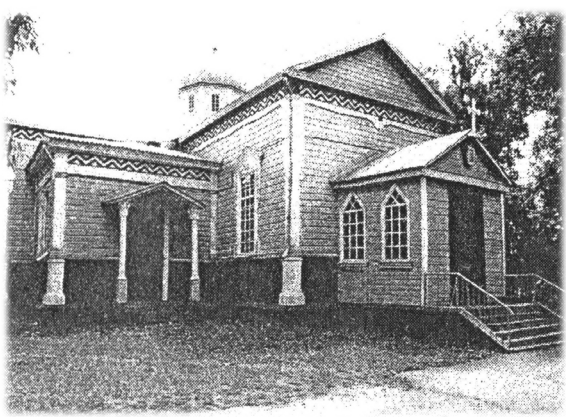
После смерти М.О. Судиенко, наступившей 8 сентября 1871 года, его журавские владения унаследовал его младший сын Александр Михай-

лович Судиенко (28.07.1832 – 12.04.1882), а от него они перешли к его сыновьям – Евгению Александровичу Судиенко (25.05.1870 – 1919) и Георгию Александровичу Судиенко (21.06.1872 – после 1930), которые владели ими до 1917 года.

Журавские крестьяне испытывали притеснения со стороны местных помещиков и в 1905–1907 гг. выступали против них с экономическими требованиями [24, с. 519], а весной 1917 года захватили пастбища Судиенко и стали самовольно выпасать на них скот[178].

В пореформенное время в Журавке работали 2 водяных мельницы и 1 крупорушка [4, с. 116], а в конце XIX – начале XX века – мукомольный и сукновальный завод предпринимателя Александра Викторовича Гарбузова, который производил масла, муки и сукна более чем на 13000 руб. в год [23, с. 452]. В 1912 году мукомольная мельница и крупорушка находились в собственности богатого журавского крестьянина Кирилла Демидовича Чухно и приносили ему около 1000 руб. прибыли в год[179].

Издавна, до проведения Румянцевской описи Малороссии 1765–1768 гг., в Журавке уже действовала Ильинская церковь деревянной постройки, в которой в 1779–1781 гг. служил один священник и два причетника. К началу 80-х годов позапрошлого века она обветшала, и в 1884 году на её месте была построена новая деревянная церковь [25, с. 24], в которой в разное время служили Виктор Волынский (? – 1863 – ?), Иоанн Левицкий (? – 1899 – ?) и другие священники.

Ильинская церковь

Согласно расписанию приходов и причтов Черниговской епархии от 17 января 1876 года, Ильинская церковь входила в состав Очкино-Журавского прихода, настоятелем которого в 1879 году был священник Успенской церкви села Очкино Иоанн Левицкий [26, с. 106].

В январе 1918 года в Журавке была установлена советская власть. Вскоре после этого церковь закрыли, а в 1921 году сожгли [14, с. 218].

В 1893 году в селе была открыта школа грамоты, в которой в начале

1890-х годов преподавал семинарист Черниговской духовной семинарии Герасименко, а в 1896 году одноклассная церковно-приходская школа, в которой 1 января 1899 года обучалось 23 мальчика и 2 девочки [30, с. 170–173]. Церковно-приходская школа находилась в деревянной пристройке к церкви и состояла из одной классной комнаты, посередине которой был установлен длинный стол, служивший партой для всех учащихся. Процент грамотности среди журавских жителей был невысоким и в начале 1897 года составлял 14,1 % [33, с. 27].

Сведения о количестве дворов и численности жителей (податных душ в 1795, 1799 гг.) села Журавки:

год	1795	1799	1859	1883	1892	1897	1901	1913
дворов	–	–	64	105	161	169	–	168
жителей	183	198	481	628	964	911	891	–
год	1917	1923	1926	1940	1976	1989	2001	2008
дворов	159	215	222	263	219	–	–	–
жителей	1007	1154	1182	–	–	413	315	285

Заречье (Заріччя)

Село Заречье (географические координаты: 52°14'52" с.ш., 33°47'21" в.д.) расположено по правую сторону реки Знобовки, на расстоянии около 1 км к северу от села Голубовки.

По преданию, оно было поселено в конце XVIII – начале XIX века голубовским помещиком Осипом Степановичем Судиенко рядом со своей мельницей, находившейся на реке Знобовке.

Со дня основания Заречье входило в состав села Голубовки и до революции называлось в народе Весёлым хутором, из-за весёлого нрава его жителей [14, с. 103].

После смерти О.С. Судиенко, наступившей 4 декабря 1811 года, Заречье досталось в наследство его сыну Михаилу Осиповичу Судиенко (1802 – 8.09.1871), а от него перешло к его сыну Иосифу Михайловичу Судиенко, который в начале 70-х годов XIX века продал его вместе со своими владениями в Голубовке предпринимателю Родиону Георгиевичу Беловскому.

На протяжении всего своего существования Заречье было небольшим населённым пунктом и в 1926 году насчитывало 8 дворов, в которых проживало 34 жителя, в 1976 году – 18 дворов, в 1989 году – 36 жителей, в 2001 году – 32 жителя, а 1.01.2008 года – 27 жителей.

Знобь-Трубчевская (Зноб-Трубчевська)

Село Знобь-Трубчевская (географические координаты: 52°17'31" с.ш., 33°34'29" в.д.) расположено по левую сторону реки Знобовки, на расстоянии около 38 км к северо-западу от Середина-Буды.

Село является административным центром Знобь-Трубчевского сельского совета, в состав которого входят населённые пункты: Знобь-Трубчевская, Карпеченково, Кудоярово, Любахово и Улица.

Знобь-Трубчевская относится к древнейшим поселениям Середино-Будского района. Она была основана до середины XV века, в то время, когда Северские земли входили в состав Великого Княжества Литовского, а может быть и раньше. Об этом свидетельствуют данные, содержащиеся в «Записях земельных дач короля Казимира», согласно которым в середине XV века Знобов уже существовала и в 1457 году была пожалована великим князем литовским и королём польским Казимиром Ягеллончиком – Артюшку[180].

С 1503 года и до заключения в декабре 1618 года Деулинского перемирия Знобь-Трубчевская входила в состав Великого княжества Московского и Русского царства, а после заключения Деулинского перемирия отошла к Речи Посполитой.

А.Н. Трубецкой

В начале двадцатых годов XVII века она была пожалована польскому шляхтичу Яну Завольскому, который через несколько лет уступил её новгород-северскому подкоморию Щасному Вишелю.

В 1629 году Щасный Вишель продал Знобь-Трубчевскую князю Петру Юрьевичу Трубецкому (? – 1644) [17, с. 307–308, 404], камергеру польского двора и стародубскому маршалу[181]. В его владении она находилось до его смерти, наступившей в 1644 году, после чего, по всей видимости, перешла по наследству к его жене Елизавете Друцкой-Соколинской и сыну Юрию Петровичу Трубецкому.

Однако в их владении Знобь-Трубчевская находилась недолго, поскольку уже в 1645 году была включена в состав Русского царства, а 7 марта 1660 года пожалована вместе с Трубчевским уездом князю Алек-

сею Никитичу Трубецкому (1660–1680).

После смерти А.Н. Трубецкого, наступившей в 1680 году, Знобь-Трубчевская перешла по наследству к его крестнику – Петру I[182] и с того времени находилась в ведении Приказа большого дворца[183], а её жители имели статус дворцовых крестьян и принадлежали лично царю и членам его семьи.

В конце XVIII в. Знобь-Трубчевская была пожалована тайному советнику Осипу Степановичу Судиенко и находилась в его владении до его смерти, наступившей 4 декабря 1811 года, после чего перешла по наследству к его сыну Михаилу Осиповичу Судиенко, который в 1860 году владел в ней 80 дворами и 232 крепостными мужского пола[184].

После смерти М.О. Судиенко, наступившей 8 сентября 1871 года, все его знобь-трубчевские владения унаследовал младший сын Александр Михайлович Судиенко (28.07.1832 – 12.04.1882), а от него они перешли к его сыновьям Евгению Александровичу Судиенко и Георгию Александровичу Судиенко.

До революции в Зноби-Трубчевской действовала православная Георгиевская церковь[185], при которой функционировала одноклассная церковно-приходская школа[186].

С 1861 года село входило в состав Селецкой волости Трубчевского уезда Орловской губернии, с 1920 года – Селецкой волости Трубчевского уезда Брянской губернии, с 1925 года – Трубчевской волости Почепского уезда Брянской губернии[187], а после принятия Президиумом ЦИК СССР постановления от 16 октября 1925 года «Об урегулировании границ УССР с РСФСР и БССР» было передано в состав Украины.

На протяжении всего своего существования Знобь-Трубчевская была значительным населённым пунктом и в начале 50-х годов XIX века насчитывала 88 дворов, в которых проживало 649 жителей[188], в 1866 году – 110 дворов и 794 жителя[189], в 1877 году – 156 дворов и 967 жителей[190], в 1897 году – 1355 жителей, в 1921 году – 2020 жителей[191], в 1926 году – 253 двора и 1255 жителей, в 1970 году – 358 дворов и 817 жителей, в 1989 году – 633 жителя, в 2001 году – 517 жителей, а 1.01.2008 года – 400 жителей.

Каменка (Кам’янка)

Село Каменка (географические координаты: 52°05'47" с.ш., 33°53'16" в.д.) расположено у истока реки Свиги, на расстоянии около 15 км к юго-западу от Середина-Буды.

Село является административным центром Каменского сельского совета, в состав которого входит один населённый пункт.

Кто и когда основал Каменку, точно неизвестно. Согласно показаний местных жителей, которые они давали в ходе Генерального следствия о маетностях Стародубского полка 1729 года, их село поселил «слободою на корогов Чернацкий», который был новгородским сотником в 1673 году. Жители соседнего села Голубовки считали это мнение ошибочным и утверждали, что село Каменку «осаживал Черняй», который занимал указанный уряд в 1675 году [19, с. 407–408].

Каких-либо других доказательств, которые бы подтверждали или опровергали показания голубовских и каменских жителей, найдено не было. В связи с этим А.М. Лазаревский не стал приписывать первенство основания Каменки кому-то одному из двух сотников и в своем «Описании старой Малороссии. Стародубский полк» указал, что она была поселена «перед Чигиринщиною, на корогов, Чернацким (Черняем), на тот час будучим сотником новгородским» [18, с. 230].

Нет единого мнения и в вопросе о происхождении названия Каменки. По утверждению бывшего воспитанника Черниговской духовной семинарии Фёдора Богуславского, в царствование Петра I Каменка «была хутором дворянина Каменского (отчего и получила название – Каменка)»[192].

Однако большинство исследователей с этим не соглашаются и считают, что Каменка позаимствовала своё название от названия местных озёр, которые издавна назывались Каменными из-за наличия вблизи них большого количества обломков горных пород (камней, валунов), занесённых в эти места с севера в ходе последнего ледникового периода. В пользу этого свидетельствует и исконное название села – Каменные Озёра (1723).

Со дня поселения Каменка находилась во владении её основателя, а после его смерти была пожалована на ранг новгородскому сотнику Константину Мартыновичу Карнауху (1680–1684) [19, с. 408]. В его владении она находилась несколько лет, после чего была передана в ведомство новгород-северской сотенной и ратушной старшины и в последующие годы предоставлялась на ранг новгородским войтам – Погорелому, Искре и Карасю[193], а затем была возвращена в ведомство новгород-северской сотенной и ратушной старшины и в 1686–1687 гг. пожалована гетманом Иваном Самойловичем новгородскому сотнику Стягайло Ивану (1686–1687, 1691–1692, 1698; 1699) [19, с. 408].

Однако каменские жители не захотели жить под его властью и об-

ратились к стародубскому полковнику Михаилу Андреевичу Миклашевскому с просьбой взять их село в своё владение. Миклашевский был заинтересован в расширении своих имений и перенаправил прошение каменских крестьян Ивану Мазепе, который 21 мая 1691 года удовлетворил их просьбу и пожаловал Каменку Михаилу Миклашевскому [36, с. 477], а Пётр I закрепил её за ним своей грамотой от 9 апреля 1696 года [19, с. 17–19].

19 марта 1706 года М.А. Миклашевский погиб в бою под Несвижем. После его смерти Каменка перешла по наследству к его сыновьям – Андрею, Степану и Ивану [19, с. 16], и находилась в их владении до прихода к власти И. Скоропадского, после чего окружение гетмана обвинило Михаила Миклашевского в том, что он подкупил Ивана Мазепу и незаконно завладел Каменкой. На этом основании Пётр I отобрал село у наследников М.А. Миклашевского и в декабре 1708 года пожаловал его на ранг новгородскому сотнику Лукьяну Жоравко, а 7 июля 1718 года закрепил его за ним своей грамотой [19, с. 259–260].

Летом 1719 года Лукьян Жоравко умер. Незадолго до смерти он подарил Каменку своему сыну от первого брака бунчуковому товарищу Григорию Лукьяновичу Жоравко, который по оборонному универсалу от 14 августа 1719 года владел в ней 8 дворами и 6 хатами (1723) [35, с. 42].

После смерти Григория Лукьяновича, которая наступила 23 апреля 1724 года, его каменские владения унаследовала его жена Анна Павловна Жоравко (? – 13.04.1731), дочь наказного гетмана Павла Полуботка[194], а от неё они перешли к её единственной дочери Марии Григорьевне Жоравко (? – до 1749) [35, с. 43].

23 января 1732 года Мария Григорьевна вышла замуж за мглинского сотника Максима Михайловича Турковского и передала ему в приданое село Каменку с хутором Каменским и другие свои владения, которые 29 апреля 1732 года были закреплены за ним универсалом гетмана Апостола[195].

Однако детей от брака у неё не было, и после её смерти всё приданое имущество было возвращено её двоюродным братьям Ивану Тимофеевичу Жоравко и Антону Тимофеевичу Жоравко, которые в 1748 году добровольно разделили между собой указанные и другие владения, а 14 декабря 1749 года получили на них подтвердительную царскую грамоту. Село Каменка «со всеми её принадлежностями» досталась по указанному разделу Ивану Тимофеевичу Жоравко [20, с. 836–837], генеральному есаулу (1765–1781) и члену Малороссийской коллегии с 1771 по 1782

гг.

На момент проведения Румянцевской описи Малороссии 1765–1768 гг. он владел в Каменке 34 дворами и 14 бездворными хатами [20, с. 838], а в 1779–1781 гг. – 65 дворами и 79 хатами. В указанное время в селе проживало 82 обывателя со своими семьями, которые занимались сельским хозяйством, выращиванием конопли, зерновых и других сельскохозяйственных культур [21, с. 485].

После смерти И.Т. Жоравко, наступившей после 1792 года, Каменку унаследовала его единственная дочь Наталья Ивановна Покорская-Жоравко (7.07.1749 – после 1811) [18, с. 93], а от неё она перешла по наследству к её младшему сыну подполковнику русской армии Фёдору Ивановичу Покорскому-Жоравко (1778 – до 1828) [37, с. 108–109].

Как долго Каменка находилась в его владении точно неизвестно. После смерти Фёдора Ивановича Каменка досталась его сыну подпоручику Александру Фёдоровичу Покорскому-Жоравко (9.09.1814 – 1851), который был женат на Елизавете Петровне Скоропадской, дочери предводителя дворянства Конотопского уезда Петра Петровича Скоропадского, и имел от неё двоих сыновей: Фёдора (5.03.1851 – ?) и Петра (15.02.1852 – ?) [37, с. 112].

По свидетельству современников, Покорские-Жоравко имели в Каменке усадебный дом в английском стиле и большой сад с липовыми аллеями и фонтаном из свежей ключевой воды. В конце сада находилось большое круглое озеро с искусственным островом, усаженным различными деревьями и испещрённым аллеями[196].

В начале 50-х годов XIX века А.Ф. Покорский-Жоравко начал возведение в селе сахарного завода, однако вскоре заболел и умер. После его смерти принадлежавшие ему владения в Каменке перешли по наследству к его несовершеннолетним детям и жене Елизавете Петровне Покорской-Жоравко, которая в 1853 году закончила строительство сахарного завода и начала выпуск готовой продукции[197].

Накануне отмены крепостного права, в 1859 году, в Каменке числилось 154 двора, в которых проживало 438 мужчин и 435 женщин. Большинство из них были крепостными и принадлежали Елизавете Петровне Покорской-Жоравко и её сыновьям Фёдору и Петру, которые в 1860 году владели в селе Каменке и Каменском хуторе 445 крепостными крестьянами мужского пола и 24 дворовыми крепостными мужского пола [15, с. 22].

30 марта 1858 года Елизавета Петровна вышла замуж за коллежского асессора Петра Васильевича Псиола (16.01.1822 – 04.1882) и стала про-

живать вместе с ним в селе Григоровке Конотопского уезда.

Её новый муж был человеком умным и честным, однако имел порочное пристрастие к азартным играм в карты. Может быть поэтому Елизавета Петровна прекратила с ним брачные отношения и в конце 70-х годов позапрошлого века продала свою экономию в Каменке «Товариществу сахарных и рафинадных заводов братьев Терещенко».

По границе купленной экономии новый собственник вырыл глубокие канавы и стал строго наказывать местных крестьян за выпас на ней животных и порубку леса. Это вызвало недовольство среди каменских жителей, и они подожгли владельческий лес и цегельню. Вскоре после этого товарищество прекратило свою хозяйственную деятельность в экономии и передало её в аренду местному предпринимателю Родиону Георгиевичу Беловскому.

В пореформенное время в Каменке функционировали 5 ветряных мельниц, 1 постоялый двор, 1 крупорушка и 1 винокуренный завод [4, с. 116], на которых работала значительная часть местных жителей. За свою работу они получали небольшую зарплату и в марте 1907 года предъявили своим работодателям требование об увеличении оплаты труда до 1 рубля в день для мужчин и 65 копеек в день для женщин. Их выступления носили упорный характер и закончились частичной победой: мужчинам была установлена плата в размере 65 копеек в день, а женщинам 45 копеек в день [14, с. 137].

Издавна, до проведения Румянцевской описи Малороссии 1765–1768 гг., в Каменке уже действовала Николаевская церковь деревянной постройки, в которой в 1779–1781 гг. служил один священник и два причетника. Однако в 1831 году она сгорела от удара молнии

Спустя два года, в 1833 году, Александр Фёдорович Покорский-Жоравко и его мать Прасковья Петровна Покорская-Жоравко (урождённая Бахтина) построили в Каменке новую кирпичную церковь в честь святителя Николая. По свидетельству воспитанника Черниговской духовной семинарии Фёдора Богуславского, новая церковь «имела в длину 11, в ширину 8, а в высоту 17 сажен». В ней был установлен изящно вырезанный иконостас с красивой живописью, а по углам пустые кувшины, служившие для усиления голоса священника. В церкви хранилась чаша с драгоценными камнями и изображениями святых, большое Евангелие, золотой престольный крест длиной около 35 сантиметров с надписью: «Гетман Малой Руси Многогрешный», золотом шитая риза и другие церковные ценности[198].

По высочайше утверждённому расписанию приходов и причтов Чер-

ниговской епархии от 17 января 1876 года, Николаевская церковь входила в состав Каменско-Пигаровского прихода, настоятелем которого в 1879 году был священник Рождество-Богородицкой церкви села Пигаревки Иоанн Липский, а помощником настоятеля – священник Николаевской церкви Иоанн Миловидов [26, с. 103].

Николаевская церковь

В разное время в церкви служили Леонтий Яковлевич Рознатовский (? – 1878 – ?), Иоанн Миловидов (? – 1879 – ?), Григорий Вуяхевич (? – 1901 – ?) и другие священники.

После прихода к власти большевиков Николаевскую церковь закрыли, а её здание начало ветшать и в 1974 году было разрушено [28, с. 281].

В 1874 году (по другим данным – в 1876, 1884 гг.) в Каменке была открыта земская школа, в которой в 1897 году обучалось 50 мальчиков и 4 девочки, а в 1901 году – 59 мальчиков и 2 девочки. Школа находилась в общественном доме и содержалась за счёт средств земства в сумме 165 руб. и сельского общества в сумме 135 руб. [29, с. 125]. Процент грамотности среди каменских жителей был одним самых высоких в Чернацкой волости и в начале 1897 года составлял 20,6 % [33, с. 29].

Сведения о количестве дворов и численности жителей (податных душ в 1795, 1799 гг.) села Каменки:

год	1795	1799	1859	1883	1892	1897	1901	1913
дворов	–	–	154	222	255	297	–	315
жителей	333	353	873	1174	1486	1729	2115	–
год	1917	1923	1926	1940	1970	1989	2001	2008
дворов	330	321	318	338	267	–	–	–
жителей	2062	1757	1413	–	775	468	427	327

Карпеченково (Карпеченкове)

Село Карпеченково (географические координаты: 52°18'03" с.ш.,

33°34'48" в.д.) находится по правую сторону реки Знобовки, на расстоянии около 1 км к северу от Зноби-Трубчевской.

Карпеченково было основано в начале 20-х годов прошлого века братьями Карпеченками и изначально входило в состав Селецкой волости Трубчевского уезда Брянской губернии, а с 1925 года – Трубчевской волости Почепского уезда Брянской губернии. В состав Украины оно было передано только 1 сентября 1926 года, после принятия Президиумом ЦИК СССР постановления от 16 октября 1925 года «Об урегулировании границ УССР с РСФСР и БССР»[199].

Карпеченково было небольшим населённым пунктом и в 1926 году насчитывало 16 дворов, в которых проживало 100 жителей. В июне 1942 года немецкие оккупанты сожгли в селе 30 дворов и расстреляли 30 жителей. Однако усилиями местных жителей оно было восстановлено.

Начиная с 70-х годов прошлого века количество дворов и численность населения в Карпеченково начали снижаться, а село приходить в упадок. В 1976 году в нём числилось 37 дворов, в 1989 году – 62 жителя, в 2001 году – 44 жителя, а в 2008 году – 26 жителей.

Ким (Кім)

Село Ким (географические координаты: 52°13'56" с.ш., 33°31'45" в.д.) находится на расстоянии около 2 км к юго-востоку от села Мефёдовки.

Село было основано в 1928 году мефёдовскими комсомольцами на землях, выделенных организованному ими колхозу – «Коммунистический интернационал молодежи» (сокращенно – КИМ).

Оно было небольшим населённым пунктом и в 1940 году насчитывало 39 дворов, в которых проживало около 150 жителей.

В годы Великой Отечественной войны немецкие захватчики сожгли в Киме большую часть дворов и расстреляли 9 жителей. Однако усилиями местных жителей село было восстановлено и к концу 1950-х годов насчитывало около 60 дворов, в которых проживало до 250 жителей. В советское время в селе работали магазин по продаже промышленных и продовольственных товаров, молочнотоварная ферма, свиноферма и конюшня.

В шестидесятых годах прошлого века село попало в разряд неперспективных населённых пунктов и начало приходить в упадок. Численность населения в нём из года в год снижалось и к 1 января 2008 года в селе осталось всего 16 жителей, а на сегодняшний день и того меньше.

Красичка (Красичка)

Село Красичка (географические координаты: 52°11'14" с.ш., 33°45'49" в.д.) расположено по правую сторону реки Свиги, на расстоянии около 5 км к северо-востоку от села Жихово.

Красичка была поселена в 1702 году [18, с. 229] «хорунжим полковым стародубским Иваном Юркевичем на свободной войсковой земле» [19, с. 15] в «грунте новгородском, в дубраве около леса Лютого и Красечина, меж рекою Свигою и дубравою Борщихою» на основании универсала стародубского полковника Михаила Миклашевского от 20 сентября 1702 года [20, с. 841] и универсала гетмана Ивана Мазепы от 3 декабря 1702 года [19, с. 15, 347].

Основатель Красички Иван Афанасьевич Юркевич был выходцем из «польской области». В конце XVII века он вместе со своим братом Трофимом пришёл с казацким войском в Стародубский полк, купил себе 4 октября 1687 года у «Яска Якименка мельницу на реке Свиге у Таборища Селецкого, ниже Хильчич и Кривоносовки стоячую» [19, с. 349] и поселился недалеко от неё в собственном хуторе.

19 марта 1706 года Иван Юркевич погиб в бою под Несвижем. После его смерти село Красичка и другие его владения в Стародубском полку были закреплены за его женой Зиновией Юркевич универсалом гетмана Мазепы от 21 июня 1706 года, а 14 декабря 1728 года утверждены универсалом гетмана Даниила Апостола за ней и тремя её сыновьями: Николаем, Сафоном и Пантелеймоном [19, с. 347–350].

На момент проведения Румянцевской описи Малороссии 1765–1768 гг., в Красичке числилось 9 подсоседческих хат, из которых войсковому товарищу Николаю Ивановичу Юркевичу принадлежало 4 хаты, а его племяннику войсковому товарищу Якову Пантелеймоновичу Юркевичу – 5 хат [20, с. 841], а на момент описания Новгород-Северского наместничества 1779–1781 гг. – 22 двора, 24 хаты и 6 бездворных хат, из которых войсковому товарищу Осипу Юркевичу принадлежало 2 двора, 2 хаты и 1 бездворная хата, войсковому товарищу Лукьяну Пантелеймоновичу Юркевичу – 1 двор, 1 хата и 3 бездворных хаты, войсковому канцеляристу Осипу Юркевичу – 7 дворов и 7 хат, войсковому канцеляристу Петру Сафоновичу Юркевичу – 3 двора, 3 хаты и 2 бездворные хаты, войсковому канцеляристу Гаврилу Пантелеймоновичу Юркевичу – 2 двора и 3 хаты, войсковому канцеляристу Семёну Пантелеймоновичу Юркевичу – 3 двора и 3 хаты, войсковому канцеляристу Осипу Сафоновичу Юркевичу – 1 двор и 1 хата и Марии Васильевне Завадовской, жене

умершего значкового товарища Петра Юркевича – 3 двора и 4 хаты. В указанное время в селе проживало 34 обывателя со своими семьями, которые земледелием занимались мало из-за недостатка пахотных земель, а прибыль свою имели от занятия плотницким, бондарным и колёсным промыслами [21, с. 158].

Кому из Юркевичей принадлежала Красичка после описания Новгород-Северского наместничества 1779–1781 гг. нам установить не удалось, поскольку их род был довольно многочисленным, а владения мелкими. Известно, что в середине XIX века на Новгород-Северщине проживали Африкан Яковлевич Юркевич, гвардии капрал Михаил Яковлевич Юркевич, капитан Андрей Яковлевич Юркевич, коллежский секретарь Андрей Лукьянович Юркевич и другие представители рода Юркевичей[200]. Однако кому из них и сколько крепостных принадлежало в селе Красичке неизвестно.

Накануне отмены крепостного права, в 1859 году, в селе числилось 60 дворов, в которых проживал 371 житель. Большинство из них были крепостными и находились во владении действительного статского советника П.Т. Тернавского, Е.А. Тернавской, А.Л. Юркевич, А.Я. Юркевич [16, с. 79, 80] и других помещиков.

В 1890 (1891) году в Красичке была открыта школа грамоты, в которой 1 января 1899 года обучалось 27 мальчиков и 2 девочки [30, с. 182–183]. Процент грамотности среди местных жителей был невысоким и в начале 1897 года составлял 12,6 % [33, с. 30].

Своё название Красичка позаимствовала от названия протоки Красичин или леса Красечина, вблизи которых её поселил Иван Юркевич.

В Красичке родился видный публицист и писатель Михаил Васильевич Юркевич (М. Горюнин) (1852 – 29.10.1909), автор многотомного издания «Двадцатипятилетние итоги Княжества Болгарии 1879–1904 гг.» и других работ по истории Болгарии и России[201].

Сведения о количестве дворов и численности жителей (податных душ в 1795, 1799 гг.) села Красички:

год	1795	1799	1859	1892	1897	1901	1913	1917
дворов	–	–	60	89	90	–	116	106
жителей	131	131	371	559	608	602	–	752
год	1923	1926	1940	1976	1989	2001	2008	
дворов	132	141	153	152	–	–	–	
жителей	825	790	–	–	267	170	135	

Красноярское (Красноярське)

Село Красноярское (географические координаты: 52°14'39" с.ш., 33°24'53" в.д.) находится на расстоянии около 3,5 км к северо-востоку от села Очкино.

Красноярское было основано в середине 20-х годов прошлого века крестьянами села Очкино, которые испытывали недостаток в пахотных землях по месту своего жительства. Оно быстро разрасталось и к концу 1926 года насчитывало 55 дворов, в которых проживало 273 жителя.

В годы Великой Отечественной войны немецкие оккупанты сожгли в Красноярском 57 дворов и расстреляли 5 мирных жителей. Однако в 1950-х годах село было восстановлено. В нём были построены ферма для откорма телят, магазин, клуб, библиотека и начальная школа, которая действовала до 1969 года.

Начиная с 70-х годов прошлого века, количество дворов и численность населения в Красноярском начала снижаться, а село приходить в запустение. К 1 января 2008 года в нём осталось всего 9 жителей, а на сегодняшний день и того меньше.

По преданию, своё название Красноярское позаимствовало от названия яров, оставшихся от выработки красной глины для производства кирпича.

Кренидовка (Кренидівка)

Село Кренидовка (географические координаты: 52°14'18" с.ш., 33°27'50" в.д.) расположено вокруг небольших озёр, на расстоянии около 45 км к западу от Середина-Буды.

Кренидовка является административным центром Кренидовского сельского совета, в состав которого входят населённые пункты: Кренидовка, Васильевское, Ким, Мефёдовка, Украинское и Червоное.

Если верить показаниям местных жителей, которые они давали в ходе Генерального следствия о маетностях Стародубского полка 1729 года, Кренидовка «при владении польском не была поселена, однако через несколько лет после владения польского житель деревни Доматканово Новгород-Северского уезда, прозываемый Кренида, на грунтах войскового села Очкино осадил её слободою» [19, с. 510].

На протяжении нескольких лет со дня основания Кренидовка пребывала «в диспозиции и власти гетманской и войсковой под ведомством старшины новгородской», а в конце XVII века была пожалована гетманом

Мазепой писарю Новгородской сотни Ивану Лысому. В его владении она находилась около семи лет, после чего была возвращена в «диспозицию войсковую под ведомство ратуши новгородской» [19, с. 347–348, 479, 510], и в 1702 году пожалована Иваном Мазепой «за службы войсковые» стародубскому полковому хорунжему Ивану Юркевичу [18, с. 222].

19 марта 1706 года Иван Юркевич погиб в бою под Несвижем. После его смерти Кренидовка была закреплена универсалом гетмана Мазепы от 21 июня 1706 года за его женой Зиновией Афанасьевной Юркевич, а 4 января 1709 года подтверждена за ней универсалом гетмана Скоропадского [19, с. 347–349].

Однако уже через несколько лет Иван Скоропадский отобрал Кренидовку у Зиновии Юркевич и пожаловал её канцеляристу войсковой генеральной канцелярии Григорию Михайлову, который владел ею около одиннадцати лет [19, с. 53, 510]. После его смерти село непродолжительное время оставалось во владении его жены, о чём свидетельствуют данные ревизии 1723 года, в ходе которой в Кренидовке было выявлено 72 двора и 22 хаты, из которых «п. Григорьевой канцеляристовой» принадлежало 56 дворов и 22 хаты, а казакам – 16 дворов [18, с. 222].

В 1725 году императрица Екатерина I пожаловала Кренидовку Василию Христичевскому, новгородскому сотнику с 1724 (1725) по 1727 гг. и с 1729 (1735) по 1738 гг., который был женат на дочери богатого стародубского войта Степана Спиридоновича Ширая – Прасковье. Прасковья Степановна имела плохую репутацию у местных жителей и проявляла по отношению к ним неоправданную жестокость при сборе налогов. В связи с этим они в 1733 году вынуждены были жаловаться на неё гетману Апостолу: «Як войдет она с братом своим Карпеченком у село, (то) збитечные и неналежные брат её аггравации чинит, от которого приезду завжды утекаем из села» [18, с. 222].

19 августа 1730 года гетман Данила Апостол закрепил Кренидовку за Василием Христичевским «в свободное и беспрепятственное владение» [19, с. 315–316, 392], однако уже через год, 27 августа 1731 года, императрица Анна Иоанновна распорядилась отобрать её у Христичевского и возвратить детям полкового хорунжего Ивана Юркевича – значковым товарищам Николаю, Сафрону и Пантелеймону[202]. 10 сентября 1731 года гетман Апостол исполнил распоряжение императрицы и возвратил Юркевичам их кренидовские владения [20, с. 838], за исключением владений 11 казаков: Петра Михиева, Ивана Барановского, Данилы Крижного, Петра Розумного, Евдокима Розумного, Герасима Чирка, Омеляна Синявского, Никиты Барановского, Гришка Наумова, Гришка Козелченко,

Ефима Материнки, Сазона Кривого и Кондрата Литвина, которые сохранили за собой свои земли, сенокосы и пастбища.

На момент проведения Румянцевской описи Малороссии 1765–1768 гг. в Кренидовке числилось 17 дворов и 63 бездворные хаты, из которых Василию Христичевскому принадлежало 6 дворов и 1 бездворная хата, войсковому товарищу Николаю Юркевичу – 2 двора и 21 бездворная хата, войсковому товарищу Якову Юркевичу – 4 двора и 13 бездворных хат, войсковому канцеляристу Иосифу Юркевичу – 28 бездворных хат и казакам – 5 дворов [20, с. 838], а на момент описания Новгород-Северского наместничества 1779–1781 гг. – 88 дворов, 93 хаты и 1 бездворная хата, из которых за Марией Юркевич числилось 15 дворов, 15 хат и 1 бездворная хата, за войсковыми товарищами Яковом и Лукьяном Юркевичами – 14 дворов и 15 хат, за войсковыми канцеляристами Иосифом и Гаврилом Юркевичами – 19 дворов и 19 хат, за умершим войсковым товарищем Николаем Юркевичем – 7 дворов и 7 хат, за капитаном Христичевским-Глазовым – 26 дворов и 26 хат, за казаками – 2 двора и 5 хат и за подпомощниками – 5 дворов и 6 хат [21, с. 146].

Кому принадлежала Кренидовка после указанного времени, точно неизвестно.

Накануне отмены крепостного права, в 1859 году, в ней числилось 95 дворов, в которых проживало 320 мужчин и 360 женщин. Большинство из них были крепостными и принадлежали А.А. Юркевичу, И.А. Юркевичу, В.Ф. Юркевичу, К.Ф. Маевскому, З.И. Алёхиной, Е.В. Бадилевской, М.Г. Герстфельдт, Е.Г. Доппельманру, Е.Г. Пузановой, Е.А. Тернавской [16, с. 76, 78–81], М.О. Судиенко и другим помещикам.

После отмены крепостного права в Кренидовке начались стихийные выступления крестьян против местной власти, которые были вызваны резким ухудшением их материального положения, усилением эксплуатации со стороны помещичьих управляющих и распространившимися слухами о том, что в случае выполнения барщины их снова закрепостят.

Обеспокоенные этими обстоятельствами кренидовские крестьяне оставили работу в помещичьих экономиях и решительно заявили местным властям, что если их и дальше будут принуждать к барщине, они откажутся от земельного надела и от исполнения каких бы то ни было повинностей.

Выступления кренидовских крестьян были одними из первых в Новгород-Северском уезде и повлекли за собой волну протестов более чем в 20 населённых пунктах[203].

Издавна, до проведения Румянцевской описи Малороссии 1765–1768

гг., в Кренидовке уже действовала православная церковь деревянной постройки, носившая имя святой великомученицы Варвары, в которой на момент описания Новгород-Северского наместничества 1779–1781 гг. служил один священник и один причетник. Однако к середине позапрошлого века она обветшала, и на её месте в 1850 году была возведена новая церковь [25, с. 24], которая в 1932 году сгорела от удара молнии [14, с. 149].

По высочайше утверждённому расписанию приходов и причтов Черниговской епархии от 17 января 1876 года, Варваринская церковь входила в состав Кренидовско-Мефёдовского прихода, настоятелем которого в 1879 году был священник Николаевской церкви села Мефёдовки Василий Самбурский [26, с. 106].

В разное время в церкви служили Николай Симеонтовский (? – 1895 – ?), Стефан Ковтунов (? – 1900–1901 – ?) и другие священники.

В 1893 году в Кренидовке была открыта земская школа, в которой в 1896–1897 учебном году обучалось 35 мальчиков и 2 девочки, а в 1901 году – 46 мальчиков и 5 девочек. Школа находилась в общественном доме и содержалась за счёт средств земства в сумме 150 руб. и сельского общества в сумме 135 руб. [29, с. 125]. Процент грамотности среди кренидовских жителей был невысоким и в начале 1897 года составлял 11,8 % [33, с. 27].

Своё название Кренидовка позаимствовала от прозвища основателя, жителя деревни Доматкановo Новгород-Северского уезда – Креniды.

Сведения о количестве дворов и численности жителей (податных душ в 1795, 1799 гг.) села Кренидовки:

год	1795	1799	1859	1883	1892	1897	1901	1913	1917
дворов	–	–	95	126	152	163	–	164	158
жителей	331	334	680	713	951	903	921	–	1065
год	1923	1926	1940	1970	1976	1989	2001	2008	
дворов	233	227	324	271	263	–	–	–	
жителей	1270	1216	–	723	–	489	391	285	

Крещиково (Хрещикове)

Село Крещиково (географические координаты: 52°09'32" с.ш., 33°46'39" в.д.) находилось на расстоянии около 4 км к северо-западу от села Пигаревки.

Точное время основания села неизвестно. По мнению середино-будских краеведов, Крещиково было основано переселенцами из окрестных населённых пунктов в годы НЭПа [14, с. 236–237]. Однако в архивных документах его название встречается на несколько десятилетий раньше (к примеру, в документах рядового Игната Гавриловича Головко, призванного на военную службу Середино-Будским РВК Сумской области в 1941 году, дата и место рождения указано – «хутор Крещиков, 1906 год» (ЦАМО, фонд 58, опись 977523, дело 279).

Крещиково было небольшим населённым пунктом и в 1940 году насчитывало 29 дворов, в которых проживало около 100 жителей. В годы Великой Отечественной войны село находилось на оккупированной территории и 28 мая 1942 года было полностью сожжено немецко-фашистскими захватчиками[204]. Однако усилиями местных жителей село было восстановлено и в 50-х годах прошлого века насчитывало 25 дворов, в которых проживало около 100 жителей.

Крещиково относилось к разряду неперспективных населённых пунктов и не имело ни магазина, ни школы, ни клуба. Численность населения в нём из года в год снижалось и в 90-х годах прошлого века оно опустело, а 19 октября 2000 года было снято с учёта населённых пунктов Сумской области[205].

Кривоносовка (Кривоносівка)

Село Кривоносовка (географические координаты: 52°09'15" с.ш., 33°26'14" в.д.) расположено по левую сторону реки Бычихи, на расстоянии около 54 км к юго-западу от Середина-Буды.

Село является административным центром Кривоносовского сельского совета, в состав которого входят населённые пункты: Кривоносовка, Боровичи, Таборище и Хильчичи.

Согласно показаниям местных жителей, которые они давали в ходе Генерального следствия о маетностях Стародубского полка 1729 года, их село «за польской державы было осажено слободою поляком Пясочинским» [19, с. 477]. Однако, каким из них (Александром Пясочинским, который с 22 октября 1633 года возглавлял Новгород-Северское староство, или его сыном Яном, который 25 февраля 1641 года сменил его на указанной должности)[206] местные старожилы не говорили.

Украинский историк Пётр Михайлович Кулаковский придерживается аналогичной точки зрения и считает, что Кривоносовка была поселена Пясочинскими в середине 40-х годов XVII века, после приобретения

в 1644 году Александром Пясочинским села Хильчич с прилегающими к нему землями [17, с. 303, 444].

Со дня поселения Кривоносовка находилась во владении её основателей, а после освобождения Украины от поляков перешла под власть гетманскую и войсковую [19, с. 478].

8 марта 1715 года она была пожалована гетманом Скоропадским бунчуковому товарищу Даниле Герасимовичу Кутневскому (? – 9.04.1732), «за верность и усердие в военной службе», а 7 июня 1718 года закреплена за ним, его женой и детьми грамотой Петра I в «спокойное и непременное владение» [19, с. 391].

Данила Кутневский был сыном богатого мещанина Герасима Тимофеевича, проживавшего в хуторе Кремле около Ямполя. После женитьбы на Марии Савичне Савич, дочери генерального судьи Саввы Прокоповича, он в 1699 году записался в казаки и через тринадцать лет дослужился до должности новгород-северского сотника (15.01.1712 – 1715).

По ревизии 1723 года Д.Г. Кутневский владел в Кривоносовке 59 дворами и 20 хатами, Григорий Лукьянович Жоравко – 6 хатами, а казаки – 17 дворами [18, с. 223]. Среди казаков того времени (по данным на 1732 год) известны: Фёдор Митченко, Парфен Куличенко, Фёдор Гузенко, Тит Пулишкин, Мойсей Синченко, Иван Лахоненко, Григорий Буйченок, Иван Мартынов, Михаил Гузеев и Семён Пулишкин.

После смерти Данилы Кутневского, наступившей 9 апреля 1732 года, принадлежавшие ему владения в Кривоносовке остались во владении его жены М.С. Савич (? – после 1742), а от неё в равных частях перешли к её детям – бунчуковым товарищам Василию Даниловичу (? – после 1785) и Ивану Даниловичу Кутневским (? – до 1768), а после смерти И.Д. Кутневского – к его жене Параскевии Кутневской [35, с. 650].

Что касается владений Григория Лукьяновича Жоравко (? – 23.04.1724), то после его смерти они отошли к его жене Анне Павловне Жоравко (? – 13.04.1731), а от неё – к её единственной дочери Марии Григорьевне Жоравко (? – до 1748). 23 января 1732 года Мария Григорьевна вышла замуж за мглинского сотника Максима Михайловича Турковского и передала ему в приданое всё своё недвижимое имущество, которое 29 апреля 1732 года было закреплено за ним универсалом гетмана Апостола[207]. Однако после смерти Марии Григорьевны оно было возвращено её родственникам и передано во владение её двоюродному брату Ивану Тимофеевичу Жоравко (? – после 1792) [20, с. 836–837].

На момент проведения Румянцевской описи Малороссии 1765–1768 гг. в Кривоносовке числился 21 двор и 16 бездворных хат (не считая вла-

дения казаков), из которых бунчуковому товарищу Василию Даниловичу Кутневскому принадлежал 21 двор и 7 бездворных хат, Параскевии Кутневской – 16 дворов и 4 бездворные хаты, генеральному есаулу Ивану Тимофеевичу Жоравко – 2 двора и войсковому канцеляристу Иосифу Сафоновичу Юркевичу, женатому на одной из дочерей бунчукового товарища В.Д. Кутневского – 6 бездворных хат [20, с. 832], а на момент описания Новгород-Северского наместничества 1779–1781 гг. – 68 дворов и 89 хат, из которых Василию Даниловичу Кутневскому принадлежало 25 дворов и 32 хаты, Михаилу Ивановичу и Петру Ивановичу Кутневским (детям умершей Параскевии Кутневской) – 27 дворов и 34 хаты, выборным казакам – 3 двора и 7 хат, подпомощникам – 5 дворов и 6 хат, статскому советнику Ивану Тимофеевичу Жоравко – 2 двора и 2 хаты и Юркевичам – 6 дворов и 8 хат [21, с. 156].

После смерти В.Д. Кутневского принадлежавшие ему владения в Кривоносовке достались его сыну Андрею Васильевичу Кутневскому (1755 – до 1793), а от него перешли к его жене и двум дочерям[208], а владения М.И. Кутневского были унаследованы его дочерью Екатериною Михайловной Кутневской (ок. 1774 – до 1838), от которой перешли к её единственному брату коллежскому секретарю Ивану Михайловичу Кутневскому (1781 – после 1838) [35, с. 651, 720], проживавшему в селе Боровичи Новгород-Северского уезда[209]. Кому достались владения других собственников неизвестно.

Накануне отмены крепостного права, в 1859 году, в Кривоносовке числилось 36 дворов, в которых проживало 197 мужчин и 226 женщин. Большинство из них были крепостными и принадлежали Е.И. Кутневской, А.И. Юницкой, И.А. Юркевичу, П.Л. Чернявской, Е.А. Дёминой, А.А. Жуковой, Е. Сукиной, М. Смирновской [16, с. 80, 81] и другим собственникам.

В пореформенное время в селе работали 2 ветряных и 1 водяная мельница, 1 постоялый двор, 1 кирпичный завод [4, с. 116] и 1 торгово-промышленное предприятие по продаже пеньки и конопли Я.Л. Пирогова[210]. Некоторые из них принадлежали местным землевладельцам: помещице Александре Ивановне Юницкой, поручику Григорию Даниловичу Чернавскому, коллежскому регистратору Константину Петровичу Чернавскому, титулярному советнику Ивану Андреевичу Юркевичу, купцу Янкелю Лазаревичу Пирогову и др.

Накануне первой русской революции кривоносовские крестьяне жили бедно. Многие из них были недовольны существующими порядками и условиями жизни и в 1905 году открыто выступали против своих помещиков под руководством местного бедняка Максима Мушкетика. Крестьянские волнения продолжались 15 дней, пока в Кривоносовку не прибыла казачья сотня и не арестовала 12 наиболее активных участни-

ков волнений [14, с. 175].

Издавна, до проведения Румянцевской описи Малороссии 1765–1768 гг., в Кривоносовке уже действовала православная церковь деревянной постройки, в которой в 1779–1781 гг. служил один священник и один причетник. К началу 80-х годов XVIII века она обветшала и в 1783 году бунчуковый товарищ Михаил Иванович Кутневский возвёл в селе новую деревянную Михайловскую церковь, которая в 1836 году была частично перестроена [25, с. 25].

По высочайше утверждённому расписанию приходов и причтов Черниговской епархии от 17 января 1876 года, Михайловская церковь входила в состав Глазовско-Хильчичско-Кривоносовского прихода, настоятелем которого в 1879 году был священник Николаевской церкви села Глазово Сергей Андриевский, а помощником настоятеля – священник Рождество-Богородицкой церкви села Хильчичи Алексей Кутепов [26, с. 105–106].

В 1896 году в Кривоносовке была открыта одноклассная церковно-приходская школа, в которой 1 января 1899 года обучалось 37 мальчиков и 4 девочки. Законоучителем в школе работал священник Фёдор Самсонович Андриевский, а учителем – дочь местного дворянина Антонина Александровна Юркевич [30, с. 172–173]. Процент грамотности среди кривоносовских жителей был невысоким и в начале 1897 года составлял 10,5 % [33, с. 27].

По мнению некоторых исследователей Кривоносовка была названа в честь одного из героев освободительной войны украинского народа 1648–1654 гг., ближайшего соратника Богдана Хмельницкого – Максима Кривоноса. Однако это мнение ошибочно, поскольку село было основано польскими магнатами Пясочинскими ещё до того как началась национально-освободительная война 1648–1654 гг.

Вблизи Кривоносовки были выявлены стоянки древних людей эпохи бронзы[211].

В Кривоносовке родился известный украинский врач, антрополог и публицист Иван Иванович Пантюхов (19.07.1836 – 15.06.1911), автор более ста работ в области медицины, антропологии и этнографии: «Лекарственные растения Южной России» (Киев, 1869), «О народной медицине в Юго-западном крае» (Киев, 1875), «Статистические и санитарные очерки Киева» (Киев, 1875), «О лечении простыми средствами» (Киев, 1875), «Больницы и болезни в Киеве» (Киев, 1876), «Опыт санитарной топографии и статистики Киева» (Киев, 1877), «Причины болезней киевлян» (Киев, 1877), Киевский и Уманский уезды в антропологическом отношении» (1907) и т.д.[212]

Сведения о количестве дворов и численности жителей (податных душ в 1799 гг.) села Кривоносовки:

год	1799	1859	1883	1892	1897	1901	1913	1917
дворов	–	36	73	92	97	–	117	139
жителей	225	423	435	640	726	792	–	964
год	1923	1926	1940	1970	1989	2001	2008	
дворов	221	183	249	235	–	–	–	
жителей	1138	946	–	717	421	333	267	

Кудоярово (Кудоярове)

Село Кудоярово (географические координаты: 52°17'30" с.ш., 33°35'57" в.д.) находилось по правую сторону реки Знобовки, на расстоянии около 1,5 км к востоку от Зноби-Трубчевской.

Кудоярово было основано в 1923–1924 гг. переселенцами из окрестных населённых пунктов [14, с. 133] и изначально входило в состав Селецкой волости Трубчевского уезда Брянской губернии, а с 1925 года – Трубчевской волости Почепского уезда Брянской губернии. В состав Украины оно было передано только 1 сентября 1926 года, после принятия Президиумом ЦИК СССР постановления от 16 октября 1925 года «Об урегулировании границ УССР с РСФСР и БССР»[213].

Кудоярово было небольшим населённым пунктом и в 1926 году насчитывало 40 дворов, в которых проживало 200 жителей, в 1989 году – 10 жителей, а в 2001 году – 7 жителей. Оно относилось к неперспективным населённым пунктам и к 1 января 2008 года опустело.

Кустино (Кустине)

Село Кустино (географические координаты: 52°14'40" с.ш., 33°34'46" в.д.) находится на расстоянии около 3 км к юго-западу от Зноби-Новгородской.

Кустино было основано в начале 20-х годов прошлого века жителями Зноби-Новгородской, Уралова и Чигина [14, с. 77]. Оно быстро разрасталось и к 1923 году насчитывало 28 дворов, в которых проживало 124 жителя, а к 1926 году – 29 дворов и 157 жителей.

В 1942 году немецкие оккупанты сожгли в Кустино 40 дворов и расстреляли 13 жителей. Однако после войны село было восстановлено и в 1960 году насчитывало 50 дворов, в которых проживало более 200 жителей. В

селе работал сельский клуб, магазин и молочно-товарная ферма.

Кустино относится к неперспективным населённым пунктом, а численность населения в нём из года в год снижается. Если в 60-х годах прошлого века в селе проживало более 200 жителей, то 12 января 1989 году – 73 жителя, 5 декабря 2001 году – 65 жителей, а 1 января 2008 года – 31 житель.

Кустино позаимствовало своё название от названия урочища Кустино, вблизи которого его поселили переселенцы из окрестных сёл.

5 мая 1936 года в Кустино родился заслуженный художник Украины Николай Яковлевич Лебедь[214].

Лесная Поляна (Лісова Поляна)

Село Лесная Поляна (бывший хутор Тёмный), (географические координаты: 52°08'50" с.ш., 33°55'38" в.д.) находится на расстоянии около 2,5 км к западу от села Ромашково.

По утверждению уроженки села Валентины Ивановны Сапиной (Ивотской), Лесная Поляна была основана выходцами из села Чернацкого в 1928 году [14, с. 259]. Её утверждения имеют под собой основание, поскольку на момент проведения Всесоюзной переписи населения 1926 года населённого пункта с таким названием ещё не было.

Со дня поселения Лесная Поляна была небольшим населённым пунктом и в 1940 году насчитывала 13 дворов, в которых проживало около 50 жителей, а в середине 50-х годов прошлого века – 19 дворов и 107 жителей.

В 60-х года XX века она попала в разряд неперспективных населённых пунктов, численность населения в котором из года в год снижается. Если 12 января 1989 года в селе проживало 20 жителей, то к 1 января 2008 года осталось всего 7 жителей, а на сегодняшний день и того меньше.

Лесное (Лісне)

Село Лесное (до 1923 года – село Протопоповка), (географические координаты: 52°15'21" с.ш., 33°45'04" в.д.) расположено по левую сторону реки Знобовки, на расстоянии около 3 км к северо-западу от села Голубовки.

По утверждению Александра Матвеевича Лазаревского, Протопоповка была «поселена в конце XVII века, протопопом Афанасием Заруцким» [18, с. 230–231].

Афанасий Алексеевич Заруцкий был новгород-северским протопопом с 9 июля 1692 года по день своей смерти, наступившей в начале 20-х годов XVIII века. Он родился в конце 1660-х годов в городе Глухове, в семье Алексея Богдановича Заруцкого, глуховского городового атамана и новгород-северского протопопа. После окончания Киево-Могилянского коллегиума или польской школы Афанасий Алексеевич какое-то время проживал в Глухове и в 1687–1688 гг. написал «Книжицу на похвалу превысокого имени пресветлейших и державнейших великих государей и великой государыни благоверной царевны, их царского пресветлого величества, и на расширение славы всего их монаршего Российского царствия». Однако она так и не была издана.

Разочаровавшись в литературной деятельности, А.А. Заруцкий женился на Прасковье Константиновне Пригаре (? – 1734), дочери богатого новгород-северского мещанина Константина Халимоновича Пригары, получил за неё в приданое «грунта Знобовские, между речками Свигою, Знобовкою и Лютою лежачие» [35, с. 141], «заселил их и сделался самым значительным богачом»[215], а 9 июля 1692 года был назначен новгород-северским протопопом. Работая на указанной должности, он преуспел в проповеднической деятельности и 12 ноября 1708 года выступил в глуховской соборной церкви с обличительной проповедью против Ивана Мазепы, в которой «красноречиво изобразил его изменнические дела и оправдал наложенное на него церковное проклятие»[216]. Петру I понравилась проповедь Заруцкого, и 13 ноября 1708 года он выдал ему подтвердительную жалованную грамоту на ряд владений в Новгород-Северском и Глуховском уездах Черниговской губернии [19, с. 269], в том числе и на слободку Протопоповку, которая была поселена Афанасием Заруцким за несколько лет до указанного времени на месте одной из буд, принадлежавших его тестю Константину Пригаре[217].

Точное время основания Протопоповки неизвестно. Однако если исходить из того, что она была названа по чину основателя [18, с. 230–231], а чин новгород-северского протопопа Афанасий Заруцкий получил 9 июля 1692 года [35, с. 140], то можно предположить, что Протопоповка была поселена после указанной даты и до 1700 года.

7 января 1709 года Протопоповка была закреплена за Афанасием Заруцким универсалом гетмана Скоропадского, а 24 февраля 1710 года подтверждена царской грамотой [19, с. 266–268]. После смерти А.А. Заруцкого, Протопоповка в 1723 году отошла к его сыну Андрею Афанасьевичу Заруцкому, священнику соборной Успенской новгород-северской церкви, который по ревизии 1723 года владел в ней 7 дворами и 14 хата-

ми [18, с. 230–231].

12 февраля 1733 года Андрей Заруцкий умер. После его смерти Протопоповку унаследовали две его дочери: Анна Андреевна Заруцкая, которая была замужем за Игнатом Афанасьевичем Томиловским, священником Новгород-Северской соборной церкви, и Прасковья Андреевна Заруцкая, которая состояла в браке с новоместским сотником Андреем Тимофеевичем Силевичем [18, с. 230–231].

Свою часть Протопоповки после вступления в брак А.А.Заруцкая уступила своему мужу И.А. Томиловскому [18, с. 230–231], а после его смерти она перешла по наследству к их сыну Якову Игнатьевичу Томиловскому. Доля П.А. Заруцкой была унаследована её дочерью Анной, которая 21 августа 1762 года уступила её своему мужу бунчуковому товарищу Фёдору Григорьевичу Псиолу, сыну орлянского сотника Полтавского полка [37, с. 209–210].

На момент проведения Румянцевской описи Малороссии 1765–1768 гг. Ф.Г. Псиол владел в Протопоповке 12 бездворными хатами, Я.И. Томиловский – 6 бездворными хатами и Савва Игнатьевич Томиловский – 6 бездворными хатами [20, с. 839], а на момент описания Новгород-Северского наместничества 1779–1781 гг. Ф.Г. Псиол – 15 дворами и 15 хатами, винокуренным заводом и собственным восьмикомнатным жилым домом, а бунчуковый товарищ Я.И. Томиловский со своим племянником Михаилом Савичем Томиловским – 20 дворами и 20 хатами, винокуренным заводом и двумя собственными четырёхкомнатными домами. В указанное время в селе проживало 40 обывателей со своими семьями, которые из-за недостатка пахотной земли земледелием занимались мало, а имели «своё содержание и прибыль от заработков на винокурнях у владельцев своих и откупщиков» [21, с. 151].

После смерти Ф.Г. Псиола, наступившей до 1799 года, принадлежавшие ему владения в Протопоповке достались его сыну штабс-капитану Степану Фёдоровичу Псиолу (1780 – после 1833), а от него перешли к его жене Александре Ивановне Халанской и сыновьям Степану Степановичу Псиолу и Ивану Степановичу Псиолу.

Что касается владений Я.И. Томиловского, то после его смерти, наступившей до 1782 году, они остались во владении его жены Анастасии Ивановны Скорупы (1757 – ?)[218], а от неё перешли к её сыну капитану Алексею Яковлевичу Томиловскому (ок. 1771 – ?), служившему Рязанским губернским прокурором и обер-секретарём правящего сената. После смерти Алексея Яковлевича его протопоповские владения унаследовал его сын, предводитель дворянства Новгород-Северского уезда Алек-

сандр Алексеевич Томиловский (1816–1855), а от него они перешли к его жене Александре Николаевне Томиловской (урожденной Паниной)[219] и детям: Валерию Александровичу Томиловскому, Анатолию Александровичу Томиловскому, А.А. Томиловскому, М.А. Томиловской и Е.А. Томиловской [16, с. 80].

В 1859 году в Протопоповке числилось 32 двора, в которых проживали 128 мужчин и 144 женщины, и два винокуренных завода, один из которых принадлежал Александре Ивановне Псиол, а другой – Александре Николаевне Томиловской. Винокуренный завод А.И. Псиол производил 3196 вёдер спиртных напитков в год (1860), а А.Н. Томиловской – 5077 вёдер в год (1860) [22, с. 307].

После смерти А.И. Псиолы принадлежавшие ей владения в Протопоповке унаследовали её сыновья учёный агроном и мировой судья Новгород-Северского уезда Степан Степанович Псиол (1833 – 22.07.1891), и коллежский секретарь Иван Степанович Псиол (1822 – 28.06.1882), а после их смерти дети Степана Псиолы – земский начальник Новгород-Северского уезда Николай Степанович Псиол и предводитель дворянства Новгород-Северского уезда Василий Степанович Псиол [37, с. 213, 215].

Что касается владений Александры Николаевны Томиловской, то после её смерти они, вероятнее всего, достались её сыну Анатолию Александровичу Томиловскому, который в 1900 году владел в Протопоповке и других населённых пунктах Новгород-Северского уезда 341 десятинами земли[220].

В пореформенное время в Протопоповке работали 1 постоялый двор, 1 лавка, кирпичный завод [4, с. 116] и больница, которая находилась рядом с церковью [14, с. 103].

В 1905 году в селе происходили крестьянские выступления против помещика Псиола. Они были незначительны и не сопровождались каким-либо насилием. Несмотря на это, Псиол покинул своё имение и уехал в неизвестном направлении[221].

С незапамятных времён в Протопоповке функционировала церковь Покрова Пресвятой Богородицы деревянной постройки, которая была возведена еще протопопом Афанасием Алексеевичем Заруцким [25, с. 26]. В разное время в ней служили Григорий Финицкий (? – 1781 – ?), Арсений Бондаревский (? – 1901 – ?) и другие священники.

В церкви хранился портрет основателя Протопоповки Афанасия Заруцкого, на котором он был изображён во весь рост, в рясе и с крестом в руке, а также большая серебряная кружка, подаренная ему Петром I[222].

В 1937–1939 гг. церковь была закрыта и переоборудована под тракторный стан, а в годы Великой Отечественной войны разрушена [28, с. 279].

В 1887 году (по другим данным – в 1888 году) в Протопоповке была открыта земская школа, в которой в 1901 году обучалось 30 мальчиков и 12 девочек. Школа находилась в общественном доме и содержалась за счёт средств земства в сумме 165 руб. и сельского общества в сумме 120 руб. [29, с. 127]. Процент грамотности среди протопоповских жителей был одним из самых высоких в волости и в начале 1897 года составлял 31,2 % [33, с. 30].

После прихода к власти большевиков местные жители отобрали у протопоповских помещиков их дома, скот, сельскохозяйственный инвентарь и другое имущество, разгромили принадлежавший им винокуренный завод, на котором хранилось 17000 вёдер спирта и поделили между собой 7000 десятин их земли[223].

В Протопоповке (Лесном) родились писатель и переводчик Василий Фёдорович Псиол (1770 – до 1839)[224] и Герой Советского Союза, капитан первого ранга Георгий Алексеевич Рогачевский (5.05.1920 – 7.08.1996)[225].

Сведения о количестве дворов и численности жителей (податных душ в 1795, 1799 гг.) села Лесное:

год	1795	1799	1859	1883	1892	1897	1901	1913
дворов	–	–	32	70	93	104	–	124
жителей	85	88	272	440	560	604	559	–
год	1917	1923	1926	1940	1976	1989	2001	2008
дворов	121	185	180	181	115	–	–	–
жителей	761	884	896	–	–	237	181	159

Луг (Луг)

Село Луг (географические координаты: 52°10'10″ с.ш., 33°48'12″ в.д.) находилось по левую сторону реки Свиги, на расстоянии около 3 км к северо-западу от села Пигаревки.

Луг был основан в 1928 году переселенцами из окрестных населённых пунктов и до 40-х годов прошлого века назывался в народе хутор Борок. Он был небольшим населённым пунктом и в 1940 году насчитывал 29 дворов, в которых проживало около 100 жителей, а в середине 50-х годов прошлого века – около 150 жителей.

В 60-х годах XX столетия Луг попал в разряд неперспективных населённых пунктов и начал приходить в запустение. Численность населения в нём из года в год снижалась и в 2004 году он опустел [14, с. 236].

Лужки (Лужки)

Село Лужки (географические координаты: 52°07'45" с.ш., 33°52'49" в.д.) находилось по правую сторону от просёлочной дороги, которая ведёт из села Каменки в село Пигаревку, на расстоянии около 4 км к северу от села Каменки.

Лужки были основаны в 1924 году переселенцами из села Каменки и изначально назывались – хут. Иванченковы Лужки [14, с. 142–143]. Со дня основания они были небольшим населённым пунктом и в 1926 году насчитывали 37 дворов, в которых проживало 182 жителя, в 1940 году – 45 дворов и около 150 жителей, а в начале 1960-х годов – 52 двора и около 250 жителей. При советской власти в селе работал магазин, сельский клуб, молочнотоварная ферма, овцеферма и ферма для телят.

В 60-х годах прошлого века Лужки попали в разряд неперспективных населённых пунктов и начали приходить в упадок. Численность населения в них из года в год снижалась и в 1999 году они опустели, а 27 июля 2007 года были сняты с учёта населённых пунктов Сумской области[226].

Лукашенково (Лукашенкове)

Село Лукашенково (географические координаты: 52°10'30" с.ш., 33°49'35" в.д.) расположено по правую сторону реки Свиги, на расстоянии около 5 км к югу от села Великая Берёзка.

Точное время основания села неизвестно. На момент описания Новгород-Северского наместничества 1779–1781 гг. населённого пункта с таким названием не было. Он возник чуть позже, в промежутке между 1781 и 1786 гг.

По преданию, Лукашенково было поселено на землях села Пигаревки монахами Новгород-Северского Спасо-Преображенского монастыря, одного из главнейших колонизаторов Задесенья. Если это действительно так, то со дня своего основания и до 1786 года оно находилось во владении Спасо-Преображенского монастыря, а после принятия Екатериной II именного указа от 10 апреля 1786 года «О штатах Киевской, Черниговской и Новгород-Северской епархий» было передано в казённое ведомство[227].

Указанное предание имеет под собой основание и подтверждается материалами ревизии 1795 года, согласно которым в 1795 году в Лукашенково проживало 12 податных душ мужского пола, которые имели статус государственных крестьян и платили денежный налог в государственную казну.

С 1893 году в селе функционировала школа грамоты, которая находилась в наёмном помещении, а её учитель Хоминич официально никакой оплаты за свой труд не получал [32, с. 30–31]. Может быть поэтому процент грамотности среди местных жителей был одним из самых низких в Чернацкой волости и в начале 1897 года составлял всего 7,3 % [33, с. 29].

В Лукашенково родился полный кавалер четырёх Георгиевских крестов Семён Савельевич Грешило [14, с. 88].

Сведения о количестве дворов и численности жителей (податных душ в 1795, 1799 гг.) села Лукашенково:

год	1795	1799	1859	1892	1897	1901	1913	1917
дворов	–	–	18	39	38	–	49	53
жителей	12	21	113	218	273	287	–	348
год	1923	1926	1940	1976	1989	2001	2008	
дворов	67	73	80	74	–	–	–	
жителей	325	360	–	–	153	112	86	

Любахово (Любахове)

Село Любахово (географические координаты: 52°17'06" с.ш., 33°30'56" в.д.) находится на расстоянии около 4 км к юго-западу от села Знобь-Трубчевская.

Оно было основано в 1924 году переселенцами из Знобби-Трубчевской и окрестных населённых пунктов [14, с. 132] и со дня основания входило в состав Селецкой волости Трубчевского уезда Брянской губернии, а с 1925 года – Трубчевской волости Почепского уезда Брянской губернии. В состав Украины село было передано только 1 сентября 1926 года, после принятия Президиумом ЦИК СССР постановления от 16 октября 1925 года «Об урегулировании границ УССР с РСФСР и БССР»[228].

Любахово было небольшим населённым пунктом и в 1926 году насчитывало 21 двор, в которых проживало 116 жителей, а в 1940 году – 52 двора и около 200 жителей.

В годы Великой Отечественной войны село было полностью сожже-

но немецко-фашистскими захватчиками, однако после войны восстановлено и в 1960-х годах насчитывало около 50 дворов и более 200 жителей. В селе работала молочнотоварная ферма, свиноферма и птицеферма.

В 60-х годах прошлого века Любахово попало в разряд неперспективных населённых пунктов и начало приходить в упадок. Численность населения нём из года в год снижалось и к 1 января 2008 года в селе осталось всего 13 дворов, в которых проживало 19 жителей, а на сегодняшний день и того меньше.

Лютое (Люте)

Село Лютое (географические координаты: 52°15'35" с.ш., 33°39'24" в.д.) расположено по обоим берегам реки Лютки в месте её впадения в реку Знобовку, на расстоянии около 4 км к востоку от пгт Знобь-Новгородское.

Точное время основания села неизвестно. Впервые оно упоминается в описании Новгород-Северского наместничества 1779–1781 гг. под названием хутор Лютый. На то время населённый пункт находился в собственности бунчукового товарища Фёдора Григорьевича Псиолы, который владел в нём мельницей на реке Лютке, четырёхкомнатным жилым домом, винокуренным заводом и одним крестьянским двором с одним обывателем [21, с. 150].

Основателем Лютого, скорее всего, был Фёдор Григорьевич Псиол (ок. 1739 – до 1799), поскольку изначально населённый пункт находился в его собственности и на его землях.

Фёдор Псиол был сыном орлянского сотника Григория Васильевича Дяченко-Псиола. С 1755 года он служил войсковым канцеляристом в Генеральной войсковой канцелярии, был войсковым (19.08.1765) и бунчуковым товарищем (22.09.1774), а после ликвидации Гетманщины занимал должность заседателя совестного суда Новгород-Северского наместничества (1783–1784) и депутата дворянства Погарского уезда (с 22.03.1784).

21 августа 1762 года Фёдор Григорьевич женился на Анне Андреевне Силевич, правнучке Афанасия Алексеевича Заруцкого, и при вступлении в брак получил за неё в приданое часть Протопоповки, Знобь-Новгородской и Гутко-Ожинки [37, с. 210]. Вместе с указанными населёнными пунктами к нему перешла и часть «Знобовских грунтов, между реками Свигою, Знобовкою и Лютою лежачих» [35, с. 141], на которых и был поселён хутор Лютый.

После смерти Ф.Г. Псиолы, наступившей до 1799 года, принадлежавшие ему владения в Лютом перешли по наследству к его сыну штабс-капитану Степану Фёдоровичу Псиолу (1780 – после 1833), а от него – к его жене Александре Ивановне Халанской [16, с. 78] и сыновьям учёному агроному и мировому судье Новгород-Северского уезда Степану Степановичу Псиолу (1833 – 22.07.1891) и коллежскому секретарю Ивану Степановичу Псиолу (1822 – 28.06.1882). Иван Степанович был бездетным и все свои владения в Лютом завещал сыновьям С.С. Псиолы земскому начальнику Новгород-Северского уезда Николаю Степановичу Псиолу и предводителю дворянства Новгород-Северского уезда Василию Степановичу Псиолу.

До революции в Лютом не было ни церкви, ни школы. Может быть поэтому процент грамотности среди местных жителей был одним их самых низких в Протопоповской волости и в начале 1897 года составлял всего 4,8 % [33, с. 30].

Своё название Лютое позаимствовало от названия реки Лютки, вблизи которой его поселил Фёдор Григорьевич Псиол.

В 1913 году в Лютом был найден клад из 38 иностранных монет 1621 – 1649 годов чеканки[229].

Сведения о количестве дворов и численности жителей (податных душ в 1795, 1799 гг.) села Лютое:

год	1795	1799	1859	1892	1897	1901	1913	1917
дворов	–	–	4	10	7	–	11	13
жителей	10	7	48	67	72	57	–	107
год	1923	1926	1940	1976	1989	2001	2008	
дворов	25	25	28	45	–	–	–	
жителей	135	157	–	–	49	34	10	

Мефёдовка (Мефедівка)

Село Мефёдовка (географические координаты: 52°14'59" с.ш., 33°31'10" в.д.) расположено вокруг небольших озёр, на расстоянии около 3,5 км к северо-востоку от села Кренидовки.

Согласно показаниям местных жителей, которые они давали в ходе Генерального следствия о маетностях Стародубского полка 1729 года, Мефёдовка была поселена казаком Мефёдом «за позволением шляхтича польского Пясочинского» и на протяжении трёх лет до того времени, «как гетман Хмельницкий с войском казацким освободил Украину от ига

польского», находилась во владении Пясочинских [18, с. 408].

После освобождения Украины от поляков Мефёдовка была включена в разряд «свободных войсковых» сёл, предназначенных для «награждения военнослужащих, кто будет за свои службы достоин милости монаршей и рескрипту войскового» [19, с. 56] и в 1722 году пожалована наказным гетманом Павлом Полуботком и генеральной старшиной Семёну Яковлевичу Галецкому [19, с. 222], новгородскому сотнику с 1722 по 1723 год. Однако уже в следующем году, 14 декабря 1723 года, она у него была отобрана и возвращена в ведомство Новгород-Северской ратуши ввиду отсутствия у него «указа Его Императорского Величества об отдаче ему села в вечное или временное владение» [19, с. 258–259, 389].

По ревизии 1723 года в Мефёдовке числился 71 двор и 16 хат, из которых Новгород-Северскому магистрату принадлежало 52 двора и 16 хат, а казакам – 19 дворов [18, с. 223].

29 июня 1730 года гетман Даниил Апостол пожаловал Мефёдовку генеральному обозному Якову Ефимовичу Лизогубу (1675 – 24.01.1749)[230], внуку гетмана Петра Дорошенко. На то время в селе проживало 22 казака: Андрей Ващенко, Левон Шадар, Яков Овсеенко, Алексей Федотенко, Пётр Петров, Данило Салдатенко, Данило Подгайный, Иван Роговой, Игнат Солдатенко, Артём Редя, Мойсей Тишков, Иван Салдатенко, Есип Коваль, Дмитро Шаповал, Исай Асаул, Фёдор Роговой, Максим Ерченко, Хлор Андрощин, Данило Михайленко, Фёдор Мишченко, Дмитро Миколаенко и Осип Приходченко, за которыми были сохранены их земельные наделы и пастбища.

Во владении Якова Лизогуба Мефёдовка находилась до 1745 года, после чего была причислена к ранговым владениям судей и пожалована на ранг генеральному судье Малороссийского генерального суда Фёдору Ивановичу Лысенко, который владел ею до своей смерти, наступившей 5 января 1751 года. На его содержание жители Мефёдовки платили сверх панщины «окладу годового с четвертины поля по 1 р. 20 коп., итого 49 руб. 20 коп.; за мотки по 20 коп., итого 8 руб. 20 коп.; за 41 гуску по 6 коп.; за 82 каплуна по 3 коп., итого 4 руб. 92 коп.; жита и овса по 20 четвертей и 4 четверичка; конопель (зерна) по 10 четвертей 2 четверичка; пеньки (волокна) тертой по 42 пуда, да с бобылей деньгами собиралось по 10 руб.»[231]

После смерти Фёдора Лысенко Мефёдовка в 1756 году была отдана на ранг генеральному судье Илье Васильевичу Журману (? – 1783) [35, с. 61], который на момент проведения Румянцевской описи Малороссии 1765–1768 гг. владел в ней 83 дворами и 20 бездворными хатами [20, с.

839].

11 декабря 1775 года Екатерина II исключила Мефёдовку из ранговых владений судей и пожаловала её в вечное и потомственное владение одному из своих фаворитов Петру Васильевичу Завадовскому (10.01.1739 – 10.01.1812)[232], который с 8 сентября 1802 года занимал пост министра народного просвещения России, а с 1 января 1810 года – председателя Департамента законов Государственного Совета.

П.В. Завадовский

Это вызвало недовольство у И.В. Журмана, и он посоветовал своей жене Агафье Давыдовне Стрешенцовой повывозить из Мефёдовки всё самое ценное, «как то деньги и прочее (кроме казанов и худшей скотины), но так искусно, чтоб ни мужики и никто приметить не мог» [18, с. 222–223]. Исполнила ли Агафья Давыдовна совет мужа, мы не знаем.

На момент описания Новгород-Северского наместничества 1779–1781 гг. за П.В. Завадовским в Мефёдовке числилось 94 двора и 115 хат, за казаками – 4 двора и 10 хат, за подпомощниками – 17 дворов и 18 хат, за «приезжей» – 1 двор и 3 хаты и за бунчуковым товарищем Иваном Степановичем Судиенко – 2 двора и 5 хат. В указанное время в селе проживало 152 обывателя со своими семьями, которые занимались выращиванием конопли и изготовлением из неё пеньки и конопляного масла [21, с. 486].

После смерти П.В. Завадовского его мефёдовские владения перешли по наследству к его жене Вере Николаевне Апраксиной (2.02.1768 – 22.11.1845), двоим сыновьям: Александру Петровичу Завадовскому (12.08.1794 – 27.10.1856) и Василию Петровичу Завадовскому (15.07.1798 – 10.10.1855) и трём дочерям: Софье Петровне Завадовской (в замужестве Козловской) (1795 – 23.02.1829), Аглаиде Петровне Завадовской (в замужестве Мержеевской) (1799 – ?) и Татьяне Петровне Завадовской (в замужестве Каблуковой) (19.04.1802 – 5.01.1884).

Однако в связи с тем, что жена Петра Васильевича после его смерти начала вести разгульный образ жизни, а сыновья пристрастились к азартным играм и проиграли не одну сотню тысяч рублей, Александр I приказал все их имения взять в опеку, а их опекуном назначил надворно-

го советника Николая Осиповича Рославца[233], предводителя дворянства Мглинского уезда Черниговской губернии.

Накануне отмены крепостного права, в 1859 году, в Мефёдовке числилось 250 дворов, в которых проживал 1101 житель, 519 мужчин и 582 женщин. Большинство из них относились к крепостному сословию и принадлежали наследникам П.В. Завадовского, которые в 1861 году владели в селе 343 крепостными мужского пола [15, с. 22].

Завадовские были не единственными мефёдовскими помещиками. Помимо них, в селе находились владения В.Ф. Юркевича, Е.А. Савицкой [16, с. 79, 80] и других собственников.

В пореформенное время в Мефёдовке работали 6 ветряных мельниц, 1 лавка, 1 крупорушка [4, с. 116], 1 магазин по продаже бакалейных товаров Е.М. Туманского и ряд других небольших торговых и промышленных предприятий[234].

В 1905–1906 гг. в селе происходили крестьянские выступления против местных помещиков, которые сопровождались самовольной порубкой помещичьих лесов[235] и расправой над несколькими работниками лесной стражи помещика Псиола и двумя полицейскими стражниками, приехавшими разыскивать похищенный лес[236].

Издавна в Мефёдовке функционировала Николаевская церковь деревянной постройки, в которой на момент описания Новгород-Северского наместничества 1779–1781 гг. служил один священник и два церковника. Церковь была построена до 1730 года, о чём свидетельствует факт передачи в археографическую комиссию благочинным священником села Олтаря М.Г. Лубенцовым 20 копий с синодальных указов и пастырских посланий киевских митрополитов за 1730–1748 гг., хранившихся в архиве мефёдовской церкви[237].

К началу 30-х годов XIX века мефёдовская церковь обветшала, и в 1836 году в селе была построена новая деревянная церковь[238].

По высочайше утверждённому расписанию приходов и причтов Черниговской епархии от 17 января 1876 года, Николаевская церковь входила в состав Кренидовско-Мефёдовского прихода, настоятелем которого в 1879 году был священник Василий Самбурский [26, с. 106]. В разное время в ней служили Стебловский (? – 1815 – ?), Михаил Горбатовский (? – 1863–1874 – ?), Василий Самбурский (? – 1879 – ?), Иоанн Липский (? – 1888 – ?), Макарий Соколов (? – 1901 – ?), Сергей Туткевич (3.06.1899–1901 – ?) и другие священники.

В октябре 1860 года в селе была открыта церковно-приходская школа, в которой в 1860–1861 учебном году обучалось 23 мальчика и 2 де-

вочки [31, с. 175], а в 1861 году (по другим данным, в 1868 году) – земская школа, в которой в 1901 году училось 57 мальчиков и 6 девочек. Школа находилась в общественном доме и содержалась за счёт средств земства в сумме 225 руб. и сельского общества в сумме 75 руб. [29, с. 126]. Процент грамотности среди мефёдовских жителей был невысоким и в начале 1897 года составлял 14,4 % [33, с. 27].

Своё название Мефёдовка позаимствовала от имени казака Мефёды, который поселил её с разрешения польских магнатов Пясочинских.

В Мефёдовке родился герой Отечественной войны 1812 года Ермолай Васильевич Четвертаков (1781 – ?)[239], Герои Советского Союза: Фёдор Григорьевич Компанеец (3.08.1918 – 24.11.1976)[240] и Григорий Григорьевич Эсаулко (18.10.1923 – 26.04.1945)[241].

Сведения о количестве дворов и численности жителей (податных душ в 1795, 1799 гг.) села Мефёдовки:

год	1795	1799	1859	1883	1892	1897	1901	1913
дворов	–	–	250	220	267	287	–	322
жителей	460	443	1101	1223	1502	1648	1782	–
год	1917	1923	1926	1940	1976	1989	2001	2008
дворов	314	404	357	355	297	–	–	–
жителей	2041	2253	1912	–	–	490	325	290

Моховое (Мохове)

Село Моховое (географические координаты: 52°05'40" с.ш., 33°50'27" в.д.) находилось по левую сторону от просёлочной дороги, которая вела из села Пилипы в посёлок Высокосов, на расстоянии около 3,5 км к западу от села Каменки.

Моховое было основано в первой четверти XX века крестьянами села Каменки. Оно было небольшим населённым пунктом и в 1923 году насчитывало 15 дворов, в которых проживало 65 жителей, а в 1926 году – 14 дворов и 60 жителей.

В 60-е годы прошлого века село попало в разряд неперспективных населённых пунктов и начало приходить в запустение. Численность населения в нём из года в год снижалась, и в промежутке между 1977 и 1985 гг. оно опустело и было снято с учёта населённых пунктов Сумской области[242].

Новая Гута (Нова Гута)

Село Новая Гута (географические координаты: 52°16'25" с.ш., 33°50'59" в.д.) расположено по обе стороны реки Улички, на расстоянии около 5,5 км к юго-востоку от села Старая Гута.

По предположению А.М. Лазаревского, Новая Гута была поселена полтавским полковником Василием Васильевичем Кочубеем около середины XVIII века[243].

В.В. Кочубей

Василий Кочубей доводился старшим сыном основателю Старой Гуты Василию Леонтьевичу Кочубею. Около сорока лет своей жизни он провёл на службе в Малороссийском войске, принимал участие во многих военных походах, был знатным войсковым товарищем (1708–1718), бунчуковым товарищем и полтавским полковником (1727–1743).

После смерти своего младшего брата Фёдора, которая наступила в конце 1729 года, он унаследовал Старую Гуту[244] и между 1729 и 1743 гг. поселил вблизи неё Новую Гуту и построил в ней стекольный завод.

21 августа 1743 года В.В. Кочубей умер. После его смерти Новая Гута со стекольным заводом перешла по наследству к его сыну, глуховскому подкоморию и предводителю дворянства Глуховского уезда Василию Васильевичу Кочубею [35, с. 534]. На момент проведения Румянцевской описи Малороссии 1765–1768 гг. за ним в селе числилось 50 дворов и 26 бездворных хат [20, с. 842]. В 13 из них проживали ремесленники, а в 45 – винокуры. Винокуры были зажиточными людьми и имели в собственности от трёх до шести винокуренных котлов. Наиболее богатыми среди них были Карпенко, отец и сын, которые содержали по четыре наёмных работника и имели по шесть винокуренных котлов, по шесть лошадей и по 20 свиней. Крупными были хозяйства и у крестьян Полошкиных, Саввы и Григория, которые имели по три винокуренных котла и содержали по два наёмных работника[245].

Однако не все жители Новой Гуты были состоятельными людьми. Многие из них жили на владельческой земле, пользовалась небольшими

усадебными участками и вынуждены были работать по найму на винокурнях своих соседей или в окрестных сёлах.

Ко времени описания Новгород-Северского наместничества 1779–1781 гг. Новая Гута насчитывала 57 дворов, 61 хату и 17 бездворных хат. В них проживали 80 обывателей со своими семьями, которые имели «пропитание своё и прибыль от винного курения», а земледелием занимались мало из-за отсутствия достаточного количества пахотных земель. Производимый на винокурнях спирт они отвозили для продажи в местечко Городище, города Миргород, Гадяч и другие населённые пункты Украины [21, с. 152–153].

После смерти В.В. Кочубея, которая наступила до 1792 года, Новая Гута перешла по наследству к его сыну – предводителю дворянства Глуховского уезда Василию Васильевичу Кочубею (ок. 1750 – 03.1800), а от него к его жене Елене Васильевне Туманской (1762 – 23.12.1836) и трём сыновьям: Александру, Демьяну и Аркадию.

Весной 1826 года Кочубеи разделили между собой унаследованные имения и закрепили Новую Гуту за младшим сыном наследодателя действительным тайным советником Аркадием Васильевичем Кочубеем[246], а после смерти Е.В. Туманской утвердили указанный раздел через Глуховский земский суд.

Во владении А.В. Кочубея Новая Гута находилась до его смерти, наступившей 4 марта 1878 года, после чего перешла по наследству к его сыну – тайному советнику и председателю императорского Русского технического общества Петру Аркадьевичу Кочубею (17.06.1825 – 15.12.1892), а от него – к его сыну, предводителю дворянства Глуховского уезда Василию Петровичу Кочубею [35, с. 551].

В пореформенное время в селе работали 1 лавка, 1 ветряная мельница и 1 крупорушка [4, с. 116].

На момент проведения Румянцевской описи Малороссии (1765–1768 гг.) в Новой Гуте уже действовала Захарие-Елисаветинская церковь деревянной постройки, при которой работали церковно-приходская школа и госпиталь[247]. Церковь была построена предками Аркадия Кочубея и дважды перестраивалась в 1848 и в 1905 гг. [25, с. 26]

Приход Захарие-Елисаветинской церкви был большим и в 1887 году насчитывал 1015 прихожан, в том числе 499 мужчин и 516 женщин. За церковью был закреплён жилой дом и 5 десятин земли.

По высочайше утверждённому расписанию приходов и причтов Черниговской епархии от 17 января 1876 года, Захарие-Елисаветинская церковь входила в состав Гутского прихода, настоятелем которого в 1879

году был священник Воскресенской церкви села Старая Гута Стефан Сияльский [26, с. 104]. В разное время в ней служили Лев Картель (? – 1901 – ?) и другие священники.

Богослужения в церкви продолжались до конца 20-х – начала 30-х годов XX века, после чего её закрыли и передали местному колхозу под склады. В 1942 году склады были разрушены, и от бывшей церкви ничего не осталось [28, с. 284].

В 1870 (по другим данным в 1871) году в селе была открыта земская школа, в которой в 1901 году обучалось 55 мальчиков и 23 девочки. Школа находилась в общественном доме и содержалась за счёт средств земства в сумме 145 руб. и сельского общества в сумме 150 руб. [29, с. 126]. Процент грамотности среди новогутских жителей был одним из самых высоких в Протопоповской волости и в начале 1897 года составлял 31,8 % [33, с. 30].

Сведения о количестве дворов и численности жителей (податных душ в 1795, 1799 гг.) села Новая Гута:

год	1795	1799	1859	1883	1892	1897	1901	1913
дворов	–	–	144	146	172	186	–	237
жителей	210	225	637	945	977	1100	1200	–
год	1917	1923	1926	1976	1989	2001	2008	
дворов	225	320	318	99	–	–	–	
жителей	1462	1632	1057	–	142	99	64	

Нововасильевка (Нововасилівка)

Село Нововасильевка (географические координаты: 52°19'42" с.ш., 33°28'14" в.д.) расположено по правую сторону реки Знобовки, на расстоянии около 54 км к северо-западу от Середина-Буды.

Нововасильевка была основана в 1904 году переселенцами из села Васильевки Новгород-Северского уезда и других окрестных населённых пунктов [14, с. 193].

Она быстро разрасталась и в 1917 году насчитывала 87 дворов, в которых проживало 603 жителя, в 1923 году – 145 дворов и 795 жителей, в 1926 году – 150 дворов и 738 жителей, а в 1940 году – 224 двора.

В годы Великой Отечественной войны (в ноябре 1942 года и в начале мая 1943 года) немецкие оккупанты сожгли в Нововасильевке около 250 дворов и расстреляли 156 жителей [14, с. 194]. Однако после войны село было восстановлено. В нём были построены школа, магазин и молочно-

товарная ферма.

Начиная с 60-х годов прошлого века, численность населения в Нововасильевке начала снижаться. В 1970 году в селе числилось 247 дворов, в которых проживало 678 жителей, в 1989 году – 442 жителя, в 2001 году – 357 жителей, а 1.01.2008 года – 301 житель.

Недалеко от Нововасильевки были выявлены поселения эпохи неолита[248].

Нововладимировка (Нововолодимирівка)

Село Нововладимировка (географические координаты: 52°06'43" с.ш., 34°04'24" в.д.) расположено по правую сторону реки Знобовки, между сёлами Порохонь и Рожковичи, на расстоянии около 1 км к северу от Рожковичей.

Нововладимировка была основана в 1912 году 18 семьями переселенцев из сёл: Владимировки, Беловод, Новой Сечи, Андреевки, Алексеевки и других населённых пунктов Сумского уезда Харьковской губернии (в настоящее время Сумского района Сумской области) [14, с. 249], которые испытывали недостаток в пахотных землях на своей родине.

Переселенцы отличались от местного населения языком и обычаями, разговаривали на украинском языке, носили украинскую национальную одежду и проживали в украинских хатах.

Со дня основания Нововладимировка была небольшим населённым пунктом и в 1917 году насчитывала 40 дворов, в которых проживало 338 жителей, в 1923 году – 53 двора и 318 жителей, в 1926 году – 56 дворов и 346 жителей, в 1989 году – 86 жителей, в 2001 году – 54 жителя, а 1.01.2008 года – 44 жителя.

Новосовское (Новосовське)

Село Новосовское (географические координаты: 52°08'27" с.ш., 33°45'58" в.д.) находилось на расстоянии около 6 км к западу от села Пигаревки.

По утверждению середино-будских краеведов, Новосовское было основано переселенцами из села Пигаревки в начале 20-х годов прошлого века. Однако подтверждений этому мы не нашли. Ни в Списках населённых мест Черниговской губернии по сведениям на 1923 год, ни в Списках населённых местностей Глуховщины по состоянию на 17 декабря 1926 года населённый пункт с таким названием не упоминается.

Новосовское, вероятнее всего, было основано в конце 20-х – начале 30-х годов прошлого века. Оно было небольшим населённым пунктом и в 1940 году насчитывало 35 дворов, в которых проживало около 150 жителей. В годы Великой Отечественной войны село было почти полностью сожжено немецко-фашистскими захватчиками, однако после войны восстановлено и к середине 1960-х годов насчитывало 18 дворов, в которых проживало около 50 жителей. В послевоенные годы в селе работали конюшня на 20 лошадей, овчарня на 500 овец, телятник на 100 телят и коровник на 100 голов [14, с. 236].

Новосовское относилось к неперспективным населённым пунктам, в котором не было ни магазина, ни школы, ни клуба. В середине 80-х годов прошлого века оно опустело, а 18 января 1988 года было снято с учёта населённых пунктов Сумской области[249].

Новый Свет (Новий Світ)

Село Новый Свет (географические координаты: 52°14'10" с.ш., 33°48'32" в.д.) находилось по правую сторону реки Знобовки, на расстоянии около 3,5 км к северо-западу от села Великая Берёзка.

Оно было основано в 20-х годах прошлого века крестьянами-единоличниками из села Голубовки, которые испытывали недостаток в пахотных землях по месту своего жительства. В 1926–1927 годах они расчистили вблизи юго-восточной окраины Голобувки участок леса и возвели на нём свои дома и хозяйственные постройки [14, с. 90].

Новый Свет был небольшим населённым пунктом и в конце 1926 года насчитывал 4 двора, в которых проживало 22 жителя, а в 1976 году – 9 дворов.

В 60-х годах XX века Новый Свет попал в разряд неперспективных населённых пунктов и начал приходить в упадок. Численность населения в нём из года в год снижалась, и в 80-х годах прошлого века он опустел, а 18 января 1988 года был снят с учёта населённых пунктов Сумской области[250].

Обиход (Обихід)

Село Обиход (географические координаты: 52°10'08" с.ш., 33°50'50" в.д.) находилось по левую сторону реки Свиги, между сёлами Лукашенково и Чернацкое, на расстоянии около 1 км к юго-востоку от села Лукашенково.

По утверждению середино-будских краеведов, Обиход был основан в 1910 году пересенцами из Чернацкого, Лукашенково и других окрестных населённых пунктов [14, с. 91]. Он был небольшим населённым пунктом и в 1923 году насчитывал 49 дворов, в которых проживало около 150 жителей, а в 1926 году – 51 двор и 275 жителей.

Обиход относился к неперспективным населённым пунктам и в начале 70-х годов прошлого века опустел, а 8 августа 1972 года был снят с учёта населённых пунктов Сумской области[251].

Очкино (Очкине)

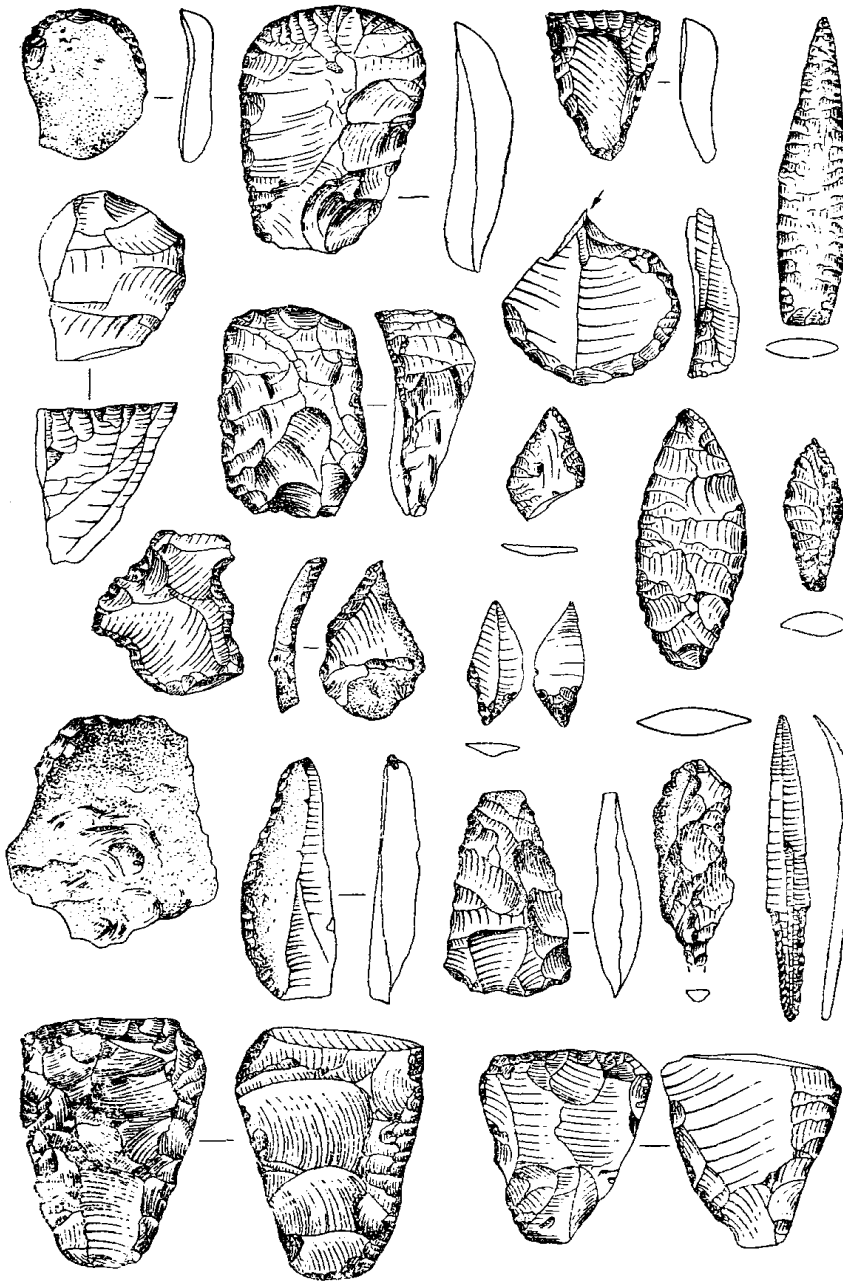
Село Очкино (географические координаты: 52°13'29" с.ш., 33°22'22" в.д.) расположено по левую сторону реки Десны, в месте впадения в неё реки Десенки, на расстоянии около 51 км к западу от Середина-Буды.

Село является административным центром Очкинского сельского совета, в состав которого входят населённые пункты: Очкино, Журавка и Красноярское.

Очкино имеет давнюю историю, уходящую корнями в глубокую древность. В эпоху неолита и бронзы на его землях проживали племена охотников, земледельцев и скотоводов. Остатки их поселений были выявлены на южной окраине Очкино и вдоль берегового песчаного склона между сёлами Боровичи и Очкино во время археологических экспедиций, которые проводились в 1924–1925 гг. под руководством постоянного сотрудника Всеукраинского археологического комитета В.Д. Юркевича[252] и в 1945–1948 гг. – профессора Московского государственного университета М.В. Воеводского.

В 1947 году Деснинская экспедиция М.В. Воеводского открыла вблизи Очкино неолитическую стоянку – Мыс Очкинский, которая существовала на протяжении 500 лет, с начала II тысячелетия до нашей эры до середины II тысячелетия до нашей эры, и относилась к днепродеснинской группе среднеднепровской культуры. На ней были найдены тонкостенный сосуд с геометрическим шнуровым орнаментом эпохи позднего неолита[253], мотыга и обломки зернотёрки и множество других орудий труда, охоты и рыбной ловли, которые свидетельствуют о том, что её древние обитатели занимались не только охотой и рыболовством, но и примитивным земледелием[254].

В домонгольскую эпоху вблизи Очкино находилось поселение северян. Об этом упоминал в своей работе «Северянская земля и северяне по городищам и могилам» известный русский археолог и историк права

Археологические находки со стоянки Мыс Очкинский

профессор Варшавского и Московского университетов Д.Я. Самоквасов: «На восточной границе северянской земли, с левой стороны речек Судости и Десны, тянулась незаселённая обширная полоса земли... Пограничными черниговскими поселениями с этой стороны были города, памятниками которых служат городища, сохранившиеся на берегу Десны у поселений Очкино, Пушкарей, Лесконог, Леньково, Комани и Новгород-Северского»[255]. Где именно находилось поселение северян у села Очкино точно неизвестно. Возможно, на месте так называемого Царского уборка, участка суши высотой около полутора метров и площадью около одного гектара, который находится в малодоступном заболоченном месте в 1,5 км от северной окраины села (географические координаты: 52°15'10" с.ш., 33°23'22" в.д.).

Точное время основания Очкино неизвестно. По мнению А.М. Лазаревского, оно было поселено не позже первой половины XVII века [18, с. 222]. Известный православный богослов и историк Филарет (Гумилевский) придерживался другой точки зрения и считал его поселением «по названию и по расположению на Десне дотатарским» [27, с. 82]. Более правильной, по нашему мнению, представляется точка зрения Лазаревского.

Очкино было поселено в то время, когда Северские земли входили в состав Московского государства, предположительно с середины XVI до начала XVII века. Косвенно об этом свидетельствует название села, которое имеет российские корни и форму, характерную для топонимики России[256].

После заключения в декабре 1618 года Деулинского перемирия Очкино отошло к Речи Посполитой. На момент его передачи Польше, в конце июня – начале июля 1619 года, в нём числилось 2 подданных московского царя, которые платили дань в царскую казну в размере 1 пуда мёда в год и 2 злотых [17, с. 428, 430].

В 1633 году король Польши пожаловал Очкино старосте Новгорода-Северского Александру Пясочинскому [17, с. 445]. В его владении село находилось до его смерти, наступившей в декабре 1645 года, после чего перешло по наследству к его жене Эльжбете и сыну Яну, которые долго спорили между собой за обладание Северскими землями[257].

После освобождения Украины от поляков Очкино было включено в разряд «войсковых сёл» [19, с. 56] и находилось в ведомстве Новгород-Северской сотенной и ратушной старшины[258], которая «на собственные работы людей не употребляла»[259].

В ноябре 1708 года Пётр I пожаловал четыре озера в Очкино, а 7

июля 1718 года «грунт к житию людскому удобный» новгородскому сотнику Лукьяну Ивановичу Жоравко [19, с. 260, 263], который поселил на пожалованных землях несколько дворов и владел ими до своей смерти, наступившей летом 1719 года. После его смерти все его очкинские владения унаследовала его жена Ирина Черкесовна Жоравко, которая по ревизии 1723 года владела в селе 8 дворами и 6 хатами, а Новгород-Северский магистрат – 97 дворами и 18 хатами [18, с. 222].

29 июня 1730 года гетман Даниил Апостол пожаловал Очкино генеральному обозному Якову Ефимовичу Лизогубу (1675 – 24.01.1749)[260], внуку гетмана Петра Дорошенко. В его владении село находилось до 1745 года, после чего было причислено к ранговым владениям судей и пожаловано на ранг генеральному судье Малороссийского генерального суда Акиму Мануйловичу Горленко (XVII – до 1758)[261], а после его смерти – генеральному судье Александру Павловичу Дублянскому (14.03.1713 – после 1781) [34, с. 473–474].

Ко времени проведения Румянцевской описи Малороссии 1765–1768 гг. в Очкино числилось 46 дворов и 19 хат, из которых А.П. Дублянскому принадлежал 41 двор и 18 бездворных хат, с которых он собирал «чинш» в сумме 100 руб. в год, от 30 коп. до 4 руб. 50 коп. с семьи[262], а Ивану Тимофеевичу Жоравко – 5 дворов и 1 бездворная хата [20, с. 838], а на момент описания Новгород-Северского наместничества 1779–1781 гг. – 64 двора, 69 хат и 7 бездворных хат, из которых А.П. Дублянскому принадлежало 47 дворов, 52 хаты и 3 бездворные хаты, а И.Т. Жоравко – 17 дворов, 17 хат и 4 бездворные хаты. В то время в селе проживало 79 обывателей со своими семьями, которые промышляли рыбной ловлей, бортничеством и земледелием, однако «по неспособности к тому земли едва довольно получали хлеба на своё пропитание», а прибыль имели от родившей в этих местах конопли, которую они продавали середино-будским и великороссийским купцам [21, с. 148–149].

А.А. Безбородко

2 февраля 1784 года Екатерина II пожаловала Очкино в вечное и потомственное владение канцлеру Российской империи князю Александру

Андреевичу Безбородко, в «воздаяние за его усердную службу и радетельные труды на пользу государства»[263]. В ходе передачи пожалованного имения во владение новому собственнику специальная комиссия отобрала у Ивана Тимофеевича Жоравко его владения в Очкино и передала их А.А. Безбородко[264].

Иван Тимофеевич с этим не согласился и подал жалобу Екатерине II. Во время её рассмотрения, в 1787 году, А.А. Безбородко подарил Очкино одному из своих ближайших друзей – уроженцу Новгорода-Северского Осипу Степановичу Судиенко, служившему в Главном почтовых дел управлении в Санкт-Петербурге на должности первого члена [18, с. 208].

Вскоре после получения Очкино в дар О.С. Судиенко построил в селе усадьбу, которую известный российский искусствовед, архитектор

Вид усадьбы со стороны Десны

и художник Г.К. Лукомский считал одной из лучших среди возведённых в екатерининскую эпоху[265].

Усадьба была построена по проекту известного российского архитектора Николая Александровича Львова[266] и состояла из двухэтажного дворца с двумя флигелями по бокам, оранжереи, корпуса служб, павильона-пристани и других построек. В усадьбе хранилась одна из известнейших частных коллекций живописи на Украине[267], которая включала в себя портрет О.С. Судиенко работы Д. Левицкого[268]; портрет О.С. Судиенко работы известного портретиста В.Л. Боровиковского; портрет М.О. Су-

диенко работы немецкого художника К.Х. Фогель-фон-Фогельштейна[269]; портрет князя Кантемира работы Д. Левицкого; автопортрет К. Брюллова[270]; несколько картин И.К. Айвазовского, Х.Д. Рауха[271] и т.д.

14 августа 1797 года О.С. Судиенко вышел в отставку и переехал в Очкино. К тому времени И.Т. Жоравко умер, а его владения перешли по наследству к его единственной дочери Наталье Ивановне Покорской-Жоравко. Наталья Ивановна не признавала решение комиссии об отобрании у её отца очкинских владений, однако в установленном законом порядке его не обжаловала и пропустила установленный срок давности. В связи с этим третий департамент сената признал в 1804 году поданную её отцом жалобу необоснованной и принял решение отобрать принадлежавшие ему владения в Очкино. Указанное решение никто не обжаловал, и 14 августа 1806 года Александр I его утвердил[272].

Однако сын Натальи Ивановны – Иван Иванович Покорский-Жоравко с этим не согласился и обратился в суд. На протяжении нескольких лет он «обивал пороги» судебных инстанций и добился принятия решения в свою пользу.

К тому времени О.С. Судиенко умер, а его владения в Очкино перешли по наследству к его несовершеннолетнему сыну Михаилу, подопечному князя Виктора Павловича Кочубея, влиятельнейшего человека своего времени, бывшего незадолго перед тем министром внутренних дел России и членом её Государственного Совета.

Виктор Павлович не остался безучастным к судьбе своего подопечного и, воспользовавшись своим влиянием и связями, добился в Государственном Совете пересмотра дела Судиенко и принятия решения в его пользу[273].

Накануне отмены крепостного права, в 1859 году, в Очкино числилось 143 двора, в которых проживало 346 мужчин и 338 женщин. Большинство из них были крепостными и принадлежали М.О. Судиенко [15, с. 22].

8 сентября 1871 года М.О. Судиенко умер. После его смерти очкинские владения перешли по наследству к его младшему сыну – предводителю дворянства Новгород-Северского уезда Александру Михайловичу Судиенко (28.08.1832 – 12.04.1882), а после его смерти – к его сыновьям: депутату IV Государственной Думы Евгению Александровичу Судиенко (25.05.1870 – 1919) и его брату мировому судье 2-го участка Новгород-Северского судебного мирового округа Георгию Александровичу Судиенко (21.06.1872 – после 1930).

В пореформенное время большинство местных жителей занимались

сельским хозяйством. Однако земли всем не хватало, и в конце XIX века несколько десятков очкинских семей переселились в Сибирь, на территорию нынешнего Чистоозерного района Новосибирской области, и основали там в 1900 году село с одноимённым названием.

Однако, несмотря на отток населения, жизнь очкинских крестьян не улучшилась. Они по-прежнему ощущали недостаток в пахотных землях и испытывали притеснения со стороны помещичьих управляющих, которые наказывали их за потравы посевов, отбирали их скот и принуждали к отработкам.

Своими незаконными действиями они вызвали недовольство среди очкинских крестьян[274], которое в конце 1905 года переросло в открытое противостояние с помещиками. Озлобленные местные жители начали самовольно вырубать леса Судиенко, забирать с лугов их сено, захватывать выращенный урожай и угрожать им расправой.

Опасаясь за свою жизнь, Евгений Александрович Судиенко 28 декабря 1905 года обратился за помощью в полицию и к предводителю дворянства Черниговской губернии В.Д. Голицыну, который доложил о случившемся Черниговскому губернатору и попросил его о помощи: «Положение в уезде очень опасное, везде грабежи лесов. Сегодня получил известие о начавшемся бунте в Очкино, грозят убить Судиенко. Войск недостаточно. Прошу немедленно выслать в помощь эскадрон, необходимо вытребовать из Киева, бороться иначе нельзя»[275].

Е.А. Судиенко

Черниговский губернатор просьбу Голицына удовлетворил и для подавления крестьянских выступлений в Очкино направил новгород-северских полицейских и взвод драгун, вооружённых винтовками и саблями. По прибытии в Очкино полицейские подавили выступления крестьян, отобрали у них награбленное имущество, наказали участников выступлений батогами, а организаторов арестовали и доставили в Новгород-Северский, где осудили к тюремному заключению на срок от одного до трёх лет.

Однако конфликты между очкинскими крестьянами и помещиками на этом не закончились. В начале сентября 1917 года жители Очкино

обвинили Е.А. Судиенко в незаконных арестах и убийствах крестьян, а 3 сентября 1917 года арестовали его и доставили в Хильчичское волостное правление. Однако оттуда его отпустили.

Возмутившись действиями властей, крестьяне пожаловались на помещика в Военно-революционный комитет Петрограда, который 11 ноября 1917 года послал на место телеграмму с требованием освободить крестьян на поруки и привлечь Судиенко к уголовной ответственности[276].

Узнав об этом, Евгений Александрович собрал свои вещи и выехал из Очкино, а спустя какое-то время покинула село и его жена Мария Ксаверьевна Фосс.

После отъезда семьи Судиенко крестьяне проникли в их усадьбу и разграбили её: «картины, написанные знаменитыми художниками масляными красками, на полотнищах, были оборваны и использованы на портянки, огромная библиотека разобрана на курево, а усадьба частично сожжена»[277].

Та же участь постигла и винокуренный завод Судиенко, который находился в Александровском хуторе. В ночь на 25 декабря 1917 года местные крестьяне захватили хранившуюся на территории завода цистерну со спиртом, разграбили установленное в цехах оборудование, а со временем разобрали на кирпичи и производственные помещения.

С незапамятных времён в Очкино действовала православная церковь Успения Богоматери, в которой на момент образования Новгород-Северского наместничества служил 1 священник и 2 причетника. К началу 90-х годов XVIII века церковь обветшала, и в 1796 году Осип Степанович Судиенко построил на её месте новую кирпичную церковь [25, с. 25].

Церковь находилась в центре села, на территории нынешнего Дома культуры, и представляла собой оригинальный храм с центральным полусферическим куполом и уникальной по композиции двойной колокольней, состоявшей из двух колоколен-близнецов, соединённых высоким порталом с классическим фронтоном и колоннами по бокам. Колокольни были украшены в нижнем ярусе рустовкой, а гладкие верхние ярусы завершались фронтонами, увенчанными высокими шпилями на полусферических куполах, выдержанных в том же стиле, что и купол основного объема храма.

Существует предположение, что Успенская церковь была возведена по проекту известного российского архитектора Н.А. Львова. На это указывает стиль архитектуры церкви, который, по мнению научного со-

трудника Научно-исследовательского института теории архитектуры и градостроения РААСН Андрея Викторовича Чекмарева, отвечает «духу палладианства Львова».

На колокольне церкви было установлено 11 колоколов, самый большой из которых весил 300 пудов и имел надпись: «Сделан колокол в с. Очкино – коштом тайного советника Иосифа Степановича Судиенко» [27, с. 82–83]. Говорят, что его звон в тихую безветренную погоду был слышен даже в Новгороде-Северском.

В церкви хранилась одна из наиболее почитаемых икон Черниговской губернии – чудотворная икона Казанской Божьей Матери, которая была включена в «Перечень чудотворных и особо почитаемых икон Казанской Божьей Матери в церквах Черниговской губернии»[278]. Икона служила предметом благоговейного поклонения для многих прихожан, и в Спасов пост к ней приходили поклониться до 1000 верующих [27, с. 83].

Успенская церковь

По высочайше утверждённому расписанию приходов и причтов Черниговской епархии от 17 января 1876 года, Успенская церковь входила в состав Очкино-Журавского прихода, настоятелем которого в 1879 году был её священник Иоанн Левицкий [26, с. 105–106]. В разное время в ней служили Иоанн Корейша (?), Иоанн Левицкий (? – 1874–1890 – ?) и другие священники.

Богослужения в церкви продолжались до середины 20-х годов прошлого века, после чего её закрыли, а в 1934 году разобрали на кирпичи и построили из них Дом культуры.

В 1768 года[279] в Очкино функционировала церковно-приходская школа, в которой преподавал дьяк. Со временем её закрыли, а в октябре 1860 года открыли новую церковно-приходскую школу, в которой в 1860–1861 учебном году обучалось 40 мальчиков и 10 девочек [31, с. 175].

В 1890 году (по другим данным в 1896 году) в Очкино была откры-

та земская школа (сельское начальное народное училище), в которой в 1896–1897 учебном году обучалось 38 мальчиков и 2 девочки. На её содержание Новгород-Северское земство выделяло 165 руб. в год, а сельская община 75 руб. [29, с. 126]. Процент грамотности среди очкинских жителей был одним из самых высоких в Хильчичской волости и в начале 1897 года составлял 17,9 % [33, с. 27].

В Очкино родились известный археограф Михаил Осипович Судиенко (1802 – 8.09.1871) и Владимирский губернатор Иосиф Михайлович Судиенко (27.07.1830 – 5.12.1892).

Сведения о количестве дворов и численности жителей (податных душ в 1795, 1799 гг.) села Очкино:

год	1795	1799	1859	1883	1892	1897	1901	1913	1917
дворов	–	–	143	124	183	196	–	200	184
жителей	205	215	684	843	1022	1089	1109	–	1178
год	1923	1926	1940	1970	1976	1989	2001	2008	
дворов	262	244	269	296	274	–	–	–	
жителей	1402	1224	–	832	–	542	500	401	

Перемога (Перемога)

Село Перемога (географические координаты: 52°11'44" с.ш., 33°52'40" в.д.) расположено по левую сторону реки Знобовки, на расстоянии около 3,5 км к юго-востоку от села Великая Берёзка.

Впервые населённый пункт упоминается в описании Новгород-Северского наместничества 1779–1781 гг. под названием Ишутин хутор. На указанный момент он находился во владении Борисоглебского кафедрального монастыря Черниговской архиепископии, который владел в нём одной мельницей о 2 колах на реке Знобовке, построенной до 1765 года[280], и одной хатой для мельника [21, с. 157].

В 1786 году Екатерина II отобрала у монастырей Киевской, Черниговской и Новгород-Северской епархий все хутора, деревни и сёла и причислила их к казённому ведомству[281]. Однако Ишутин хутор каким-то образом оказался во владении частных лиц. Накануне отмены крепостного права, в 1859 году, в нём числилось 7 дворов, в которых проживали 17 мужчин и 21 женщина. Хутор значился владельческим и принадлежал кому-то из местных помещиков.

По преданию, незадолго до революции 1917 года в Ишуткине поселился помещик Сибиль. Он построил в хуторе собственный дом с хозяй-

ственными постройками и занялся сельским хозяйством, выращиванием конопли и других сельскохозяйственных культур. Однако после прихода к власти большевиков Сибиль покинул свой хутор, а его дом перешёл в собственность государства и ещё долгое время использовался под школу.

За время своего существования населённый пункт несколько раз менял своё название и в разное время назывался по-разному: хут. Ишутин – 1779–1781 гг., хут. Ишуткин (Кравченков) – 1859 г., хут. Ишуткин – 1892, 1897, 1901, 1913, 1917 гг., хут. Ишуткин (Сибилёв) – 1923 г., а после Великой Отечественной войны, до 1 сентября 1946 года, был переименован в село Перемогу, в честь победы над фашистской Германией.

Сведения о количестве дворов и численности жителей села Перемоги:

год	1859	1892	1897	1901	1913	1917	1923
дворов	7	14	14	–	16	15	30
жителей	38	76	91	103	–	96	174
год	1926	1940	1976	1989	2001	2008	
дворов	38	48	25	–	–	–	
жителей	221	–	–	33	17	7	

Пигаревка (Пигарівка)

Село Пигаревка (географические координаты: 52°08'38" с.ш., 33°49'54" в.д.) расположено по обе стороны реки Свиги, на расстоянии около 15 км к юго-западу от Середина-Буды.

Село является административным центром Пигаревского сельского совета, в состав которого входят населённые пункты: Пигаревка, Луг и Рог.

Точное время основания Пигаревки неизвестно. По утверждению А.М. Лазаревского, она была «поселена не позже первой половины XVII века и после поляков принадлежала Спасскому монастырю» [18, с. 230]. Середино-будские краеведы придерживаются аналогичной точки зрения и считают, что Пигаревка была основана в то время, когда Северские земли входили в состав Речи Посполитой, с 1619 по 1648 гг. [14, с. 228].

Первое известное нам упоминание о Пигаревке содержится в грамоте архиепископа черниговского Лазаря Барановича от 2 февраля 1670 года об избрании Михаила Лежайского архимандритом Новгород-Северского монастыря. На указанный момент Пигаревка уже находилась во владе-

нии Спасо-Преображенского монастыря. Она была включена в состав его владений в конце 60-х годов XVII века, после 3 сентября 1667 года[282], и закреплена за ним подтвердительной грамотой царя Алексея Михайловича от 11 апреля 1671 года [20, с. 846–847].

Спасо-Преображенский монастырь был единственным собственником Пигаревки и по ревизии 1723 года владел в ней 28 дворами и 20 хатами [18, с. 230].

В 1733 году Пигаревка была отобрана у монастыря и по решению генерального суда передана графу Гавриилу Ивановичу Головкину в счёт возмещения ущерба в сумме 1600 руб., причинённого ему монастырским управляющим, незаконно захватившим имущество его крестьян. Однако после того, как виновников наказали, граф Г.И. Головкин смягчился и возвратил Пигаревку её бывшему собственнику[283].

В 1765–1768 гг. за Спасо-Преображенским монастырём в Пигаревке числилось 26 дворов и 24 хаты [20, с. 843], а в 1779–1781 гг. – 19 дворов, 28 хат и 30 бездворных хат [21, с. 148].

В 1786 году на основании именного указа Екатерины II от 10 апреля 1786 года «О штатах Киевской, Черниговской и Новгород-Северской епархий» Пигаревка была изъята у Спасо-Преображенского монастыря и передана в казённое ведомство[284].

С того времени она находилась в ведении казны, а её жители имели статус государственных крестьян и платили денежный налог в государственную казну.

В пореформенное время в Пигаревке работали 2 лавки, 1 постоялый двор, 1 ветряная мельница и 1 крупорушка [4, с. 117].

В 1895 году село почти полностью выгорело [14, с. 228], однако усилиями местных жителей было восстановлено.

В период с 1672 по 1683 гг. [27, с. 76] в Пигаревке была построена Рождество-Богородичная церковь деревянной постройки. Однако к середине 40-х годов XVIII века она обветшала, и в 1747 году на её месте была возведена новая деревянная церковь [25, с. 25], в которой в 1781 году служил 1 священник и 2 церковника [21, с. 148].

По высочайше утверждённому расписанию приходов и причтов Черниговской епархии от 17 января 1876 года, Рождество-Богородичная церковь входила в состав Каменско-Пигаревского прихода, настоятелем которого в 1879 году был её священник Иоанн Липский, а помощником настоятеля – священник Николаевской церкви села Каменки Иоанн Миловидов [26, с. 103].

Приход в Пигаревке был большим и насчитывал в 1770 г. – 498 муж-

чин и 487 женщин, в 1790 г. – 535 мужчин и 530 женщин, в 1810 г. – 578 мужчин и 570 женщин, в 1830 г. – 614 мужчин и 600 женщин, в 1850 г. – 545 мужчин и 568 женщин, а в 1860 г. – 567 мужчин и 585 женщин [27, с. 76]. В разное время в нём служили Иоанн Липский (? – 1879 – ?), Михаил Гапонов (? – 1899–1901 – ?) и другие священники.

После прихода к власти большевиков пигаревская церковь была закрыта, а её помещения в 1932 году отданы под склад для хранения зерна, а затем сельмаг и клуб [28, с. 283].

В октябре 1860 года в Пигаревке была открыта церковно-приходская школа, в которой в 1861–1862 учебном году обучалось 37 мальчиков и 4 девочки [31, с. 175], в 1874 году – земская школа, в которой в 1901 году училось 67 мальчиков и 5 девочек, а в 1895 году – школа грамоты, которую 1 января 1899 года посещало 22 мальчика и 10 девочек [30, с. 182–183]. Процент грамотности среди пигаревских жителей был одним из самых высоких в Чернацкой волости и в начале 1897 года составлял 19,6 % [33, с. 29].

В Пигаревке родился Герой Советского Союза генерал-майор инженерных войск Иван Порфирьевич Корявко (2.09.1906 – 16.06.1980)[285].

Сведения о количестве дворов и численности жителей (податных душ в 1795, 1799 гг.) села Пигаревки:

год	1795	1799	1859	1883	1892	1897	1901	1913
дворов	–	–	161	236	299	326	–	378
жителей	252	255	1090	1400	1794	2225	2620	–
год	1917	1923	1926	1970	1989	2001	2008	
дворов	410	574	569	310	–	–	–	
жителей	2957	3209	3097	971	672	525	460	

Пилипы (Пилипи)

Село Пилипы (географические координаты: 52°06'06" с.ш., 33°49'56" в.д.) находилось между пос. Каменским и селом Маховым, на расстоянии около 4,5 км к западу от села Каменки.

Оно было основано в начале 20-х годов прошлого века переселенцами из села Каменки [14, с. 142]. Село было небольшим населённым пунктом и в 1923 году насчитывало 10 дворов, в которых проживало 64 жителя, в 1926 году – 10 дворов и 53 жителя, в 1940 году – 13 дворов и около 70 жителей, в середине 1950-х годов – 30 дворов и около 100 жителей, а в 1989 году – 14 жителей.

С 1947 по 1973 гг. в селе работала начальная четырехлетняя школа, в которой учились дети из пос. Каменского, Высокосов и других окрестных населённых пунктов.

В начале 60-х годов XX века село попало в разряд неперспективных населённых пунктов и начало приходить в упадок. Численность населения в нём из года в год снижалась, и в 1990-х годах оно опустело, а 29 апреля 1993 года было снято с учёта населённых пунктов Сумской области[286].

Поделы (Поділи)

Село Поделы (географические координаты: 52°13'19" с.ш., 33°44'21" в.д.) находилось на просёлочной дороге, которая вела из села Голубовки в село Жихово, на расстоянии около 4,5 км к юго-западу от села Голубовки.

Поделы были основаны в конце XIX века крестьянами села Голубовки, которые испытывали недостаток в пахотных землях по месту своего жительства [14, с. 104].

До революции Поделы были небольшим населённым пунктом и значились в Списке селений и городов Черниговской губернии за 1917 год как безымянный хутор вблизи Голубовки, в котором числилось 4 двора и 23 жителя.

После революции численность населения в Поделах возросла и к 1923 году достигла 205 жителей, а к концу 1926 года – 213 жителей. Накануне Великой Отечественной войны в селе было около 70 дворов, работала начальная школа и местный колхоз.

В 1942 году немецкие оккупанты сожгли Поделы и расстреляли 30 мирных жителей[287]. Однако после войны село было восстановлено. В нём были построены ясли для детей, начальная школа, клуб, магазин.

В 1952 году значительная часть местных жителей выехала по переселению в Сибирь. Это отрицательно сказалось на демографической ситуации в населённом пункте и привело к тому, что в 80-х годах прошлого века он опустел, а 18 января 1988 года был снят с учёта населённых пунктов Сумской области[288].

Полесское (Поліське)

Село Полесское (географические координаты: 52°13'57" с.ш., 33°44'29" в.д.) находится по левую сторону реки Лютки, на расстоянии

около 4 км к юго-западу от села Голубовки.

Полесское было основано в середине 20-х годов прошлого века, и до 17 августа 1964 года называлось Васильевским. На протяжении всего своего существования оно было небольшим населённым пунктом и в 1926 году насчитывало 1 двор, в котором проживало 6 жителей, в 1940 году – 17 дворов, а в 1976 году – 6 дворов.

В Полесском нет и никогда не было ни магазина, ни школы, ни каких-либо других социально-бытовых, медицинских или культурных учреждений. Несмотря на это, оно существует и по сей день.

По состоянию на 12 января 1989 года в нём проживал 31 житель, 5 декабря 2001 года – 15 жителей, а 1 января 2008 года – 13 жителей.

Полянка (Полянка)

Село Полянка (географические координаты: 52°14'53" с.ш., 33°55'13" в.д.) находилось по левую сторону реки Улички, на расстоянии около 3 км к юго-востоку от села Гаврилова Слобода.

За время своего существования Полянка неоднократно меняла своё название и в разное время называлась по-разному: хут. Монцов – 1779–1781, 1917 гг., хут. Спиридонин – 1853 г., хут. Монсов (Спиридоненков) – 1859 г., хут. Монсов – 1892, 1897, 1901, 1923, 1926 гг., хут. Полянка – 1946 г.

Существует предание, что Монсов хутор был основан в начале XVIII века и после Полтавской битвы пожалован Александру Меньшикову, который отдал его бывшей любовнице Петра I Анне Монс, когда та оказалась в немилости у царя [14, с. 40]. Однако это предание ничем не подтверждается и, по нашему мнению, является ошибочным.

Впервые Полянка упоминается в описании Новгород-Северского наместничества 1779–1781 гг. под названием Монцов хутор. На указанный момент в нём числилось 5 хат, из которых капитану и поручику Монцову (Монцу) принадлежало 4 хаты, а графу П.А. Румянцеву-Задунайскому – 1 хата. На то время в хуторе проживало 5 обывателей со своими семьями, большинство из которых работало по найму на винокуренных заводах окрестных населённых пунктов [21, с. 153, 544].

Кем был капитан и поручик Монц, нам установить не удалось. Однако никакого отношения к Анне Монс он не имел и, вероятнее всего, доводился прямым потомком глуховскому сотнику Филиппу Монцу, который упоминался в отписках боярина Шереметьева и других воевод о начавшихся смутах в Малороссии за 1668 год[289].

Сомнительным является предание и о времени основания хутора, поскольку в списках Ямпольской сотни за 1750 год[290] населённый пункт с таким названием не значится.

Накануне отмены крепостного права, в 1859 году, в Монсове числилось 7 дворов, в которых проживало 22 мужчины и 26 женщин. Большинство из них были крепостными и принадлежали действительному статскому советнику Николаю Николаевичу Калугину (6.12.1810 – 27.11.1902) и губернскому секретарю Фёдору Николаевичу Новикову (1827 – ?), которые владели в этих местах обширными участками земли [16, с. 77, 78].

Своей школы до революции в хуторе не было. Может быть поэтому процент грамотности среди местных жителей был одним из самых низких в Новгород-Северском уезде и в начале 1897 года составлял всего 5,8 % [33, с. 29].

В первой половине 1940-х годов Монсов хутор был переименован в село Полянку. Вскоре после этого населённый пункт попал в разряд неперспективных и начал приходить в упадок. Численность населения в нём из года в год снижалась, и в 80-е годы он опустел, а 18 января 1988 года был снят с учёта населённых пунктов Сумской области[291].

Сведения о количестве дворов и численности жителей села Полянки:

год	1859	1892	1897	1901	1917	1923	1926	1940	1976
дворов	7	20	22	–	11	51	47	30	8
жителей	48	130	153	181	82	265	242	–	–

Порохонь (Порохонь)

Село Порохонь (географические координаты: 52°07'28" с.ш., 34°04'14" в.д.) расположено на левом берегу безымянного ручья, впадающего в реку Знобовку, на расстоянии около 2 км к северу от села Рожковичи.

Порохонь является одним из древнейших населённых пунктов Середино-Будского района. Первое упоминание о ней зафиксировано в Ипатьевской летописи под 1146–1154 гг.[292] В изложении известного исследователя истории древних славян А.В. Гудзь-Маркова оно выглядит следующим образом: «Великий князь Изяслав II приехал на «снемъ» с Давыдовичами и велел им идти на двоюродного брата Святослава Ольговича. Поход вылился в грабеж богатого имения Святослава Ольговича. Первым делом посланники великого князя убили «Дмитра Жирославича

и Андрея и Лазоревича» и стали в «Мелтекове селе». Тут-то и начался разгром имения. Пришедшие стали в «лесе в Порохни». Рядом паслось громадное стадо Ольговича, состоявшее из трёх тысяч кобыл и тысячи жеребцов. Скоро запылали окрестные сёла, и затрещало пламя над дворами и полными убранного жита амбарами. Святослав Ольгович со стороны наблюдал над занявшимся над его волостью заревом и не имел сил вступиться»[293].

В промежутке между 1440 и 1460 гг. Порохонь, или, как её тогда называли, «Порохом у Северском Новегородьце», была пожалована великим князем литовским и королём польским Казимиром Ягеллончиком – Олгишу[294].

С 1503 года и до заключения в декабре 1618 года Деулинского перемирия она входила в состав Великого княжества Московского и Русского царства, а после заключения Деулинского перемирия отошла к Речи Посполитой. На момент её передачи Польше, в конце июня – начале июля 1619 года, в ней числилось 2 подданных русского царя, которые платили дань в царскую казну в размере 7 пудов мёда в год [17, с. 428].

В 1633 году король Польши пожаловал Порохонь старосте Новгорода-Северского Александру Пясочинскому, при котором численность дворов («дымов») в Порохони увеличилась и в 1641 году достигла семи [17, с. 445].

После смерти Александра Пясочинского, наступившей в декабре 1645 года, Порохонь перешла по наследству к его жене Эльжбете и сыну Яну[295] и находилась в их владении до начала национально-освободительной войны 1648 года.

После освобождения Украины от поляков Порохонь была включена в разряд «свободных войсковых сёл, и при гетмане Богдане Хмельницком ни в чьём владении и подданстве не находилась», а когда гетманом Войска Запорожского на Левобережной Украине стал Иван Самойлович (1672–1687), была пожалована (до 27.07.1677)[296] новгород-северскому протопопу Елисею Зеленецкому [38, с. 59–60].

Вслед за тем Порохонь находилась во владении сердюцких полковников: Василия Иванея (Иванья) (1677–1679), которому гетман Самойлович отдал Порохонь вместо Ямполя[297], Яремы Андреевича (26.04.1689 – 1691)[298] и Гаврилы Ясликовского (Ясинковского) (1691–1696) [38, с. 59–60], жителя глуховского, который принимал участие в осаде Чигирина и в турецком походе[299].

После смерти Гаврилы Ясликовского, наступившей в 1696 году, Иван Мазепа оставил Порохонь себе и присоединил её к Ямпольской волости

[18, с. 232], которая 9 июля 1709 года была пожалована гетманом Скоропадским сподвижнику и фавориту Петра I генерал-фельдмаршалу А.Д. Меншикову[300].

Во владении Меншикова село находилось до 8 апреля 1728 года, пока он не был сослан за казнокрадство в город Берёзов Тобольской губернии[301], после чего была «отписана Его Императорскому Величеству».

11 июля 1740 года императрица Анна Иоанновна повелела организовать на Украине конный завод и передала ему в полное ведение ранее принадлежавшие князю Меншикову «города Батурин и Ямполь, со всеми к нему принадлежащими местечками, слободами, сёлами, деревнями»[302]. Среди них, вероятно, была и Порохонь. Однако прямых указаний на это мы не нашли.

После ликвидации конного завода Порохонь была возвращена Её Императорскому Величеству, которая 10 ноября 1764 года пожаловала её вместе с другими населёнными пунктами Ямпольской волости в вечное и потомственное владение действительному тайному советнику Ивану Ивановичу Неплюеву (5.11.1693 – 11.11.1773), «за его долговременную и безупречную службу, а особливо за учинённое им в Оренбурге знатное приращение государственных доходов»[303].

Во владении Ивана Ивановича село находилось до 11 ноября 1773

И.И. Неплюев

Н.И. Неплюев

года, после чего перешло по наследству к его младшему сыну – тайному советнику и сенатору Николаю Ивановичу Неплюеву (12.05.1731 – 24.05.1784)[304]. На момент описания Новгород-Северского наместничества 1779–1781 гг. Н.И. Неплюев владел в Порохони 116 дворами, 134 ха-

тами и 4 бездворными хатами, выборные казаки – 2 дворами и 2 хатами, а подпомощники – 6 дворами и 9 хатами. На то время в селе проживало 152 обывателя со своими семьями, большинство из которых занимались сельским хозяйством, выращиванием зерновых и других сельскохозяйственных культур и продажей их излишков в Середина-Буде [21, с. 157].

После смерти Николая Ивановича Неплюева Порохонь унаследовал его старший сын – тайный советник Иван Николаевич Неплюев. При нём порохонские крестьяне испытывали притеснения со стороны помещичьих управляющих и в 1807 году с оружием в руках выступали против своих угнетателей, заявляя при этом, что: «Хоть нас в пять дрючков бейте, но на барщину не пойдем». В ответ на это И.Н. Неплюев вызвал отряд солдат, который жестоко подавил сопротивление крестьян[305].

Во владении И.Н. Неплюева Порохонь находилась до его смерти, наступившей 6 июля 1823 года, после чего перешла по наследству к его сыну полковнику Ивану Ивановичу Неплюеву[306].

21 декабря 1851 года Иван Иванович подарил Порохонь своей дочери Наталье Ивановне Неплюевой[307], а после её смерти, наступившей 5 августа 1856 года, она перешла по наследству к её мужу Карлу Людвиговичу Шуленбургу и детям: Ивану и Марии [16, с. 80].

Накануне отмены крепостного права, в 1860 году, Шуленбурги владели в Порохони 415 крепостными крестьянами мужского пола [15, с. 24]. Большинство из них жили бедно, испытывали притеснения со стороны помещичьих управляющих и весной-летом 1859 года выступали против выполнения барской повинности и переселения в другие населённые пункты[308].

7 февраля 1874 года К.Л. Шуленбург умер. Все его владения в Порохони унаследовал его сын Иван Карлович Шуленбург (7.05.1850 – 16.06.1891), а от него они перешли к его жене Елизавете Дмитриевне Шуленбург (? – 1898), которая в 1895 году владела в селе 817 десятинами земли[309].

В пореформенное время в селе работали 7 ветряных мельниц и 1 постоялый двор [4, с. 117]. Большая часть порохонских земель в 1864 году находилась в собственности местных землевладельцев: Ивана Карловича Шуленбург, его двоюродных сестёр княгинь Анны Валерьевны и Ольги Валерьевны Урусовых, дворянки Елены Ивановны Шарипиной и других.

С незапамятных времен в селе действовала Введенская церковь деревянной постройки, при которой в 1747 году функционировала церковно-приходская школа[310]. К шестидесятым годам XIX века церковь обветшала и в 1869 году была частично обновлена [25, с. 26].

По высочайше утверждённому расписанию приходов и причтов Черниговской епархии от 17 января 1876 года, Введенская церковь входила в

состав Ромашково-Порохнянского прихода, настоятелем которого в 1879 году был священник Введенской церкви Григорий Лузановский, а помощником настоятеля – священник Покровской церкви села Ромашково Михаил Фотиев [26, с. 103].

В разное время в церкви служили Григорий Лузановский (? – 1879–1890 – ?), Пётр Троицкий (? – 1895 – ?), Михаил Васильевич Пиневич (? – 1899 – ?) и другие священники.

В 1886 году в Порохони была открыта школа грамоты, в которой 1 января 1899 года обучалось 48 мальчиков [30, с. 184–185]. Школа находилась в помещении, принадлежащем сельскому обществу и не отвечала всем требованиям, которые предъявлялись к школьным помещениям. В связи с этим в 1910 году под школу было возведено новое здание на 80 учебных мест, которое считалось одним из лучших в Новгород-Северском уезде. Процент грамотности среди порохонских жителей был невысоким и в начале 1897 года составлял 10,6 % [33, с. 29].

В 1914 году в Порохони был найден клад из 1170 серебряных копеек, отчеканенных в 1700–1718 гг.[311]

Сведения о количестве дворов и численности жителей (податных душ в 1795, 1799 гг.) села Порохонь:

год	1795	1799	1859	1883	1892	1897	1901
дворов	–	–	148	210	217	230	–
жителей	558	560	935	1123	1243	1336	1525
год	1913	1917	1923	1926	1989	2001	2008
дворов	232	223	293	291	–	–	–
жителей	–	1413	1623	1595	314	226	165

Рог (Ріг)

Село Рог (географические координаты: 52°07'50" с.ш., 33°45'19" в.д.) находится на расстоянии около 6 км к юго-западу от села Пигаревки.

Село было основано в 1925 году переселенцами из окрестных хуторов и сёл. Оно было небольшим населённым пунктом и в 1926 году насчитывало 34 двора, в которых проживало 210 жителей, а в середине 50-х годов прошлого века – около 40 дворов и более 150 жителей.

В послевоенные годы в селе работала молочнотоварная ферма на 100 голов крупного рогатого скота, овцеферма на 200 овец, магазин, детский сад и начальная школа.

В 60-х годах прошлого века населённый пункт попал в разряд не-

перспективных и начал приходить в упадок. По состоянию на 12 января 1989 года в нём проживало 36 жителей, 5 декабря 2001 года – 9 жителей, а 1 января 2008 года – 1 житель.

Рожковичи (Рожковичі)

Село Рожковичи (географические координаты: 52°06'20" с.ш., 34°04'17" в.д.) расположено по левую сторону реки Знобовки, на расстоянии около 11 км к югу от Середина-Буды.

Село является административным центром Рожковичского сельского совета, в состав которого входят населённые пункты: Рожковичи, Нововладимировка, Порохонь и Сытное.

Точное время основания села неизвестно. По одной из версий, выдвинутых в начале XX века местным священником Николаем Зайчевским, оно было основано в конце XV – начале XVI века. В доказательство этого он ссылался на церковную летопись рожковичской Михаило-Архангельской церкви, согласно которой рожковичский приход существовал «с конца XV или начала XVI столетия»[312].

По другой версии, поддерживаемой брянскими исследователями А.М. Дубровским и А.А. Иваниным, Рожковичи возникли в XVII веке[313]. Аналогичной точки зрения придерживались и авторы «Історії міст і сіл Української РСР. Сумська область» [13, с. 545].

Первое известное нам упоминание о Рожовичах относится к 1638 году. Оно содержится в челобитной новгород-северского писаря Ростошки о продаже его крестьянином в сёлах Комарицкой волости, в том числе и в деревне Рожковичи, пищалей, одежды и вина[314].

На указанный момент Рожковичи были деревней и в них не было церкви. Это даёт повод усомниться в правдивости утверждения Николая Зайчевского о существовании рожковичского прихода с конца XV или начала XVI столетия и предположить, что Рожковичи были основаны в конце XVI – первой половине XVII века, до 1638 года.

До революции Рожковичи находились в удельном ведомстве[315] и никому из помещиков в частную собственность не передавались. Они были значительным населённым пунктом и в 1763 году насчитывали 240 душ мужского пола[316], в 1782 году – 221 мужчину и 209 женщин[317], в 1796 году – 246 мужчин и 249 женщин[318], в 1866 году – 92 двора и 728 жителей[319], в 1877 году – 81 двор и 863 жителя[320], а в 1897 году – 942 жителя[321].

В начале XX века Рожковичи состояли из одной широкой улицы, тянувшейся по левому берегу реки Знобовки, и насчитывали 148 дворов, в

которых проживали 543 мужчины и 536 женщин[322].

Большинство местных жителей того времени в летнюю пору занимались сельским хозяйством, а зимой одна часть мужчин работала на Хутор-Михайловском сахарном заводе, другая – промышляла извозом сахара из Хутор-Михайловского сахарного завода в Орёл, Курск и другие населённые пункты, а третья – работала в казённых лесах. Однако их доход был незначительным, и большинство рожковичских крестьян жили бедно.

В Рожковичах действовал православный храм с одним престолом во имя Архистратига Михаила, который впервые упоминается в документах, датированных 1782 годом. Михаило-Архагельский храм был деревянным, с пятиярусным резным иконостасом, и имел свой приход, который в 1903 году насчитывал 1061 верующего[323].

По преданию, в храме хранилась местночтимая древняя копия с иконы Корсунской Божьей Матери в большом резном киоте и два Евангелия – 1677 и 1775 гг. издания.

С 1866 года при церкви функционировала школа грамоты, которая была открыта священником Павлом Музалевским. Изначально она находилась в церковной сторожке, а в начале XX века для неё было построено новое помещение, в котором 1 января 1909 года обучалось 46 мальчиков и 18 девочек[324].

В 1863–1865 гг. в Рожковичах произошло несколько пожаров, которыми были уничтожены дома всех местных жителей.

О происхождении названия населённого пункта каких-либо точных сведений не сохранилось. По мнению местного священника Николая Зайчевского, «название села происходит от слова ражий (красивый), или от слова рог (рожки) – от образующих форму рогов двух небольших ручейков, сливающихся вверху села вместе и составляющих речку Знобовку»[325].

До революции Рожковичи входили в состав Подывотской волости Севского уезда Орловской губернии, с 1920 года – Подывотской волости Севского уезда Брянской губернии, с 1925 года – Хинельской волости Севского уезда Брянской губернии[326], а после принятия Президиумом ЦИК СССР постановления от 16 октября 1925 года «Об урегулировании границ УССР с РСФСР и БССР» были переданы в состав Украины.

В советский и постсоветский период Рожковичи оставались значительным населённым пунктом и в 1926 году насчитывали 283 двора, в которых проживало 1538 жителей, в 1970 году – 240 дворов и 814 жителей, в 1989 году – 492 жителя, в 2001 году – 360 жителей, а 1.01.2008 года – 294 жителя.

Ромашково (Ромашкове)

Село Ромашково (географические координаты: 52°08'50" с.ш., 33°57'19" в.д.) расположено по обе стороны реки Знобовки, на расстоянии около 8 км к юго-западу от Середина-Буды.

Село является административным центром Ромашковского сельского совета, в состав которого входят населённые пункты: Ромашково, Демченково и Лесная Поляна.

Ромашково было поселено старостой Новгорода-Северского Александром Пясочинским или его сыном Яном в 40-х годах XVII века [17, с. 306] и до начала национально-освободительной войны украинского народа против господства Польши находилось во владении семьи Пясочинских[327].

После освобождения Украины от поляков оно было включено в число «ратушных сёл» [18, с. 231–232] и около 1677 года пожаловано новгород-северскому протопопу Елисею Зеленицкому[328].

После смерти Зеленецкого гетман Мазепа в 1698 году отдал Ромашково вместе «со всеми его принадлежностями и посполитыми крестьянами» компанейскому полковнику Григорию Пашковскому (? – 1701)[329], а от него оно в 1701 году перешло к его жене Гликерии.

В октябре 1709 года Иван Скоропадский отобрал Ромашково у Гликерии Пашковской и 13 октября 1709 года пожаловал его «на обиход его милости дворовой» Андрею Петровичу Измайлову, служившему с 30 июля 1709 года по сентябрь 1710 года ближним стольником в Глухове [38, с. 281–282].

После увольнения А.П. Измайлова с должности стольника, Ромашково было возвращено под власть гетманскую и в 1715 году отдано Глуховскому сотнику Ивану Мануйловичу Мануйловичу (? – 1740)[330], который по ревизии 1723 года владел в нём 11 дворами и 5 хатами, а казаки – 16 дворами [18, с. 232].

В 1740 году Иван Мануйлович умер. После его смерти Ромашково унаследовала его единственная дочь Мария Ивановна Мануйлович (? – 1763–1765) [18, с. 231–232]. Однако по решению Малороссийского генерального суда от 29 мая 1746 года[331] оно у неё было отобрано и передано её двоюродному брату Дмитрию Васильевичу Оболонскому [18, с. 231–232], сыну её тети Анастасии Мануйлович, которая долго спорила со своим братом Иваном за часть наследства, оставшегося после смерти их отчима – глуховского сотника Василия Фёдоровича Ялоцкого[332].

Вскоре после присуждения Ромашкова Дмитрию Оболонскому он подарил его своему зятю – бунчуковому товарищу Андрею Павлови-

чу Раковичу (? – до 1749), внуку компанейского полковника Григория Пашковского [18, с. 231–232], а после его смерти оно перешло по наследству к его жене и детям – бунчуковым товарищам Захару Андреевичу Раковичу (? – до 1788) и Лаврентию Андреевичу Раковичу (ок. 1741 – после 1809).

На момент описания Новгород-Северского наместничества 1779–1781 гг. З.А. Ракович владел в Ромашково 21 двором и 26 хатами, Л.А. Ракович – 16 дворами и 20 хатами, выборные казаки – 5 дворами и 10 хатами, подпомощники – 14 дворами и 24 хатами, а казачьи подсоседки – 1 двором, 2 хатами и 1 бездворной хатой [21, с. 155].

После смерти братьев Раковичей их наследники распродали свои ромашковские владения и к концу 20-х годов XIX века в селе уже «было много помещиков, однако все они были мелкопоместными, больше двухсот душ ни у кого не было: Григорий Герасимович Соколик, который имел больше всего крепостных крестьян, лучшую в селе усадьбу и винокуренный завод; Новиковы, которые владели в Ромашково усадьбой и винокурней; Дергуновы, Лазаревичи, Иван Крелевецкий, Иосиф Крелевецкий» и другие[333].

По воспоминаниям Александра Фёдоровича Липского, в начале XIX века Ромашково представляло собой «такую глушь, каких немного во всей Черниговской губернии. Глушь непроглядную. Село находилось на речке, разделявшей его на две части, каждая версты по две, если не больше. В конце правой стороны находилась деревенская церковь. Левая сторона села называлась «тот бок» и совершенно отделялась широким прудом и островом. Река между селом была широка и во многих местах глубока, берега заросли очеретом и камышом. На ней было три мельницы. Раков, плотвы, окуней, линей, карасей и щук была бездна»[334].

Накануне отмены крепостного права, в 1859 году, в Ромашково проживало 879 жителей. Большинство из них были крепостными и принадлежали нескольким помещикам: Аполлинарию Селитрям, владевшему в 1860 году 114 крепостными мужского пола [15, с. 22], Ф.Н. Новикову, И.М. Закоморному [16, с. 77, 78] и другим собственникам.

В пореформенное время в Ромашково проживали помещики Селитрям, Левандовские, Примаковы, Ярмуши, Новиковы, Белиговские и другие. Новиковы владели усадьбой, которая находилась на левом берегу реки Знобовки, а Белиговские – на правом. В в селе работали 3 ветряных мельницы, 1 постоялый двор и 1 винокуренный завод И.М. Закоморного, на котором в 1860–1861 гг. производилось около 6300 вёдер водки в год [4, с. 117].

Издавна в Ромашково функционировала Покровская церковь деревянной постройки, в которой в 1779–1781 гг. служил священник Ялинский и один причетник [21, с. 155]. Однако со временем она обветшала, и в 1877 году на её месте была возведена новая церковь, которая по одним данным была деревянной [25, с. 26], а по другим – кирпичной [14, с. 254].

По высочайше утверждённому расписанию приходов и причтов Черниговской епархии от 17 января 1876 года, Покровская церковь входила в состав Ромашково-Порохнянского прихода, настоятелем которого в 1879 году был священник Введенской церкви села Порохони Григорий Лузановский, а помощником настоятеля – священник Покровской церкви села Ромашково Михаил Фотиев [26, с. 103].

В разное время в церкви служили Ялинский (? – 1779–1781 – ?), Василий Самбурский (? – 1863–1874 – ?), Михаил Петрович Фотиев (? – 1879–1894 – ?) и другие священники.

В октябре 1860 года в Ромашково была открыта первая церковно-приходская школа, в которой в 1860–1861 учебном году обучалось 26 мальчиков [31, с. 175], а в 1885 году – земская школа, которую в 1901 году посещало 30 мальчиков и 7 девочек. Школа находилась в общественном доме и содержалась за счет средств земства в сумме 125 руб. и сельского общества в сумме 160 руб. [29, с. 127]. Процент грамотности среди ромашковских жителей был одним из самых высоких в Чернацкой волости и в начале 1897 года составлял 18,3 % [33, с. 29].

О происхождении названия села точных сведений не сохранилось. Существует предположение, что оно происходит от имени крестьянина Ромашка Кашлова, который в середине XVII века имел бортные ухожья в этих местах [14, с. 254].

В Ромашково родился Герой Социалистического Труда Михаил Артемьевич Сапин (18.03.1928 – ?) [14, с. 254].

Сведения о количестве дворов и численности жителей (податных душ в 1795, 1799 гг.) села Ромашково:

год	1795	1799	1859	1883	1892	1897	1901	1913
дворов	–	–	121	157	192	212	–	206
жителей	231	228	879	912	1119	1198	1365	–
год	1917	1923	1926	1940	1970	1989	2001	2008
дворов	187	195	183	218	293	–	–	–
жителей	1348	1186	1061	–	900	446	375	284

Руденька (Руденька)

Село Руденька (географические координаты: 52°16'56" с.ш., 33°36'05" в.д.) находилось по обе стороны реки Знобовки, в нескольких сотнях метров к северу от Зноби-Новгородской.

Своим основанием Руденька обязана небольшому предприятию по выплавке железа (рудне), которое находилось вблизи реки Знобовки и в середине XVII века принадлежало Ивану Закревскому.

В 60-х годах XVII века Иван Закревский продал «грунт рудницкий пахотный и сенокосный с рудницкими хатами и млин на реке Знобовке» новгород-северскому мещанину Константину Халимоновичу Пригаре, а тот через несколько лет подарил их своему зятю – знатному войсковому товарищу Фёдору Самуиловичу Добронизскому (Добронецкому), который 24 февраля 1700 года получил на них грамоту стародубского полковника Михаила Миклашевского [34, с. 232–233], а 24 января 1704 года – универсал гетмана Ивана Мазепы [34, с. 412].

19 марта 1706 года Фёдор Добронизский был убит в бою под Несвижем. После его смерти «рудницкие грунты, хаты и мельница Руденка» перешли по наследству к его сыну, значковому товарищу Стародубского полка Матвею Фёдоровичу Добронизскому (Добраниченко), а затем каким-то образом оказались в составе Ямпольской волости[335] и 9 июля 1709 года были пожалованы вместе с ней сподвижнику и фавориту Петра Великого генерал-фельдмаршалу Александру Даниловичу Меншикову[336].

Во владении Меншикова Руденька находилась до 8 апреля 1728 года[337], после чего была «отписана Его Императорскому Величеству» [38, с. 59–60].

11 июля 1740 года императрица Анна Иоанновна повелела организовать на Украине конный завод и передала ему в полное ведение ранее принадлежавшие князю Меншикову «города Батурин и Ямполь, со всеми к нему принадлежащими местечками, слободами, сёлами, деревнями»[338]. Среди них, вероятно, была и Руденька.

После ликвидации конного завода Руденька была возвращена Её Императорскому Величеству, которая 10 ноября 1764 года пожаловала её вместе с другими населёнными пунктами Ямпольской волости в вечное и потомственное владение действительному тайному советнику Ивану Ивановичу Неплюеву «за его долговременную и безупречную службу, а особливо за учинённое им в Оренбурге знатное приращение государственных доходов»[339].

В его владении село находилось до его смерти, наступившей 11 ноября 1773 года, после чего перешло по наследству к его младшему сыну – тайному советнику и сенатору Николаю Ивановичу Неплюеву[340]. На момент описания Новгород-Северского наместничества 1779–1781 гг. Н.И. Неплюев владел в Руденьке 20 дворами и 20 хатами. В то время в селе проживали 20 обывателей со своими семьями, большинство из которых занимались винокурением и выращиванием конопли, которую они продавали в экономию своего владельца [21, с. 146].

После смерти Н.И. Неплюева Руденьку унаследовал его старший сын – тайный советник Иван Николаевич Неплюев (26.03.1750 – 6.07.1823), а от него она перешла к его сыну – полковнику Ивану Ивановичу Неплюеву[341].

21 декабря 1851 года Иван Иванович подарил Руденьку своей дочери Наталье Ивановне Неплюевой (1826 – 5.08.1856)[342], а после её смерти она перешла к её мужу Карлу Людвиговичу Шуленбургу и детям: Ивану и Марии [16, с. 80].

Накануне отмены крепостного права, в 1859 году, в Руденьке числился 21 двор, в которых проживали 71 мужчина и 64 женщины. Большинство из них были крепостными и принадлежали Шуленбургам.

После смерти К.Л. Шуленбурга принадлежавшие ему владения в Руденьке унаследовал его сын Иван Карлович Шуленбург (7.05.1850 – 16.06.1891), а от него они, вероятно, перешли к его второй жене Елизавете Дмитриевне Шуленбург (? – 1898) и сыну Сергею (20.05.1875 – ?).

Ни школы, ни церкви до революции в Руденьке не было. Несмотря на это, процент грамотности среди местных жителей был одним из самых высоких в Протопоповской волости и в начале 1897 года составлял 24,4 % [33, с. 30].

В начале 1960-х годов Руденька была включена в состав пгт Зноб-Новгородская и стала одной из его улиц[343].

Сведения о количестве дворов и численности жителей (податных душ в 1795, 1799 гг.) села Руденьки:

год	1795	1799	1859	1892	1897
дворов		–	21	46	49
жителей	149	66	135	314	202
год	1901	1913	1917	1923	1926
дворов	–	44	44	42	39
жителей	309	–	334	205	216

Рудня (Рудня)

Село Рудня (географические координаты: 52°11'02" с.ш., 33°37'28" в.д.) расположено по левую сторону реки Свиги, на расстоянии около 5 км к северо-западу от села Жихово.

По утверждению А.М. Лазаревского, Рудня была «поселена спасскими монахами не раньше конца XVII века». В доказательство этого он ссылался на грамоту царя Алексея Михайловича от 3 сентября 1667 года, в которой Рудня не упоминалась [18, с. 228].

Не упоминалась Рудня и в универсале гетмана Ивана Самойловича от 21 августа 1673 года об утверждении раздела владений Черниговской архиепископии[344]. В связи с этим можно предположить, что она была поселена после указанной даты и первым упоминанием о ней, которое датируется сентябрём 1702 года[345].

Со дня основания Рудня находилась во владении Новгород-Северского Спасо-Преображенского монастыря, который в 1723 году владел в ней 14 дворами и 30 хатами [18, с. 228], в 1765–1768 гг. – 20 дворами и 6 бездворными хатами [20, с. 843], а в 1779–1781 гг. – 30 дворами, 40 хатами и 7 бездворными хатами, одним приезжим монастырским двором с 4 хатами, мельницей на реке Свиге о двух колах и винокурней. На момент описания Новгород-Северского наместничества 1779–1781 гг. в селе проживало 49 обывателей со своими семьями, которые занимались выращиванием конопли и винным промыслом. Коноплю они продавали в монастырскую экономию, а водку отвозили для продажи в Севск, Орёл и Кромы [21, с. 486].

На основании именного указа Екатерины II от 10 апреля 1786 года «О штатах Киевской, Черниговской и Новгород-Северской епархий» Рудня была изъята у Спасо-Преображенского монастыря и передана в казённое ведомство[346]. С указанного времени её жители имели статус государственных крестьян и платили денежный налог государству.

В пореформенное время в селе работали 4 ветряных и 1 водяная мельницы, 1 постоялый двор, 1 лавка, 1 сукновальня [4, с. 115], 1 торгово-промышленное предприятие по продаже пеньки и конопли, 1 магазин по продаже бакалейных товаров Залмана Еселева (1900) и ряд других небольших промышленных и торговых предприятий[347].

В 1883 году в Рудне был открыт медицинский участок с выездными пунктами в сёлах Протопоповке, Белоусовке, Чернацком, Каменке, Хильчичах, Очкино и Вовне и больницей на 20 коек. На участке работал один врач и два фельдшера, которые обслуживали 42000 жителей[348].

В 1764 году в селе была возведена Богоявленская церковь деревянной постройки [25, с. 26], в которой хранилась чудотворная икона Смоленской Божьей Матери[349]. В 1864 году церковь была обновлена, а 17 января 1876 года включена в состав Олтаро-Рудновско-Жиховского прихода, настоятелем которого в 1879 году был священник Покровской церкви села Олтаря Василий Пиневич, а помощником настоятеля – священник Михайловской церкви села Жихово Василий Андриевский [26, с. 105].

Покровская церковь просуществовала до начала 30-х годов XX века, после чего её разрушили [27, с. 279]. В разное время в ней служили О. Померанцев (? – 1895 – ?), Василий Кончаловский (? – 1900 – ?) и другие священники.

С 1894 года в селе функционировала школа грамоты, которая находилась в наёмном помещении и занимала в нём одну комнату [32, с. 32–33], а с сентября 1900 года – земская школа [29, с. 127]. Несмотря на это, процент грамотности среди руднянских жителей был одним из самых низких в Дмитровской волости и в начале 1897 года составлял всего 3,7 % [33, с. 26].

Своё название Рудня позаимствовала от названия небольшого предприятия по выплавке железа – рудни, вблизи которой её поселили монахи Новгород-Северского Спасо-Преображенского монастыря. В документах разных лет она упоминается под разными названиями: Рудня – 1750, 1765 1768, 1779–1781, 1799–1801, 1892 гг., Рудня (Чернечая Рудня) – 1859 г., Рудня-Чернецкая – 1913, 1917, 1923 гг. и т.д.

В советское время в селе было найдено копьё из кремня эпохи бронзы[350].

Сведения о количестве дворов и численности жителей (податных душ в 1795, 1799 гг.) села Рудни:

год	1795	1799	1859	1883	1892	1897	1901	1913
дворов	–	–	88	122	157	196	–	202
жителей	213	190	720	797	1070	1064	1158	–
год	1917	1923	1926	1940	1976	1989	2001	2008
дворов	181	267	271	266	188	–	–	–
жителей	1232	1371	1484	–	–	385	274	223

Сибилёвщина (Сибилівщина)

Село Сибилёвщина (географические координаты: 52°14'08" с.ш., 33°41'55" в.д.) находилось на расстоянии около 4 км к юго-западу от села

Лесного.

По преданию, оно было основано в конце XIX – начале XX века кем-то из дворян Сибилёвых, владевших в этих местах обширными участками земли, и перед революцией 1917 года насчитывало 18 дворов [14, с. 104]. Однако подтверждений этому мы не нашли. Ни в одних просмотренных нами источниках конца XIX – начала XX населённый пункт с таким названием не упоминается.

Сибилёвщина была небольшим населённым пунктом и в 1940 году насчитывала 17 дворов, а в 1976 году – 10 дворов.

В 60-х годах прошлого века село попало в разряд неперспективных населённых пунктов и начало приходить в упадок. Численность населения в нём из года в год снижалось, и в 1980-х годах оно опустело и было снято с учёта населённых пунктов Сумской области[351].

Смелое (Сміле)

Село Смелое (географические координаты: 52°06'59" с.ш., 33°57'27" в.д.) находилось на расстоянии около 3 км к югу от села Ромашково.

Смелое было основано в первой четверти XX века. Оно было небольшим населённым пунктом и в 1923 году насчитывало 12 дворов, в которых проживало 85 жителей, в 1926 году – 14 дворов и 91 жителя, а в 1940 году – 15 дворов и около 100 жителей.

С 1955 года в селе работало местное отделение по добыче торфа, на котором сезонно трудилось до 25 рабочих и добывалось около 5000 тонн полезных ископаемых за сезон.

В 70-х годах прошлого века промышленные запасы торфа иссякли, и торфопредприятие закрыли. С того времени Смелое начало приходить в упадок и в 1980-е годы опустело [14, с. 259].

Сорокино (Сорокине)

Село Сорокино (географические координаты: 52°09'47" с.ш., 34°00'30" в.д.) находится по обе стороны автодороги, ведущей из Середина-Буды в Ромашково, на расстоянии около 3 км к юго-западу от Середина-Буды.

По утверждению местных жителей, Сорокино, или, как его изначально называли, – посёлок Незаможник, было основано в годы НЭПа переселенцами из села Ромашково [14, с. 38]. После войны Незаможник был переименован в хутор Сорокин, а хутор Сорокин, который находился в километре от него, – в посёлок Красный Прогресс.

На протяжении всего своего существования Сорокино было небольшим населённым пунктом и в 1923 году насчитывало 25 дворов, в которых проживало 143 жителя, в 1926 году – 24 двора и 147 жителей, в 1989 году – 103 жителя, в 2001 году – 81 жителя, а в 2008 году – 63 жителя.

Старая Гута (Стара Гута)

Село Старая Гута (географические координаты: 52°18'26" с.ш., 33°47'53" в.д.) расположено по обе стороны реки Улички, на расстоянии около 21 км к северо-западу от Середина-Буды.

Село является административным центром Старогутского сельского совета, в состав которого входят населённые пункты: Старая Гута, Васильевка, Гаврилова Слобода и Новая Гута.

Старая Гута была основана в конце XVII – начале XVIII века Василием Леонтьевичем Кочубеем (ок. 1640 – 15.07.1708), генеральным судьёй Малороссийского генерального суда (1699–1708), который до назначения на указанную должность служил войсковым канцеляристом в Войсковой Генеральной канцелярии, регентом Генеральной войсковой канцелярии (1681) и генеральным писарем (1687–1699).

В.Л. Кочубей

Василий Кочубей поддерживал дружеские отношения с Иваном Мазепой и пользовался его покровительством и поддержкой. 10 апреля 1694 года он получил от него «к потребе и выгоде господарской место в уезде Новгородском, на реке Улице, на занятие хутора», а через какое-то время поселил на нём хутор Улицу и построил рядом с ним гуту, которая впервые упоминается в универсале гетмана Мазепы от 1 апреля 1705 года [35, с. 526–527].

В 1704 году Кочубей поссорился с Мазепой и в феврале 1708 года вместе с полтавским полковником И.И. Искрой написал на него донос Петру I, в котором сообщил о намерении гетмана отделиться от России и примкнуть к Польше. Однако Пётр I им не поверил и приказал казнить доносчиков, а все их имения отобрать[352].

15 июля 1708 года Иван Мазепа исполнил распоряжение царя и каз-

нил Кочубея и Искру. Однако уже в октябре 1708 года Пётр I убедился в правдивости их доноса и, почтив «слезою память страдальцев невинных», повелел перезахоронить их в Киево-Печерской лавре, а их семьям возвратить отобранные имения[353].

Исполняя волю царя, Иван Скоропадский 15 декабря 1708 года возвратил жене Кочубея Любови Фёдоровне (урожденной Жученко) и его сыновьям Василию и Фёдору слободку Улицу (Старую Гуту) и другие принадлежавшие им имения, а 12 марта 1710 года Пётр I закрепил их за ними царской грамотой [38, с. 182–186].

Вскоре после этого Кочубеи разделили между собой возвращённые имения и выделили Старую Гуту младшему сыну Василия Кочубея – знатному войсковому товарищу Фёдору Васильевичу Кочубею, который, по оценке А.М. Лазаревского, относился к разряду людей, «которые, опираясь на значение своих отцов, нередко позволяли себе ужасные насилия не только над своими подданными, но и над казаками»[354]. По переписи 1723 года за ним в Старой Гуте числилось 30 хат бобылей [18, с. 233].

После смерти Фёдора Кочубея, которая наступила в конце 1729 года, Старую Гуту унаследовал его старший брат – полтавский полковник Василий Васильевич Кочубей (? – 21.08.1743), а от него она перешла к его сыну – бунчуковому товарищу Василию Васильевичу Кочубею, служившему в 1768–1779 гг. глуховским подкоморием и предводителем дворянства Глуховского уезда[355].

На момент проведения Румянцевской описи Малороссии 1765–1768 гг. за В.В. Кочубеем в Старой Гуте числилось 46 дворов и 52 бездворные хаты[356]. 37 из них принадлежали ремесленникам: бондарям, кузнецам, котлярам, колесникам, слесарям, столярам и гутникам, а 26 – винокурам. Винокуры имели в собственности 33 винокуренных котла и жили богаче своих односельчан. Наиболее зажиточными среди них считались Трофим Козлов и Гаврила Цинбалистый. Первый имел в собственности 12 строений: светлицу с комнатой и пекарней, шесть амбаров, конюшню, баню и три сарая, в которых содержал четыре лошади, три коровы и двадцать свиней, а второй – 13 строений, три лошади и десять свиней.

Немало в селе было и малоимущих жителей, которые жили на владельческой земле, пользовались небольшими усадебными наделами и «питались заработками по людям».

Ко времени проведения Румянцевской описи Малороссии Старая Гута входила в состав Гутянской экономии Кочубеев, которая включала в себя Старую Гуту, Новую Гуту, Берёзку и хутор Берёзковский. При экономии работало пять винокурен, четыре из которых находились в

Старой Гуте, одна на панском дворе, другая – около мельничной плотины, а третья и четвертая – рядом с усадьбой Кочубеев. Зимой винокурни работали на 24 котлах, а летом на 6 и производили от 120 до 150 бочек водки в год.

В экономии работала «фабрика стеклянная об одной печи», на которой изготовлялось «стекло разного сорту в зимнее время» и «продажею употреблялось в разные места»[357]. Из произведённой на фабрике продукции в марте 1756 года было продано вяземскому купцу Лелянову 11 коп стеклянных изделий (1 копа равнялась 60 единицам изделий) и 200 оконных стёкол; почепскому купцу Ларионову – 500 оконных стёкол; жителю города Трубчевска Федосьеву – 10 коп изделий и жителю села Берёзки Прокофьеву – 0,5 копы изделий. Кроме того, владельцу завода было отправлено разной посуды 60 коп, 500 оконных стёкол специально указанного размера и малых стёкол 1700 штук[358].

В Старой Гуте находился «приезжий дом» Кочубеев, состоявший из нескольких комнат, оклеенных бумажными обоями, а недалеко от него – Кочубеевская пуща, большой массив соснового леса, имевший в окружности около 63 верст. Акварельный план пущи, изготовленный в 40-х годах XVIII века по заказу В.В. Кочубея, в настоящее время хранится в Государственном архиве древних актов в Москве. На нём изображена «слободка полковника Кочубея» на реке Улице, два стекольных «завода» – «старая гута» и «новая гута»; около «старой гуты» – церковь, «дворец» (усадьба) Кочубея и гребля (плотина) с мельницей. На реке Знобь обозначен «дворец» Кочубеев, окружённый хатами, селение на урочище Крутой Лог (Берёзка) и мельница, а в лесу – «дегтярня», «криница» и «хутор Братовецкий»[359].

На момент описания Новгород-Северского наместничества 1779–1781 гг. за В.В. Кочубеем в Старой Гуте числилось 65 дворов, 69 хат, 35 бездворных хат и мельница на реке Уличке о 2 колах. В указанное время в селе проживали 172 обывателя со своими семьями, которые «пропитание и прибыль свою получали от винокурения, производимого из покупаемого в Середина-Буде хлеба наёмными людьми, того же села жителями», а земледелием занимались мало [21, с. 152].

После смерти В.В. Кочубея Старая Гута перешла по завещанию к его сыну – предводителю дворянства Глуховского уезда Василию Васильевичу Кочубею (ок. 1750 – 03.1800), а после него – к его жене Елене Васильевне Туманской [35, с. 536] и трём сыновьям: Александру, Демьяну и Аркадию.

Весной 1826 года Кочубеи разделили между собой унаследованные имения и закрепили Старую Гуту за младшим сыном наследодателя дей-

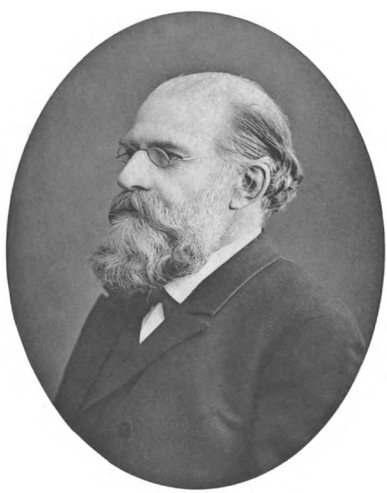
ствительным тайным советником Аркадием Васильевичем Кочубеем[360], а после смерти Е.В. Туманской утвердили указанный раздел через Глуховский земский суд.

За время владения Старой Гутой А.В. Кочубей построил в селе свеклосахарный завод с тремя гидравлическими прессами (1855), запустил винокуренный завод и восстановил завод по производству стеклянных изделий, на котором в начале 50-х годов XIX века производилось продукции на сумму до 8000 руб. серебром [22, с. 307, 342, 356].

На Кочубеевском стекольном заводе методом свободного дутья производили разнообразную стеклянную посуду, бутылки для вина, водки, лекарств и т.д., которые имели устойчивый спрос на территории Украины, России и в некоторых зарубежных странах. В начале 1860-х годов завод был одним из крупнейших предприятий своей отрасли в Черниговской губернии и производил 50638 бутылок в год на сумму 9713 руб. (1860) [22, с. 356].

Накануне отмены крепостного права, в 1859 году, в Старой Гуте числилось 179 дворов, в которых проживало 754 жителя, в том числе 410 крепостных мужского пола, принадлежавших А.В. Кочубею [15, с. 22].

После смерти А.В. Кочубея, наступившей 4 марта 1878 года, его владения в Старой Гуте унаследовал его сын – тайный советник и председатель императорского Русского технического общества Пётр Аркадьевич Кочубей (17.06.1825 – 15.12.1892), а от него они перешли к его сыну, глуховскому уездному предводителю дворянства с 1896 по 1905 гг. Василию Петровичу Кочубею [35, с. 548, 551].

П.А. Кочубей

В пореформенное время в Старой Гуте работали небольшой маслобойный завод по производству конопляного масла (1869) Трофима Григорьевича Шульгина[361], лесопильный завод Павла Алексеевича Гаврилова[362], скипидарный завод Тайковского, кирпичный завод, 5 лавок по продаже промышленных и продовольственных товаров, 2 водяные мельницы [23, с. 337] и 1 крупорушка.

В 1912 году в селе функционировали три лесопильных завода: Василия Петровича Кочубея, на котором трудились 23 рабочих и производи-

лось продукции на 39120 руб. в год; братьев Ратнер: Меера Ароновича, Берка Ароновича и Залмана Ароновича, на котором было занято 20 рабочих и производилось продукции на 34000 руб. в год и завод Александра Васильевича Стёпина, на котором работали 25 рабочих. Все заводы были оснащены паровыми двигателями и изготовляли доски, шалёвку, брусья, опалубку и другие изделия из древесины, которые отправлялись по открытой в 1912 году узкоколейной железной дороге в различные регионы страны[363].

До революции Старая Гута была большим населённым пунктом и в 1897 году насчитывала 202 двора, в которых проживало 1222 жителя. Земли всем не хватало, и в конце XIX века 36 старогутских и новогутских семей выехали по переселению в Становую волость Челябинского уезда Оренбургской губернии. О том, как это происходило, известно из письма одного из переселенцев на новые земли Кирилла Чистотина: «8 мая 1887 года в сёлах Старой и Новой Гуте происходили плач и рыдания, прощания и целования, и многочисленное собрание народа на площади. В Старой Гуте на площади стояло около 70 будок, покрытых лубками, рогожами и холстом и наполненных разным скарбом, из которых выглядывали маленькие ребятишки. Толпами тут же стояли крестьяне, растерянные, с унылыми лицами. Ровно в 2 часа прибыли на площадь местный причт, приглашённый переселенцами для служения молебна о благополучном путешествии, и волостной старшина с писарем, для раздачи переселенцам проходных свидетельств и для проводов. По окончании молебна, переселенцы выдвинулись в 73-дневной путь, и по лицам их было видно, что на сердце у них лежал камень...»[364].

Издавна, до проведения Румянцевской описи Малороссии 1765–1768 гг., в селе уже действовала Воскресенская церковь деревянной постройки [20, с. 841], при которой функционировали церковно-приходская школа и госпиталь[365]. Со временем церковь обветшала, и её дважды, в 1837 и в 1898 гг., обновляли [25, с. 26].

Согласно расписанию приходов и причтов Черниговской епархии от 17 января 1876 года, Воскресенская церковь входила в состав Гутского прихода, настоятелем которого в 1879 году был священник Стефан Александрович Сияльский [26, с. 104]. В разные годы в ней служили: Иоанн Павловский (? – 1874 – ?), Алексей Померанцев (? – 1895 – ?), Гавриил Туткевич (? – 1901 – ?), Иоанн Самуилович Богдановский (? – 1909 – ?), Николай Порфирьевич Калиновский (? – 1914–1916 – ?) и другие священники.

В 1873 году в Старой Гуте было открыто одноклассное начальное народное училище Министерства народного просвещения России, которое

находилось в собственном помещении, состоявшем из трёх классных комнат и одной комнаты для учителя. На содержание училища земство выделяло 226 руб. в год, сельское общество – 85 руб., а почетный попечитель Василий Петрович Кочубей – 190 руб. За училищем была закреплена одна десятина земли, на которой выращивались плодовые культуры и овощи. В 1901 году в училище обучалось 79 учеников (63 мальчика и 16 девочек) [29, с. 121]. Процент грамотности среди старогутских жителей был самым высоким в Протопоповской волости и в начале 1897 года составлял 36,5 % [33, с. 30].

В 1912 году Новгород-Северское земство построило в селе новую школу на 150 учащихся, которая состояла из 4 классных комнат общей площадью 220 квадратных метров, учительской комнаты, просторного коридора и комнаты для уборщицы [14, с. 268].

Сведения о количестве дворов и численности жителей (податных душ в 1795, 1799 гг.) села Старая Гута:

год	1795	1799	1859	1883	1892	1897	1901	1913	1917
дворов	–	–	179	185	187	202	–	229	255
жителей	231	237	754	1165	1108	1222	1345	–	1664
год	1923	1926	1940	1970	1976	1989	2001	2008	
дворов	345	379	387	274	258	–	–	–	
жителей	1764	1876	–	766	–	521	446	337	

Стародубово (Стародубове)

Село Стародубово (географические координаты: 52°14'35" с.ш., 33°40'19" в.д.) находилось на расстоянии около 6 км к юго-востоку от пгт Знобь-Новгородское.

По одним данным, оно было основано в первой четверти XX века переселенцами из окрестных хуторов и сёл, а по другим возникло на основе хутора Кажушного, который накануне отмены крепостного права принадлежал мещанину Анатолию Григорьевичу Стародубцеву.

Стародубово было небольшим населённым пунктом и в 1923 году насчитывало 23 двора, в которых проживало 114 жителей, в 1926 году – 22 двора и 120 жителей, в 1940 году – 20 дворов, а в 1976 году – 4 двора.

Оно находилось в стороне от автомобильных дорог и относилось к неперспективным населённым пунктам. Численность населения в нём ежегодно снижалась, и в 1980-х годах село опустело и было снято с учёта населённых пунктов Сумской области[366].

Стягайловка (Стягайлівка)

Село Стягайловка (географические координаты: 52°16'17" с.ш., 33°39'52" в.д.) расположено по правую сторону реки Знобовки, на расстоянии около 31 км к северо-западу от Середина-Буды.

Село является административным центром Стягайловского сельского совета, в состав которого входит один населённый пункт.

Согласно материалам Генерального следствия о маетностях Нежинского полка 1729 года, Стягайловка была поселена слободой при гетмане Иване Мазепе знатным батуринским казаком Иваном Стягайло [38, с. 57].

Иван Мазепа был гетманом Войска Запорожского на Левобережной Украине с 1687 по 1708 гг. В промежутке между указанными датами он пожаловал Ивану Стягайле пустошь на свободной войсковой земле вблизи реки Знобовки и разрешил ему поселить на ней слободку Стягайловку. Однако документы об этом были утрачены. В связи с этим определить точное время основания села не представляется возможным.

18 ноября 1708 года гетман Иван Скоропадский закрепил Стягайловку за Иваном Стягайло гетманским универсалом и одновременно с этим определил границы стягайловских земель, установив их «от рудни Добронидского и от самой речки Знобовки дубравою Елушицею да через речку Улицу до Вакового болота, а оттуда на старое будище, а от будища на Лютую речку ниже мельницы протопоповской да к селу Знобь»[367].

После смерти Ивана Стягайла Стягайловка, по одним данным, перешла по наследству к его сыну Петру Стягайло (Стягайленко), который в 1727 году продал её князю Меншикову [38, с. 57], а по другим – к значковому товарищу Стародубского полка Левону Стягайло, который в 1722 году продал её тому же Меншикову[368].

Во владении Меншикова Стягайловка находилась до 8 апреля 1728 года[369], после чего была «отписана Его Императорскому Величеству».

11 июля 1740 года императрица Анна Иоанновна повелела организовать на Украине конный завод и передала ему в полное ведение ранее принадлежавшие князю Меншикову «города Батурин и Ямполь, со всеми к нему принадлежащими местечками, слободами, сёлами, деревнями»[370]. Среди них, вероятно, была и Стягайловка. Однако каких-либо указаний на это мы не нашли.

После ликвидации конного завода Стягайловка была возвращена Её Императорскому Величеству и 10 ноября 1764 года пожалована ею вместе с другими населёнными пунктами Ямпольской волости в вечное и потомственное владение действительному тайному советнику Ивану

Ивановичу Неплюеву, «за его долговременную и безупречную службу, а особливо за учинённое им в Оренбурге знатное приращение государственных доходов»[371].

В его владении село находилось до его смерти, наступившей 11 ноября 1773 года, после чего перешло по наследству к его младшему сыну – тайному советнику и сенатору Николаю Ивановичу Неплюеву[372]. На момент описания Новгород-Северского наместничества 1779–1781 гг. Николай Иванович владел в Стягайловке 58 дворами и 59 хатами. В них проживало 59 обывателей со своими семьями, большинство из которых занимались выращиванием конопли и изготовлением из неё конопляного масла [21, с. 149].

24 мая 1784 года Н.И. Неплюев умер. После его смерти Стягайловка досталась его старшему сыну тайному советнику Ивану Николаевичу Неплюеву (26.03.1750 – 6.07.1823), а от него перешла к его сыну, полковнику Ивану Ивановичу Неплюеву[373].

21 декабря 1851 года Иван Иванович подарил Стягайловку своей дочери Наталье (1826 – 5.08.1856)[374], от которой она перешла к её мужу Карлу Людвиговичу Шуленбургу и детям: Ивану и Марии.

И.К. Шуленбург

Накануне отмены крепостного права, в 1859 году, в Стягайловке числилось 63 двора, в которых проживало 465 жителей. Большинство из них были крепостными и принадлежали Шуленбургам.

После смерти К.Л. Шуленбурга, наступившей 7 февраля 1874 года, его владения в Стягайловке унаследовал его сын Иван Карлович Шуленбург (7.05.1850 – 16.06.1891), а от него они перешли к его второй жене Елизавете Дмитриевне Шуленбург (? – 1898) и сыну Сергею (20.05.1875 – ?), которые, по преданию, продали их помещику Леницкому.

В 1896 году в Стягайловке была открыта школа грамоты, в которой 1 января 1899 года обучались 23 мальчика. Школа находилась в частном доме, а в 1915 году для неё было построено новое школьное помещение [30, с. 180–181]. Процент грамотности среди стягайловских жителей был одним из самых низких в Протопоповской волости и в начале 1897 года составлял 9,9 % [33, с. 30].

Своё название Стягайловка позаимствовало от фамилии основателя

– знатного батуринского казака Ивана Стягайло.

Рядом со Стягайловкой, на левом берегу реки Знобовки, были обнаружены остатки поселения эпохи бронзы [14, с. 121].

Сведения о количестве дворов и численности жителей (податных душ в 1795, 1799 гг.) села Стягайловки:

год	1795	1799	1859	1883	1892	1897	1901	1913	1917
дворов	–	–	63	102	123	132	–	174	151
жителей	151	151	465	578	709	793	796	–	973
год	1923	1926	1940	1970	1976	1989	2001	2008	
дворов	180	195	196	162	155	–	–	–	
жителей	967	998	–	496	–	338	301	210	

Сытное (Ситне)

Село Сытное (село Ситное, Сетное) (географические координаты: 52°05'23" с.ш., 33°59'03" в.д.) расположено у железнодорожной линии Зерново–Хутор-Михайловский, на расстоянии около 6,5 км к юго-западу от села Рожковичи.

Точное время основания села неизвестно. По одной из версий, выдвинутой местным краеведом Яковом Петровичем Сивухиным (1901–1992), Сытное было поселено в первой половине XVII века рядом со сторожевым постом, который с незапамятных времён находился на возвышенном месте вблизи реки Сеть. В доказательство этого он ссылался на находку в местности «Кагат» медного солдатского котла на 40 литров и остатков печной кладки от старой казармы [14, с. 243]. По другой версии, поддерживаемой брянскими исследователями А.М. Дубровским и А.А. Ивaниным, Сытное возникло на сто лет позже, в первые годы XVIII века[375].

До революции Сытное находилось в удельном ведомстве[376] и никому из помещиков в собственность не передавалось. Оно было крупным населённым пунктом и в 1782 году насчитывало 302 жителя[377], в 1795 году – 432 жителя[378], в 1866 году – 102 двора и 749 жителей[379], в 1877 году – 115 дворов и 869 жителей[380], в 1897 году – 1064 жителя[381], а в 1926 году – 277 дворов и 1486 жителей,

Большинство его жителей занимались сельским хозяйством: выращиванием жита, овса, гречки, конопли и других сельскохозяйственных культур.

В первую мировую войну более 200 жителей Сытного принимали участие в боевых действиях. Многие из них были награждены орденами и медалями царской России, а Дмитрий Яковлевич Савченко удостоен

четырёх Георгиевских крестов и французской золотой медали «За храбрость» [14, с. 246].

До революции в Сытном функционировала однопрестольная православная церковь деревянной постройки во имя Святого Великомученика Дмитрия Солунского, которая впервые упоминается в документах, датированных 1703 годом. Церковь имела свой приход, который в 1903 году насчитывал 1135 прихожан, в том числе 593 мужчины и 542 женщины[382].

Дмитриевская церковь просуществовала до 1918 года, после чего коммунары-революционеры её разрушили, а священника Н.П. Лаврова расстреляли [28, с. 283].

С 1901 года при церкви функционировала одноклассная церковно-приходская школа, в которой 1 января 1909 года обучалось 55 мальчиков и 4 девочки[383].

По преданию, своё название Сытное (Сетное) позаимствовало от названия реки Сеть, левого притока реки Знобовки, которая в старину была полноводной и на неё приезжали порыбачить сетями жители Севска[384].

До революции Сытное входило в состав Подывотской волости Севского уезда Орловской губернии, с 1920 года – Подывотской волости Севского уезда Брянской губернии, с 1925 года – Хинельской волости Севского уезда Брянской губернии[385], а после принятия Президиумом ЦИК СССР постановления от 16 октября 1925 года «Об урегулировании границ УССР с РСФСР и БССР» было передано в состав Украины.

Начиная с 60-х годов XX века численность населения в Сытном начала снижаться. В 1989 году в нём числилось 396 жителей, в 2001 году – 251 житель, а 1.01.2008 года – 166 жителей.

В Сытном родился Герой Советского Союза капитан Иван Семёнович Федченко (10.10.1923 – 23.10.1987)[386].

Таборище (Таборище)

Село Таборище (географические координаты: 52°10'05" с.ш., 33°26'48" в.д.) расположено по обе стороны реки Бычихи, на расстоянии около 1,5 км к северу-востоку от села Кривоносовки.

По мнению местных жителей, Таборище, которое изначально называлось – хутор Юркевичев, было основано Андреем Лукьяновичем Юркевичем (1781 – ?), внуком стародубского полкового хорунжего Ивана Афанасьевича Юркевича.

Мы считаем эту точку зрения ошибочной, поскольку в 1781 году,

когда родился Андрей Лукьянович Юркевич[387], хутор Юркевичев (Таборище Селецкого) уже существовал. Он был основан за несколько десятилетий до этого времени и к моменту проведения Румянцевской описи Малороссии 1765–1768 гг. уже насчитывал 22 хаты, 10 из которых принадлежали войсковому товарищу Николаю Юркевичу, 8 – войсковому канцеляристу Иосифу Юркевичу, а 4 – войсковому товарищу Якову Юркевичу[388].

Таборище находилось вблизи мельницы Юркевичей на реке Свиге, в урочище Таборище Селецкого, которая была куплена 4 октября 1687 года стародубским полковым хорунжим Иваном Афанасьевичем Юркевичем у Яска Якименка [19, с. 349], и, вероятнее всего, было поселено его сыновьями: Николаем, Сафоном и Пантелеймоном.

Точное время основания села, неизвестно. Однако по состоянию на 14 декабря 1728 года, когда гетман Даниил Апостол утвердил за Зиновией Афанасьевной Юркевич и её детьми – Николаем, Сафоном и Пантелеймоном новгород-северские владения её покойного мужа, населённого пункта с таким названием не было. Он появился несколько лет спустя, между указанной датой и проведением Румянцевской описи Малороссии 1765–1768 гг.

На момент описания Новгород-Северского наместничества (1779–1781 гг.) в хуторе Юркевичеве числилось 22 двора и 22 хаты, из которых войсковому канцеляристу Осипу Юркевичу принадлежало 7 дворов и 7 хат, войсковому товарищу Якову Пантелеймоновичу Юркевичу – 1 двор и 1 хата, жене умершего бунчукового товарища Петра Юркевича – 9 дворов и 9 хат, войсковому канцеляристу Гавриле Пантелеймоновичу Юркевичу – 2 двора и 2 хаты, войсковому канцеляристу Семёну Пантелеймоновичу Юркевичу – 1 двор и 1 хата, Прасковье Юркевич – 1 двор и 1 хата и (неизвестно кому) – 1 двор и 1 хата. В указанное время в хуторе проживало 25 обывателей со своими семьями, которые занимались выращиванием зерновых, конопли и других сельскохозяйственных культур. Коноплю они продавали в Новгороде-Северском, а другие сельхозкультуры использовали для собственного потребления [21, с. 147].

Кому из Юркевичей принадлежало Таборище после 1779–1781 гг., нам установить не удалось, поскольку их род был довольно многочисленным, а владения мелкими. Известно, что в середине XIX века на Новгород-Северщине проживали Африкан Яковлевич Юркевич, гвардии капрал Михаил Яковлевич Юркевич, капитан Андрей Яковлевич Юркевич, коллежский секретарь Андрей Лукьянович Юркевич и т.д.[389] Однако кому из них и сколько крепостных крестьян принадлежало в селе Табо-

рище неизвестно.

В конце 30-х – начале 40-х годов XIX века кто-то из Юркевичей продал свою часть хутора Новгород-Северскому уездному предводителю дворянства с 1841 по 1844 гг. генерал-майору Павлу Ивановичу Чинчику (15.01.1786 – 26.02.1854)[390], который с 1800 по 1833 гг. служил в русской армии, был командиром батальона Подольского пехотного полка (1816), командиром Белостокского пехотного полка (1827) и командиром первой бригады 15-й пехотной дивизии (1832).

В его владении купленная часть хутора находилась до его смерти, наступившей 26 февраля 1854 года, после чего она перешла по наследству к его жене Пелагее Гавриловне Чинчик (урожденной Богуп) и детям.

Накануне отмены крепостного права, в 1859 году, в Таборище числилось 15 дворов, в которых проживало 93 жителя. Большинство из них были крепостными и принадлежали А.А. Юркевичу, И.А. Юркевичу, С.И. Юркевич, М.И. Юркевич [16, с. 80, 81] и другим собственникам.

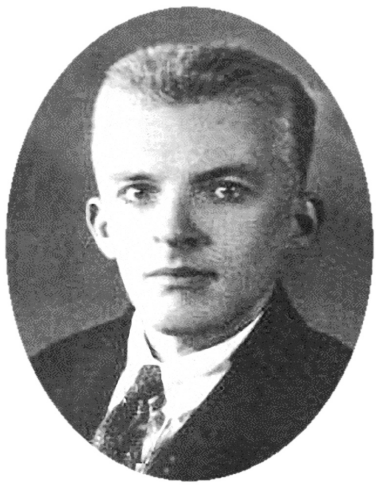
Д.А. Юркевич

Отдельные представители рода Юркевичей проживали в Таборище до 30-х годов прошлого века и перед революцией 1917 года имели в нём свои усадьбы: врач Дмитрий Александрович Юркевич, ветеринар Валерьян Александрович Юркевич и агроном Леонид Александрович Юркевич. Они были мелкопоместными дворянами и свою землю обрабатывали сами.

После Октябрьской революции Валерьян Александрович примкнул к большевикам и в составе повстанческого отряда принимал участие в изгнании немецких оккупантов и петлюровских гайдамаков из Украины, а его брат Дмитрий открыл в 1923 году в своей усадьбе больницу, проработал в ней около двух лет, а затем уехал в Киев.

Своей школы до революции в Таборище не было. Несмотря на это, процент грамотности среди местных жителей был одним самых высоких в Хильчицкой волости и в начале 1897 года составлял 27,7 % [33, с. 27].

Своё название Таборище позаимствовало от названия урочища Таборище Селецкого, вблизи которого его поселили братья Юркевичи. За время своего существования оно неоднократно меняло своё название и в разных источниках называлось по-разному: хут. Юркевичев – 1779–1781, 1799–1801 гг., хут. Тобурище (Юркевичев, Чинчиковой, Селецкий) – 1859 г., хут. Табурище – 1892, 1901, 1923, 1926 гг., хут. Табурище (Чинчиков) – 1897 г., хут. Табурище-Селецкий (Ченчиков) – 1913, 1917 гг., хут. Юрковичи – 1946 г., село Таборище – 1960 г. и т.д.

В.Д. Юркевич

В первой четверти XX века в Таборище проживали родители кандидата исторических наук Виктора Дмитриевича Юркевича (26.12.1898 – 12.09.1939). Во время учёбы в Киевском университете он часто гостил в их усадьбе и во время летних каникул 1925 года провёл по поручению Всеукраинского археологического комитета обследование находящихся рядом с Таборищем сёл Кривоносовки, Боровичи, Очкино, Уралово и Хильчичи и выявил вблизи Боровичей и Очкино несколько стоянок первобытных людей[391].

Сведения о количестве дворов и численности жителей (податных душ в 1795, 1799 гг.) села Таборище:

год	1795	1799	1859	1892	1897	1901	1913
дворов	–	–	15	19	21	–	22
жителей	4	4	93	163	152	196	–
год	1917	1923	1926	1989	2001	2008	
дворов	22	25	32	–	–	–	
жителей	–	151	188	87	67	46	

Троицкое (Троїцьке)

Село Троицкое (географические координаты: 52°14'02" с.ш., 33°48'57" в.д.) находится по правую сторону реки Знобовки на расстоянии около 3 км к северо-западу от села Великая Берёзка.

Троицкое было основано в конце XIX – начале XX века переселен-

цами из окрестных населённых пунктов. Со дня основания оно было небольшим населённым пунктом и в 1923 году насчитывало 5 дворов, в которых проживало 45 жителей, в 1926 году – 15 дворов и 90 жителей, в 1940 году – 14 дворов, в 1976 году – 30 дворов, в 1989 году – 36 жителей, в 2001 году – 34 жителя, а 1.01.2008 года – 8 дворов и 21 жителя.

Большинство домов троицких жителей были построены в один ряд над обрывистым береговым склоном Знобовки, который более чем на 10 метров возвышается над уровнем реки. По преданию, в старину в этих местах водилось много рыбы, и пудового карпа можно было поймать руками.

Уборок (Уборок)

Село Уборок (географические координаты: 52°08'11" с.ш., 33°53'47" в.д.) находилось на старой дороге, ведущей из села Чернацкого в село Каменку, на расстоянии около 5 км к югу-западу от Чернацкого.

Уборок был основан во второй половине XIX века, после 1859 года, и до революции входил в состав Чернацкой волости Новгород-Северского уезда.

Впервые он упоминается в материалах первой всеобщей переписи населения России 1897 года под названием хутор Уборок. На указанный момент в нём числилось 2 двора, в которых проживало 19 жителей.

Уборок был небольшим населённым пунктом и в 1901 году насчитывал 20 жителей, в 1940 году – 23 двора, а «в лучшие свои времена – около 50 крестьянских усадеб и около двух сотен жителей» [14, с. 306].

В 60-х годах прошлого века Уборок попал в разряд неперспективных населённых пунктов и в начале 1990-х годов опустел, а 29 апреля 1993 года был снят с учёта населённых пунктов Сумской области[392].

Украинское (Українське)

Село Украинское (географические координаты: 52°17'11" с.ш., 33°30'14" в.д.) находится на расстоянии около 4 км к северо-западу от села Мефёдовки.

Оно было основано в 1924 году переселенцами из села Мефёдовки [14, с. 165] и со дня основания входило в состав Селецкой волости Трубчевского уезда Брянской губернии, а с 1925 года – Трубчевской волости Почепского уезда Брянской губернии. В состав Украины село было передано только 1 сентября 1926 года после принятия Президиумом ЦИК

СССР постановления от 16 октября 1925 года «Об урегулировании границ УССР с РСФСР и БССР»[393].

Украинское было небольшим населённым пунктом и в 1926 году насчитывало 13 дворов, в которых проживало 60 жителей, а в 1940 году – 24 двора и около 100 жителей.

В годы Великой Отечественной войны немецкие оккупанты сожгли в Украинском большую часть дворов и расстреляли 11 жителей. Однако после войны село было восстановлено. В нём была открыта начальная школа, молочнотоварная ферма на 150 голов крупного рогатого скота, конюшня и предприятие по добыче торфа, на котором сезонно трудилось около 100 рабочих и производилось до 2 тысяч тонн торфобрикетов в неделю.

В начале 90-х годов XX века торфопредприятие закрыли. С того времени село начало приходить в упадок. В 1989 году в нём проживало 113 жителей, в 2001 году – 72 жителя, а в 2008 году – 51 житель.

Улица (Улиця)

Село Улица (географические координаты: 52°18'38" с.ш., 33°36'59" в.д.) расположено по обе стороны реки Улички, на расстоянии около 4 км к юго-западу от села Знобь-Трубчевская.

Точное время основания села неизвестно. В ходе Генерального следствия о маетностях Нежинского полка 1729–1730 гг., жители Улицы показывали, что их село было поселено слободою на земле Трубецкой волости, на месте, где «издавна была пустошь», с позволения князя Меншикова его управляющим Иваном Семёновичем Софоновым [38, с. 57–58].

Если это действительно так, то это случилось в промежутке между 9 июлем 1709 года, когда Ямпольская волость была пожалована сподвижнику Петра I генерал-фельдмаршалу А.Д. Меншикову[394], и 15 июнем 1712 года, когда слободка Улица впервые упоминается в жалобе «панеи Васильевой Кочубеевой» к гетману Скоропадскому: «Сафониев самовольно осадил слободу в грунте Трубецком, от грунта купленного «у отченников Знобовских»[395].

Вскоре после основания Улицы её присоединили к Ямпольской волости [18, с. 233] и до 8 апреля 1728 года она находилась во владении князя Меншикова, а после его ссылки за казнокрадство в город Берёзов Тобольской губернии[396] была «отписана Его Императорскому Величеству» [38, с. 59–60].

11 июля 1740 года императрица Анна Иоанновна повелела органи-

зовать на Украине конный завод и передала ему в полное ведение ранее принадлежавшие князю Меншикову «города Батурин и Ямполь, со всеми к нему принадлежащими местечками, слободами, сёлами, деревнями»[397]. Среди них, вероятно, была и Улица.

После ликвидации конного завода Улица была возвращена Её Императорскому Величеству и 10 ноября 1764 года пожалована ею вместе с другими населёнными пунктами Ямпольской волости в вечное и потомственное владение известному дипломату и государственному деятелю России действительному тайному советнику Ивану Ивановичу Неплюеву[398].

В его владении село находилось до 11 ноября 1773 года, после чего перешло по наследству к его младшему сыну – тайному советнику и сенатору Николаю Ивановичу Неплюеву (12.05.1731 – 24.05.1784)[399], который на момент описания Новгород-Северского наместничества (1779–1781 гг.) владел в ней 49 дворами, 50 хатами и одной мельницей о 2 колах на реке Уличке. На то время в селе проживали 53 обывателя со своими семьями, которые земледелием занимались мало, из-за недостатка пахотной земли, а прибыль получали от изготовления бочек и других бондарных изделий [21, с. 149].

После смерти Николая Ивановича Неплюева Улицу унаследовал его старший сын – тайный советник Иван Николаевич Неплюев (26.03.1750 – 6.07.1823), а от него она перешла к его сыну – полковнику Ивану Ивановичу Неплюеву[400].

21 декабря 1851 года Иван Иванович подарил Улицу своей дочери Наталье Ивановне Неплюевой (1826 – 5.08.1856)[401], а от неё она перешла по наследству к её мужу Карлу Людвиговичу Шуленбургу и детям: Ивану и Марии.

Накануне отмены крепостного права, в 1859 году, в Улице числилось 36 дворов, в которых проживало 105 мужчин и 117 женщин. Большинство из них жили бедно, испытывали притеснения со стороны помещичьих управляющих и весной-летом 1859 года выступали против выполнения барской повинности и переселения в другие населённые пункты[402].

После смерти К.Л. Шуленбурга принадлежавшие ему владения в Улице унаследовал его сын Иван Карлович Шуленбург (7.05.1850 – 16.06.1891), а от него они перешли к его второй жене Елизавете Дмитриевне Шуленбург (? – 1898) и сыну Сергею (20.05.1875 – ?).

Издавна, ещё до образования Новгород-Северского наместничества, в Улице функционировала православная Михайловская церковь деревянной постройки, которая обслуживала прихожан трёх населённых пунктов: Улицы, Белоусовки и Стягайловки. Однако по весне, когда река

Уличка выходила из берегов, жители Белоусовки и Стягайловки не могли её пересечь и были лишены возможности попасть в церковь. По этой причине в начале 50-х годов позапрошлого века церковь перенесли в Белоусовку [14, с. 132].

Своей школы до революции в селе не было. Вследствие этого процент грамотности среди местных жителей был одним из самых низких в Новгород-Северском уезде и в начале 1897 года составлял всего 1,4 % [33, с. 30].

Сведения о количестве дворов и численности жителей (податных душ в 1795, 1799 гг.) села Улицы:

год	1795	1799	1859	1892	1897	1901	1913	1917
дворов	–	–	36	59	62	–	74	70
жителей	107	107	222	376	294	320	–	451
год	1923	1926	1940	1976	1989	2001	2008	
дворов	100	104	102	62	–	–	–	
жителей	503	536	–	–	77	21	5	

Уралово (Уралове)

Село Уралово (историческое название – Олтарь), (географические координаты: 52°11'09" с.ш., 33°33'37" в.д.) расположено по левую сторону реки Свиги, на расстоянии около 35 км к западу от Середина-Буды.

Уралово является административным центром Ураловского сельского совета, в состав которого входят населённые пункты: Уралово и Чигин.

По предположению А.М. Лазаревского, Олтарь был «поселён не позже первой половины XVII века Спасским монастырём» [18, с. 227]. Однако так ли это на самом деле, сказать сложно. Спасо-Преображенский Новгород-Северский монастырь был основан в 1033 году князем Мстиславом Тмутараканским и относился к древнейшим миссионерским центрам Киевской Руси. Он был крупнейшим землевладельцем на Северщине и на основании грамоты Иоанна Васильевича Грозного от 2 сентября 1552 года владел обширными имениями в Новгород-Северском уезде[403]. Однако села Олтарь среди них не было.

Первое упоминание об Олтаре относится к началу XVII века и содержится в Жалованной грамоте польского короля Сигизмунда от 15 августа 1610 года о пожаловании «починка Волтарь в Сиверском Новгородку» с «землею порубною ухожею» казачьему атаману Тимофею Васильевичу

Шарову[404].

На момент указанного пожалования Олтарь (в диалектном произношении – Волтарь)[405] был починком (небольшим новым поселением) и, вероятно, возник незадолго перед тем, в конце XVI – начале XVII вв.

Со дня основания Олтарь входил в состав Русского царства и на момент передачи его Польше, в конце июня – начале июля 1619 года, находился во владении четырёх подданных московского царя, которые платили дань в царскую казну в размере трёх пудов мёда в год [17, с. 427].

После перехода Северских земель к Речи Посполитой Олтарь был причислен к Новгород-Северскому старосту и в октябре 1633 года отдан во владение Александру Пясочинскому, однако уже в марте 1637 года его отделили от старостава и передали Новгород-Северской иезуитской коллегии, которая по ревизии 1638 года владела в нём 18 дворами [17, с. 190, 427, 445].

Через несколько лет после освобождения Украины от поляков Олтарь был передан Новгород-Северскому Спасо-Преображенскому монастырю и 3 сентября 1667 года закреплён за ним царской грамотой, а 21 августа 1673 года – универсалом гетмана Ивана Самойловича[406].

В 1723 году в Олтаре числилось 25 дворов и 15 хат, из которых Спасо-Преображенскому монастырю принадлежало 23 двора и 15 хат, а казакам 2 двора [18, с. 227], в 1765–1768 гг. – 68 дворов и 11 бездворных хат [20, с. 843], а в 1779–1781 гг. – 95 дворов, 116 хат и 3 бездворные хаты, из которых Спасо-Преображенскому монастырю принадлежало 93 двора, 114 хат и 3 бездворные хаты, а казачьим подпомощникам – 2 двора и 2 хаты. На момент описания Новгород-Северского наместничества (1779–1781 гг.) в селе проживало 124 обывателя со своими семьями, большинство из которых занимались сельским хозяйством, выращиванием конопли и продажей её в монастырскую экономию [21, с. 145].

В 1786 году на основании именного указа Екатерины II от 10 апреля 1786 года «О штатах Киевской, Черниговской и Новгород-Северской епархий» Олтарь был изъят у Спасо-Преображенского монастыря и передан в казённое ведомство[407]. С указанного времени он находился в ведении казны, а его жители имели статус государственных крестьян и платили денежный налог государству.

После отмены крепостного права, в начале 80-х годов XIX века, в селе работали 3 постоялых двора, 3 лавки, 14 ветряных мельниц [4, с. 115] и ряд других небольших торговых и промышленных предприятий. Некоторые из них принадлежали местным землевладельцам: М.Г. Лубенцову, Ф.Ф. Юницкому, И.Ф. Юницкому, Е.Г. Бернову, И.Я. Вороному

и другим собственникам.

Издавна в Олтаре функционировала Покровская церковь деревянной постройки, которая, по преданию, была перенесена в него из соседнего села Чигин [14, с. 285]. В начале 90-х годов XIX века указанная церковь сгорела, а на её месте в 1894 году была возведена новая церковь [25, с. 25].

По высочайше утверждённому расписанию приходов и причтов Черниговской епархии от 17 января 1876 года, Покровская церковь входила в состав Олтаро-Рудновско-Жиховского прихода, настоятелем которого в 1879 году был её священник Василий Пиневич, а помощником настоятеля – священник Михайловской церкви села Жихово Василий Андриевский [26, с. 105]. В Покровской церкви хранилась одна из наиболее почитаемых икон Черниговской губернии – чудотворная икона Казанской Божьей Матери[408].

Богослужение в Покровской церкви продолжались до 1932–1935 гг., после чего её закрыли и передали под сельский клуб, а в 1940–1941 гг. разрушили [28, с. 285]. В разное время в ней служили Рахинский (? – 1814 – ?), Василий Пиневич (? – 1879 – ?), Михаил Григорьевич Лубенцов (? – 1899–1916 – ?) и другие священники.

В 1885 году в Олтаре была открыта двухклассная церковноприходская школа, в 1890 году земская школа, в которой в 1901 году обучалось 42 мальчика и 6 девочек, а в 1896 году школа грамоты, в которой 1 января 1899 года училось 45 мальчиков и 1 девочка [30, с. 190–191]. Земская школа размещалась в новопостроенном общественном помещении и содержалась за счёт средств земства в сумме 150 руб. и сельского общества в сумме 135 руб. в год [29, с. 126]. Процент грамотности среди местных жителей был невысоким и в начале 1897 года составлял 10,3 % [33, с. 26].

И.М. Уралов (Коньков)

В 1922 году Олтарь был переименован в Уралово, в честь известного театрального актёра Уралова (Конькова) Ильи Матвеевича (1872 – 16.10.1920), умершего в Новгороде-Северском Черниговской области.

В эпоху неолита поблизости от села находилось несколько стоянок

древних людей, о чём свидетельствуют каменные орудия труда, найденные в местности под названием Ровки [14, с. 285].

Сведения о количестве дворов и численности жителей (податных душ в 1795, 1799 гг.) села Уралово:

год	1795	1799	1859	1883	1892	1897	1901	1913
дворов	–	–	158	261	312	508	–	390
жителей	371	405	1237	1692	2038	2328	2386	–
год	1917	1923	1926	1940	1970	1989	2001	2008
дворов	362	517	550	616	505	–	–	–
жителей	2692	2908	2990	–	1445	828	579	428

Хильчичи (Хильчичі)

Село Хильчичи (географические координаты: 52°09'40" с.ш., 33°28'00" в.д.) расположено по правую сторону реки Бычихи, на расстоянии около 2,5 км к северо-востоку от села Кривоносовки.

По утверждению глуховского протопопа Алексея Галяховского, который владел селом во время проведения Генерального следствия о маетностях Стародубского полка 1729 года, Хильчичи поселил при польском правлении слуга Пясочинского Хилкевич «и за заслугу оную от Пясочинского» получил их «в особливое владение» [19, с. 421–422].

Однако это утверждение ошибочно. Хильчичи были поселены ещё до передачи в 1619 году Северских земель в состав Речи Посполитой, в конце XVI – начале XVII вв. Об этом свидетельствует жалованная грамота польского короля Сигизмунда от 20 апреля 1610 года о пожаловании деревеньки Фильчичи (Хильчичи) в Новгород-Северском уезде Ивану Васильевичу Щёголеву[409].

После заключения в декабре 1618 года Деулинского перемирия Хильчичи были переданы в состав Речи Посполитой. На момент передачи села Польше, в конце июня 1619 года, в них числилось 4 подданных московского царя, которые вместе с двумя подданными села Очкино платили дань в царскую казну в размере 2 злотых и 1 пуда мёда в год [17, с. 430].

Через несколько лет после перехода Северских земель к Польше Хильчичи были пожалованы Новгород-Северскому капитану Матиашу Бучинскому, а от него перешли к Стефану Речинскому, который в разное время служил мечником, подсудком, судьёй Новгород-Северского повета

и поручиком надворной хоругви А. Пясочинского [17, с. 430].

В апреле 1644 года Стефан Речинский уступил Хильчичи Новгород-Северскому старосте Александру Пясочинскому [17, с. 303], который владел ими на ленном праве до своей смерти, наступившей в декабре 1645 года, после чего село перешло во владение его жены Эльжбеты и сына Яна.

После освобождения Украины от поляков Хильчичи были включены в разряд «войсковых сёл» и во время правления Ивана Самойловича (1672–1687), Ивана Мазепы (1687–1708) и Ивана Скоропадского находились в ведомстве старшины сотенной и ратушной новгород-северской, а 3 марта 1716 года были пожалованы гетманом Скоропадским глуховскому протопопу Алексею Галяховскому, в «спокойное владение» [19, с. 10, 238, 422, 511]. К тому времени часть жиховских земель, сенокосов и другого недвижимого имущества уже находились во владении Григория Лукьяновича Жоравко и Данилы Герасимовича Кутневского [35, с. 649], которые приобрели их путём «скупли» крестьянских дворов.

По ревизии 1723 года в Хильчичах числились 45 дворов и 23 хаты, из которых Алексею Галяховскому принадлежало 8 дворов и 12 хат, Г.Л. Жоравко – 6 хат, Д.Г. Кутневскому – 5 хат и казакам – 37 дворов [18, с. 224]. Среди казаков того времени (по данным на 1732 год) были известны: Яков Кучер, Ничипор Вовчков, Василь Полуда, Григорий Сердюченко, Гришка Полуда, Савка Рубан, Опанас Рубан, Василь Дворниченко, Данило Симоченко, Павел Рубанов, Ничипор Михайлов, Василь Федченков, Марко Зличенко, Иван Мажуженко, Иван Барсук, Василь Малиненок, Левон Сидоренко, Иван Дворниченко, Роман Рекунов, Михаил Семененко, Стефан Шульга, Герасим Куниченко, Василь Дяченко, Фёдор Гончар, Савка Куриленко, Кузьма Борсук, Иван Сидоренко, Петро Борисов, Корней Петраченко, Кондрат Куриленко, Кондрат Гомолеев, Давид Коновенок, Иван Кажадуб и Отрохим Чемерисенко.

После смерти Г.Л. Жоравко (? – 23.04.1724), принадлежавшие ему владения в Хильчичах достались его жене Анне Павловне Жоравко (? – 13.04.1731), а от неё перешли к её единственной дочери Марии Григорьевне Жоравко (? – до 1748). 23 января 1732 года Мария Григорьевна вышла замуж за мглинского сотника Максима Михайловича Турковского и передала ему в приданое мельницу в селе Хильчичах, слободку Хильчанскую и другое недвижимое имущество, которое 29 апреля 1732 года было закреплено за ним универсалом гетмана Апостола[410]. Однако после смерти Марии Григорьевны указанное имущество было возвращено её

родственникам и передано в собственность её двоюродному брату Ивану Тимофеевичу Жоравко [20, с. 836–837].

Владения Д.Г. Кутневского (? – 9.04.1732) после его смерти перешли по наследству к его жене Марии Савичне Савич (? – после 1742), а от неё – к её детям, бунчуковым товарищам Василию Даниловичу Кутневскому и Ивану Даниловичу Кутневскому, а после смерти И.Д. Кутневского – к его жене Параскевии Кутневской[411].

Что касается владений Алексея Галяховского (? – после 1747), то после его смерти они достались его детям: глуховскому канцеляристу Петру Галяховскому[412] и переводчику при императорском Кабинете[413] Демьяну Галяховскому. Кто-то из них продал свою часть Хильчичей братьям Юркевичам [18, с. 224]: Пантелеймону, Сафону и Николаю, а Пантелеймон Юркевич перепродал свою часть стародубскому полковому есаулу Фёдору Кирилловичу Чернацкому.

На момент проведения Румянцевской описи Малороссии 1765–1768 гг. в Хильчичах числился 21 двор и 16 бездворных хат, из которых бунчуковому товарищу В.Д. Кутневскому принадлежало 2 подсоседческих двора, Параскевии Кутневской – 1 бездворная хата, есаулу И.Т. Жоравко – 6 дворов, полковому есаулу Ф.К. Чернацкому – 4 двора и 11 бездворных хат и графу Кириллу Григорьевичу Разумовскому – 8 дворов и 4 бездворные хаты [20, с. 831]. В указанную опись не были включены владения Сафона и Пантелеймона Юркевичей, хильчичских казаков и других собственников.

После проведения Румянцевской описи Малороссии, в 1775 году, Сафон Юркевич продал за 150 руб. свою часть Хильчичей войсковому канцеляристу Пантелеймону Федоровичу Чернацкому (1750 – ?) [18, с. 224], а та часть села, которая принадлежала Николаю Юркевичу, перешла по наследству к его сыну – бунчуковому товарищу Петру Юркевичу, а от него к его жене Марии Васильевне Юркевич (урожденной Завадовской)[414].

На момент описания Новгород-Северского наместничества 1779–1781 гг., в Хильчичах числилось 79 дворов и 100 хат, из которых выборным казакам принадлежало 9 дворов и 14 хат, подпомощникам – 31 двор и 42 хаты, статскому советнику И.Т. Жоравко – 3 двора и 3 хаты, войсковому канцеляристу Юркевичу (?) – 5 дворов и 7 хат, Галяховскому (?) – 4 двора и 4 хаты, Кутневскому (Василию Даниловичу, Михаилу Ивановичу и Петру Ивановичу) – 3 двора и 2 хаты и войсковому канцеляристу П.Ф. Чернацкому – 25 дворов и 28 хат [21, с. 156].

После смерти П.Ф. Чернацкого его владения в Хильчичах унаследо-

вал его сын, титулярный советник Даниил Пантелеймонович Чернацкий (1807 – до 1861), а от него они перешли к его жене и детям: Григорию (1849 – ?), Фёдору (1851 – ?), Евдокии (1843 – ?) и Марии (? – ?)[415].

Кому достались владения других собственников, мы не знаем.

Накануне отмены крепостного права, в 1859 году, в Хильчичах проживало 994 жителя, работал винокуренный завод Чернацкого [22, с. 308] и несколько мельниц. Около половины всех жителей села (194 крепостных мужского пола со своими семьями [15, с. 24]) принадлежали поручику Григорию Даниловичу Чернацкому, а остальные – другим собственникам: Е.Г. Берновой, А.А. Юркевичу, И.А. Юркевичу [16, с. 76, 80] и т.д.

В пореформенное время на хильчичских землях поселился земский начальник Новгород-Северского уезда (район Задесенья) Николай Степанович Лукьяненко-Огнянко. По воспоминаниям старожилов, он жил в двухэтажном кирпичном доме между Хильчичами и Кривоносовкой, занимался сельским хозяйством и был хорошим хозяином и толковым руководителем.

После его смерти принадлежавшие ему владения в Хильчичах унаследовал его сын Константин Николаевич Лукьяненко-Огнянко, который страдал слабоумием, жил не по-дворянски и после революции ходил по селу и просил милостыню.

В начале 80-х годов XIX века в Хильчичах работали 2 ветряных мельницы и 1 крупорушка [4, с. 116], в 1910 году появился первый телефон, а в 1914 году – почтовая контора.

С середины 90-х годов XIX века село являлось административным центром Хильчичской волости Новгород-Северского уезда, в состав которой в 1897 году входили сёла: Боровичи, Журавка, Кренидовка, Кривоносовка, Мефёдовка, Очкино, Таборище, Червоное и другие населённые пункты.

В 1702 году местная громада построила в Хильчичах православную церковь деревянной постройки в честь Рождества Пресвятой Богородицы [25, с. 26] и выделила на содержание её священнослужителей обширный участок земли [20, с. 831–832]. Со временем при церкви была открыта церковно-приходская школа, в которой в 1768 году преподавал дьяк[416].

По преданию, церковь была построена в «нехорошем месте» и в неё часто попадала молния. В связи с этим её дважды, в 1770 и 1830 годах, переносили на новое место [25, с. 26].

В октябре 1860 года при обновлённой Рождество-Богородичной церкви была открыта церковно-приходская школа, в которой в 1860–1861

учебном году обучалось 18 мальчиков и 9 девочек [31, с. 175].

По высочайше утверждённому расписанию приходов и причтов Черниговской епархии от 17 января 1876 года, Рождество-Богородичная церковь входила в состав Глазовско-Хильчичско-Кривоносовского прихода, настоятелем которого в 1879 году был священник Николаевской церкви села Глазово Сергей Андриевский, а помощником настоятеля – священник Рождество-Богородицкой церкви села Хильчичи Алексей Кутепов [26, с. 105 – 106].

В разное время в церкви служили Алексей Кутепов (? – 1879 – ?), Фёдор Андриевский (? – 1899–1901 – ?) и другие священники.

После революции в Хильчичах возвели новую церковь на новом месте. Однако вскоре её закрыли, а в её помещениях в начале 30-х годов разместили сельский клуб, библиотеку и почту [14, с. 185].

В 1888 году в селе была открыта земская школа, в которой в 1901 году обучалось 60 мальчиков и 9 девочек. Школа находилась рядом с церковью, состояла из одной классной комнаты, библиотеки и квартиры для учителя и содержалась за счёт средств земства в сумме 150 руб. и сельского общества в сумме 135 руб. [29, с. 128]. Процент грамотности среди хильчичских жителей был одним из самых высоких в волости и в начале 1897 года составлял 16,7 % [33, с. 27].

В Хильчичах родился Герой Советского Союза, командир авиационной эскадрильи, воевавшей в Демократической Республике Афганистан, подполковник Пётр Васильевич Рубан (11.06.1950 – 17.05.1984)[417].

Сведения о количестве дворов и численности жителей (податных душ в 1795, 1799 гг.) села Хильчичи:

год	1795	1799	1859	1883	1892	1897	1901
дворов	–	–	150	132	161	170	–
жителей	320	442	994	793	980	1322	1224
год	1913	1917	1923	1926	1989	2001	2008
дворов	184	160	224	256	–	–	–
жителей	–	1044	1260	1331	391	310	243

Хлебороб (Хлібороб)

Село Хлебороб (историческое название – хутор Калугин), (географические координаты: 52°13'36" с.ш., 33°58'33" в.д.) расположено по обе стороны реки Улички, у границы с Россией, на расстоянии около 6 км к северо-западу от Середина-Буды.

Калугин хутор был основан в первой половине XIX века, до 1853 года, кем-то из дворян Калугиных, проживавших в местечке Середина-Буда: капитаном Николаем Андреевичем Калугиным (? – 9.01.1847), похороненным на кладбище у Николаевской церкви Середина-Буды, или его сыном Николаем Николаевичем Калугиным (6.12.1810 – 27.11.1902), похороненным на кладбище у Рождество-Богородичной церкви Середина-Буды[418].

Накануне отмены крепостного права, в 1859 году, в Калугине числилось 6 дворов, в которых проживало 27 жителей. Большинство из них были крепостными и принадлежали действительному статскому советнику и почётному мировому судье Новгород-Северского уезда Николаю Николаевичу Калугину.

В начале XX века Н.Н. Калугин владел в населённом пункте 372 десятинами земли, водяной мельницей на реке Уличке и небольшим маслобойным заводом [14, с. 38]. После его смерти указанное имущество перешло по наследству к его жене Агафии Лукиничне Калугиной (5.02.1827 – 25.02.1906) и детям.

В 19117 году большевики отобрали у Калугиных всю их собственность и передали её во владение местным коммунарам, которые организовали на её основе пролетарскую сельскохозяйственную коммуну, переросшую в 1932 году в колхоз ″Хлебороб″ [14, с. 38]. По его названию в 30-е годы был переименован и сам хутор.

Сведения о количестве дворов и численности жителей села Хлебороб:

год	1859	1892	1897	1901	1913	1917
дворов	6	2	1	–	5	5
жителей	27	16	16	13	–	–
год	1923	1926	1940	1989	2001	2008
дворов	3	4	36	–	–	–
жителей	32	37	–	80	57	50

Червоное (Червоне)

Село Червоное (историческое название – хутор Напрасновка), (географические координаты: 52°16'05" с.ш., 33°27'19" в.д.), расположено на расстоянии около 3,5 км к северо-западу от села Кренидовки.

Точное время основания села неизвестно. Первое упоминание о нём относится к началу XIX века и связано с именем Парфена Николаеви-

ча Заблоцкого-Десятовского (7.02.1777 – 28.06.1838)[419], отца известных уроженцев Черниговской губернии: А.П. Заблоцкого-Десятовского, П.П. Заблоцкого-Десятовского и М.П. Заблоцкого-Десятовского.

Парфен Николаевич Заблоцкий-Десятовский был одним из первых владельцев Напрасновки[420]. Он родился в обедневшей дворянской семье в селе Сопычи Стародубского уезда Черниговской губернии, закончил Киевскую духовную академию, однако «в связи с полным разорением осиротевшей родительской семьи» вынужден был возвратиться на родину, стать во главе семейства и заняться сельским хозяйством[421].

Очень скоро он зарекомендовал себя как хороший агроном и в начале XIX века был принят на должность управляющего в имение первого министра народного просвещения России графа Петра Васильевича Завадовского, которое находилось в селе Мефёдовке Новгород-Северского уезда[422].

Одновременно с назначением на указанную должность он получил во владение хутор Напрасновку и вместе со своей женой Феодосией Фёдоровной Евфимович (до 1792 – 6.03.1854) переехал в него на постоянное жительство.

28 июня 1838 года Парфен Николаевич умер. Кому досталась Напрасновка после его смерти неизвестно. Незадолго до отмены крепостного права в ней появился новый собственник и она изменила своё название на Красный хутор. В 1859 году в Красном хуторе числилось 7 дворов, в которых проживало 17 мужчин и 21 женщина.

В пореформенное время Красный хутор находился во владении статского советника Михаила Дмитриевича Шабловского (1834 – после 1902), выпускника Нежинского лицея князя Безбородко, который служил судебным следователем Новгород-Северского уезда, мировым судьёй третьего участка Новгород-Северского уезда, земским начальником третьего участка Новгород-Северского уезда и уездным предводителем дворянства Новгород-Северского уезда (1892–1896).

В 1900 году он владел в Красном хуторе 1916 десятинами земли, а в других населённых пунктах Новгород-Северского уезда 1914 десятинами земли, на которых выращивал табак, коноплю и другие сельскохозяйственные культуры[423], и занимался их переработкой. С 1871 года на его хуторе функционировал завод по изготовлению конопляного масла, на котором в 1884 году работали 10 рабочих и производилось около 10000 пудов масла в год; винокуренный завод №148, на котором в 1884 году трудились 8 рабочих[424], а в 1886 году 10 рабочих, 1 мастеровой и 2 слу-

жащих[425], и небольшой кирпичный завод, производивший в 1885–1887 гг. от 90 до 100 тысяч штук огнеупорных кирпичей в год[426].

После смерти М.Д. Шабловского принадлежавшие ему владения в Красном хуторе унаследовали двое его сыновей – Дмитрий Михайлович (1880 – 25.12.1917) и Николай Михайлович (1886 – после 1917). По преданию, они хорошо относились к местным крестьянам, по сходной цене сдавали им в аренду свои поля, луга и пастбища, не штрафовали их ни за потравы сенокосов, ни за порубку леса. Несмотря на это, в ночь на Рождество Христово 1917 года местные крестьяне пришли к их винокуренному заводу и потребовали отдать им спирт. Узнав об этом, Дмитрий Михайлович вышел к ним на улицу и обратился с такими словами: «Теперь всё наше имущество принадлежит обществу селян и его, конечно, нужно взять, но по-хозяйски»[427]. В ответ на это пьяные крестьяне убили своего бывшего хозяина, а сами взобрались на цистерну и начали воровать спирт. При этом двое из них не удержались на ногах, упали в цистерну и утонули.

Николая Михайловича в этот день не было дома, и он остался жив. После революции он работал специалистом в органах по мелиорации земель Новгород-Северского уезда и проживал в Новгороде-Северском.

Вскоре после революции крестьяне разделили между собой земли Шабловских, разобрали принадлежавший им скот, инвентарь, мебель и другое имущество, сожгли их имение, винокуренный завод и другие постройки, а маслобойный завод и мельницу сохранили и ещё на протяжении нескольких лет использовали их для производства муки и масла[428].

За время своего существования Червоное неоднократно меняло своё название и в списках населённых мест Черниговской губернии и в других источниках называлось по-разному: хутор Напрасновка – 1808, 1923, 1926 г., хут. Красный (Напрасновка) – 1859 г., хут. Красный – 1892, 1897 гг., хут. Напрасновка (Красный) – 1901, 1913, 1917 гг., хут. Шабловских – 1917 г., пос. Червоный – 1923 г., хут. Червоный – 1923, 1926, 1946 гг. и т.д.

В Червоном родились выдающийся государственный деятель России, писатель и экономист Андрей Парфенович Заблоцкий-Десятовский (4.07.1808 – 24.12.1881), известный отечественный хирург и профессор Санкт-Петербургской медико-хирургической академии Павел Парфенович Заблоцкий-Десятовский (3.06.1814 – 2.07.1882) и видный статистик и метролог Михаил Парфенович Заблоцкий-Десятовский (7.11.1818 – 21.09.1858)[429].

Сведения о количестве дворов и численности жителей села Червоное:

год	1859	1892	1897	1901	1913	1917	1923
дворов	7	–	–	–	24	24	61
жителей	38	41	77	36	–	–	350
год	1926	1940	1976	1989	2001	2008	
дворов	67	71	52	–	–	–	
жителей	354	–	–	73	34	16	

Чернацкое (Чернацьке)

Село Чернацкое (географические координаты: 52°10'49" с.ш., 33°55'35" в.д.) расположено по обе стороны реки Знобовки, на расстоянии около 8 км к западу от Середина-Буды.

Село является административным центром Чернацкого сельского совета, в состав которого входит один населённый пункт.

Точное время основания Чернацкого неизвестно. По мнению Филарета (Гумилевского) оно является поселением «догетманским, или даже дотатарским» [27, с. 74]. Известный украинский историк А.М. Лазаревский придерживался другой точки зрения и считал, что оно было «поселено на порохонских землях спасскими монахами около середины XVII века» [18, с. 231]. Современный исследователь Черниговщины П.М. Кулаковский склоняется к тому, что Чернавская слобода (Чернацкое) была поселена в середине 40-х годов XVII века [17, с. 308].

Нет единого мнения и относительно происхождения названия населённого пункта. По одним данным, оно происходит от слова «чернец» (монах), по другим – от слова «чернь» (простонародье), по третьим – от фамилии или прозвища его основателя и т.д.

Впервые Чернацкое упоминается под названием Чернавская слобода в указе царя Алексея Михайловича гетману Богдану Хмельницкому от 14 января 1656 года о розыске и наказании его жителей, которые в 1655 году избили и ограбили новгород-северского поместного казака Афанасия Семёнова с пятью товарищами[430].

На тот момент оно находилось в диспозиции гетманской и войсковой, а 3 сентября 1667 года было пожаловано царём Алексеем Михайловичем Черниговской архиепископии и Новгород-Северской архимандрии. В их совместном владении село находилось до 6 августа 1673 года, после чего архиепископ Лазарь Баранович разделил владения Черниговской архие-

пископии и Новгород-Северской архимандрии и закрепил село Чернацкое за Черниговской архиерейской кафедрой[431].

По ревизии 1723 года в Чернацком числилось 85 дворов и 60 хат, из которых Черниговской архиерейской кафедре принадлежало 63 двора и 60 хат, а казакам – 22 двора [18, с. 231], а на момент описания Новгород-Северского наместничества 1779–1781 гг. – 120 дворов, 202 хаты и 6 бездворных хат, из которых Борисоглебскому кафедральному монастырю Черниговской архиепископии принадлежало 113 дворов, 190 хат и 6 бездворных хат, выборным казакам – 1 двор и 2 хаты, подпомощникам – 4 двора и 6 хат, казачьим подсоседкам – 2 двора и 2 хаты, войсковому товарищу Семёну Новикову – 1 хата и крестьянам – 1 хата. В указанное время в Чернацком проживало 211 обывателей со своими семьями, которые занимались земледелием, бондарным и колёсным промыслами. В селе действовало несколько торговых лавок, в которых продавались соль, сало, рыба, дёготь, дрова и другие товары; проводилась одна ярмарка в год (21 ноября), торговать на которую приезжали купцы из Глухова, Середина-Буды и других мест [21, с. 154–155].

В 1786 году на основании именного указа Екатерины II от 10 апреля 1786 года «О штатах Киевской, Черниговской и Новгород-Северской епархий» Чернацкое было изъято у Борисоглебского кафедрального монастыря и передано в казённое ведомство[432]. С указанного времени принадлежавшая ему часть местных жителей находилась в ведомстве казны, имела статус государственных крестьян и платила денежный налог государству.

В годы Отечественной войны 1812 года 229 государственных крестьян Чернацкой волости были мобилизованы на военную службу и направлены в действующую армию. При этом волостное правление обеспечило их одеждой, обувью, провиантом на один месяц и оружием: ружьями, штыками, саблями из кос и т.д.[433]

Накануне отмены крепостного права, в 1859 году, в Чернацком проживали 1159 мужчин и 1317 женщин. Большинство из них находились в ведении казны, и лишь незначительная часть относилась к крепостному сословию и принадлежала помещику Е.П. Сидоренко [16, с. 79] и другим собственникам.

В начале 80-х годов XIX века в селе работали 2 постоялых двора, 1 лавка, 1 водяная и 16 ветряных мельниц и 2 крупорушки [4, с. 117]. Значительная часть местных земель в указанное время принадлежала дворянину Владимиру Григорьевичу Сибилёву, вдове коллежского асессора Марфе Ивановне Коробкиной, купцу Ивану Кириловичу Щербакову, дворянам Николаю Михайловичу и Егору Михайловичу Сидоренко,

подпоручику Леониду Фёдоровичу Новикову и другим.

С 1882 года в Чернацком функционировал завод по изготовлению конопляного масла купца Ивана Кирилловича Щербакова, на котором в 1884 году трудилось 9 рабочих и производилось конопляного масла на сумму 6000 руб. в год[434], а в 1900 году – на сумму более 9000 руб. в год [23, с. 337]. После смерти И.К. Щербакова завод перешёл по наследству к его сыновьям Ивану Ивановичу и Павлу Ивановичу Щербаковым, которые увеличили производительную мощность завода и в 1912 году изготовляли на нём конопляного масла на сумму 33525 руб. в год[435].

В начале XX века в селе действовало около двадцати мельниц, в том числе одна водяная [23, с. 337], и проводились три ярмарки в год (2 февраля, 26 сентября и 21 ноября), на которых продавались шерстяные и пушные товары, различная посуда, изделия из стекла и металла, воск, конопля, конопляное семя, табак, скот и другие товары[436].

Обычной одеждой мужчин дореволюционного Чернацкого были свиты (свитки), «юпки», армяки и куртки, которые шились из чёрного и белого сукна домашнего изготовления, а также полушубки («кожухи»), пояса и шапки. Свита (свитка) представляла собой длинную одежду, наподобие халата со стоячим воротником с полукружием, доходившим до пояса. Она имела весьма мешковатый вид и носилась преимущественно стариками, да и то очень редко. В большинстве случаев крестьяне носили «юпки», имевшие вид мещанской казачки. В длину они достигали до колен, имели стоячий или откидной воротник и часто украшались у стана на задней поле множеством складок или сборок. Армяк имел форму шубы, шился просторным и длинным, с большим откидным воротником. Куртка имела форму пиджака и считалась летней одеждой. Полушубок шился из овчин домашних овец и имел форму «юпки». Поверх одежды крестьяне носили красный или зелёный пояс.

Женская одежда состояла из юпки, безрукавки, плахты, сподницы, запаски, фартука и пояса. Юпка шилась из белого сукна домашнего изготовления, имела маленький, стоячий воротник, у стана была сшита в три сборки и имела с правой стороны карман, который прикрывал зубчатый клапан. Безрукавка шилась из покупной материи и имела форму корсета. Плахта ткалась из шерстяных ниток и имела клетчатый рисунок. Для подвязки плахты служил пояс, который плёлся из шерстяных ниток и окрашивался в красный цвет. Запаска имела форму обыкновенного женского фартука. Фартук шился из домашнего холста, а низ украшался вязаным узором.

В повседневной жизни мужчины и женщины села носили лапти, а на праздники мужчины обували сапоги, а женщины башмаки и полусапожки[437].

Значительная часть местных жителей в конце XIX века занималась кустарным промыслом, изготовлением деревянной посуды и тележных колёс. Свои изделия они продавали на ярмарках Середина-Буды и других населённых пунктов Черниговской, Курской и Полтавской губерний и получали от этого неплохой доход – около 50 руб. в год. Несмотря на это, многие из них жили бедно, злоупотребляли спиртными напитками и оставляли значительную часть своей прибыли в трёх чернацких шинках, продававших более 1000 вёдер водки в год[438].

Издавна в Чернацком функционировала Введенская церковь деревянной постройки, в которой на момент описания Новгород-Северского наместничества 1779–1781 гг. служили 3 священника, 2 причетника и 1 диакон [21, с. 154–155]. В начале 30-х годов позапрошлого века деревянная церковь сгорела от удара молнии, а на её месте в 1836 году была возведена новая кирпичная церковь [25, с. 26], к которой в начале 1860-х гг. была пристроена кирпичная колокольня.

Остатки Введенской церкви

В церкви хранилась икона Введения Богоматери, которая была подарена ей командиром 1-й пехотной дивизии Карлом Карловичем Фези (1792–1848), известным русским генералом, участвовавшим в покорении Кавказа [27, с. 74].

По высочайше утверждённому расписанию приходов и причтов Черниговской епархии от 17 января 1876 года, Введенская церковь входила в состав Чернацкого прихода, настоятелем которого в 1879 году был священник Введенской церкви Василий Пиневич [26, с. 103]. В разное время в ней служили Дмитрий Успенский (? – ?), Василий Пиневич (? –

1874–1888 – ?), Николай Самуилович Имшенецкий (? – 1899–1901 – ?) и другие священники.

В 30-х годах XX века церковь была передана местному колхозу под зернохранилище, а в годы Великой Отечественной войны разрушена [28, с. 285].

В 1840 году в Чернацком была открыта земская школа. Долгое время она находилась в малопригодном помещении, а в 1894 году для неё было построено новое школьное здание, состоявшее из четырёх классных комнат. Школа содержалась за счёт земства и сельского общества, которые в начале XX века выделяли на её содержание 472 рубля в год. В 1901 году в школе обучалось 72 мальчика и 5 девочек [29, с. 128]. В 1896 году в Чернацком была открыта школа грамоты, в которой 1 января 1899 года училось 30 мальчиков и 6 девочек [30, с. 184–185]. Процент грамотности среди чернацких жителей был невысоким и в начале 1897 года составлял 12,7 % – почти в три раза ниже, чем в соседней с ним Гавриловой Слободе [33, с. 29].

В 1912 году в Чернацком был найден кувшин с 94 иностранными монетами XVII века, 5 из которых были переданы на хранение в Эрмитаж[439].

Сведения о количестве дворов и численности жителей (податных душ в 1795, 1799 гг.) села Чернацкое:

год	1795	1799	1859	1883	1892	1897	1901	1913
дворов	–	–	417	543	608	659	–	726
жителей	684	830	2476	2768	3477	3972	4330	–
год	1917	1923	1926	1970	1976	1989	2001	2008
дворов	656	738	742	495	460	–	–	–
жителей	4384	4462	3862	1422	–	1050	792	635

Чигин (Чигин)

Село Чигин (географические координаты: 52°12'02" с.ш., 33°34'28" в.д.) расположено по левую сторону реки Свиги, на расстоянии около 2 км к северо-востоку от села Уралово.

Точных сведений о времени основания села не сохранилось. По утверждению А.М. Лазаревского, Чигин был «поселён не позже XVI века» [18, с. 227–228], в то время, когда Северские земли входили в состав Русского царства.

На момент передачи села Польше, в конце июня – начале июля 1619 года, Чигин принадлежал двум подданным московского царя Дмитрию и

Ивану Стромоуховым и значился пустым [17, с. 252, 430], то есть в нём никто не проживал.

После перехода Северских земель к Речи Посполитой, Чигин в 1621 году был пожалован Станиславу Дрогомиру, а от него перешёл к Николаю Дрогомиру. В 1637 году Николай Дрогомир продал Чигин новгород-северскому старосте Александру Пясочинскому, который в сентябре того же года уступил его Новгород-Северской иезуитской коллегии. Однако вскоре она вернула Чигин Станиславу Дрогомиру, и он по ревизии 1638 года владел в нём 4 дворами [17, с. 190, 430, 444].

После освобождения Украины от поляков Станислав Дрогомир добровольно уступил Чигин Черниговской епископии, а Юрий Хмельницкий закрепил его за ней своей грамотой от 21 января 1660 года[440].

Вскоре после этого Чигин перестал упоминаться в числе владений Черниговской епископии. Не значился он ни в грамоте Лазаря Барановича от 6 августа 1673 года о разделе её владений, ни в универсале гетмана Ивана Самойловича от 21 августа 1673 года о его утверждении. По предположению А.М. Лазаревского, это было связано с тем, что после прихода в 1670 году к управлению Спасо-Преображенским монастырём архимандрита Михаила Лежайского монастырские управляющие начали притеснять жителей Чигина и они покинули свои дома [18, с. 227–228].

Как долго Чигин оставался в запустении неизвестно. Однако по ревизии 1723 года в нём уже числилось 3 двора и 4 хаты [18, с. 227–228], в 1765–1768 гг. – 5 дворов [20, с. 843], а в 1779–1781 гг. – 6 дворов и 10 хат, в которых проживало 11 обывателей со своими семьями и 1 священник [21, с. 486].

В 1786 году на основании именного указа Екатерины II от 10 апреля 1786 года «О штатах Киевской, Черниговской и Новгород-Северской епархий» Чигин был изъят у Спасо-Преображенского монастыря и передан в казённое ведомство[441]. С того времени он находился в ведении казны, а его жители имели статус государственных крестьян и платили денежный налог в доход государства.

При передаче Чигина в казённое ведомство часть его земель была отдана мефёдовскому помещику графу Петру Васильевичу Завадовскому. Это вызвало недовольство у местных жителей, и в 1819 году они вместе с государственными крестьянами сёл Олтаря и Рудни захватили у наследников П.В. Завадовского выращенный на отобранных землях урожай и обратили его в свою собственность[442].

Своей школы до революции в селе не было. Может быть поэтому процент грамотности среди местных жителей был одним из самых низ-

ких в волости и в 1897 году составлял всего 3,0 % [33, с. 26].

Сведения о количестве дворов и численности жителей (податных душ в 1795, 1799 гг.) села Чигин:

год	1795	1799	1859	1892	1897	1901	1913
дворов	–	–	14	30	42	–	37
жителей	26	27	118	189	232	247	–
год	1917	1923	1926	1989	2001	2008	
дворов	35	45	52	–	–	–	
жителей	264	311	347	130	88	68	

Шалимовка (Шалимівка)

Село Шалимовка (географические координаты: 52°07'40" с.ш., 33°59'31" в.д.) расположено по правую сторону реки Знобовки, на расстоянии около 8 км к юго-западу от Середина-Буды.

По преданию, записанному в ходе Генерального следствия о маетностях Нежинского полка 1729–1730 гг., начало основанию Шалимовки положила мельница, которую в 1672–1687 гг. построили на реке Знобовке священник села Галичья Севского уезда и житель села Сытного того же уезда Гавриил Збой. Через несколько лет после окончания строительства мельницы они продали её казаку местечка Середина-Буды Михаилу Левонову, который поселил рядом с ней хутор, а затем продал его вместе с мельницей дворянам города Севска – братьям Фёдору, Якиму и Ивану Шалимовым [38, с. 59].

Спустя какое-то время братья Шалимовы перепродали мельницу с хутором Ивану Мазепе «и уже при нём на месте хутора была поселена слободка Шалимовка, к которой была присоединена часть земель Порохони, Середина-Буды и Ромашкова»[443].

После бегства Ивана Мазепы Шалимовка была включена в состав Ямпольской волости и 9 июля 1709 года пожалована вместе с ней сподвижнику Петра Великого генерал-фельдмаршалу А.Д. Меншикову[444]. На то время она была небольшим населённым пунктом, и в 1723 году насчитывала 2 «грунтовых» и 4 «убогих» двора[445].

Во владении Меншикова Шалимовка находилась до 8 апреля 1728 года[446], после чего была «отписана Его Императорскому Величеству» [38, с. 59–60].

11 июля 1740 года императрица Анна Иоанновна повелела организовать на Украине конный завод и передала ему в полное ведение ранее

принадлежавшие князю Меншикову «города Батурин и Ямполь, со всеми к нему принадлежащими местечками, слободами, сёлами, деревнями»[447]. Среди них, вероятно, была и Шалимовка. Однако точных указаний на это мы не нашли.

После ликвидации конного завода Шалимовка была возвращена Её Императорскому Величеству и 10 ноября 1764 года пожалована ею вместе с другими населёнными пунктами Ямпольской волости в вечное и потомственное владение действительному тайному советнику Ивану Ивановичу Неплюеву «за его долговременную и безупречную службу, а особливо за учинённое им в Оренбурге знатное приращение государственных доходов»[448].

Во владении И.И. Неплюева Шалимовка находилась до его смерти, наступившей 11 ноября 1773 года, после чего перешла по наследству к его сыну – тайному советнику и сенатору Николаю Ивановичу Неплюеву (12.05.1731 – 24.05.1784)[449]. На момент описания Новгород-Северского наместничества (1779–1781 гг.) за ним в Шалимовке числилось 12 дворов, 12 хат и 3 бездворные хаты. В них проживали 16 обывателей со своими семьями, большинство из которых занимались сельским хозяйством, выращиванием конопли, зерновых и других сельскохозяйственных культур [21, с. 156].

Н.Н. Неплюев

После смерти Н.И. Неплюева Шалимовку унаследовал его старший сын – тайный советник Иван Николаевич Неплюев (26.03.1750 – 6.07.1823), а после него его сын – полковник Иван Иванович Неплюев[450].

26 октября 1858 года И.И. Неплюев умер. После его смерти Шалимовка перешла по наследству к его сыну – тайному советнику Николаю Ивановичу Неплюеву (30.10.1825 – 17.01.1890), предводителю дворянства Черниговской губернии с 1872 по 1890 гг. а от него – к его сыну Николаю Николаевичу Неплюеву (11.09.1851 – 21.01.1908), известному общественному и религиозному деятелю России, автору более тридцати отдельно изданных трудов богословского, религиозно-публицистического и педагогического направлений, которые вошли в 5-томное «Полное собрание сочинений»

Неплюева (СПб., 1901–1908).

В конце XIX века Николай Николаевич организовал в селе Воздвиженское Глуховского уезда Черниговской губернии (в настоящее время – Ямпольского района Сумской области) Крестовоздвиженское православное трудовое братство, а 29 декабря 1901 года подарил ему большую часть своего недвижимого имущества, в том числе 16435 десятин земли, среди которых, вероятно, были и земли Шалимовки.

На момент описания Новгород-Северского наместничества 1779–1781 гг. в Шалимовке функционировала православная церковь деревянной постройки [21, с. 156], которая была возведена не позднее 1750 года. Однако она просуществовала недолго и к концу XVIII века была закрыта.

В 1891 года в Шалимовке была открыта школа грамоты, в которой 1 января 1899 года обучалось 18 мальчиков. Закон Божий в ней преподавал священник Александр Иванович Померанцев, а учителем работал казак Павел Семёнович Проценко [30, с. 184–185]. Процент грамотности среди шалимовских жителей был невысоким и в начале 1897 года составлял всего 10,7 % [33, с. 29].

Своё название Шалимовка позаимствовала от фамилии братьев Шалимовых – Фёдора, Якима и Ивана.

Сведения о количестве дворов и численности жителей (податных душ в 1795, 1799 гг.) села Шалимовки:

год	1795	1799	1859	1892	1897	1901	1913
дворов	–	–	26	55	62	–	52
жителей	46	46	208	315	371	410	–
год	1917	1923	1926	1989	2001	2008	
дворов	39	53	56	–	–	–	
жителей	266	257	288	63	32	17	

Ясная Поляна (Ясна Поляна)

Село Ясная Поляна (географические координаты: 52°13'42" с.ш., 33°48'17" в.д.) расположено по левую сторону реки Знобовки, на расстоянии около 3 км к северо-западу от села Великая Берёзка.

До революции на территории нынешней Ясной Поляны находились два населённых пункта: хут. Берёзка (хут. Березковский – 1765–1768, 1799–1801 гг., хут. Берёзка – 1779–1781 гг., хут. Малая Берёзка – 1859, 1897 гг.) и хут. Березовский (хут. Березовский – 1799–1801 гг., хут. Алек-

сандровка – 1859, 1892, 1901 гг., хут. Александровский – 1897 г.).

Хутор Берёзка был основан во второй четверти XVIII века младшим сыном полтавского полковника Василия Васильевича Кочубея – Петром Васильевичем Кочубеем (? – 23.07.1769). Он располагался в двух-трёх километрах к северо-западу от Великой Берёзки и на момент проведения Румянцевской описи Малороссии 1765–1768 гг. насчитывал 11 бездворных хат, находившихся во владении основателя хутора [20, с. 841].

23 июля 1769 года Пётр Васильевич Кочубей умер. После его смерти хутор унаследовал его брат – глуховский подкоморий и предводитель дворянства Глуховского уезда Василий Васильевич Кочубей [35, с. 534], который в 1779–1781 гг. владел в нём 11 хатами и мельницей на реке Знобовке о 2 колах [21, с. 158].

В 1781 году В.В. Кочубей отдал хутор Берёзку в приданое своей дочери Елизавете Васильевне Кочубей (? – 05.1800), а после её смерти и смерти её мужа, надворного советника Ивана Андреевича Марковича (1742–1814) [35, с. 536], он перешёл по наследству к их дочери Пульхерии Ивановне Маркович (ок. 1775 – после 1836), которая в 1816 году владела в нём 27 ревизскими душами [37, с. 669–670].

В конце 30-х – начале 40-х годов XIX века Пульхерия Ивановна или её наследники продали хутор титулярному советнику Петру Петровичу Гусакову, который был женат на их дальней родственнице Прасковье Васильевне Скоропадской, правнучке полтавского полковника В.В. Кочубея.

Накануне отмены крепостного права, в 1859 году, П.П. Гусаков владел в Великой и Малой Берёзках 185 крепостными мужского пола [15, с. 20] и винокуренным заводом в Малой Берёзке.

Через несколько лет после отмены крепостного права П.П. Гусаков продал Малоберёзковский винокуренный завод врачу и предпринимателю Родиону Георгиевичу Беловскому. Однако тот его вскоре закрыл, и Малая Берёзка начала приходить в запустение. Если в 1795–1801 гг. в ней числилось 23 податные дыши мужского пола, а в 1859 году – 8 дворов и 40 жителей, то к 1897 году остался всего 1 двор, в котором проживал 1 житель.

В нескольких сотнях метров от Малой Берёзки, по обе стороны дороги, ведущей из Великой Берёзки в Голубовку, находился хутор Березовский.

Он был основан в конце XVIII века, после описания Новгород-Северского наместничества 1779–1781 гг., и впервые упоминался в материалах ревизии 1795 года.

В первой половине XIX века хут. Березовский был переименован в Александровку, а в начале XX века объединён с хут. Малая Берёзка в один населённый пункт. С тех пор он упоминался в списках населённых мест Черниговской губернии под двойным названием – хут. Александровка (Малая Берёзка) – 1913, 1917 гг., хут. Александров (Малая Берёзка) – 1923 г., а с 1926 года под своим названием (пос. Александровка (1926), село Александровское (1962)). 17 августа 1964 года село Александровское было переименовано в Ясную Поляну [14, с. 89]. Под таким названием оно существует и по сей день.

С 1894 года в Александровке работала школа грамоты, в которой 1 января 1899 года обучалось 22 мальчика [30, с. 184–185]. Процент грамотности среди местных жителей был одним из самых высоких в Протопоповской волости и в начале 1897 года составлял 36% [33, с. 30].

Сведения о количестве дворов и численности жителей (податных душ в 1795, 1799 гг.) села Ясная Поляна (Александровка (Малая Берёзка):

год	1795	1799	1859	1892	1897	1901	1913
дворов	–	–	8	5	5	–	7
жителей	3	3	33	34	38	25	–
год	1917	1923	1926	1940	1989	2001	2008
дворов	9	27	28	30	–	–	–
жителей	49	152	159	–	26	23	18

Посёлки

Варваринский (Варваринське)

Посёлок Варваринский был основан в 20-х годах прошлого века переселенцами из окрестных хуторов и сёл.

В 1926 году он входил в состав Знобь-Трубчевского сельского совета и насчитывал 4 двора, в которых проживало 22 жителя.

Посёлок просуществовал около 10 лет и в годы коллективизации был ликвидирован.

Высокосов (Високосів)

Посёлок Высокосов (географические координаты: 52°05'06" с.ш., 33°49'51" в.д.) находился на просёлочной дороге, которая ведёт из села Каменки в село Степное, на расстоянии около 4 км к юго-западу от села Каменки.

Посёлок был основан в годы столыпинской аграрной реформы многодетной крестьянской семьёй Высокосов из села Каменки [14, с. 142].

Он был небольшим населённым пунктом и в 1926 году насчитывал 18 дворов, в которых проживало 88 жителей, в начале 60-х годов прошлого века – 13 дворов и немногим более 50 жителей, а в 1989 году – 12 жителей.

В начале XXI века Высокосов опустел и 27 июля 2007 года был снят с учёта населённых пунктов Сумской области[451].

Глухой Уголок (Глухий Куток)

Посёлок Глухой Уголок был основан в 20-х годах прошлого века переселенцами из окрестных хуторов и сёл.

Он находился недалеко от Зноби-Трубчевской, был небольшим населённым пунктом и в 1926 году насчитывал 12 дворов, в которых проживало 77 жителей.

Посёлок относился к неперспективным населённым пунктам и в годы коллективизации был ликвидирован.

Деменск (Деменськ)

Посёлок Деменск был основан в 20-х годах прошлого века.

В 1926 году он входил в состав Сытновского сельского совета и

насчитывал 16 дворов, в которых проживало 113 жителей.

Деменск просуществовал около 10 лет и в 30-х годах прошлого века был ликвидирован.

Ефания (Єфанія)

Посёлок Ефания (географические координаты: 52°11'26" с.ш., 33°48'53" в.д.) находился по левую сторону от дороги, которая вела из села Красички в село Чернацкое, на расстоянии около 8 км к западу от Чернацкого.

Посёлок был основан вскоре после Октябрьской революции евангелистами села Чернацкого. В 1923 году он насчитывал 23 двора, в которых проживало 114 жителей, а в 1926 году – 23 двора и 130 жителей.

Жители Ефании проживали религиозной общиной и занимались сельским хозяйством, выращиванием картофеля, капусты, лука, свеклы и других сельскохозяйственных культур. По преданию, во время голодомора 1932–1933 гг. они покинули свои дома и разошлись по чужим краям [14, с. 91].

Зелёный (Зелене)

Посёлок Зелёный был основан в 20-х годах прошлого века.

В 1926 году он входил в состав Ромашковского сельского совета и насчитывал 5 дворов, в которых проживало 15 мужчин и 12 женщин.

В годы коллективизации посёлок был ликвидирован, а его жители переселены в другие населённые пункты.

Зелёный Гай (Зелений Гай)

Посёлок Зелёный Гай (географические координаты: 52°16'51" с.ш., 33°55'53" в.д.) находился на границе с Россией, на расстоянии около 12 км к юго-востоку от села Старая Гута.

Посёлок был основан в первой четверти XX века. В 1923 году он насчитывал 39 дворов, в которых проживало 208 жителей, а в 1940 году – 35 дворов.

В годы Великой Отечественной войны Зелёный Гай был сожжён немецкими оккупантами, однако после войны восстановлен и в 50-х годах прошлого века насчитывал 75 дворов, в которых проживало более 300 жителей [14, с. 273].

Посёлок находился в стороне от автомобильных дорог и относился к неперспективным населённым пунктам. В промежутке между 1972 и 1979 гг. он опустел и был снят с учёта населённых пунктов Сумской области.

Калиновский (Калинівське)

Посёлок Калиновский был основан в 20-х годах прошлого века переселенцами из окрестных населённых пунктов.

В 1926 году он входил в состав Знобь-Трубчевского сельского совета и насчитывал 4 двора, в которых проживало 6 мужчин и 9 женщин.

Калиновский просуществовал около 10 лет и в годы коллективизации был ликвидирован.

Каменский (Камінське)

Посёлок Каменский (географические координаты: 52°06'41" с.ш., 33°50'06" в.д.) находился по левую сторону реки Свиги, на расстоянии около 3,5 км к северо-западу от села Каменки.

Он был основан в 1716–1719 гг. стародубским полковником Лукьяном Ивановичем Жоравко, которому гетман Иван Скоропадский 15 января 1716 года разрешил переселить людей из села Каменные Озёра (Каменки) на землю около реки Свиги [35, с. 41].

Впервые Каменский хутор упоминается в 1732 году в числе владений, унаследованных Марией Григорьевной Жоравко от своей матери Анны Павловны Жоравко (? – 13.04.1731) [35, с. 43].

23 января 1732 году Мария Григорьевна вышла замуж за мглинского сотника Максима Михайловича Турковского и передала ему в приданое село Каменку, Каменский хутор и другое недвижимое имущество, которое 29 апреля 1732 года было закреплено за ним универсалом гетмана Апостола[452]. Однако детей от брака у неё не было, и после её смерти всё приданое имущество было возвращено её двоюродным братьям Ивану Тимофеевичу и Антону Тимофеевичу Жоравко, которые в 1748 году добровольно разделили его между собой, а 14 декабря 1749 года получили на него подтвердительную царскую грамоту. Село Каменка «со всеми принадлежностями» досталось по указанному разделу генеральному есаулу Ивану Тимофеевичу Жоравко [20, с. 836–837].

На момент описания Новгород-Северского наместничества 1779–1781 гг. за ним в Каменском хуторе числилась мельница о двух колах и 2 подсоседческие хаты, в которых проживали 2 обывателя со своими

семьями [21, с. 485].

После смерти И.Т. Жоравко Каменский хутор унаследовала его единственная дочь Наталья Ивановна Покорская-Жоравко (7.07.1749 – после 1811) [18, с. 93], а после неё – её младший сын Фёдор Иванович Покорский-Жоравко (1778 – до 1828) [37, с. 108–109], от которого хутор перешёл к его сыну – подпоручику Александру Фёдоровичу Покорскому-Жоравко (9.09.1814 – ок. 1852).

После смерти Александра Фёдоровича его владения в Каменском хуторе достались его жене Елизавете Петровне Покорской-Жоравко и двоим сыновьям – Фёдору (05.03.1851 – ?) и Петру (15.02.1852 – ?). В 1860 году они владели в селе Каменке и Каменском хуторе 445 крепостными крестьянами мужского пола и 24 дворовыми мужского пола [15, с. 22].

Накануне отмены крепостного права, в 1859 году, в Каменском хуторе числилось 6 дворов, в которых проживало 25 мужчин и 30 женщин. В хуторе работал винокуренный завод, который производил более 11520 вёдер спирта в год (1860–1861) [22, с. 307].

В конце 70-х годов позапрошлого века Елизавета Петровна продала винокуренный завод и другое имущество в Каменском хуторе «Товариществу сахарных и рафинадных заводов братьев Терещенко», которое увеличило производительную мощность завода и задействовало в производстве спирта около 25 работников[453].

Каменский посёлок был небольшим населённым пунктом и в 1795, 1799–1801 гг. насчитывал 6 податных душ мужского пола, в 1897 году – 3 двора и 7 жителей, в 1923 году – 20 дворов и 110 жителей, в 1926 году – 21 двор и 108 жителей, а в 1940 году – 24 двора.

В 60-х годах прошлого века населённый пункт попал в разряд неперспективных и к середине 80-х годов XX века опустел, а 18 января 1988 года был снят с учёта населённых пунктов Сумской области[454].

Комаровка (Комарівка)

Посёлок Комаровка (географические координаты: 52°15'04" с.ш., 33°40'59" в.д.) находился по обе стороны реки Лютки, на расстоянии около 3 км к югу от села Стягайловки.

Основателем Комаровки, по нашему мнению, был новгород-северский протопоп Афанасий Алексеевич Заруцкий, поскольку именно ему Пётр I 13 ноября 1708 года пожаловал её вместе со слободкой Протопоповкой, а гетман Скоропадский закрепил подтвердительным универсалом от 7 января 1709 года [19, с. 266–271].

Кому из Заруцких досталась Комаровка после смерти Афанасия Алексеевича, наступившей в начале 20-х годов XVIII века, неизвестно.

Не нашли мы никаких сведений и о том, когда и каким образом Комаровка оказалась во владении рода Барятинских. Возможно, она была приобретена генерал-аншефом князем Иваном Фёдоровичем Барятинским (1689 – 03.1738) у Заруцких или пожалована ему на ранг в то время, когда он занимал пост главнокомандующего Малороссией, с 17 июня 1736 года по март 1738 года[455].

После смерти И.Ф. Барятинского Комаровка перешла по наследству к его сыну – капитану лейб-гвардии Измайловского полка Сергею Ивановичу Барятинскому (? – 26.04.1746), а от него – к его сыну, генерал-поручику Ивану Сергеевичу Барятинскому, чрезвычайному посланнику и полномочному министру в Париже, который в 1764 году владел в ней 14 хатами[456].

Ко времени описания Новгород-Северского наместничества 1779–1781 гг. часть подданных И.С. Барятинского бежала из Комаровки, и в ней осталось всего две посполитых владельческих хаты, одна крестьянская хата, винокуренный завод и шинок, который находился в лесу на расстоянии около 4 км от хутора. На указанный момент в Комаровке проживали 3 обывателя со своими семьями, которые «пропитание своё и прибыль получали от заработков, получаемых на винокуренном владельческом заводе» [21, с. 150].

Каких-либо сведений о том, кому досталась Комаровка после смерти И.С. Барятинского (27.02.1740 – 23.11.1811), не сохранилось. Возможно, она перешла по наследству к его сыну – тайному советнику и действительному камергеру Ивану Ивановичу Барятинскому (17.10.1772 – 13.06.1825), основателю Марьинского дворца близ села Ивановского Рыльского района Курской области, а может быть была продана кому-то из местных помещиков.

В пореформенное время большая часть комаровских земель находилась в собственности почётного потомственного гражданина Якова Ивановича Желудкова

Комаровка просуществовала до первой половины 40-х годов прошлого века, после чего опустела.

Сведения о количестве дворов и численности жителей (податных душ в 1795, 1799 гг.) посёлка Комаровки:

год	1795	1799	1859	1897	1913	1917	1923	1926	1940
дворов	–	–	1	2	3	3	12	23	13
жителей	2	2	5	7	–	–	105	99	–

Красный Бор (Красний Бор)

Посёлок Красный Бор находился на расстоянии около 5 км от села Чернацкого и 12 км от Середина-Буды.

Точное время его основания неизвестно. В архивных документах название посёлка встречается с начала XX века (например, в воинских документах рядового 120-й стрелковой дивизии Павла Пименовича Смолюги, призванного на военную службу Середино-Будским РВК Сумской области в 1941 году, дата и место рождения указано – «хутор Красный Бор, 1902 год» (ЦАМО, фонд №58, опись №18001, дело №819).

Красный Бор был небольшим населённым пунктом и в 1923 году насчитывал 19 дворов, в которых проживало 75 жителей, а в 1926 году – 21 двор и 122 жителя.

В годы коллективизации посёлок был ликвидирован, а его жители переселены в другие населённые пункты.

Красный Прогресс (Красний Прогрес)

Посёлок Красный Прогресс (географические координаты: 52°09'42" с.ш., 34°02'11" в.д.) находится на расстоянии около 1 км от южной окраины Середина-Буды.

Красный Прогресс, или, как его изначально называли, хутор Сорокин, был основан в 1928 году переселенцами из села Новая Гута и других окрестных населённых пунктов. В 1940 году в нём числилось 70 дворов, в которых проживало более 150 жителей, работала животноводческая ферма, овцеферма и свиноферма.

После войны Сорокин хутор был переименован в посёлок Красный Прогресс, по названию местного колхоза, который был организован весной 1929 года. В посёлке была открыта начальная школа, магазин и клуб.

Красный Прогресс является небольшим населённым пунктом. В 1989 году в нём проживало 225 жителей, в 2001 году – 218 жителей, а 1 января 2008 года – 145 жителей.

Курган(Курган)

Посёлок Курган (географические координаты: 52°06'51" с.ш., 33°54'44" в.д.) находился по левую сторону от дороги, которая вела из села Каменки в село Ромашково, на расстоянии около 2,5 км к северо-востоку от села Каменки.

Посёлок был основан в начале 20-х годов прошлого века каменскими крестьянами и в 1923 году насчитывал 27 дворов, в которых проживало 124 жителя, в 1926 году – 22 двора и 116 жителей, в 1940 году – 23 двора, а в 1989 году – 17 жителей.

Курган относился к неперспективным населённым пунктам и к 2001 году опустел, а 27 июля 2007 года был снят с учёта населённых пунктов Сумской области[457].

Лан (Лан)

Посёлок Лан был основан в первой половине 20-х годов прошлого века переселенцами из окрестных хуторов и сёл.

Со дня основания он входил в состав Селецкой волости Трубчевского уезда Брянской губернии, а с 1925 года – Трубчевской волости Почепского уезда Брянской губернии. В состав Украины посёлок был передан только 1 сентября 1926 года, после принятия Президиумом ЦИК СССР постановления от 16 октября 1925 года «Об урегулировании границ УССР с РСФСР и БССР»[458].

Лан был небольшим населённым пунктом и в 1926 году насчитывал 11 дворов, в которых проживало 53 жителя.

В годы коллективизации посёлок был ликвидирован, а его жители переселены в другие населённые пункты.

Луг (Луг)

Посёлок Луг (географические координаты: 52°07'39" с.ш., 33°58'21" в.д.) находился на просёлочной дороге, которая вела из села Ромашково в село Сытное, на расстоянии около 2 км к юго-востоку от Ромашково.

Луг был основан в 20-х годах прошлого века. Он был небольшим населённым пунктом и в 1926 году насчитывал 8 дворов, в которых проживало 55 жителей, а в 1940 году – 12 дворов и около 70 жителей.

Посёлок просуществовал около 20 лет и в первой половине 40-х годов XX века исчез с карты района.

Михальковский (Михальківське)

Посёлок Михальковский был основан в 20-х годах прошлого века.

Со дня основания он входил в состав Селецкой волости Трубчевского уезда Брянской губернии, а с 1925 года – Трубчевской волости Почеп-

ского уезда Брянской губернии. В состав Украины посёлок был передан только 1 сентября 1926 года, после принятия Президиумом ЦИК СССР постановления от 16 октября 1925 года «Об урегулировании границ УССР с РСФСР и БССР»[459].

Михальковский был небольшим населённым пунктом и в 1926 году насчитывал 4 двора, в которых проживало 20 жителей.

В годы коллективизации посёлок был ликвидирован, а его жители переселены в другие сёла.

Новая Спарта (Нова Спарта)

Посёлок Новая Спарта (географические координаты: 52°08'04" с.ш., 33°40'08" в.д.) находится на расстоянии около 4,5 км к юго-западу от села Жихово.

По утверждению местных жителей, Новая Спарта была основана в начале 20-х годов прошлого века, при НЭПе. В 1926 году в ней числилось 22 двора, в которых проживало 118 жителей, а в 1940 году – 76 дворов.

5 марта 1943 года немецко-фашистские захватчики сожгли Новую Спарту и расстреляли 87 её мирных жителей, в том числе 13 детей[460].

Однако после войны посёлок был восстановлен. В 1989 году в нём проживало 82 жителя, в 2001 году – 46 жителей, а в 2008 году – 33 жителя.

Петровский (Петровське)

Посёлок Петровский находился на расстоянии около 3 км от села Порохони и 7 км от Середина-Буды.

Он был основан в первой четверти XX века и в 1923 году насчитывал 10 дворов, в которых проживало 58 жителей, а в 1926 году – 9 дворов и 51 жителя.

В 30-х годах прошлого века посёлок был ликвидирован, а его жители переселены в другие населённые пункты.

Покровский (Покровське)

Посёлок Покровский (географические координаты: 52°17'46" с.ш., 33°55'05" в.д.) находился на границе с Россией, на расстоянии около 5 км к северо-востоку от села Гаврилова Слобода.

Покровский был основан в первой четверти XX века и в 1923 году насчитывал 34 двора, в которых проживало 179 жителей, а в 1926 году – 35 дворов и 195 жителей

В годы коллективизации численность населения в посёлке начала снижаться, и в первой половине 40-х годов прошлого века он опустел.

Рудак (Рудак)

Посёлок Рудак (географические координаты: 52°10'35" с.ш., 33°59'25" в.д.) находится на расстоянии около 4 км к юго-западу от Середина-Буды.

Точное время основания посёлка неизвестно. По утверждению местных жителей, Рудак был основан в начале 20-х годов прошлого века переселенцами из села Чернацкого [14, с. 39]. Однако в архивных документах его название встречается на несколько десятилетий раньше – к примеру, в воинских документах Ивана Яковлевича Агеева, призванного на военную службу Середино-Будским РВК Сумской области в 1941 году, дата и место рождения указано – «хутор Рудак, 1897 год» (ЦАМО, фонд №58, опись №18002, дело №1593), Ивана Парфиловича Дубинчина – «хутор Рудак, 1915 год» (ЦАМО, фонд №58, опись №18001, дело №207), Михаила Павловича Журика – «хутор Рудак, 1917 год» (ЦАМО, фонд №58, опись №18002, дело №177).

К 1923 году Рудак уже был значительным населённым пунктом и насчитывал 22 двора, в которых проживал 151 житель. В 1926 году в нём числилось 25 дворов и 153 жителя, в 1940 году – 43 двора и около 200 жителей, а в 1950-х годах – 45 дворов и 250 жителей. В послевоенные годы в посёлке работала начальная школа, клуб, детский сад и магазин.

Начиная с 60-х годов прошлого века, количество дворов и численность жителей в Рудаке начала постепенно снижаться. Если в 1989 году в нём еще проживало 45 жителей, то к 1 января 2008 году осталось всего 38 жителей.

Свердлово (Свердлове)

Посёлок Свердлово (географические координаты: 52°11'25" с.ш., 34°00'28" в.д.) находится на западной окраине Середина-Буды, по обе стороны от автодороги, ведущей в село Чернацкое.

Начало основанию посёлка положили двадцать три середино-будские

семьи, объединившиеся в 1929 году в национальный еврейский колхоз им. Свердлова.

Вновь образованному колхозу было выделено около 412 гектаров земли на западной окраине Середина-Буды, на которой колхозники построили коровник, свинарник, конюшню, мельницу с механическим двигателем, молотилку и крупорушку. Со временем вблизи них выросло небольшое поселение, которое было названо в честь государственного и политического деятеля Якова Михайловича Свердлова.

После войны посёлок Свердлово разросся и в настоящее время включает в себя пять улиц: Зелёную, Заречную, Юбилейную, Новую и Мира. По состоянию на 12 января 1989 года в нём проживало 293 жителя, 5 декабря 2001 года – 264 жителя, а 1 января 2008 года – 244 жителя.

Соловьёв (Соловйове)

По преданию, посёлок Соловьёв был основан в 20-х годах прошлого века переселенцами из села Нововасильевки и других окрестных хуторов и сёл.

Он был небольшим населённым пунктом и в 1926 году насчитывал 41 двор, в которых проживало 214 жителей, 117 мужчин и 97 женщин.

Посёлок находился рядом с Нововасильевкой и в 30-х годах прошлого века был включён в состав указанного населённого пункта.

Уречье (Уріччя)

Посёлок Уречье (народное название – хутор Гулякин), (географические координаты: 52°07'28" с.ш., 33°54'18" в.д.) находился по правую сторону от дороги, которая вела из села Каменки в село Чернацкое, на расстоянии около 4 км к северо-востоку от села Каменки.

Посёлок был основан в конце XIX – начале XX века, и со дня основания назывался в народе – Гулякиным хутором, по фамилии одного из его первых поселенцев – Фёдора Гуляко.

Уречье было небольшим населённым пунктом и в 1923 году насчитывало 4 двора, в которых проживало 26 жителей, а в 1926 году – 5 дворов и 23 жителя.

В 1939 году посёлок был ликвидирован, а его жители переселены в село Каменку и посёлок Курган [14, с. 143].

Широченск (Широченськ)

Посёлок Широченск был основан в 20-х годах прошлого века.

В 1926 году он входил в состав Сытновского сельского совета и насчитывал 21 двор, в которых проживало 135 жителей.

В годы коллективизации посёлок был ликвидирован, а его жители переселены в другие населённые пункты.

Ягодное (Ягідне)

Посёлок Ягодное (географические координаты: 52°06'44" с.ш., 33°56'21" в.д.) находился по правую сторону от дороги, которая ведёт из села Каменки в село Ромашково, на расстоянии около 4 км к северо-востоку от села Каменки.

Он был основан в первой четверти XX века и в 1923–1926 гг. насчитывал 6 дворов, в которых проживало 25 жителей, а в 1940 году – 6 дворов и около 30 жителей.

В первой половине 40-х годов прошлого века посёлок опустел и был исключён из числа населённых пунктов Середино-Будского района.

Ясная Поляна (Ясна Поляна)

Посёлок Ясная Поляна (географические координаты: 52°12'10" с.ш., 33°45'09" в.д.) находился на просёлочной дороге, которая вела из села Красички в хутор Лютый, на расстоянии около 2 км к северо-западу от села Красички.

Он был основан в 20-х годах прошлого века и в 1926 году насчитывал 11 дворов, в которых проживал 81 житель, а в 1940 году – 10 дворов и около 80 жителей.

Посёлок просуществовал около 20 лет и в первой половине 40-х годов прошлого века исчез с карты района.

Х у т о р а

Александровка (Олександрівка)

Хутор Александровка (географические координаты: 52°14'15" с.ш., 33°23'33" в.д.) находился по левую сторону безымянного ручья, протекающего по северной окраине села Очкино, напротив винокуренного завода, принадлежавшего очкинским помещикам Судиенко.

Хутор был поселён в середине XIX века основателем винокуренного завода Михаилом Осиповичем Судиенко. За время своего существования он несколько раз менял своё название и назывался: хут. Судьенковский (Суденкин) – 1859 г., хут. Александровский – 1892, 1901, 1926 гг., хут. Александровск – 1897 г., хут. Александровка – 1923 г. и т.д.

Накануне отмены крепостного права, в 1859 году, в хуторе числилось 19 дворов, в которых проживало 79 жителей. Около половины из них работали на винокуренном заводе М.О. Судиенко.

После смерти М.О. Судиенко, наступившей 8 сентября 1871 года, винокуренный завод достался в наследство его младшему сыну Александру, который в 1873 году переоборудовал его в свеклосахарный завод.

Александровский свеклосахарный завод успешно функционировал около десяти лет, пока был жив Александр Михайлович и его жена Ольга Владимировна (урожденная Туманская), а после их смерти, наступившей в 1882 году, завод обанкротился и 17 декабря 1885 года был выставлен на торги.

Его покупателем выступила сестра Александра Михайловича – Екатерина Михайловна Гессе. 17 декабря 1885 года она выкупила Александровский свеклосахарный завод[461], переоборудовала его в завод по производству спирта и в 1888 году начала выпуск готовой продукции[462].

Численность населения в хуторе к тому времени резко снизилась. Из-за нестабильной работы завода большинство жителей Александровского хутора покинули свои дома и переселились в другие населённые пункты. В 1892 году в нём числился всего 1 двор, в котором проживали 4 мужчины и 9 женщин.

Вскоре после возобновления работы завода численность населения в хуторе возросла и к 1897 году достигла 38 жителей, а к 1901 году – 48 жителей.

В начале XX века Екатерина Михайловна Гессе передала винокуренный завод в собственность своим осиротевшим племянникам – Евгению

и Георгию, которые владели им до Октябрьской революции.

После победы советской власти, в ночь на 25 декабря 1917 года, местные крестьяне проникли на винокуренный завод Судиенко, захватили находившуюся на его территории цистерну со спиртом и разграбили установленное в цехах оборудование, а впоследствии разобрали на кирпичи и его производственные помещения.

После этого численность населения в хуторе начала снижаться, и в начале 30-х годов прошлого века он опустел.

Андрейков (Андрійків)

Хутор Андрейков (Андреянов) был основан в начале XX века.

Со дня основания он входил в состав Чернацкой волости Новгород-Северского уезда и в 1917 году насчитывал 9 дворов, в которых проживало 47 жителей.

О послереволюционной истории хутора ничего неизвестно.

Барятин (Барятин)

Хутор Барятин (географические координаты: 52°16'20" с.ш., 33°43'58" в.д.) находился по левую сторону реки Знобовки, между сёлами Стягайловка и Лесное, на расстоянии около 2 км к северо-западу от села Лесного.

Никаких сведений о том, кто и когда основал хутор, не сохранилось. Одним из первых его владельцев был генерал-аншеф князь Иван Фёдорович Барятинский (1689 – 03.1738), который с 17 июня 1736 года по март 1738 года занимал пост главнокомандующего Малороссией[463].

После его смерти хутор унаследовал его сын Сергей Иванович Барятинский (? – 26.04.1746), капитан лейб-гвардии Измайловского полка, а от него он перешёл к его сыну – генерал-поручику Ивану Сергеевичу Барятинскому, чрезвычайному посланнику и полномочному министру в Париже[464].

По ревизии 1764 года И.С. Барятинский владел в Барятине 10 хатами[465], а на момент описания Новгород-Северского наместничества 1779–1781 гг. – 3 хатами с наёмными людьми, 18 крестьянскими хатами, мельницей о 4 колах на реке Знобовке и винокуренным заводом на 27 котлов, на котором работало большинство местных жителей [21, с. 150].

Кому достался Барятин хутор после смерти И.С. Барятинского (27.02.1740 – 23.11.1811) – неизвестно. Возможно, он перешёл по наследству к его сыну – тайному советнику и действительному камергеру Ивану Ивановичу Барятинскому (17.10.1772 – 13.06.1825), а может быть, был

продан им или его потомками кому-то из местных помещиков.

После отмены крепостного права основная часть барятинских земель находилась в собственности: Николая Артемьевича Терещенко, потомственного почётного гражданина Якова Ивановича Желудкова, коллеж-

И.С. Барятинский

И.И. Барятинский

ского секретаря Петра Ларионовича Симанова, его жены Александры Фёдоровны Симановой и других собственников.

Барятин был небольшим населённым пунктом и в 1795, 1799–1801 гг. насчитывал 5 податных душ мужского пола, в 1859 году – 5 дворов и 49 жителей, в 1897 году – 2 двора и 2 жителя, в 1917 году – 3 двора и 16 жителей, а в 1926 году – 4 двора и 20 жителей.

За время своего существования хутор несколько раз менял своё название и назывался: хут. Коробнинской – 1765–1768 гг., хут. Коробкин – 1779–1781 гг., хут. Знобовский – 1779–1781 гг., хут. Барятин (Борятин, Варятин, Знобовский) – 1859 г., хут. Барятин – 1897, 1923 гг., дер. Барятин (Бараутинский) – 1913, 1917 гг.

В годы коллективизации Барятин был ликвидирован, а его жители переселены в другие населённые пункты.

Белосветов (Білосвітів)

Хутор Белосветов (географические координаты: 52°08'16" с.ш., 33°56'46" в.д.) находился по левую сторону от дороги, которая вела из села Ромашково в село Каменку, на расстоянии около 1 км к юго-

западу от села Ромашково.

Хутор был основан в первой половине XIX века и впервые упоминается в Списках населённых мест Черниговской губернии по сведениям на 1859 год. На указанный момент в нём числились 2 двора, в которых проживали 8 мужчин и 11 женщин.

Кто основал хутор и кто им владел до отмены крепостного права – неизвестно.

В пореформенное время численность населения в хуторе начала снижаться, и между 1883 и 1897 гг. он опустел.

Береговой (Береговий)

Хутор Береговой (хут. Званый – 1859 г.), (географические координаты: 52°17'14" с.ш., 33°23'34" в.д.) находился по левую сторону от просёлочной дороги, которая вела из Середина-Буды в Гремяч, Стародуб и другие населённые пункты, расположенные на правом берегу реки Десны, на расстоянии около 10 км к северо-западу от села Мефёдовки.

Хутор был основан в конце XVIII – первой половине XIX века и до реформы 1861 года входил в состав мефёдовских владений Петра Васильевича Завадовского и его наследников.

Впервые он упоминается в Списках населённых мест Черниговской губернии по сведениям на 1859 год. На указанный момент в нём числилось 3 двора, в которых проживали 7 мужчин и 9 женщин. Большинство из них были крепостными и принадлежали наследникам П.В. Завадовского.

После отмены крепостного права земли хутора оказались во владении помещицы Е.И. Савицкой. В 1863 году она заключила с местными крестьянами выкупные сделки [16, с. 79], а через несколько лет продала свои владения в хуторе агроному Степану Степановичу Псиоле.

Недалеко от Берегового хутора находилась Береговая пристань, с которой в 1891 году было отправлено около 42 тысяч пудов различных грузов[466].

Хутор Береговой располагался в живописном месте, на береговом склоне реки Десёнки, и в 1897 году насчитывал 2 двора, в которых проживало 6 жителей. Однако к 1917 году он опустел и был исключён из числа населённых пунктов Новгород-Северского уезда.

Боровой (Боровий)

Хутор Боровой находился на расстоянии около 4 км от села Кривоносовки и 8 км от села Хильчичи.

Он был основан в первой четверти XX века и в 1923 году насчитывал 7 дворов, в которых проживало 48 жителей.

Хутор просуществовал несколько десятилетий и в середине 20-х годов прошлого века был ликвидирован или переименован.

Бродок (Бродок)

Хутор Бродок находился на расстоянии около 3 км от села Чернацкого и 10 км от Середина-Буды. Он был основан в первой четверти XX века переселенцами из окрестных хуторов и сёл.

Бородок был небольшим населённым пунктом и в 1923 году насчитывал 3 двора, в которых проживало 15 жителей.

Последний раз хутор упоминается в Списках населённых мест Черниговской губернии по сведениям на 1923 год. После этого никаких сведений о нём мы не нашли.

Василия Кучерявого (Василя Кучерявого)

Хутор Василия Кучерявого находился вблизи реки Знобовки, на расстоянии около 1 км от села Ромашково.

Точное время основания хутора неизвестно. На момент описания Новгород-Северского наместничества 1779–1781 гг. он находился во владении подданного тайного советника и сенатора Николая Ивановича Неплюева – Василия Кучерявого, который владел в нём 1 двором, 1 хатой и 1 мельницей о 2 колах на реке Знобовке [21, с. 155].

Хутор просуществовал несколько десятилетий и ко времени проведения ревизии 1795 года опустел.

Вильна Праця (Вільна Праця)

Хутор Вильна Праця (географические координаты: 52°09'08" с.ш., 34°03'44" в.д.) находился по правую сторону от автодороги, которая ведёт из Середина-Буды в Порохонь, на расстоянии около 4 км к юго-востоку от Середина-Буды.

Он был основан в годы коллективизации переселенцами из окрестных хуторов и сёл и в 1940 году насчитывал 22 двора, в которых проживало более 50 жителей.

Хутор просуществовал немногим более 10 лет и в первой половине 40-х годов прошлого века исчез с карты района.

Винторовка (Винторівка)

Хутор Винторовка (географические координаты: 52°14'18" с.ш., 33°57'51" в.д.) находился по левую сторону реки Улички, на расстоянии около 0,5 км к юго-востоку от села Винторовки.

Он был основан во второй половине XIX века, между 1859 и 1883 гг., и впервые упоминается в Материалах для оценки земельных угодий Новгород-Северского уезда за 1883 год. На указанный момент хутор входил в состав Чернацкой волости Новгород-Северского уезда и насчитывал 1 двор[467].

Ко времени проведения первой всеобщей переписи населения России 1897 года хутор был включён в состав села Винторовки и как отдельный населённый пункт в официальных документах не упоминался.

Виткин (Віткин)

Хутор Виткин находился на расстоянии около 18 км от Середина-Буды и 3 км от села Каменки. Он был основан во второй половине XIX века, после 1859 года, переселенцами из окрестных хуторов и сёл.

Хутор был небольшим населённым пунктом и в 1897 году насчитывал 2 двора, в которых проживало 13 жителей, в 1901 году – 11 жителей, а в 1923 году – 19 дворов и 95 жителей.

Последний раз хутор Виткин упоминался в Списках населённых мест Черниговской губернии по сведениям на 1923 год. После этого никаких сведений о нём мы не нашли.

Вовнянский (Вовнянський)

Хутор Вовнянский был основан во второй четверти XX века. Он находился рядом с селом Нововасильевкой и в 1946 году входил в состав его сельского совета[468].

Судя по названию, Вовнянский хутор был основан переселенцами из села Вовны Шосткинского района, которое в 30-х – 50-х годах прошлого века входило в состав Знобь-Новгородского района Сумской области.

В 50-х годах XX века хутор был включён в состав села Нововасильевки[469] и как отдельный населённый пункт прекратил своё существование.

Вороного (Вороного)

Хутор Вороного находился недалеко от села Уралово Середино-Будского района.

Он был основан во второй половине XIX века, между 1859 и 1883 гг., и впервые упоминается в Материалах для оценки земельных угодий Новгород-Северского уезда за 1883 год.

В хуторе проживал помещик И.Я. Вороной, который имел в собственности около 200 десятин земли. После революции ураловские крестьяне сожгли его усадьбу, разворовали скот, сельскохозяйственный инвентарь и другое имущество, а землю поделили между собой[470].

Высокая Гряда (Висока Гряда)

Хутор Высокая Гряда был основан во второй половине XIX века, между 1859 и 1897 гг.

Со дня основания он входил в состав Протопоповской волости Новгород-Северского уезда и в 1897 году насчитывал 1 двор, в котором проживали 2 жителя.

В начале XX века хутор опустел и был исключён из числа населённых пунктов Новгород-Северского уезда.

Голое Болото (Голе Болото)

По преданию, хутор Голое Болото был основан в 20-х годах прошлого века переселенцами из села Жихово.

В 1926 году он входил в состав Жиховского сельского совета и насчитывал 1 двор, в котором проживали 3 мужчины и 1 женщина.

Хутор просуществовал около 10 лет и в годы коллективизации был ликвидирован.

Горовой (Горовий)

Хутор Горовой находился на просёлочной дороге, которая вела из села Хильчичи в село Дибровку, на расстоянии около 5 км к востоку от села Хильчичи.

Он был основан в первой половине XIX века и впервые упоминался в Списках населённых мест Черниговской губернии по сведениям на 1859 год. На указанный момент в нём числилось 2 двора, в которых проживали 3 мужчины и 5 женщин.

Кто основал хутор и кто им владел до отмены крепостного права – неизвестно.

В пореформенное время численность населения в хуторе начала снижаться, и ко времени проведения первой всеобщей переписи населения России 1897 года он опустел.

Гриневич (Гриневич)

Хутор Гриневич (хут. Левченков – 1853 г., хут. Левченков (Бобрик, Гриневичев) – 1859 г., хут. Гриневичев-Бобрик – 1897 г., Греневичев – 1901 г., хут. Гриневич – 1923, 1926 гг.) находился на расстоянии около 4 км от Середина-Буды и около 6 км от села Ромашково.

Хутор был основан в первой половине XIX века, до 1853 года. Накануне отмены крепостного права, в 1859 году, в нём числился 1 двор, в котором проживали 2 мужчины и 3 женщины.

Судя по названию, хутор принадлежал кому-то из дворян Гриневичей, издавна проживавших на территории Новгород-Северского уезда.

Гриневич был небольшим населённым пунктом и в 1897 году насчитывал 1 двор, в котором проживало 10 жителей, в 1901 году – 5 мужчин и 6 женщин, а в 1923–1926 гг. – 2 двора и 10 жителей.

В 30-х годах прошлого века хутор был ликвидирован, а его жители переселены в другие населённые пункты.

Громов (Громів)

Хутор Громов был основан в 20-х годах прошлого века переселенцами из окрестных хуторов и сёл

В 1926 году он входил в состав Ураловского сельского совета и насчитывал 2 двора, в которых проживали 7 мужчин и 6 женщин.

Хутор просуществовал около 10 лет и в годы коллективизации был ликвидирован.

Гутка (Гутка)

Хутор Гутка (хут. Стеклянный завод), (географические координаты: 52°20'42" с.ш., 33°48'23" в.д.) находился вблизи просёлочной дороги, которая вела из села Старая Гута в Трубчевский уезд Орловской губернии, на расстоянии около 4 км к северу от села Старая Гута.

Гутка была основана между 1859 и 1869 гг. купцом Рыльским, кото-

рый построил в этих местах завод по производству стеклянных изделий [14, с. 273].

Условия жизни на заводе были тяжёлыми, и в 1905 году его рабочие потребовали повышения заработной платы и улучшения условий труда. В ответ на это купец Рыльский (по слухам) организовал поджог своего предприятия, получил за него страховое возмещение и уехал за границу.

Оставшись без работы, вскоре покинули хутор и его жители. В 1913 году Гутка ещё числилась в Списках селений Черниговской губернии по уездам и волостям, однако в ней, наверное, уже никто не проживал.

Даровский (Даровський)

Хутор Даровский находился недалеко от Середина-Буды и в 1796 – 1802 гг. входил в состав Глуховского повета Малороссийской губернии.

Он был основан в конце XVIII века, после описания Новгород-Северского наместничества 1779–1781 гг., и в 1795 году насчитывал 2 податные души мужского пола.

Его основателем, вероятнее всего, был губернский регистратор Даниил Фёдорович Даровский, который служил в Ямпольской сотенной канцелярии и с 1764 года владел несколькими крепостными крестьянами в местечке Середина-Буде[471].

После смерти Даниила Даровского хутор унаследовал его сын – титулярный советник Фёдор Данилович Даровский (1771 – ?), а от него он перешёл к его сыну – губернскому секретарю Георгию Фёдоровичу Даровскому (1811 – ?).

Ко времени проведения переписи населения 1859 года хутор прекратил своё существование или был переименован.

Демьяненко (Дем'яненко)

Хутор Демьяненко находился на расстоянии около 5 км от села Ромашково и 3,5 км от Середина-Буды.

Он был основан в первой четверти XX века и в 1923 году насчитывал 2 двора, в которых проживало 10 жителей, а в 1926 году – 1 двор и 7 жителей.

В годы коллективизации хутор был ликвидирован, а его жители переселены в другие населённые пункты.

Демьяновский (Дем'яновський)

Хутор Демьяновский был основан во второй половине XIX века, между 1859 и 1897 гг., и впервые упоминался в материалах первой всеобщей переписи населения России 1897 года.

Он входил в состав Протопоповской волости Новгород-Северского уезда и в 1897 году насчитывал 1 двор, в котором проживал 1 житель.

В начале XX века хутор опустел и был исключён из числа населённых пунктов Новгород-Северского уезда.

Дмитрия Ковалёва (Дмитра Ковальова)

Хутор Дмитрия Ковалёва находился над рекой Уличкой, вблизи границы с Россией, на расстоянии около 0,5 км от окраины села Полянки.

Точное время его основания неизвестно. На момент описания Новгород-Северского наместничества 1779–1781 гг. хутор находился во владении подданного графа П.А. Румянцева-Задунайского – Дмитрия Ковалёва, который владел в нём одной подсоседческой хатой [21, с. 154].

Пахотной земли вокруг хутора практически не было, и его жители вынуждены были зарабатывать себе на проживание ткацким промыслом.

По преданию, в конце XVIII века хутор Дмитрия Ковалёва был присоединён к хутору Монцову и как отдельный населённый пункт прекратил своё существование.

Дубовая Корна (Дубова Корна)

Хутор Дубовая Корна был основан в 20-х годах прошлого века.

В 1926 году он входил в состав Ромашковского сельского совета и насчитывал 1 двор, в котором проживали 6 мужчин и 3 женщины.

В годы коллективизации хутор был ликвидирован, а его жители переселены в другие населённые пункты.

Духля (Духля)

Хутор Духля был основан во второй половине XVIII века, между 1781 и 1795 гг. По преданию, он находился вблизи просёлочной дороги, которая вела из села Кренидовки в село Журавку, в местности, которая до сих пор называется Духля.

Хутор был небольшим населённым пунктом и в 1795, 1799–1801 гг.

насчитывал 4 податные души мужского пола. Он просуществовал несколько десятилетий и ко времени проведения ревизии 1859 года опустел.

Елизаветинский (Єлизаветинський)

Хутор Елизаветинский был основан около середины XIX века.

Его основателем или одним из первых владельцев была жена отставного поручика Елизавета Яковлевна Домбовецкая, которая в 1865 году владела в хуторе 60 десятинами земли.

Со дня основания Елизаветинский хутор входил в состав Протопоповской волости Новгород-Северского уезда и в 1883 году насчитывал 1 двор, а в 1897 году – 1 двор и 3 жителей. В начале XX века он опустел и был исключён из числа населённых пунктов Новгород-Северского уезда.

Журавский (Журавський)

Хутор Журавский (географические координаты: 52°11'14" с.ш., 33°24'31" в.д.) находился по левую сторону реки Свиги, рядом с местом впадения в неё реки Бычихи, на расстоянии около 1,5 км к югу от села Журавки.

Точное время основания хутора неизвестно. Среди имений, которые были приобретены и пожалованы стародубскому полковнику Лукьяну Ивановичу Жоравко в ноябре 1708 года, 12 марта 1710 года и 7 июля 1718 года он не значился [19, с. 259–266]. Впервые хутор Журавский упоминается в числе владений, унаследованных в 1732 году Марией Григорьевной Жоравко от своей матери Анны Павловны Жоравко [35, с. 43]. В связи с этим можно предположить, что он был поселён между 1718 и 1732 гг. кем-то из её предков: Лукьяном Ивановичем Жоравко, его сыном Григорием Лукьяновичем или невесткой Анной Павловной Жоравко.

29 апреля 1732 года Мария Григорьевна передала Журавский хутор в приданое своему мужу Максиму Михайловичу Турковскому[472], а после её смерти он был возвращён её двоюродному брату Ивану Тимофеевичу Жоравко и закреплён за ним царской грамотой от 14 декабря 1749 года [20, с. 836–837].

На момент описания Новгород-Северского наместничества 1779–1781 гг. за ним в Журавском хуторе числились 4 двора и 7 хат, пятикомнатный приезжий дом, мельница «о пяти мучных, одном ступном и одном валюшном колах» и винокурня на 3 котла [21, с. 157]. Винокурня

производила около 400 вёдер спиртных напитков в год, большая часть из которых продавалась в шинках её владельца[473]. В указанное время большинство жителей хутора работали в помещичьей экономии, занимались изготовлением столярных и ткацких изделий и получали за свой труд годовое жалованье, пищу и одежду.

После смерти И.Т. Жоравко (? – после 1792) принадлежавшие ему имения в Черниговской губернии унаследовала его единственная дочь Наталья Ивановна Покорская-Жоравко (7.07.1749 – после 1811), а от неё они перешли к её сыновьям – Ивану и Фёдору.

По преданию, в начале 30-х годов XIX века Покорские-Жоравко продали Журавский хутор очкинскому помещику Михаилу Осиповичу Судиенко, который к 1852 году построил в нём водяную маслобойню для производства конопляного масла. Маслобойня находилась на реке Бычихе и считалась одной из лучших в Черниговской губернии[474].

Накануне отмены крепостного права, в 1859 году, в Журавском хуторе числилось 4 двора, в которых проживали 7 мужчин и 6 женщин. Большинство из них были крепостными и принадлежали М.О. Судиенко.

После смерти М.О. Судиенко, наступившей 8 сентября 1871 года, его владения в Журавском хуторе унаследовал младший сын Александр Михайлович Судиенко (28.07.1832 – 12.04.1882), а от него они перешли к его сыновьям Евгению Александровичу и Георгию Александровичу Судиенко, которые в конце XIX века продали их вместе с водяной маслобойней кому-то из местных помещиков.

В 1895 году маслобойня находилась в собственности Михаила Дмитриевича Шабловского[475], в 1900 году – Николая Андреевича Арбузова[476], а в 1912 году – дворянина Александра Георгиевича Карниевского. При А.Г. Карниевском на маслобойне трудилось 6 рабочих и производилось продукции на 3200 руб. в год[477].

В начале XX века в Журавском хуторе функционировала водяная сукновальня Менделя Крейнина. Однако в 1916 году она сгорела, а её собственник получил страховое возмещение и уехал за границу [14, с. 223].

Хутор Журавский был небольшим населённым пунктом и в 1797 году насчитывал 23 жителя, в 1892 году – 1 двор и 13 жителей, в 1897 году – 1 двор и 6 жителей, а в 1923 году – 17 жителей.

По преданию, в середине 20-х годов прошлого века жители хутора переселились в село Журавку, и он прекратил своё существование.

Заёлка (Зайолка)

Хутор Заёлка (дер. Заелня – 1799–1801 гг., слоб. Заёлка – 1859 г., хут. Юницких) находился на берегу реки Свиги, на старой кутневской дороге, которая вела из села Журавки в хутор Кутневичи.

Заёлка была основана в конце XVIII века, после описания Новгород-Северского наместничества 1779–1781 гг., потомками новгород-северского сотника Данилы Герасимовича Кутневского.

В 1795, 1799–1801 гг. в ней числилось 27 податных душ мужского пола, а в 1859 году – 5 дворов, в которых проживали 10 мужчин и 16 женщин.

На момент выхода крестьян из крепостной зависимости хутор находился во владении Александры Ивановны Кутневской (? – после 1900), дочери коллежского секретаря Ивана Михайловича Кутневского [35, с. 651]. Она была замужем за титулярным советником и судьёй Новгород-Северского уезда Фёдором Яковлевичем Юницким (1829 – ?), и имела от него дочь Марию и двоих сыновей: Фёдора (1857 – после 1930), который был председателем съезда мировых судей Новгород-Северского уезда, и Ивана (1859 – ?), который работал судебным следователем Стародубского окружного суда[478].

В Заёлке находилась усадьба Юницких, состоявшая из пятикомнатного деревянного жилого дома, домика для прислуги, кухни и других надворных построек. После отмены крепостного права в ней проживала её хозяйка Александра Ивановна Юницкая со своим мужем и детьми. В 1900 году Александра Ивановна владела в Заёлке и других окрестных хуторах и сёлах 610 десятинами земли, а её сын Фёдор Фёдорович Юницкий – 123 десятинами земли[479].

По свидетельству местных жителей, Юницкие жили мирно и пользовались среди них уважением. После революции они переселились в Новгород-Северский, а принадлежавшие им в хуторе 200 десятин земли, скот, сельскохозяйственный инвентарь, мебель и другое имущество были поделены между крестьянами. Постройки в полуразрушенном виде отошли в ведение лесничества, а сад, остатки леса и луг – в ведение Госземимущества[480].

Займище (Займище)

Хутор Займище был основан во второй половине XIX века, между 1859 и 1897 гг., и впервые упоминается в материалах первой всеобщей переписи населения России 1897 года.

Он входил в состав Протопоповской волости Новгород-Северского уезда и в 1897 году насчитывал 1 двор, в котором проживало 3 жителя.

В начале XX века хутор опустел и был исключён из числа населённых пунктов Новгород-Северского уезда.

Захлюповка (Захлюпівка)

Хутор Захлюповка находился по левую сторону от дороги, которая вела из Новгорода-Северского в Орловскую губернию, недалеко от села Протопоповки (Лесного).

Он был основан в первой половине XIX века и впервые упоминался в Списках населённых мест Черниговской губернии по сведениям на 1859 год. На указанный момент в нём числилось 2 двора, в которых проживали 5 мужчин и 6 женщин.

В пореформенное время численность населения в хуторе начала снижаться, и ко времени проведения первой всеобщей переписи населения 1897 года в нём осталось всего 4 жителя, которые проживали в 1 дворе.

В начале XX века жители Захлюповки покинули свой хутор, и он прекратил своё существование.

Землянка (Землянка)

Хутор Землянка был основан во второй половине XIX века, между 1859 и 1897 гг.

Он входил в состав Протопоповской волости Новгород-Северского уезда и в 1897 году насчитывал 1 двор, в котором проживал 1 житель.

В начале XX века хутор опустел и был исключён из числа населённых пунктов Новгород-Северского уезда.

Зимник (Зимник)

Хутор Зимник был основан в 20-х годах прошлого века.

В 1926 году он входил в состав Лукашенковского сельского совета и насчитывал 1 двор, в котором проживали 5 мужчин и 1 женщина.

В годы коллективизации хутор был ликвидирован, а его жители переселены в другие населённые пункты.

Ивана Стародея (Івана Стародія)

Хутор Ивана Стародея находился в лесу, на расстоянии около 1 км от села Великая Берёзка.

На момент описания Новгород-Северского наместничества 1779–1781 гг. он принадлежал Ивану Стародею, подданному глуховского предводителя дворянства Василия Васильевича Кочубея, который владел в нём 1 двором и 1 хатой [21, с. 158].

Хутор просуществовал недолго и ко времени проведения ревизии 1795 года опустел.

Ивкин (Івкін)

Хутор Ивкин (хут. Зеньковских, Тарантаевский – 1917 г.), (географические координаты: 52°14′12" с.ш., 33°52′19" в.д.) находился на просёлочной дороге, которая вела из села Гаврилова Слобода в село Чернацкое, на расстоянии около 3 км к юго-западу от села Гаврилова Слобода.

Хутор был основан в конце XIX – начале XX века и в 1917 году насчитывал 5 дворов, в которых проживало 32 жителя, в 1923 году – 9 дворов и 46 жителей, а в 1926 году – 11 дворов и 56 жителей.

В годы коллективизации численность населения в хуторе начала снижаться, и в первой половине 40-х годов прошлого века он исчез с карты Серединобудщины.

Изотовка-Калинского (Ізотівка-Калинського)

Хутор Изотовка-Калинского (хут. Изотовка – 1853, 1859 гг.), (географические координаты: 52°06′54" с.ш., 34°05′49" в.д.) находился по правую сторону реки Знобовки, на расстоянии около 1,5 км к юго-востоку от села Порохони.

Он был основан в первой половине XIX века, до 1853 года, и накануне отмены крепостного права, в 1859 году, насчитывал 3 двора, в которых проживали 10 мужчин и 12 женщин.

Кто основал хутор и кто им владел до отмены крепостного права – неизвестно.

В пореформенное время численность населения в хуторе начала снижаться, и в начале XX века он прекратил своё существование.

Кажушный (Кажушний)

Хутор Кажушный (географические координаты: 52°15'10" с.ш., 33°40'52" в.д.) находился по левую сторону реки Лютки, на расстоянии около 3 км к югу от села Стягайловки.

Он был основан в первой половине XIX века и впервые упоминался в материалах ревизии 1859 года. На указанный момент в нём числился 1 двор, в котором проживали 2 мужчины и 2 женщины.

Накануне отмены крепостного права хутор находился во владении мещанина Анатолия Григорьевича Стародубцева, который в 1865 году владел в нём 211 десятинами земли.

После отмены крепостного права численность населения в хуторе начала снижаться, и, по одним данным, он опустел, а по другим был переименован (см. село Стародубово).

Калеевский (Каліївський)

Хутор Калеевский был основан в 30-х – 40-х годах прошлого века. Он находился вблизи села Нововасильевки и в 1946 году входил в состав его сельского совета[481].

Судя по названию, Калеевский хутор был основан переселенцами из села Калиевки Шосткинского района, которое в 30-х – 50-х годах прошлого века входило в состав Знобь-Новгородского района.

Как отдельный населённый пункт хутор просуществовал недолго и в начале 60-х годов прошлого века был включён в состав села Нововасильевки[482].

Калиновка (Калинівка)

Хутор Калиновка (хут. Сибилёвский – 1853 г., хут. Калиновка (Сибилёвский) – 1859 г.), (географические координаты: 52°11'37" с.ш., 33°53'37" в.д.) находился по левую сторону реки Знобовки, рядом с селом Перемогой.

Хутор был основан в первой половине XIX века, до 1853 года, и в пореформенное время входил в состав Чернацкой волости Новгород-Северского уезда. Накануне отмены крепостного права, в 1859 году, в нём числилось 2 двора, в которых проживали 3 мужчины и 3 женщины.

После 1883 года Калиновка была включена в состав Ишуткина хутора и на момент проведения первой всеобщей переписи населения 1897 года как отдельный населённый пункт не упоминалась.

Калинского (Калинського)

Хутор Калинского (географические координаты: 52°06'48" с.ш., 34°05'45" в.д.) находился по правую сторону реки Знобовки, напротив хутора Изотовка-Калинского, на расстоянии около 1,5 км к юго-востоку от села Порохони.

Хутор был основан во второй половине XIX века, между 1859 и 1883 гг., и в пореформенное время входил в состав Чернацкой волости Новгород-Северского уезда.

Впервые он упоминается в Материалах для оценки земельных угодий Новгород-Северского уезда за 1883 год. На указанный момент в нём числился 1 двор, в котором проживало 5 жителей, а в 1897 году – 1 двор и 6 жителей.

По преданию, в начале XX века хутор опустел, а после Октябрьской революции на его месте возник хутор Новокрасный.

Канавцев Гай (Канавців Гай)

Хутор Канавцев-Гай был основан в 20-х годах прошлого века.

В 1926 году он входил в состав Мефёдовского сельского совета и насчитывал 1 двор, в котором проживали 3 мужчины и 4 женщины.

Хутор просуществовал около 10 лет и в годы коллективизации был ликвидирован.

Карнютин (Карнютин)

Хутор Карнютин был основан в 20-х годах прошлого века переселенцами из окрестных хуторов и сёл.

В 1926 году он входил в состав Рожковичского сельского совета и насчитывал 1 двор, в котором проживали 1 мужчина и 2 женщины.

Хутор просуществовал около 10 лет и в 30-х годах XX века был ликвидирован.

Кенин (Кенин)

Хутор Кенин был основан в 20-х годах прошлого века.

В 1926 году он входил в состав Ураловского сельского совета и насчитывал 1 двор, в котором проживали 2 мужчины и 3 женщины.

В годы коллективизации хутор был ликвидирован, а его жители переселены в другие населённые пункты.

Керонского (Керонського)

Хутор Керонского был основан во второй половине XIX века, между 1859 и 1883 гг.

Он находился недалеко от села Порохони и на момент составления Материалов для оценки земельных угодий Новгород-Северского уезда за 1883 год насчитывал 1 двор[483].

Хутор просуществовал несколько десятилетий и ко времени проведения первой всеобщей переписи населения России 1897 года опустел.

Компанейцев (Компанійців)

Хутор Компанейцев был основан в 20-х годах прошлого века переселенцами из окрестных населённых пунктов.

В 1926 году он входил в состав Ново-Гутского сельского совета и насчитывал 1 двор, в котором проживали 4 мужчины и 2 женщины.

В годы коллективизации хутор был ликвидирован, а его жители переселены в другие населённые пункты.

Косенков (Косенків)

Хутор Косенков (географические координаты: 52°13'11" с.ш., 33°54'56" в.д.) находился в лесу, на просёлочной дороге, которая вела из села Гаврилова Слобода в село Чернацкое, на расстоянии около 4 км к северу от села Чернацкого.

Он был основан между 1859 и 1883 гг. и в 1883 году насчитывал 1 двор, в 1892 году – 2 двора и 13 жителей, в 1897 году – 2 двора и 19 жителей, в 1901 году – 21 жителя, в 1917 году – 4 двора и 27 жителей, в 1923 году – 5 дворов и 31 жителя, а в 1926 году – 7 дворов и 35 жителей.

В годы коллективизации численность населения в хуторе начала снижаться, и в первой половине 40-х годов прошлого века он прекратил своё существование.

Котляров (Котлярів)

Хутор Котляров (хут. Ивана Котлярова – 1779–1781 гг., хут. Котлярев (Соколиков) – 1859 г.), (географические координаты: 52°15'53" с.ш., 33°51'45" в.д.) находился по левую сторону реки Улички, между сёлами Гаврилова Слобода и Новая Гута, на расстоянии менее 1 км к северо-западу от Гавриловой Слободы.

Точное время основания хутора неизвестно. На момент описания Новгород-Северского наместничества 1779–1781 гг. он находился во владении подданного графа П.А. Румянцева-Задунайского – Ивана Котлярова, который владел в нём 1 двором, 1 хатой и винокуренным заводом на 3 котла [21, с. 153].

Накануне отмены крепостного права, в 1859 году, в хуторе числилось 2 двора, в которых проживали 3 мужчины и 6 женщин. Все они были крепостными и принадлежали богатому ромашковскому помещику Григорию Герасимовичу Соколику.

После отмены крепостного права Г.Г. Соколик промотал свои имения в Новгород-Северском уезде и в начале 60-х годов XIX века уехал к своим одиноким дочерям, проживавшим в городе Воронеже, где дожил до глубокой старости и умер в возрасте более восьмидесяти лет.

С его отъездом Котляров хутор начал приходить в упадок и ко времени проведения первой всеобщей переписи населения России 1897 года опустел.

Кравоновский (Кравоновський)

Хутор Кравоновский (географические координаты: 52°12'27" с.ш., 33°52'46" в.д.) находился по правую сторону реки Знобовки, рядом с протоками Кудель и Альсе, на расстоянии около 1 км к северу от села Перемоги.

Хутор был основан в первой половине XIX века, до 1827 года, и за время своего существования сменил несколько названий: хут. Кудель – 1827 г., хут. Кравновы – 1853 г., хут. Кравоновский (Кудель) – 1859 г.

Его основателем или одним из первых владельцев был подполковник Алексей Григорьевич Краван, который в 1792–1799 гг. служил в лейб-гвардии Преображенском, Кирасирском, Чугуевском и других полках, участвовал в русско-турецкой войне 1806–1812 гг. и Отечественной войне 1812 года, и за отличие по службе был награждён орденами Святой Анны 2-й степени, Святой Анны 4-й степени и Святого Владимира 4-й степени[484].

Кравоновский хутор был небольшим населённым пунктом и накануне отмены крепостного права, в 1859 году, насчитывал 1 двор, в котором проживали 3 мужчины и 8 женщин.

В пореформенное время численность населения в хуторе начала снижаться, и ко времени проведения первой всеобщей переписи населения России 1897 года он опустел.

Кравченков (Кравченків)

Хутор Кравченков находился по правую сторону реки Знобовки, между сёлами Великая Берёзка и Перемога, к северу от села Перемоги.

Он был основан в первой половине XIX века, до 1853 года, просуществовал несколько десятилетий и ко времени проведения ревизии 1859 года опустел или был переименован.

Красносвигск (Красносвигськ)

Хутор Красносвигск находился вблизи реки Свиги, в районе сёл Жихово и Красички.

Он был основан в первой половине XIX века и впервые упоминается в Списках населённых мест Черниговской губернии по сведениям на 1859 год. На указанный момент в нём числилось 3 двора, в которых проживали 5 мужчин и 7 женщин.

Кто основал хутор и кто им владел до отмены крепостного права – неизвестно.

В пореформенное время численность населения в хуторе начала снижаться, и ко времени проведения первой всеобщей переписи населения 1897 года он опустел.

Круглики (Круглики)

Хутор Круглики был основан во второй половине XIX века, между 1859 и 1897 гг.

Он был небольшим населённым пунктом и в 1897 году насчитывал 1 двор, в котором проживали 2 жителя, а в 1926 году – 1 двор и 4 жителя.

В годы коллективизации хутор был ликвидирован, а его жители переселены в другие населённые пункты.

Круково (Крукове)

Хутор Круково был основан во второй половине XIX века, между 1859 и 1897 гг.

Он входил в состав Протопоповской волости Новгород-Северского уезда и в 1897 году насчитывал 1 двор, в котором проживали 2 жителя.

В начале XX века хутор опустел и был исключён из числа населённых пунктов Новгород-Северского уезда.

Кузьмин Окоп (Кузьмин Окоп)

Хутор Кузьмин-Окоп находился на расстоянии около 4 км от села Чернацкого и 8 км от Середина-Буды.

Он был основан в первой четверти XX века и в 1923 году насчитывал 3 двора, в которых проживало 20 жителей, а в 1926 году – 3 двора и 26 жителей.

В 30-х годах прошлого века хутор был ликвидирован, а его жители переселены в другие населённые пункты.

Курганки (Курганки)

Хутор Курганки был основан в 20-х годах прошлого века.

В 1926 году он входил в состав Кривоносовского сельского совета и насчитывал 1 двор, в котором проживали 2 мужчины и 1 женщина.

Хутор просуществовал около 10 лет и в годы коллективизации был ликвидирован.

Кутневский (Кутневський)

Хутор Кутневский (географические координаты: 52°10'59" с.ш., 33°27'22" в.д.) находился по левую сторону реки Свиги, на расстоянии около 3,5 км к северо-востоку от села Кривоносовки.

Точное время основания хутора неизвестно. По утверждению А.М. Лазаревского, хутор Кутневский, или, как его изначально называли, хут. Машковщина, был поселён новгородским сотником Данилом Герасимовичем Кутневским [18, с. 196–197], после пожалования ему 8 марта 1715 года села Кривоносовки. Однако это утверждение ошибочно, поскольку безымянный хутор на месте хутора Кутневского существовал ещё до пожалования Даниле Кутневскому села Кривоносовки и принадлежал Машковцам. Это следует из универсала гетмана Скоропадского от 20 марта 1715 года об утверждении за Д.Г. Кутневским его владений в Новгород-Северском уезде, среди которых упоминается хутор под селом Хильчичами с мельницей на реке Свиге, лесами и полем пахотным, «от Машковцов проданный» [20, с. 832–834].

После смерти Данилы Кутневского, наступившей 9 апреля 1732 года, его владения в хуторе перешли к его жене Марии Савичне Савич (? – после 1742) и детям, бунчуковым товарищам Василию Даниловичу и Ивану Даниловичу Кутневским (? – до 1768), а после смерти И.Д. Кутневского – к его жене Параскевии Кутневской [35, с. 650].

На момент проведения Румянцевской описи Малороссии 1765–1768 гг. хутор находился во владении Василия Кутневского и Параскевии Кутневской [20, с. 831]. В 1779–1781 гг. В.Д. Кутневский владел в нём 2 дворами, 2 хатами и 2 бездворными хатами, а П. Кутневская – 2 дворами и 2 хатами. В собственности каждого из них находилось по одному жилому дому и одна мельница на двоих на реке Свиге [21, с. 147–148].

Кто из Кутневских владел хутором после указанного времени, нам установить не удалось.

Кутневский хутор был небольшим населённым пунктом и в 1859 году насчитывал 6 дворов и 30 жителей, в 1892 году – 2 двора и 16 жителей, в 1897 году – 2 двора и 11 жителей, а в 1923 году – 2 двора и 8 жителей.

В середине 20-х годов прошлого века жители Кутневского покинули свой хутор и переселились в село Кривоносовку.

За свою бытность Кутневский хутор несколько раз менял своё название и в разных источниках упоминался под разными названиями: хут. Машковщина – 1765–1768 гг., хут. Кутневских – 1779–1781 гг., хут. Кутневичев (Кутневичи, Машковский) – 1859 г., хут. Машковский – 1892, 1897, 1923 гг., хут. Кутневичи (Машковский) – 1913, 1917 гг., хут. Машковский (Кутневский) – 1923 г.

Лаврово (Лаврове)

Хутор Лаврово был основан во второй половине XIX века, между 1859 и 1897 гг.

Он входил в состав Протопоповской волости Новгород-Северского уезда и в 1897 году насчитывал 1 двор, в котором проживали 2 жителя.

В начале XX века хутор опустел и был исключён из числа населённых пунктов Новгород-Северского уезда.

Лежнёв(Лежнів)

Хутор Лежнёв (географические координаты: 52°12'24" с.ш., 33°40'19" в.д.) находился на просёлочной дороге, которая вела из села Гутко-Ожинка в посёлок Комаровский, на расстоянии около 3,5 км к северо-западу от Гутко-Ожинки.

Он был основан в первой половине XIX века и в 1859 году насчитывал 1 двор, в котором проживали 1 мужчина и 1 женщина, а в 1897 году – 1 двор и 2 жителя.

Накануне отмены крепостного права хутор находился во владении

Родиона Георгиевича Беловского, который в 1865 году владел в нём 404 десятинами земли.

В начале XX века хутор опустел и был исключён из числа населённых пунктов Новгород-Северского уезда.

Леонов Угол (Леонів Угол)

Хутор Леонов Угол (географические координаты: 52°09'09" с.ш., 33°46'21" в.д.) находился на просёлочной дороге, которая вела из села Крещиково в село Новосовское, на расстоянии около 5 км к западу от села Пигаревки.

Он был основан после проведения Всесоюзной переписи населения 1926 года и в 1940 году насчитывал 13 дворов, в которых проживало около 50 жителей.

Посёлок просуществовал около 20 лет и в первой половине 40-х годов прошлого века исчез с карты Середино-Будского района.

Леонтия Ковалёва (Леонтія Ковальова)

Хутор Леонтия Ковалёва находился вблизи реки Улички, у самой границы с Россией, «на расстоянии от Гаврилина Хутора в 8, а от Чернацкой в 5 верстах» [21, с. 154].

Точное время основания хутора неизвестно. На момент описания Новгород-Северского наместничества (1779–1781 гг.) он находился во владении подданного графа П.А. Румянцева-Задунайского – Леонтия Ковалёва, который владел в нём 1 двором, 1 хатой, мельницей о двух колах на реке Уличке и винокуренным заводом на 2 котла. Рядом с хутором находились владельческие поля, на которых выращивались пшеница, рожь и другие зерновые культуры [21, с. 154].

Хутор Леонтия Ковалёва просуществовал несколько десятилетий и ко времени проведения ревизии 1795 года опустел.

Липовый Рог (Липовий Ріг)

Хутор Липовый Рог (географические координаты: 52°11'55" с.ш., 33°59'09" в.д.) находился на расстоянии около 4 км к северо-востоку от села Чернацкого.

Он был основан в первой четверти XX века и в 1923 году насчитывал 10 дворов, в которых проживало 55 жителей, а в 1926 году – 15 дворов

и 87 жителей.

В годы коллективизации численность населения в хуторе начала снижаться, и в первой половине 40-х годов прошлого века он опустел и был исключён из числа населённых пунктов Середино-Будского района.

Лостовецкого (Лостовецького)

Хутор Лостовецкого находился рядом с Середина-Будой.

Он был основан в первой половине XIX века, до 1853 года, просуществовал несколько десятилетий и ко времени проведения ревизии 1859 года опустел или был переименован.

Лужки (Лужки)

Хутор Лужки (географические координаты: 52°16'12" с.ш., 33°46'53" в.д.) находился на просёлочной дороге, которая вела из села Старая Гута в село Лесное, на расстоянии около 3 км к северо-востоку от села Лесного.

Хутор был основан в конце 20-х – начале 30-х годов прошлого века переселенцами из окрестных хуторов и сёл.

Он был небольшим населённым пунктом и в 1940 году насчитывал 2 двора, в которых проживало менее 10 жителей.

Хутор просуществовал немногим более 10 лет, и в первой половине 40-х годов прошлого века опустел и был исключён из числа населённых пунктов Середино-Будского района.

Луначарский (Луначарський)

Хутор Луначарский был основан в 30-х – 40-х годах XX века. Он был небольшим населённым пунктом и в 1946 году входил в состав Кренидовского сельского совета[485].

Как отдельный населённый пункт Луначарский хутор просуществовал недолго, и в 50-х годах прошлого века был включён в состав села Червоного[486].

Лютый (Лютий)

Хутор Лютый (географические координаты: 52°12'30" с.ш., 33°44'15" в.д.) находился на просёлочной дороге, которая вела из села Голубовки в село Жихово, на расстоянии около 6 км к юго-западу от села Голубовки.

Он был основан в первой четверти XX века и в 1923 году насчитывал

15 дворов, в которых проживал 81 житель, в 1926 году – 18 дворов и 84 жителя, а в 1940 году – 13 дворов и около 70 жителей.

По преданию, в годы Великой Отечественной войны хутор был сожжён немецко-фашистскими захватчиками и после войны не восстанавливался.

Маевский (Маївський)

Хутор Маевский (географические координаты: 52°14'06" с.ш., 33°28'54" в.д.) находился рядом с небольшим безымянным озером на юго-восточной окраине села Кренидовки.

Он был основан в первой половине XIX века коллежским регистратором и помещиком села Кренидовки Фёдором Лукичом Маевским, который доводился крёстным отцом управляющему канцелярией Киевского, Подольского и Волынского генерал-губернатора Ивану Дмитриевичу Красовскому, родившемуся 3 августа 1827 года в селе Очкино [35, с. 590].

После смерти Фёдора Лукича хутор перешёл по наследству к его сыну – подпоручику Константину Фёдоровичу Маевскому, владевшему в середине XIX века 37 крепостными крестьянами мужского пола[487].

Незадолго до отмены крепостного права, в 1859 году, в Маевском хуторе числилось 5 дворов, в которых проживали 10 мужчин и 20 женщин. Большинство из них были крепостными и принадлежали К.Ф. Маевскому.

После смерти К.Ф. Маевского и его жены Регины Карловны их владения в Маевском хуторе унаследовали их дети: Владимир (8.07.1825 – ?), Елизавета (8.07.1825 – ?), Александр (1830 – ?), Анна (1832 – после 1900), Елена (1834 – после 1900), Надежда (1835 – после 1900), Варвара (1837 – после 1900) и Мария (? – после 1900)[488].

В пореформенное время большая часть хуторян покинула Маевский хутор, и к 1897 году в нём остался всего один двор, в котором проживало 8 жителей, в том числе пять престарелых помещиц: Анна Константиновна, Елена Константиновна, Надежда Константиновна, Варвара Константиновна и Мария Константиновна Маевские. Они были набожными людьми и в начале XX века подарили более 100 десятин своей земли Гамалиевскому Рождество-Богородичному монастырю [14, с. 148, 167].

После установления советской власти численность населения в Маевском хуторе возросла и ко времени проведения Всесоюзной переписи населения 1926 года достигла 80 жителей, которые проживали в 16 дворах.

В конце 20-х – начале 30-х годов прошлого века хутор был включён в состав села Кренидовки и как отдельный населённый пункт прекратил своё существование.

Макуховщина (Макухівщина)

Хутор Макуховщина (географические координаты: 52°11'48" с.ш., 33°48'00" в.д.) находился на расстоянии около 9 км к северо-западу от села Чернацкого.

Он был основан во второй половине XIX века, между 1859 и 1897 гг., и в 1897 году насчитывал 1 двор, а в 1926 году – 7 дворов и 33 жителя.

В годы коллективизации численность населения в хуторе начала снижаться, и в первой половине 40-х годов прошлого века он опустел и был исключён из числа населённых пунктов Середино-Будского района.

Макухинский (Макухинський)

Хутор Макухинский был основан во второй половине XIX века, между 1859 и 1897 гг., и впервые упоминается в материалах первой всеобщей переписи населения России 1897 года.

Со дня основания он входил в состав Протопоповской волости Новгород-Северского уезда и в 1897 году насчитывал 1 двор, в котором проживало 3 жителя.

Хутор просуществовал несколько десятилетий и в начале XX века опустел.

Мальвинский (Мальвинський)

Хутор Мальвинский был основан во второй половине XIX века, между 1859 и 1897 гг.

Он входил в состав Чернацкой волости Новгород-Северского уезда и на момент проведения первой всеобщей переписи населения России 1897 года насчитывал 1 двор, в котором проживало 5 жителей.

В начале XX века хутор опустел и был исключён из числа населённых пунктов Новгород-Северского уезда.

Марьяновка (Мар'янівка)

Хутор Марьяновка был основан в 20-х годах прошлого века.

Он находился недалеко от села Журавки и в 1926 году насчитывал 2

двора, в которых проживали 7 мужчин и 3 женщины.

В годы коллективизации хутор был ликвидирован, а его жители переселены в село Журавку.

Матронченко (Матронченко)

Хутор Матронченко был основан в 20-х годах прошлого века.

В 1926 году он входил в состав Гавриловослободского сельского совета и насчитывал 2 двора, в которых проживали 4 мужчины и 5 женщин.

Хутор просуществовал около 10 лет и в годы коллективизации был ликвидирован.

Маховой (Маховий)

Хутор Маховой (географические координаты: 52°11'40" с.ш., 33°39'13" в.д.) находился на просёлочной дороге, которая вела из села Рудни в хутор Комаровку, на расстоянии около 2,5 км к северо-востоку от села Рудни.

Хутор был основан в конце XVIII – первой половине XIX века кем-то из дворян Псиол: бунчуковым товарищем Фёдором Григорьевичем Псиолом или его сыном, штабс-капитаном Степаном Фёдоровичем Псиолом.

Накануне отмены крепостного права, в 1859 году, в Маховом хуторе числилось 2 двора, в которых проживали 2 мужчины и 5 женщин. Все они были крепостными и принадлежали Александре Ивановне Псиол [16, с. 78], жене Степана Фёдоровича Псиола.

После смерти Александры Ивановны, её владения в Маховом хуторе унаследовал её сын – учёный агроном и мировой судья Новгород-Северского уезда Степан Степанович Псиол (1833 – 22.07.1891), а от него они перешли к его детям: земскому начальнику Новгород-Северского уезда Николаю Степановичу Псиолу и новгород-северскому уездному предводителю дворянства Василию Степановичу Псиолу.

В пореформенное время численность населения в хуторе начала снижаться и ко времени проведения первой всеобщей переписи населения России 1897 года он опустел.

Недушка (Недушка)

Хутор Недушка был основан вскоре после проведения ревизии 1859 года.

В 1865 году он принадлежал потомственной почётной гражданке Клавдии Яковлевны Желудковой, которая владела в нём 82 десятинами земли.

Хутор был небольшим населённым пунктом и в 1897 году насчитывал 1 двор, в котором проживал 1 житель. В начале XX века он опустел и был исключён из числа населённых пунктов Новгород-Северского уезда.

Немцев (Німців)

Хутор Немцев был основан в первой четверти XX века и впервые упоминается в Списках населённых мест Черниговской губернии по сведениям на 1923 год.

Он находился на расстоянии около 2 км от села Белоусовки и в 1926 году входил в состав её сельского совета.

Немцев был небольшим населённым пунктом и в 1923 году насчитывал 3 двора и 16 жителей, а в 1926 году – 3 двора и 17 жителей.

В годы коллективизации хутор был ликвидирован, а его жители переселены в другие населённые пункты.

Новенький (Новенький)

Хутор Новенький (географические координаты: 52°12'16" с.ш., 33°43'32" в.д.) находился в урочище Новенькое, на расстоянии около 5,5 км к юго-западу от села Голубовки.

Он был основан в первой четверти XX века и в 1923 году насчитывал 11 дворов, в которых проживало 62 жителя, в 1926 году – 11 дворов и 70 жителей, а в 1940 году – 14 дворов и около 90 жителей.

Хутор просуществовал около 30 лет и в годы Великой Отечественной войны исчез с карты Середино-Будского района.

Новиков (Новиків)

Хутор Новиков находился по правую сторону реки Знобовки между сёлами Ромашково и Чернацкое, к северо-западу от села Ромашково.

Он был основан в первой половине XIX века, до 1853 года, кем-то из мелкопоместных дворян Новиковых, проживавших в селе Ромашково Новгород-Северского уезда.

Хутор был небольшим населённым пунктом и ко времени проведения ревизии 1859 года опустел.

Новокрасный (Новокрасний)

Хутор Новокрасный (географические координаты: 52°06'47" с.ш., 34°05'52" в.д.) находился у границы с Россией, на расстоянии около 1,5 км к юго-востоку от села Порохони.

По преданию, он был поселён в конце 20-х – начале 30-х годов прошлого века на месте хутора Изотовка-Калинского переселенцами из окрестных хуторов и сёл. Хутор был небольшим населённым пунктом и в 1940 году насчитывал 9 дворов, в которых проживало около 40 жителей.

Новокрасный просуществовал немногим более 10 лет и в первой половине 40-х годов прошлого века исчез с карты Середино-Будского района.

Новопетропавловский (Новопетропавлівський)

Хутор Новопетропавловский (географические координаты: 52°08'11" с.ш., 34°01'26" в.д.) находился по левую сторону от железной дороги Москва–Киев, на расстоянии около 5 км к югу от Середина-Буды.

Он был основан в конце 20-х – начале 30-х годов прошлого века переселенцами из окрестных населённых пунктов. Хутор был небольшим населённым пунктом и в 1940 году насчитывал 37 дворов, в которых проживало около 150 жителей.

В годы Великой Отечественной войны хутор был сожжён немецко-фашистскими захватчиками и после войны не восстанавливался.

Ображеевка (Ображіївка)

Хутор Ображеевка (географические координаты: 52°14'42" с.ш., 33°55'59" в.д.) находился по левую сторону реки Улички, на расстоянии около 4 км к юго-востоку от села Гаврилова Слобода.

Он был основан во второй половине XIX века, после 1859 года, кем-то из местных землевладельцев.

Хутор был небольшим населённым пунктом и в 1892 году насчитывал 5 дворов и 23 жителя, в 1897 году – 5 дворов и 39 жителей, в 1901 году – 41 жителя, в 1923 году – 8 дворов и 36 жителей, в 1926 году – 11 дворов и 50 жителей, а в 1940 году – 12 дворов и около 60 жителей.

По преданию, в годы Великой Отечественной войны он был сожжён немецко-фашистскими захватчиками и после войны не восстанавливался.

Ольховик (Ольховик)

Хутор Ольховик был основан в 20-х годах прошлого века.

В 1926 году он входил в состав Порохонского сельского совета и насчитывал 1 двор, в котором проживали 2 мужчины и 3 женщины.

В 30-х годах XX века хутор был ликвидирован, а его жители переселены в другие населённые пункты.

Ольховка (Ольхівка)

Хутор Ольховка (географические координаты: 52°11'45" с.ш., 33°54'28" в.д.) находился по правую сторону реки Знобовки, на расстоянии около 1,5 км к северо-западу от села Чернацкого.

Он был основан в первой половине XIX века, до 1853 года, и в пореформенное время входил в состав Чернацкой волости Новгород-Северского уезда.

Накануне отмены крепостного права, в 1859 году, в хуторе числилось 5 дворов, в которых проживали 21 мужчина и 29 женщин. Большинство из них были крепостными и принадлежали помещику Е.П. Сидоренко.

Хутор Ольховка был небольшим населённым пунктом и в 1892 году насчитывал 4 двора, в которых проживало 28 жителей, в 1897 году – 4 двора и 25 жителей, в 1901 году – 37 жителей, в 1917 году – 3 двора и 29 жителей, в 1923 году – 15 дворов и 74 жителя, а в 1926 году – 11 дворов и 64 жителя.

В годы коллективизации численность населения в хуторе начала снижаться, и в первой половине 40-х годов прошлого века он прекратил своё существование.

О происхождении названия хутора никаких сведений не сохранилось. В документах разных лет он упоминается под разными названиями: хутор Анищенков (Ольховка, Сидоренков) – 1859 г., хут. Ольховка – 1892, 1897, 1901, 1926 гг., хут. Ольховка (Литвинов) – 1913, 1917 гг., хут. Ольховка (Пески) – 1923 г.

Онопреенков (Онопрієнків)

Хутор Онопреенков (географические координаты: 52°13'52" с.ш., 33°22'55" в.д.) находился по обе стороны просёлочной дороги, которая вела от села Очкино к Александровскому (Судьенковскому) хутору.

Он был основан в первой половине XIX века и впервые упоминается в Списках населённых мест Черниговской губернии по сведениям на

1859 год. В указанное время в нём числилось 3 двора, в которых проживали 9 мужчин и 13 женщин.

Во второй половине XIX века Онопреенков хутор был включён в состав села Очкино и как отдельный населённый пункт прекратил своё существование.

Осташков (Осташків)

Хутор Осташков находился на просёлочной дороге, которая вела из Середина-Буды в село Шалимовку.

Он был основан в первой половине XIX века, до 1853 года, просуществовал немногим более десяти лет и ко времени проведения ревизии 1859 года опустел или был переименован.

Павленко (Павленко)

Хутор Павленко был основан в первой четверти XX века и впервые упоминается в Списках населённых мест Черниговской губернии по сведениям на 1923 год.

Он находился на расстоянии около 1,5 км от села Великая Берёзка и в 1926 году входил в состав Великоберёзковского сельского совета.

Хутор был небольшим населённым пунктом и в 1923 году насчитывал 1 двор, в котором проживало 2 жителя, а в 1926 году – 1 двор и 4 жителя.

В годы коллективизации хутор был ликвидирован, а его жители переселены в другие населённые пункты.

Палеев (Паліїв)

Хутор Палеев был основан в начале XX века землевладельцем Палеевым, который проживал в селе Ромашково Новгород-Северского уезда.

Он находился в 2 км от южной окраины Середина-Буды и в 1917–1923 гг. насчитывал 2 двора, в которых проживало 16 жителей, а в 1926 году – 3 двора и 15 жителей.

В 30-х годах XX века хутор был ликвидирован, а его жители переселены в другие населённые пункты.

Пастушенко (Пастушенко)

Хутор Пастушенко был основан в 20-х годах прошлого века.

В 1926 году он входил в состав Каменского сельского совета и насчи-

тывал 1 двор, в котором проживали 3 мужчины и 3 женщины.

Хутор просуществовал около 10 лет и в 1930-х годах был ликвидирован.

Пенище (Пенище)

По преданию, хутор Пенище был основан в 20-х годах прошлого века крестьянами-единоличниками из села Жихово.

В 1926 году он входил в состав Жиховского сельского совета и насчитывал 1 двор, в котором проживали 4 мужчины и 3 женщины.

В годы коллективизации хутор был ликвидирован, а его жители переселены в село Жихово.

Первомайский (Першомайський)

Хутор Первомайский был основан в 20-х годах прошлого века переселенцами из окрестных хуторов и сёл.

В 1926 году он входил в состав Гавриловослободского сельского совета и насчитывал 3 двора, в которых проживали 10 мужчин и 7 женщин.

Хутор просуществовал около 10 лет и в 30-х годах XX века был ликвидирован.

Перелесянка (Перелісянка)

Хутор Перелесянка был основан во второй половине XIX века, между 1859 и 1897 гг.

Со дня основания он входил в состав Протопоповской волости Новгород-Северского уезда и в 1897 году состоял из 1 двора, в котором проживал 1 житель.

В начале XX века хутор опустел и был исключён из числа населённых пунктов Новгород-Северского уезда.

Пески (Піски)

Хутор Пески (географические координаты: 52°12'03" с.ш., 33°54'28" в.д.) находился по правую сторону реки Знобовки, на расстоянии около 3 км к северо-западу от села Чернацкого.

Он был основан в первой половине XIX века и впервые упоминается в Списках населённых мест Черниговской губернии по сведениям на 1859 год. На указанный момент в нём числилось 3 двора, в которых про-

живали 5 мужчин и 6 женщин.

Кто основал хутор и кто им владел до отмены крепостного права – неизвестно.

Хутор был небольшим населённым пунктом и в 1892 году насчитывал 4 двора, в которых проживало 23 жителя, в 1897 году – 3 двора и 24 жителя, в 1901 году – 25 жителей, а в 1917 году – 3 двора.

Вскоре после революции Пески были присоединены к хутору Ольховка (Литвинов), и с тех пор как отдельный населённый пункт ни в одном источнике не упоминались.

Песчанка (Піщанка)

Хутор Песчанка был основан во второй половине XIX века, между 1859 и 1897 гг.

В 1897 году он входил в состав Хильчичской волости Новгород-Северского уезда и насчитывал 2 двора, в которых проживали 4 жителя.

В начале XX века хутор опустел и был исключён из числа населённых пунктов Новгород-Северского уезда.

Петровский (Петровський)

Хутор Петровский (географические координаты: 52°12'19" с.ш., 33°35'09" в.д.) находился по правую сторону реки Свиги, на расстоянии около 1 км к северо-востоку от села Чигин.

Он был основан в первой половине XIX века и впервые упоминался в Списках населённых мест Черниговской губернии по сведениям на 1859 год. На указанный момент в нём числился 1 двор, в котором проживали 1 мужчина и 1 женщина.

Вскоре после отмены крепостного права хутор опустел и был исключён из числа населённых пунктов Новгород-Северского уезда.

Пигаревский (Пигарівський)

Хутор Пигаревский находился рядом с селом Пигаревкой.

На момент описания Новгород-Северского наместничества (1779–1781 гг.) он принадлежал Спасо-Преображенскому Новгород-Северскому монастырю, который владел в нём 1 двором, 1 хатой и 17 бездворными хатами [21, с. 148].

В 1786 году на основании именного указа Екатерины II от 10 апре-

ля 1786 года «О штатах Киевской, Черниговской и Новгород-Северской епархий» хутор Пигаревский был изъят у Спасо-Преображенского монастыря и передан в казённое ведомство[489]. С указанного времени его жители имели статус государственных крестьян и платили денежный налог государству.

В конце XVIII века хутор был включён в состав села Пигаревки и с тех пор как отдельный населённый пункт не упоминался.

Писаренков (Писаренків)

Хутор Писаренков (Писаревка) находился по правую сторону от дороги, ведущей из Середина-Буды в Порохонь, на расстоянии около 1,5 км к северу от села Порохони.

Он был основан в первой половине XIX века, до 1853 года, и накануне отмены крепостного права, в 1859 году, насчитывал 2 двора, в которых проживало 5 мужчин и 10 женщин.

В пореформенное время численность населения в хуторе начала снижаться и ко времени проведения первой всеобщей переписи населения России 1897 года он прекратил своё существование.

Подалянкин (Подалянкин)

По преданию, хутор Подалянкин был основан в 20-х годах прошлого века крестьянами-единоличниками из села Новая Гута.

В 1926 году он входил в состав Новогутского сельского совета и насчитывал 2 двора, в которых проживали 6 мужчин и 3 женщины.

Хутор просуществовал около 10 лет и в 30-х годах XX века был ликвидирован.

Подлесный (Підлісний)

Хутор Подлесный (географические координаты: 52°17'26" с.ш., 33°54'42" в.д.) находился на просёлочной дороге, которая вела из посёлка Покровского в село Гаврилова Слобода, на расстоянии около 4 км к северо-востоку от Гавриловой Слободы.

Он был основан в конце 20-х – начале 30-х годов прошлого века и в 1940 году насчитывал 3 двора, в которых проживало около 20 жителей.

В первой половине 40-х годов прошлого века хутор опустел и был исключён из числа населённых пунктов Середино-Будского района.

Покорский (Покорський)

Хутор Покорский (географические координаты: 52°10'31" с.ш., 33°23'46" в.д.) находился по левую сторону от дороги, ведущей из села Кривоносовки в село Боровичи, на расстоянии около 3,5 км от села Кривоносовки.

Он был основан в конце XVIII – первой половине XIX века кем-то из дворян Покорских-Жоравко: или бунчуковым товарищем Иваном Даниловичем Покорским (ок. 1736 – ?), который был женат на Наталье Ивановне Жоравко-Покорской, владелице сёл Журавки и Боровичи [37, с. 106], или их сыновьями: Иваном Ивановичем Покорским-Жоравко или Фёдором Ивановичем Покорским-Жоравко.

В начале 30-х годов XIX века Покорские-Жоравко продали свои владения в Журавке и Боровичах очкинскому помещику Михаилу Осиповичу Судиенко. Вместе с ними, вероятно, к нему перешёл и хутор Покорский. Однако каких-либо сведений на этот счёт не сохранилось.

Накануне отмены крепостного права, в 1859 году, в хуторе числилось 2 двора, в которых проживали 3 мужчины и 5 женщин.

В пореформенное время численность населения в хуторе начала снижаться, и ко времени проведения первой всеобщей переписи населения России 1897 года он опустел.

Полюшкин-Ложок (Полюшкин-Ложок)

Хутор Полюшкин-Ложок был основан в 20-х годах прошлого века переселенцами из окрестных хуторов и сёл.

В 1926 году он входил в состав Жиховского сельского совета и насчитывал 3 двора, в которых проживали 13 мужчин и 9 женщин.

В годы коллективизации хутор был ликвидирован, а его жители переселены в другие населённые пункты.

Поножное (Поножне)

Хутор Поножное был основан во второй половине XIX века, между 1859 и 1897 гг., и впервые упоминается в материалах первой всеобщей переписи населения России 1897 года.

Со дня основания он входил в состав Протопоповской волости Новгород-Северского уезда и в 1897 году насчитывал 1 двор, в котором проживали 2 жителя.

В начале XX века хутор опустел и был исключён из числа населённых пунктов Новгород-Северского уезда.

При урочище Лютой (При урочищі Лютої)

Хутор при урочище Лютой находился на просёлочной дороге, при протоке Лютая, на расстоянии около 1 км от села Новая Гута.

Кем и когда был основан хутор неизвестно. На момент описания Новгород-Северского наместничества (1779–1781 гг.) он находился во владении подданного П.А. Румянцева-Задунайского – Ивана Павлова, который владел в нём 1 двором и 1 хатой [21, с. 153].

Хутор был небольшим населённым пунктом и ко времени проведения ревизии 1795 года опустел.

Присторное (Присторне)

Хутор Присторное был основан в первой четверти XX века переселенцами из окрестных хуторов и сёл.

Он находился на расстоянии около 7 км от села Белоусовки и 30 км от Середина-Буды, был небольшим населённым пунктом и в 1923 году насчитывал 2 двора и 6 жителей, а в 1926 году – 3 двора и 8 жителей.

В годы коллективизации хутор был ликвидирован, а его жители переселены в другие населённые пункты.

Присторонее (Присторонє)

Хутор Присторонее был основан в 20-х годах прошлого века крестьянами-единоличниками из села Новая Гута.

В 1926 году он входил в состав Новогутского сельского совета и насчитывал 1 двор, в котором проживали 5 мужчин и 2 женщины.

Хутор просуществовал около 10 лет и в 1930-х годах был ликвидирован.

Пунинского (Пунинського)

Хутор Пунинского (географические координаты: 52°10'39" с.ш., 34°03'18" в.д.) находился на южной окраине Середина-Буды [14, с. 40].

Он был основан во второй половине XIX века, между 1859 и 1883 гг., и впервые упоминается в Материалах для оценки земельных угодий Новгород-Северского уезда за 1883 год. На указанный момент хутор входил в состав Чернацкой волости и насчитывал 1 двор[490].

Хутор Пунинского просуществовал несколько десятилетий и к 1897 году опустел.

Раев (Раєв)

Хутор Раев находился на реке Свиге.

Он был основан до проведения Румянцевской описи Малороссии и в 1765–1768 гг. принадлежал войсковому канцеляристу Петру Дембровскому [20, с. 842].

Хутор просуществовал недолго и ко времени описания Новгород-Северского наместничества 1779–1781 гг. опустел или был переименован.

Речица (Річиця)

Хутор Речица (хут. Тарантаев – 1892, 1897 гг., хут. Речица (Левенцов) – 1897 г.) находился на расстоянии около 12 км от Середина-Буды и 7 км от села Чернацкого.

Он был основан во второй половине XIX века, после 1859 года, и до революции входил в состав Чернацкой волости Новгород-Северского уезда.

Впервые хутор Речица упоминается в Списках населённых мест Черниговской губернии по сведениям на 1892 год. На указанный момент в нём числился 1 двор, в котором проживали 11 мужчин и 4 женщины, в 1897 году – 1 двор, в 1923 году – 5 дворов и 12 жителей, а в 1926 году – 5 дворов и 24 жителя.

В годы коллективизации хутор был ликвидирован, а его жители переселены в другие населённые пункты.

Руда (Руда)

Хутор Руда был основан во второй половине XIX века, между 1859 и 1897 гг., и впервые упоминается в материалах первой всеобщей переписи населения России 1897 года.

Со дня основания он входил в состав Протопоповской волости Новгород-Северского уезда и в 1897 году насчитывал 1 двор, в котором проживали 2 жителя.

В начале XX века хутор опустел и был исключён из числа населённых пунктов Новгород-Северского уезда.

Руднянская Больница (Руднянська Лікарня)

Хутор Руднянская Больница находился рядом с земской больницей села Рудни.

Как отдельный населённый пункт он впервые упоминается в материалах первой Всесоюзной переписи населения 1926 года. На указанный момент в нём числилось 3 двора, в которых проживали 5 мужчин и 6 женщин.

В 30-х годах прошлого века хутор Руднянская Больница был включён в состав села Рудни и стал одной из его улиц.

Савицкий (Савицький)

Хутор Савицкий (географические координаты: 52°15'56" с.ш., 33°53'48" в.д.) находился вблизи реки Улички, на расстоянии около 1 км к северо-востоку от села Гаврилова Слобода.

Он был основан в первой половине XIX века и впервые упоминается в Списках населённых мест Черниговской губернии по сведениям на 1859 год. На указанный момент в нём числилось 3 двора, в которых проживали 2 мужчины и 6 женщин, а в 1897 году – 1 двор и 3 жителя.

После проведения первой всеобщей переписи населения России 1897 года Савицкий хутор перестал упоминаться в официальных источниках, однако продолжал существовать и в 1940 году насчитывал 4 двора, в которых проживало около 20 жителей.

В годы Великой Отечественной войны хутор опустел и был исключён из числа населённых пунктов Середино-Будского района.

Самсонов (Самсонов)

Хутор Самсонов (географические координаты: 52°12'40" с.ш., 33°56'21" в.д.) находился на расстоянии около 3 км к северо-востоку от села Чернацкого.

Он был основан во второй половине XIX века, между 1859 и 1883 гг., и в 1883 году насчитывал 9 дворов, в 1892 году – 10 дворов и 63 жителя, в 1897 году – 10 дворов и 74 жителя, в 1901 году – 82 жителя, в 1917 году – 8 дворов и 62 жителя, в 1923 году – 15 дворов и 62 жителя, а в 1926 году – 23 двора и 118 жителей.

В годы коллективизации численность населения в хуторе начала снижаться, и в первой половине 40-х годов прошлого века он опустел и был исключён из числа населённых пунктов Середино-Будского района.

Сапачов (Сапачов)

Хутор Сапачов был основан в 20-х годах прошлого века.

В 1926 году он входил в состав Белоусовского сельского совета и насчитывал 1 двор, в котором проживали 2 мужчины и 3 женщины.

В годы коллективизации хутор был ликвидирован, а его жители переселены в другие населённые пункты.

Селище (Селище)

По преданию, хутор Селище был основан в 20-х годах прошлого века крестьянами-единоличниками из села Хильчичи.

В 1926 году он входил в состав Хильчичского сельского совета и насчитывал 1 двор, в котором проживали 3 мужчины и 3 женщины.

Хутор просуществовал около 10 лет и в 30-х годах XX века был ликвидирован.

Слободка (Слободка)

Хутор Слободка был основан в 20-х годах прошлого века переселенцами из окрестных хуторов и сёл.

В 1926 году он входил в состав Ромашковского сельского совета и насчитывал 14 дворов, в которых проживали 45 мужчин и 49 женщин.

В годы коллективизации хутор был ликвидирован, а его жители переселены в другие населённые пункты.

Совка (Совка)

Хутор Совка находился на расстоянии около 6 км от села Чернацкого и 13 км от Середина-Буды.

Он был основан в первой четверти XX века и в 1923 году насчитывал 6 дворов, в которых проживало 30 жителей, а в 1926 году – 7 дворов и 36 жителей.

В 30-х годах прошлого века хутор был ликвидирован, а его жители переселены в другие населённые пункты.

Соловьёв (Соловйов)

Хутор Соловьёв (географические координаты: 52°15'06" с.ш., 33°56'13" в.д.) находился по правую сторону реки Улички, на расстоянии около 4

км к юго-востоку от села Гаврилова Слобода.

Точное время основания хутора неизвестно. Впервые он упоминается в описании Новгород-Северского наместничества 1779–1781 гг. под названием хутор Чмарин. В указанное время хутор принадлежал подданному графа П.А. Румянцева-Задунайского – Семёну Воскобойникову, который владел в нём мельницей об одном коле на реке Уличке и винокуренным заводом на 7 котлов [21, с. 154].

На протяжении всего своего существования хутор был небольшим населённым пунктом и в 1799–1801 гг. насчитывал 8 податных душ мужского пола, в 1859 году – 2 двора, в которых проживали 14 жителей, в 1892 году – 2 двора и 17 жителей, в 1897 году – 2 двора и 11 жителей, в 1901 году – 12 жителей, в 1917 году – 3 двора и 13 жителей, в 1923 году – 4 двора и 20 жителей, а в 1926 году – 3 двора и 10 жителей.

В годы коллективизации хутор был ликвидирован, а его жители переселены в другие населённые пункты.

О происхождении названия хутора никаких сведений не сохранилось. В документах разных лет он упоминается под разными названиями: хут. Чмарин – 1779–1781, 1892, 1897 гг., хут. Воскобойникова – 1799–1801 гг., хут. Чмарин (Зедиков, Соловья) – 1859 г., хут. Соловых – 1897 г., хут. Соловьёв – 1901, 1923, 1926 гг., хут. Чмарин (Соловьёв) – 1913, 1917 гг.

Софиевский (Софіївський)

Хутор Софиевский находился по левую сторону реки Улички, между сёлами Старая Гута и Новая Гута.

Он был поселён в 1839 году действительным тайным советником Аркадием Васильевичем Кочубеем по совету управляющего его гутянскими имениями Ивана Емельяновича Дженеева, и назван в честь жены Аркадия Васильевича – княжны Софьи Николаевны Вяземской, умершей 20 мая 1834 года в Орле[491].

Накануне отмены крепостного права, в 1859 году, в Софиевском хуторе числилось 7 дворов, в которых проживали 11 мужчин и 13 женщин. Большинство из них принадлежали А.В. Кочубею и работали на его стекольной фабрике.

Через несколько лет после отмены крепостного права фабрика была закрыта. С того времени численность населения в хуторе начала снижаться, и в начале XX века он опустел.

Спасский (Спаський)

По преданию, хутор Спасский был основан в 20-х годах прошлого века крестьянами-единоличниками из села Улицы.

Он находился недалеко от села Улицы, был небольшим населённым пунктом и в 1926 году насчитывал 1 двор, в котором проживали 3 мужчины и 2 женщины.

Хутор просуществовал около 10 лет и в годы коллективизации был ликвидирован.

Степаненко (Степаненко)

Хутор Степаненко (географические координаты: 52°07'06" с.ш., 33°54'00" в.д.) находился на просёлочной дороге, которая вела из села Каменки в село Уборок, на расстоянии около 2 км к северу от села Каменки.

Он был основан в 20-х годах прошлого века и в 1926 году насчитывал 2 двора, в которых проживало 8 жителей, а в 1940 году – 4 двора и около 30 жителей

В первой половине 40-х годов прошлого века хутор опустел и был исключён из числа населённых пунктов Середино-Будского района.

Стринадкин (Стринадкин)

Хутор Стринадкин был основан в 20-х годах прошлого века переселенцами из окрестных хуторов и сёл.

В 1926 году он входил в состав Знобь-Трубчевского сельского совета и насчитывал 3 двора, в которых проживали 4 мужчины и 3 женщины.

В годы коллективизации хутор был ликвидирован, а его жители переселены в другие населённые пункты.

Суденкин (Судєнкін)

Хутор Суденкин (географические координаты: 52°16'14" с.ш., 33°28'08" в.д.) находился на границе Орловской и Черниговской губерний, по правую сторону от просёлочной дороги, которая вела из Середина-Буды в Гремяч и Стародуб, на расстоянии около 7 км от Знобь-Трубчевской.

Суденкин хутор был основан в первой половине XIX века кем-то из дворян Судиенко, богатых очкинских помещиков, владевших с конца

XIX века Знобью-Трубчевской: Осипом Степановичем Судиенко (1743 – 4.12.1811) или его сыном Михаилом Осиповичем Судиенко.

Осип Степанович Судиенко умер 4 декабря 1811 года. Незадолго до смерти, 5 октября 1808 года, он завещал все свои хутора, деревни и сёла своему сыну Михаилу. Однако Суденкина хутора среди них не было. Не упоминается он и в выписке Стародубского поветового земского суда от 22 декабря 1827 года о передаче завещанного имущества М.О. Судиенко[492]. В связи с этим можно предположить, что Суденкин хутор был поселён после смерти О.С. Судиенко его сыном Михаилом. И случилось это до 1853 года, когда Суденкин хутор впервые появился на Специальной карте западной части России Г.Л. Шуберта (лист XXXV).

Насколько большим был Суденкин хутор и сколько в нём проживало жителей – нам узнать не удалось, поскольку народные предания не сохранили о нём никаких сведений, а в списках населённых мест Орловской и Черниговской губерний он не упоминается.

Сухолютка (Сухолютка)

Хутор Сухолютка был основан во второй половине XIX века, между 1859 и 1897 гг.

Он находился недалеко от озера Сухолютки, был небольшим населённым пунктом и в 1897 году насчитывал 1 двор, в котором проживали 3 жителя.

В начале XX века хутор опустел и был исключён из числа населённых пунктов Новгород-Северского уезда.

Сучкин (Сучкин)

Хутор Сучкин (географические координаты: 52°11'03" с.ш., 33°57'04" в.д.) находился по левую сторону от просёлочной дороги, которая вела из села Чернацкого в Середина-Буду, на расстоянии около 2 км к востоку от села Чернацкого.

Он был основан в конце 20-х – начале 30-х годов прошлого века переселенцами из окрестных хуторов и сёл и в 1940 году насчитывал 5 дворов, в которых проживало около 30 жителей.

Как отдельный населённый пункт Сучкин хутор просуществовал недолго и в первой половине 40-х годов XX века, вероятно, был включён в состав села Чернацкого.

Терещенка (Терещенка)

Хутор Терещенка был основан вскоре после проведения ревизии 1859 года. Он находился недалеко от хутора Барятина и в пореформенное время входил в состав Протопоповской волости Новгород-Северского уезда.

Его основателем и владельцем был известный украинский сахарозаводчик Никола (Николай) Артемьевич Терещенко, который в 1865 году владел в хуторе 88 десятинами земли.

Хутор был небольшим населённым пунктом и в 1883 году насчитывал 1 двор, в 1892 году – 1 двор и 11 жителей, а в 1897 году – 3 жителя.

В начале XX века хутор опустел и был исключён из числа населённых пунктов Новгород-Северского уезда.

Тимощенков (Тимощенків)

Хутор Тимощенков находился по обе стороны реки Улички, на расстоянии около 1 км к востоку от села Гаврилова Слобода.

Он был основан в первой половине XIX века и впервые упоминается в Списках населённых мест Черниговской губернии по сведениям на 1859 год. На указанный момент в нём числилось 2 двора, в которых проживали 3 мужчины и 5 женщин, а в 1897 году – 10 жителей.

Последний раз хутор упоминался в материалах первой всеобщей переписи населения России 1897 года. После этого никаких сведений о нём мы не нашли.

Толкачи (Толкачі)

Хутор Толкачи (географические координаты: 52°17'22" с.ш., 33°42'31" в.д.) находился по правую сторону реки Знобовки, на расстоянии около 4 км к северо-востоку от села Стягайловки.

Он был основан в первой четверти XX века и в 1923 году насчитывал 2 двора, в которых проживало 10 жителей, в 1926 году – 6 дворов и 30 жителей, а в 1940 году – 14 дворов и около 80 жителей

В годы Великой Отечественной войны хутор находился на оккупированной территории и, по некоторым данным, был сожжён немецко-фашистскими захватчиками.

Уречье (Уріччя)

Хутор Уречье находился на расстоянии около 6 км от села Чернацкого и 13 км от Середина-Буды.

Он был основан в первой четверти XX века и в 1923 году насчитывал 2 двора, в которых проживало 11 жителей, а в 1926 году – 3 двора и 16 жителей.

В годы коллективизации хутор был ликвидирован, а его жители переселены в другие населённые пункты.

Фалько (Фалько)

Хутор Фалько (географические координаты: 52°07'15" с.ш., 33°49'56" в.д.) находился по левую сторону от дороги, которая вела из села Пигаревки в село Степное, в нескольких сотнях метров от южной окраины села Пигаревки.

По преданию, хутор был основан в первой четверти XX века пигаревским крестьянином Фалько. Он был небольшим населённым пунктом и в 1926 году насчитывал 1 двор, в котором проживало 3 жителя.

В 1939 году хутор был ликвидирован, а его жители переселены в село Пигаревку [14, с. 143].

Федора Белаша (Федіра Білаша)

Хутор Федора Белаша находился в 100 метрах от села Красички.

Он был основан до 1779 года и на момент описания Новгород-Северского наместничества 1779–1781 гг. насчитывал 1 двор и 2 хаты, которые находились во владении подданного Борисоглебского кафедрального монастыря Черниговской архиепископии Фёдора Белаша [21, с. 159].

После передачи в 1786 году монастырских сёл в казённое ведомство хутор был включён в состав села Красички и как отдельный населённый пункт больше не упоминался.

Ховсти Бор (Ховсти Бор)

Хутор Ховсти-Бор был основан в 20-х годах прошлого века переселенцами из окрестных хуторов и сёл.

В 1926 году он входил в состав Кривносовского сельского совета и

насчитывал 10 дворов, в которых проживали 29 мужчин и 32 женщины.

Хутор просуществовал около 10 лет и в годы коллективизации был ликвидирован.

Христианодорф (Христианодорф)

Хутор Христианодорф находился недалеко от реки Свиги, в районе сёл Жихово и Красичка.

Он был основан в первой половине XIX века и впервые упоминается в Списках населённых мест Черниговской губернии по сведениям на 1859 год. На указанный момент в нём числилось 2 двора, в которых проживали 4 мужчины и 3 женщины.

В пореформенное время численность населения в хуторе начала снижаться, и ко времени проведения первой всеобщей переписи населения России 1897 года он опустел.

Цыганков (Циганків)

Хутор Цыганков был основан в 20-х годах прошлого века.

В 1926 году он входил в состав Ураловского сельского совета и насчитывал 1 двор, в котором проживали 5 мужчин и 5 женщин.

Хутор просуществовал около 10 лет и в 1930-х годах был ликвидирован.

Ченчиков (Ченчиків)

Хутор Ченчиков (географические координаты: 52°10'08" с.ш., 33°20'22" в.д.) находился по правую сторону реки Свиги, на расстоянии около 3 км к юго-западу от села Боровичи.

Он был основан во второй половине XIX века, между 1859 и 1883 гг., и в 1883 году насчитывал 1 двор[493].

Основателем хутора, вероятнее всего, была жена новгород-северского уездного предводителя дворянства генерал-майора Павла Ивановича Чинчика – Пелагея Гавриловна Чинчик (урожденная Богуп), которая доводилась крёстной матерью жене П.А. Кулиша – писательнице Александре Михайловне Белозерской[494].

После смерти Пелагеи Гавриловны хутор пришёл в упадок и ко времени проведения первой всеобщей переписи населения России 1897 года опустел.

Чёрная Грязь (Чорна Грязь)

Хутор Чёрная Грязь был основан во второй половине XIX века, между 1859 и 1897 гг., и впервые упоминается в материалах первой всеобщей переписи населения России 1897 года.

Со дня основания он входил в состав Протопоповской волости Новгород-Северского уезда и в 1897 году насчитывал 1 двор, в котором проживало 2 жителя.

В начале XX века хутор опустел и был исключён из числа населённых пунктов Новгород-Северского уезда.

Черня (Черня)

Хутор Черня был основан в 20-х годах прошлого века переселенцами из окрестных хуторов и сёл.

В 1926 году он входил в состав Уличского сельского совета и насчитывал 2 двора, в которых проживали 5 мужчин и 3 женщины.

В годы коллективизации хутор был ликвидирован, а его жители переселены в другие населённые пункты.

Чигинский (Чигинський)

Хутор Чигинский (географические координаты: 52°12'19" с.ш., 33°35'09" в.д.) находился по правую сторону реки Свиги, на расстоянии около 1 км к северо-востоку от села Чигин.

Точное время основания хутора неизвестно. Впервые Чигинский хутор упоминается в описании Новгород-Северского наместничества 1779–1781 гг. как владение Новгород-Северского Спасо-Преображенского монастыря, в котором числился 1 двор, 2 хаты, 2 амбара и мельница о 5 колах [21, с. 486].

Чигинский хутор был поселён монахами Спасо-Преображенского монастыря после проведения Румянцевской описи Малороссии 1765–1768 гг., и до 1786 года находился во владении монастыря, после чего был передан в собственность Петру Васильевичу Завадовскому, первому министру народного просвещения России.

В 1799–1801 гг. в хуторе числилось 4 податные души мужского пола, а в 1859 году – 3 двора, в которых проживали 3 мужчины и 5 женщин. Большинство из них были крепостными и принадлежали наследникам П.В. Завадовского [15, с. 22].

После отмены крепостного права земли хутора оказались во владе-

нии помещицы Е.И. Савицкой, и в 1863 году она заключала с местными крестьянами выкупные сделки [16, с. 79].

В пореформенное время хутор начал приходить в запустение и ко времени проведения первой всеобщей переписи населения России 1897 года опустел.

Шапошников (Шапошників)

Хутор Шапошников был основан во второй половине XIX века, между 1859 и 1897 гг., и впервые упоминается в материалах первой всеобщей переписи населения России 1897 года.

Он находился недалеко от села Гаврилова Слобода и в 1897 году насчитывал 1 двор, в котором проживали 4 жителя, а в 1926 году – 2 двора и 2 жителя.

Хутор просуществовал до 30-х годов прошлого века, после чего был ликвидирован.

Шарепин (Шарепин)

Хутор Шарепин (хут. Ямпольцов – 1853 г., хут. Вронский (Ямпольцов) – 1859 г., хут. Вронский (Шарепы) – 1897 г., хут. Шарепин – 1923 г.) находился на расстоянии около 4 км от Середина-Буды и около 3 км от села Порохони.

Он был основан в первой половине XIX века, до 1853 года, и накануне отмены крепостного права, в 1859 году, насчитывал 1 двор, в котором проживали 2 мужчины и 4 женщины, в 1897 году – 1 двор и 10 жителей, в 1923 году – 2 двора и 10 жителей, а в 1926 году – 4 двора и 18 жителей.

В годы коллективизации хутор был ликвидирован, а его жители переселены в другие населённые пункты.

Швайкино (Швайкине)

Хутор Швайкино был основан во второй половине XIX века, между 1859 и 1897 гг.

Он находился в нескольких километрах к северу от села Гутко-Ожинка и в 1897 году насчитывал 1 двор, в котором проживали 2 жителя.

В начале XX века хутор опустел и был исключён из числа населённых пунктов Новгород-Северского уезда.

Шот (Шот)

Хутор Шот (хут. Шотов – 1859 г., хут. Шотт – 1897 г.) находился по левую сторону реки Свиги между сёлами Гутко-Ожинка и Красичка.

Он был основан в первой половине XIX века и впервые упоминается в Списках населённых мест Черниговской губернии по сведениям на 1859 год. На указанный момент в нём числилось 3 двора, в которых проживали 10 мужчин и 13 женщин.

Накануне отмены крепостного права в хуторе функционировал крахмальный завод помещицы Марии Степановны Шот. Завод был небольшой мощности и в 1860-х годах производил около 700 пудов крахмала в год, который поставлялся на ближайшие писчебумажные фабрики Черниговской губернии [22, с. 344].

В пореформенное время численность населения в хуторе начала снижаться, и в начале XX века он опустел.

Административно-территориальное деление Серединобудщины

Середино-Будский район (первоначально – уезд) был основан весной 1923 года на основании постановления Президиума Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета (ВУЦИКа) от 7 марта 1923 года «Об административно-территориальном делении Украины по губерниям». А до этого времени его территория входила в состав иных административно-территориальных образований (см. Приложение).

С середины XII века земли нынешнего Середино-Будского района входили в состав Новгород-Северского княжества Киевской Руси, а после его захвата в 1238 году монголо-татарами – Брянского княжества[495].

В 50–60-х годах XIV века территория Серединобудщины перешла под юрисдикцию Великого княжества Литовского[496] и была включена в состав его Новгород-Северского удела, который находился во владении одного из сыновей великого князя литовского Ольгерда – Дмитрия-Корибута[497]. В 30-х годах XV века Новгород-Северский удел был ликвидирован, а его земли включены в великокняжеский домен[498].

28 марта 1503 года Северские земли отошли к Великому княжеству Московскому[499] и находились в его составе до заключения 1 декабря 1618 года Деулинского договора, после чего были переданы Речи Посполитой.

В ходе национально-освободительной войны украинского народа 1648–1654 гг. Северная и Центральная Украина были освобождены от поляков, а на их территории образовано суверенное государство, которое с 1648 года называлось – Войско Запорожское, а после заключения в январе 1654 года Переяславского договора – Войско Его Царского Величества Запорожское. В военно-административном отношении новое государство было поделено на полки, а полки – на сотни. Территория нынешнего Середино-Будского района была включена в состав Новгородской сотни Нежинского полка, а в 1653 году – Новгородского полка.

В 1654 году Новгородский полк был ликвидирован, а входившие в него населённые пункты возвращены в состав Нежинского полка. При этом одна часть населённых пунктов была закреплена за Ямпольской сотней, а другая – за Новгородской.

В 1663 году Новгородская сотня перешла под юрисдикцию вновь образованного Стародубского полка, а Ямпольская сотня осталась в составе Нежинского полка. Однако это деление не было стабильным[500], и за более чем 130-летнюю историю полкового устройства Левобережной Украины ряд населённых пунктов Серединобудщины менял свою

административно-территориальную подчинённость и входил в состав то одной, то другой сотни.

После заключения в январе 1654 года Переяславского договора украинское государство вошло на правах автономии в состав Русского царства (1654–1721), которое указом Петра I от 18 декабря 1708 года «Об учреждении губерний и расписании к ним городов» было поделено на губернии. Территория нынешнего Середино-Будского района была включена в состав Киевской губернии[501] (с 29 мая 1719 года – Киевской провинции Киевской губернии[502], что было подтверждено и при новом пересмотре границ губерний в 1727 году[503]).

10 ноября 1764 года Екатерина II ликвидировала на Украине гетманское правление и учредила вместо него Малороссийскую коллегию[504], а осенью 1781 года издала три указа об образовании на подконтрольной коллегии территории трёх наместничеств: Киевского, Новгород-Северского и Черниговского. Именной указ об учреждении Новгород-Северского наместничества был издан императрицей 16 сентября 1781 года. Им она обязала малороссийского генерал-губернатора графа П.А. Румянцева-Задунайского открыть в январе 1782 года Новгород-Северское наместничество в составе одиннадцати уездов, в том числе Погарского и Глуховского[505]. Большая часть территории нынешнего Середино-Будского района в ходе проведения указанной реформы была включена в состав Погарского уезда, а меньшая – Глуховского уезда [21, с. 145–161, 485–486].

На протяжении последующих 15 лет каких-либо существенных изменений в административно-территориальном устройстве современной Серединобудщины не было.

Указом Павла I от 30 ноября 1796 года «О восстановлении в Малороссии правления и судопроизводства сообразно тамошним правам и прежним обрядам» была образована Малороссийская губерния, которая включала в себя все уезды Черниговского и Новгород-Северского наместничества и часть уездов Киевского и Екатеринославского наместничеств[506]. В ходе проведения указанной реформы территория нынешнего Середино-Будского района отошла к Глуховскому и Новгород-Северскому поветам [2, с. 140–141, 149–150].

Однако Малороссийская губерния просуществовала недолго и Сенатским указом от 27 марта 1802 года была разделена на две губернии: Полтавскую и Черниговскую[507]. Все населённые пункты нынешней Серединобудщины были подчинены Новгород-Северскому уезду, и в 1859 году входили в состав двух его станов: Олтарского и Шатрищинского [3, с. 116–120].

После отмены крепостного права административно-территориальное деление Новгород-Северского уезда претерпело существенные изменения. Вместо шести волостей, которые существовали на территории уезда в середине XIX века – Биринской, Воронежской, Жиховской, Холопковской, Марчихинобудинской и Шептаковской[508] – было образовано 17 волостей, в том числе пять на территории современной Серединобудщины: Голубовская, Графскосельская, Очкинская, Порохонская и Старогутинская[509].

Новое административное деление просуществовало недолго, и уже в 1883 году в Новгород-Северском уезде числилось 12 волостей, в том числе четыре на территории нынешнего Середино-Будского района: Жиховская (с середины 90-х годов XIX века – Дмитровская), Протопоповская, Очкинская (с середины 90-х годов XIX века – Хильчанская) и Чернацкая. Все они входили в состав III стана с центром в селе Жихово[510].

В мае 1918 года Серединобудщина оказалась на территории «нейтральной зоны» – демаркационной полосы, которая проходила между границей России и расположениями немецких войск. По свидетельству ивотского селькора Ивана Наумовича Ольховика, с апреля по ноябрь 1918 года, в этой зоне царило полное безвластие. Крестьяне почти девять месяцев находились на военно-осадном положении и за малейшие проступки подвергались массовым расстрелам. «В этот период дошло до того, что крестьянину нельзя было свободно ни пройти, ни проехать, ни днём, ни ночью. Всё мирное население в эти месяцы не ночевало дома, а жило в погребах и других местах, бросая всё на произвол судьбы, лишь бы спасти свою жизнь»[511].

Нейтральная зона была свободной от оккупантов, и 17 ноября 1918 года Черниговский губисполком образовал на её территории Середино-Будский уезд в составе Советской России, в который включил 6 волостей Новгород-Северского уезда и 3 волости Глуховского уезда. Середино-Будский уезд просуществовал недолго и в январе 1919 года был присоединён к Новгород-Северскому уезду Черниговской губернии[512].

7 марта 1923 года Президиум Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета (ВУЦИК) принял постановление «Об административно-территориальном делении Украины по губерниям», которым заменил существующую на Украине систему административно-территориального деления (волость – уезд – губерния) на новую (район – округ – губерния)[513]. В ходе проведения указанной реформы на территории Черниговской губернии было образовано 5 округов, в том числе Новгород-Северский округ с центром в Новгороде-Северском[514], который включал в себя 12 районов, два из которых находились на территории современной Серединобудщи-

ны: Середино-Будский район, образованный на основе Чернацкой и Лесной (Протопоповской) волостей, и Хильчанский район, образованный на основе Хильчанской и Дмитровской волостей [10, с. 76–82].

С 1 августа 1925 года украинское правительство ликвидировало на территории Украины деление на губернии, а с 15 июня 1925 года ввело деление на округа и районы, управляемые с единого республиканского центра[515]. Середино-Будский и Хильчанский районы были включены в состав Новгород-Северского округа, а с 19 августа 1925 года – Глуховского округа[516].

13 июля 1930 года Глуховский округ был ликвидирован, а его территория передана в состав Конотопского округа[517]. Однако уже 2 сентября 1930 года ВУЦИК и СНК УССР приняли совместное постановление «О ликвидации округов и переходе на двухстепенную систему управления», которым с 15 сентября 1930 года на территории Украины отменялось административно-территориальное деление на округа и вводилось деление на районы (район – центр). Указанным постановлением на Украине учреждалось 503 района, которые непосредственно подчинялись административному центру, находившемуся в городе Харькове.

При переходе на двухстепенную систему управления Хильчицкий район был расформирован, а входившие в его состав населённые пункты переданы Ямпольскому, Шосткинскому, Середино-Будскому и Новгород-Северскому районам[518].

9 февраля 1932 года IV внеочередная сессия ВУЦИКа приняла решение об образовании на территории Украины 5 областей: Винницкой, Днепропетровской, Киевской, Одесской и Харьковской. Новгород-Северский, Середино-Будский, Ямпольский и Шосткинский районы были включены в состав Киевской области[519]. Однако вновь образованная Киевская область оказалась слишком большой для оперативного управления, и 15 октября 1932 года украинское правительство приняло решение об образовании на территории Украины ещё одной области – Черниговской. В её состав были включены Шосткинский, Новгород-Северский, Середино-Будский и 26 других районов Киевской области и 7 районов Харьковской области[520], а в первой половине 1935 года дополнительно образовало в составе области 20 новых районов, в том числе Хильчицкий – за счёт разукрупнения Новгород-Северского, Шосткинского и Середино-Будского районов[521].

В 1935 году Хильчичский райисполком принял решение о переносе административного центра своего района из села Хильчичи в село Знобь-Новгородское. 17 февраля 1936 года Всеукраинский Центральный Исполнительный Комитет утвердил указанное решение[522], а 5 августа

1944 года Президиум Верховного Совета УССР переименовал Хильчицкий район в Знобь-Новгородский[523].

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 января 1939 года была учреждена Сумская область, в состав которой были включены Хильчицкий, Середино-Будский и ряд других районов Черниговской, Харьковской и Полтавской областей[524].

По состоянию на 1 сентября 1946 года Середино-Будский район включал в себя 54 населённых пункта, а Знобь-Новгородский район – 39 населённых пунктов, без учёта населённых пунктов, отошедших в 1962 году в состав Шосткинского района[525], а по состоянию на 1 августа 1960 года Середино-Будский район – 55 населённых пунктов, а Знобь-Новгородский район – 28 населённых пунктов, не считая населённых пунктов, отошедших в 1962 году в состав Шосткинского района[526].

В 1962–1964 гг. советское правительство провело административно-территориальную реформу по укрупнению существующих районов областей, краёв и республик. На территории Украины она проводилась на основании Указа Президиума Верховного Совета УССР от 30 декабря 1962 года «Об укрупнении сельских районов Украинской ССР». Во время проведения указанной реформы территория Середино-Будского района была увеличена за счёт присоединения к ней Знобь-Новгородского и Ямпольского районов[527].

Однако проведённая реформа оказалась неэффективной, и после смещения Н.С. Хрущёва с должности Первого секретаря ЦК КПСС и Председателя СМ СССР на Украине начался обратный процесс восстановления районов. Указом Президиума Верховного Совета УССР от 4 января 1965 года «О внесении изменений в административное районирование Украинской ССР» Середино-Будский район был утверждён в составе города Дружба, города Середина-Буды, Знобь-Новгородского поселкового совета и сельских советов Середино-Будского района: Великоберёзковского, Голубовского, Жиховского, Знобь-Трубчевского, Каменского, Кренидовского, Кривоносовского, Нововасильевского, Очкинского, Пигаревского, Рожковичского, Ромашковского, Старогутского, Стягайловского, Ураловского, Чернацкого и Чуйковского[528]. Однако уже в следующем году Чуйковский сельский совет с входившими в него сёлами Чуйковка, Бугор, Никитское и Объединённое и город Дружба с селом Должик были изъяты из Середино-Будского района и переданы в состав Ямпольского района[529].

С того времени и по сей день административно-территориальное деление района существенно не изменилось.

Административно-территориальное деление до 1648 года

Населенные пункты	Волость	Стан	Уезд, повет	Княжество, воеводство, удел	Государство
Знобь-Новгородское, Порохонь	?		?	Новгород-Северский удел	Великое княжество Литовское (50-60 гг. XIV в. – 1503)
Знобь-Новгородское, Очкино, Порохонь, Уралово, Хильчичи, Чигин			Новгородский уезд		Великое княжество Московское (1503–47) Российское царство (1547–1618)
Знобь-Новгородское, Жихово, Кривоносовка, Мефёдовка, Очкино, Пигаревка (?), Порохонь, Середина-Буда (?), Уралово, Хильчичи, Чернацкое, Чигин	Погарская	Окологородний	Новгород-Северский повет	Черниговское княжество (1619–1633) Черниговское воеводство (1635–48)	Речь Посполитая (1618–48)

Административно-территориальное деление в 1648–1782 гг.

Населенные пункты по сведениям на 1750, 1779–81 гг.	Сотня, полк	Губерния	Государство
Белоусовка, Винторовка, Гаврилова Слобода, Каменка, Порохонь, Ромашково, Руденька, Середина-Буда (1750, 1779), Стягайловка, Улица, хутор при урочище Лютой, Чернацкое, Шалимовка	Новгородская сотня Нежинского полка (1649–53) Ямпольская сотня Новгородского полка (1653–54) Новгородская сотня Нежинского полка (1654–63) Ямпольская сотня Глуховского полка (1663–65) Сотня (?) Нежинского полка (1665–68) Ямпольская сотня Новгородского полка (1668) Сотня (?) Нежинского полка (1668–72) Ямпольская сотня Нежинского полка (1672–1709) Сотня (?) Нежинского полка (1709–22) Ямпольская сотня Нежинского полка (1722–82)	Киевская губерния (с 18.12.1708) Киевская провинция Киевской губернии (с 29.05.1719)	Войско Запорожское (1648–53) (1654–57) Русское царство (1654–1721) Российская Империя (с 1721 г.)
Боровичи, Великая Березка, Голубовка, Гутко-Ожинка, Жихово, Журавка, Знобь-Новгородское, Каменка (1729), Красичка, Кренидовка, Кривоносовка, Лесное, Лютое, Мефёдовка, Новая Гута, Очкино, Пигаревка, Ромашково (1718), Рудня, Середина-Буда (1718, 1750), Старая Гута, Стягайловка (1718), Таборище, Уралово, Хильчичи, Чернацкое (1718), Чигин	Новгородская сотня Нежинского полка (1649–53) Сотня (?) Новгородского полка (1653–54) Новгородская сотня Нежинского полка (1654–63) Новгородская сотня Стародубского полка (1663–68) Новгородский полк (1668) Новгородская сотня Стародубского полка (1668–1782)		

Административно-территориальное деление в 1782–1796 гг. (по состоянию на 1779–81 гг.)

Населенные пункты по сведениям на 1779–81 гг.	Уезды	Наместничество	Государство
Барятин, Белоусовка, Боровичи, Василия Кучерявого, Васильевка, Великая Березка, Винторовка, Гаврилова Слобода, Голубовка, Гутко-Ожинка, Дмитрия Ковалева, Жихово, Журавка, Знобь-Новгородское, Ивана Стародея, Комаровский, Котляров, Красичка, Кренидовка, Кривоносовка, Кутневский, Леонтия Ковалева, Лесное, Лютое, Новая Гута, Очкино, Перемога, Пигаревка, Полянка, Порохонь, Ромашково, Руденька, Середина-Буда, Соловьёв, Старая Гута, Стягайловка, Таборище, Улица, Уралово, Хильчичи, хутор при урочище Лютой, Чернацкое, Шалимовка	Погарский	Новгород-Северское	Российская империя
Каменка, Каменский, Мефёдовка, Рудня, Чигин, Чигинский	Глуховский		

Административно-территориальное деление в 1796–1802 гг. (по состоянию на 1799–1801 гг.)

Населенные пункты по сведениям на 1799–1801 гг.	Повет	Губерния	Государство
Барятин, Белоусовка, Боровичи, Голубовка, Журавка, Журавский, Заелка, Знобь-Новгородское, Комаровский, Кренидовка, Кривоносовка, Лесное, Лютое, Мефёдовка, Очкино, Руденька, Рудня, Стягайловка, Таборище, Улица, Уралово, Хильчичи, Чигин, Чигинский, Ясная Поляна	Новгород-Северский	Малороссийская	Российская империя
Васильевка, Великая Березка, Гаврилова Слобода, Гутко-Ожинка, Даровский, Демченково, Жихово, Каменка, Каменский, Красичка, Лукашенково, Новая Гута, Пигаревка, Порохонь, Ромашково, Середина-Буда, Соловьёв, Старая Гута, Чернацкое, Шалимовка	Глуховский		

Административно-территориальное деление в 1802–1923 гг. (по состоянию на 1859 г.)

Населенные пункты по сведениям на 1859 год	Стан	Уезд	Губерния
Белосветов, Гриневич, Демченково, Изотовка-Калинского, Каменка, Каменский, Лукашенково, Ольховка, Пигаревка, Писаренков, Порохонь, Ромашково, Середина-Буда, Чернацкое, Шалимовка, Шарепин	Шатрищинский (2-й стан)	Новгород-Северский	Черниговская
Александровка, Барятин, Белоусовка, Береговой, Боровичи, Васильевка, Великая Березка, Винторовка, Гаврилова Слобода, Голубовка, Гутко-Ожинка, Жихово, Журавка, Журавский, Заелка, Захлюповка, Знобь-Новгородское, Кажушный, Калиновка, Комаровский, Котляров, Кравоновский, Красичка, Красносвигск, Кренидовка, Кривоносовка, Кутневский, Лежнев, Лесное, Лютое, Маевский, Маховой, Мефёдовка, Новая Гута, Онопреенков, Очкино, Перемога, Пески, Петровский, Покорский, Полянка, Руденька, Рудня, Старая Гута, Савицкий, Соловьёв, Софиевский, Стягайловка, Таборище, Тимощенков, Улица, Уралово, Хильчичи, Хлебороб, Христианодорф, Червоное, Чигин, Чигинский, Шот, Ясная Поляна	Олтарский (3-й стан)		

Административно-территориальное деление в 1802–1923 гг. (по состоянию на 1897 г.)

Населенные пункты по сведениям на 1897 г.	Волость	Уезд	Губерния
Жихово, Рудня, Уралово, Чигин	Дмитровская		
Барятин, Белоусовка, Васильевка, Великая Березка, Высокая Гряда, Гаврилово, Голубовка, Гутка, Гутко-Ожинка, Демьяновский, Елизаветинский, Займище, Землянка, Знобь-Новгородское, Кажушный, Комаровский, Красичка, Круглики, Круково, Лаврово, Лежнев, Лесное, Лютое, Макухинский, Недушка, Новая Гута, Перелесянка, Поножное, Руда, Руденька, Софиевский, Старая Гута, Стягайловка, Сухолютка, Терещенка, Улица, Черная Грязь, Чигинский, Швайкино, Шот, Ясная Поляна	Протопоповская	Новгород-Северский	Черниговская
Александровка, Береговой, Боровичи, Журавка, Журавский, Захлюповка, Кренидовка, Кривоносовка, Кутневский, Маевский, Мефёдовка, Онопреенков, Очкино, Покорский, Таборище, Хильчичи, Ченчиков, Червоное	Хильчичская		
Андрейков, Белосветов, Винторовка, хут. Винторовка, Виткин, Гаврилова Слобода, Гриневич, Демченково, Ивкин, Изотовка-Калинского, Калиновка, Калинского, Каменка, Каменский, Керонского, Косенков, Лукашенково, Макухин, Мальвинский, Нововладимировка, Ображеевка, Ольховка, Палеев, Перемога, Пески, Пигаревка, Полянка, Порохонь, Пунинского, Речица, Ромашково, Савицкий, Самсонов, Середина-Буда, Соловьёв, Тимощенков, Уборок, Хлебороб, Чернацкое, Шалимовка, Шапошников, Шарепин	Чернацкая		

Административно-территориальное деление в 1923–1925 гг. (по состоянию на 1923 г.)

Населенные пункты по сведениям на 1923 год	Сельсовет	Район	Округ	Губерния
Белоусовка, Немцев, Присторное, Улица	Белоусовский	Середино-Будский	Новгород-Северский	Черниговская
Великая Березка, Павленко, Троицкое	Велико-Березковский			
Гаврилова Слобода, Винторовка, Гаврилово, Зеленый Гай, Ивкин, Ображеевка, Покровский, Полянка, Соловьёв, Хлебороб	Гаврилово-Слободской			
Голубовка, Дуболесье, Лютый, Поделы, Ясная Поляна	Голубовский			
Знобь-Новгородское, Кустино, Лютое, Руденька, Стародубово	Знобь-Новгородский			
Каменка, Виткин, Каменский, Курган, Маховой, Пилипы, Уречье, Ягодное	Каменский			
Красичка, Гутко-Ожинка, Новенький	Красиченский			
Лесное, Барятин	Лесной			
Новая Гута	Ново-Гутский			
Пигаревка, Лукашенково	Пигаревский			
Порохонь, Петровский, Нововладимировка, Шарепин	Порохонский			

Ромашково, Гриневич, Демченково, Демьяненко, Палеев, Смелое, Сорокино, Шалимовка	Ромашковский	
Город Середина-Буда	Середино-Будский	
Старая Гута, Васильевка	Старо-Гутский	
Стягайловка, Комаровский, Толкачи	Стягайловский	
Чернацкое, Бродок, Ефания, Косенков, Красный Бор, Кузмин-Окоп, Липовый Рог, Обиход, Ольховка, Перемога, Речица, Рудак, Самсонов, Совка, Уречье	Чернацкий	
Жихово	Жиховский	Хильчанский
Журавка, Боровичи, Журавский	Журавский	
Кренидовка, Напрасновка, Червоное	Кренидовский	
Кривоносовка, Боровой, Таборище	Кривоносовский	
Мефёдовка	Мефёдовский	
Нововасильевка	Ново-Васильевский	
Очкино, Александровка	Очкинский	
Уралово, Чигин	Ураловский	
Хильчичи, хут. Кутневский	Хильчанский	

Административно-территориальное деление в 1925–1930 гг. (по состоянию на 1926 г.)

Населенные пункты на 1926 год	Сельсовет	Район	Округ
Белоусовка, Немцев, Присторное, Сапачов	Белоусовский	Середино-Будский	Глуховский
Великая Березка, Павленко, Троицкое	Велико-Березковский		
Улица, Спасский, Черня	Улицкий		
Гаврилова Слобода, Винторовка, Гаврилово, Зеленый Гай, Ивкин, Матронченко, Ображеевка, Первомайский, Покровский, Полянка, Соловьёв, Шапошников	Гаврилово-Слободской		
Голубовка, Дуболесье, Заречье, Лютый, Новый Свет, Поделы, Полесское, Ясная Поляна	Голубовский		
Гутко-Ожинка, Новенький	Гутко-Ожинский		
Знобь-Новгородское, Кустино, Лютое, Руденька, Стародубово	Знобь-Новгородский		
Знобь-Трубчевская, Варваринский, Васильевское, Глухой Куток, Калиновский, Карпеченково, Кудоярово, Лан, Любахово, Михальковский, Стринадкин	Знобь-Трубчевский		
Каменка, Высокосов, Каменский, Курган, Лужки, Моховое, Пастушенко, Пилипы, Степаненко, Уречье, Фалько, Ягодное	Каменский		
Красичка, Ясная Поляна	Красичский		
Лесное, Барятин	Лесной		
Лукашенково, Ефания, Зимник, Обиход, Совка, Уречье	Лукашенковский		
Новая Гута, Компанейцев, Подалянкин, Присторонний	Ново-Гутский		
Пигаревка, Рог	Пигаревский		

Порохонь, Нововладимировка, Ольховик, Петровский, Шарепин	Порохонский	
Рожковичи, Карнютин	Рожковичский	
Ромашково, Гриневич, Демьяненко, Демченково, Дубовая Корна, Зеленый, Луг, Палеев, Слободка, Смелое, Сорокино, Шалимовка	Ромашковский	
Сытное, Деменск, Широченск	Сытновский	
Старая Гута, Васильевка	Старо-Гутский	
Стягайловка, Комаровский, Толкачи	Стягайловский	
Чернацкое, Знобовка, Косенков, Красный Бор, Кузмин-Окоп, Липовый Рог, Макухинский, Ольховка, Перемога, Речица, Рудак, Самсонов	Чернацкий	
Село Боровичи	Боровичский	Хильчанский
Жихово, Голое Болото, Новая Спарта, Пенище, Полюшкин Ложок	Жиховский	
Журавка, Марьяновка	Журавский	
Кренидовка, Маевский, Напрасновка, Червоное	Кренидовский	
Кривоносовка, Курганки, Таборище, Ховсти Бор	Кривоносовский	
Мефёдовка, Канавцев-Гай, Украинский	Мефёдовский	
Нововасильевка, Соловьёв	Ново-Васильевский	
Очкино, Александровка, Красноярское	Очкинский	
Рудня, Руднянская Больница	Руднянский	
Уралово, Громов, Кенин, Кругликов, Цыганков, Чигин	Ураловский	
Хильчичи, Кутневский, Селище	Хильчанский	

Административно-территориальное деление по состоянию на 1946 год

Населенные пункты на 01.09.1946 г.	Сельсовет	Район	Область
Середина-Буда, Красный Прогресс, Рудак, Свердлово, Сорокино	Середино-Будский	Середино-Будский	Сумская
Великая Березка	Великоберезковский		
Винторовка, Гаврилово, Гаврилова Слобода, Зеленый Гай, Полянка	Гаврилово-Слободской		
Голубовка, Дуболесье, Заречье, Новый Свет, Поделы, Полесское, Троицкое	Голубовский		
Гутко-Ожинка	Гутко-Ожинский		
Жихово, Новая Спарта	Жиховский		
Каменка, Высокосов, Каменский, Курган, Лужки, Маховое, Пилипы	Каменский		
Красичка	Красичковский		
Лесное, Сибилевщина	Лесновский		
Лукашенково, Обиход	Лукашенковский		
Новая Гута	Новогутский		
Пигаревка, Крещиково, Луг, Новосовское, Рог	Пигаревский		
Порохонь, Нововладимировка	Порохонский		
Рожковичи	Рожковичский		
Ромашково, Демченково, Лесная Поляна, Смелое, Шалимовка	Ромашковский		
Сытное	Сытновский		
Васильевка, Старая Гута	Старогутский		
Чернацкое, Перемога, Уборок, Хлебороб	Чернацкий		

Белоусовка	Белоусовский	Хильчанский (Знобь-Новгородский)
Боровичи	Боровичский	
Журавка	Журавский	
Знобь-Новгородское, Кустино, Лютое, Руденька, Стародубово	Знобь-Новгородский	
Знобь-Трубчевская, Карпеченково, Кудоярово, Любахово	Знобь-Трубчевский	
Кренидовка, Васильевское, Луначарский, Червоное	Кренидовский	
Кривоносовка, Таборище	Кривоносовский	
Мефёдовка, Ким, Украинское	Мефёдовский	
Нововасильевка, Вовнянский, Калеевский	Ново-Васильевский	
Очкино, Красноярское	Очкинский	
Рудня	Руднянский	
Стягайловка	Стягайловский	
Улица	Улицкий	
Уралова, Чигин	Ураловский	
Хильчичи	Хильчичский	

Административно-территориальное деление по состоянию на 1960 год

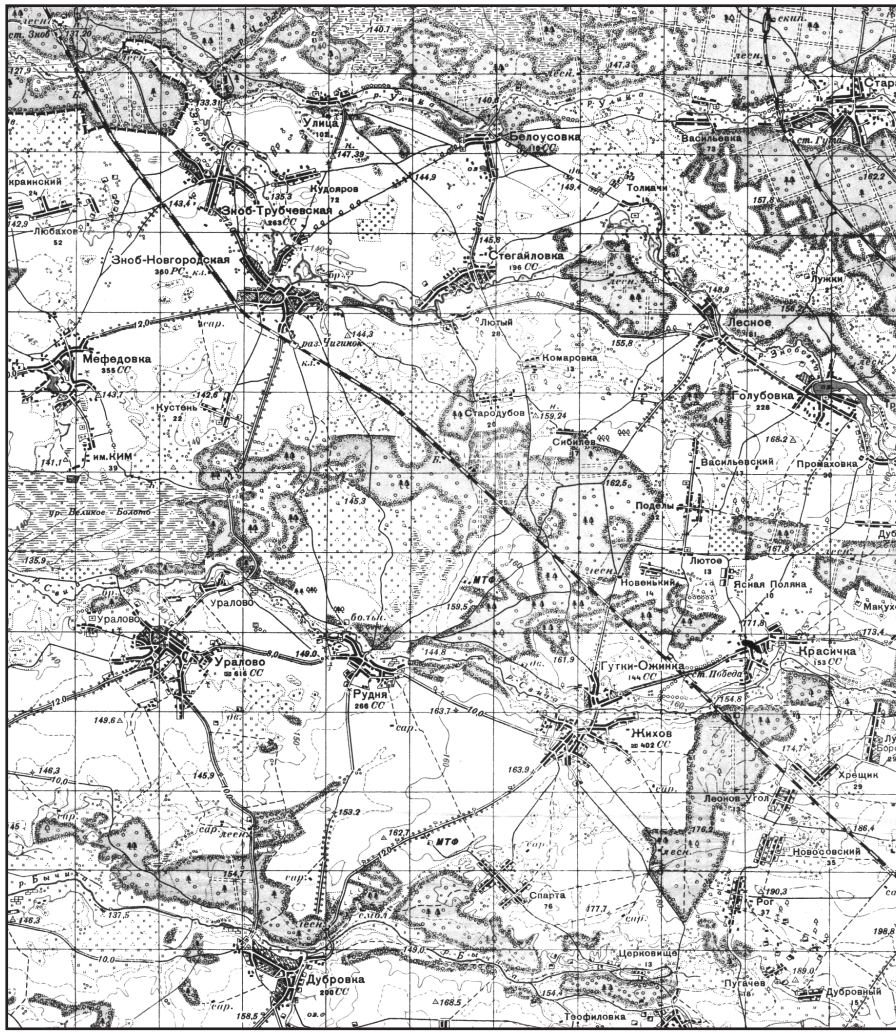
Населенные пункты на 01.08.1960 г.	Сельский совет	Район	Область
Середина-Буда, Винторовка, Красный Прогресс, Полянка, Рудак, Свердлово, Сорокино, Хлебороб, Шалимовка	Середино-Будский городской совет	Середино-Будский	Сумская
Великая Березка, Дуброва, Новый Свет, Перемога, Троицкое, Ясная Поляна	Великоберезковский сельский совет		
Голубовка, Заречье, Лесное, Поделы, Полесское, Сибилевщина	Голубовский		
Жихово, Гутко-Ожинка, Красичка, Новая Спарта	Жиховский		
Каменка, Высокосов, Каменский, Курган, Лужки, Маховое, Пилипы	Каменский		
Пигаревка, Крещиково, Луг, Лукашенково, Новосовское, Обиход, Рог	Пигаревский		
Рожковичи, Нововладимировка, Порохонь, Сытное	Рожковичский		
Ромашково, Демченково, Лесная Поляна, Смелое	Ромашковский		
Старая Гута, Васильевка, Гаврилово, Гаврилова Слобода, Зеленый Гай, Новая Гута	Старогутский		

Чернацкое, Уборок	Чернацкий	
Знобь-Новгородское, Кустино, Лютое, Стародубово	Знобь-Новгородский поселковый совет	Знобь-Новгородский
Знобь-Трубчевская, Карпеченково, Кудоярово, Любахово, Улица	Знобь-Трубчевский	
Кренидовка, Васильевское, Ким, Мефёдовка, Украинское, Червоное	Кренидовский	
Кривоносовка, Боровичи, Таборище, Хильчичи	Кривоносовский	
Нововасильевка	Нововасильевский	
Очкино, Журавка, Красноярское	Очкинский	
Стягайловка, Белоусовка	Стягайловский	
Уралова, Рудня, Чигин	Ураловский	

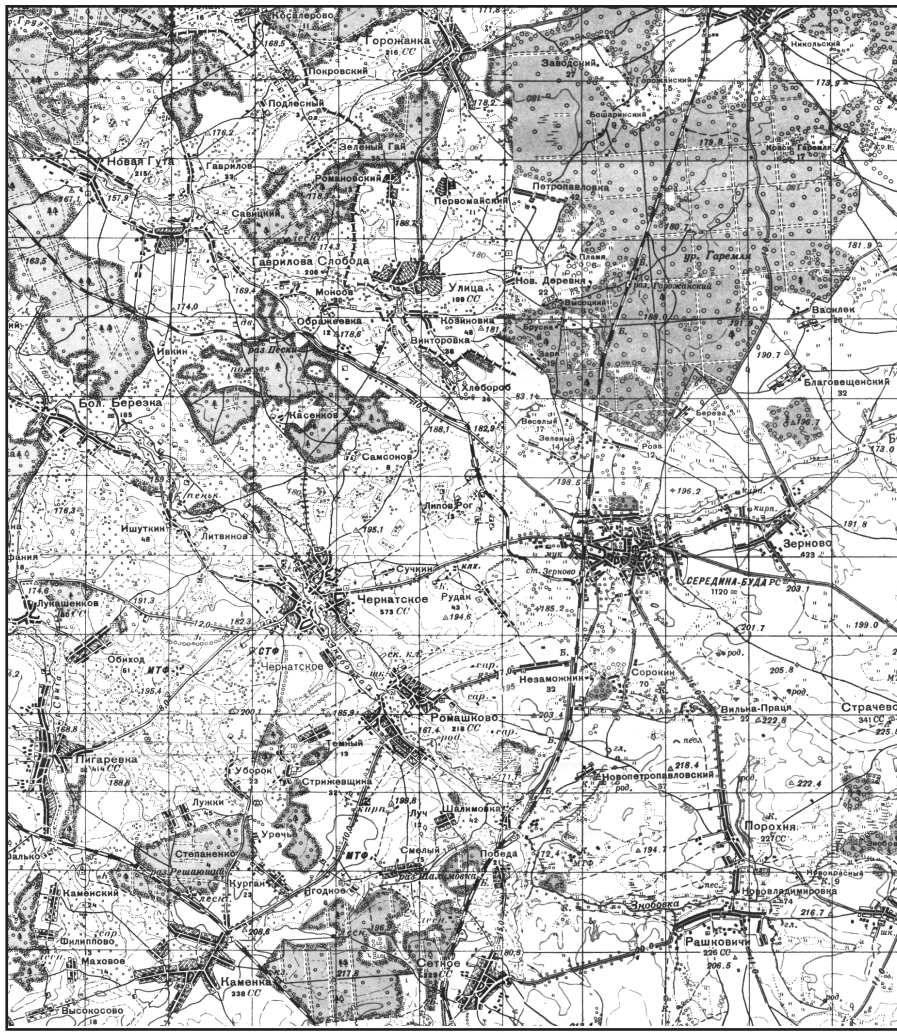
Административно-территориальное деление по состоянию на 05.04.2011 г.

Населенные пункты	Сельский совет	Район	Область
Середина-Буда, Винторовка, Красный Прогресс, Рудак, Свердлово, Сорокино, Хлебороб, Шалимовка	Середино-Будский городской совет	Середино-Будский	Сумская
Знобь-Новгородское, Кустино, Лютое	Знобь-Новгородский поселковый совет		
Великая Березка, Лукашенково, Перемога, Троицкое, Ясная Поляна	Великоберезковский сельский совет		
Голубовка, Заречье, Лесное, Полесское	Голубовский		
Жихово, Гутко-Ожинка, Красичка, Новая Спарта, Рудня	Жиховский		
Знобь-Трубчевская, Карпеченково, Кудоярово, Любахово, Улица	Знобь-Трубчевский		
Каменка	Каменский		
Кренидовка, Васильевское, Ким, Мефёдовка, Украинское, Червоное	Кренидовский		
Кривоносовка, Боровичи, Таборище, Хильчичи	Кривоносовский		
Нововасильевка	Нововасильевский		

Очкино, Журавка, Красноярское	Очкинский
Пигаревка, Луг, Рог	Пигаревский
Рожковичи, Нововладимировка, Порохонь, Сытное	Рожковичский
Ромашково, Демченково, Лесная Поляна	Ромашковский
Васильевка, Старая Гута, Гаврилова Слобода, Новая Гута	Старогутский
Стягайловка	Стягайловский
Уралова, Чигин	Ураловский

Фрагмент военно-топографической карты Генерального штаба СССР (N-36-140)

Фрагмент военно-топографической карты Генерального штаба СССР (N-36-140, N-36-141)

Андрей Парфенович Заблоцкий-Десятовский

Андрей Парфенович Заблоцкий-Десятовский был одним из тех выдающихся государственных деятелей России, «которые исподволь подготовили в правительственных сферах отмену крепостного права»[530] и провели её в жизнь.

Он родился 4 июля 1808 года (по другим данным – 4.04.1808) в хуторе Напрасновка Новгород-Северского уезда Черниговской губернии[531] (ныне село Червоное Середино-Будского района Сумской области).

Его отец Парфен Николаевич Заблоцкий-Десятовский (7.02.1777 – 28.06.1838) происходил из обедневшего дворянского рода Заблоцких-Десятовских, которые проживали в селе Сопычи Стародубского уезда. В конце XVIII века он закончил Киевскую духовную академию, однако «в связи с полным разорением осиротевшей родительской семьи, как старший брат» вынужден был возвратиться на родину, стать во главе семейства и заняться сельским хозяйством[532].

А.П. Заблоцкий-Десятовский

Очень скоро Парфен Николаевич зарекомендовал себя как хороший агроном и в начале XIX века был принят на должность управляющего в имение первого министра народного просвещения России Петра Васильевича Завадовского, которое находилось в селе Мефёдовке Середино-Будского района Сумской области (бывшего Новгород-Северского уезда Черниговской губернии)[533].

Одновременно с назначением на указанную должность он получил во владение хутор Напрасновку в Новгород-Северском уезде и вместе со своей женой Феодосией Фёдоровной Евфимович (до 1792 – 6.03.1854) переехал в него на постоянное место жительство.

Заблоцкие-Десятовские проживали в обычном сельском доме и вели образ жизни, который мало чем отличался от крестьянского. Они имели пятерых детей, старшим из которых был Андрей Парфенович Заблоцкий-Десятовский.

В 1824 году Андрей Парфенович окончил Новгород-Северскую гимназию, пешком добрался до Москвы и в том же году поступил на физико-математический факультет Московского университета.

Через три года он окончил университет со степенью кандидата и с золотой медалью за лучшее сочинение по прикладной математике[534] и был оставлен на работе в университете. 21 ноября 1827 года его приняли на должность письмоводителя совета университета, 7 декабря 1827 года назначили переводчиком правления, а 23 июня 1830 года поручили выполнение обязанностей секретаря учебного комитета[535].

В 1831 году А.П. Заблоцкий-Десятовский защитил магистерскую диссертацию «О способах исследования кривых линий второго порядка», которая была напечатана отдельной брошюрой в типографии Московского университета, и 23 марта 1832 года был удостоен степени магистра физико-математических наук.

После защиты диссертации Андрей Парфенович переехал в Санкт-Петербург и 11 марта 1832 года поступил на службу в Хозяйственный департамент Министерства внутренних дел России, где 19 апреля 1832 года возглавил особую часть департамента на правах столоначальника.

По новому месту службы А.П. Заблоцкий-Десятовский зарекомендовал себя как хороший математик, обладавший незаурядными редакторскими способностями и 12 июля 1832 года был назначен исполняющим обязанности редактора «Журнала Министерства внутренних дел России», а через несколько месяцев утверждён в должности редактора журнала и назначен чиновником особых поручений Хозяйственного департамента министерства[536].

С 10 ноября 1833 года по 20 апреля 1834 года Андрей Парфенович работал в Комитете по пересмотру постановлений по устройству сельских хлебных запасных магазинов и приведения этой части в лучшее положение, 1 февраля 1835 года был назначен исполнителем работ статистического отделения при Совете министерства, а 2 июня 1835 года – руководителем канцелярии статистического отделения[537].

Работая на указанных должностях, Заблоцкий-Десятовский занимался статистическими исследованиями Санкт-Петербурга и в 1836 году опубликовал одну из известнейших своих работ: «Статистические сведения о Санкт-Петербурге», которая представляла собой выдающееся исследование тогдашней столицы России, содержащее в себе краткую историческую справку об основании и строительстве города, о свойствах его местности, о продолжительности жизни населения и т.д.[538]

1 февраля 1837 года А.П. Заблоцкий-Десятовский был назначен чи-

новником особых поручений V отделения Собственной Его Величества канцелярии, 26 мая 1837 года произведён в надворные советники[539], а 1 января 1838 года переведён на работу в Министерство государственных имуществ, которое возглавлял граф П.Д. Киселёв, и определён на должность начальника статистического отделения 3-го департамента министерства[540].

По новому месту службы Андрей Парфенович близко сдружился с графом П.Д. Киселёвым и стал одним из его ближайших друзей[541], «пером» графа во всех случаях, где требовалось ясное и чёткое изложение важнейших государственных вопросов.

31 июля 1838 года Заблоцкого-Десятовского избрали членом-корреспондентом учёного комитета Министерства государственного имущества, 8 февраля 1840 года членом-корреспондентом статистического отделения Министерства внутренних дел России, а 6 марта 1840 года назначили главным редактором «Журнала Министерства государственных имуществ»[542].

23 марта 1841 года его перевели на должность редактора для составления проекта общего циркуляра по министерству, 17 мая 1841 года назначили членом учёного комитета министерства с оставлением в должности редактора, а 21 июля 1841 года – членом Особого комитета для рассмотрения разных хозяйственных предположений при V отделении Собственной Его Императорского Величества канцелярии[543].

8 июля 1841 года граф П.Д. Киселёв поручил А.П. Заблоцкому-Десятовскому и коллежскому асессору И.П. Арапетову объездить Калужскую, Орловскую, Тульскую, Рязанскую, Ярославскую и другие внутренние губернии России и «собрать сведения по предмету обращения государственных крестьян на хозяйственное положение»[544].

По результатам указанной поездки Андрей Парфенович составил записку «О крепостном состоянии в России», в которой обстоятельно описал тяжёлое экономическое положение крестьян, доказал несостоятельность крепостного права и указал на необходимость его уничтожения правительственной властью: «Требования века и настояние нужд государственных призывают самодержавную власть защитить крепостных людей от своеволия господ, поставить закон выше произвола и открыть широкие двери нравственному образованию народа»[545].

Этим он вызвал недовольство среди сторонников крепостного права, которые стали открыто препятствовать его продвижению по службе. Особенным рвением в этом отличался руководитель Морского министерства России генерал-адъютант князь А.С. Меньшиков. Будучи ревностным противником отмены крепостного права, он лично приехал на заседание Английского клуба, в котором рассматривался вопрос о приёме Андрея

Парфеновича в члены клуба, обозвал его «адъютантом Пугачёва»[546] и добился принятия решения не в его пользу.

Не имея возможности публично выступить против А.С. Меньшикова и высказать в печати свои взгляды на крестьянский вопрос, Андрей Парфенович пожелал быть полезным народу в другой форме. Он обратил внимание на недостаток книг, пригодных для народного чтения, и занялся распространением грамотности среди крестьян.

В 1843 году он вместе со своим другом В.Ф. Одоевским опубликовал сборник «Сельское чтение» – первую популярную книжку для крестьян, которая выдержала одиннадцать изданий и в первые два года разошлась тиражом в 30000 экземпляров[547].

«Сельское чтение» составляло особую эпоху в истории образования низших классов[548]. Оно включало в себя труды Н.С. Волкова, В.И. Даля, М.Н. Загоскина, А.П. Заблоцкого-Десятовского («Не всякая пословица не мило молвится», «Пить до дна, не видать добра», «Пожалеешь лычко, заплатишь ремешко», «Не шути огнём») и других известных литераторов и учёных того времени и имело целью «дать знания, рассеять суеверия и исправить от пороков»[549]. Работа имела большое значение для распространения грамотности среди крестьян и получила высокую оценку известного русского писателя и литературного критика В.Г. Белинского: «Эта книжка принадлежит к важнейшим произведениям современной литературы и весом своей внутренней ценности перетянет много пудов романов, повестей и драм, даже «патриотических»[550].

После издания «Сельских чтений», с 19.11.1843 по 14.07.1844 г., А.П. Заблоцкий-Десятовский председательствовал в комитете для окончания дел по устройству управления государственными имуществами в Остзейских губерниях, 24 января 1845 года был назначен членом Центральной комиссии уравнения денежных сборов[551], а 9 апреля 1846 года направлен за границу для изучения льняной промышленности.

А.П. Заблоцкий-Десятовский был искренне привержен идее освобождения крестьян[552] и по возвращении из-за границы написал одну из известнейших своих работ: «Причины колебания цен на хлеб в России» («Отечественные записки», 1847, №5, №6), в которой научным языком политической экономии доказал, что колебание цен на хлеб кроется «в обязательной ренте», или в крепостном порядке хозяйства. Статья вызвала широкий резонанс среди российской общественности и «была принята с восторгом всеми друзьями закрепощённого крестьянства»[553].

С 4 мая 1849 по 25 октября 1849 гг. Заблоцкий-Десятовский принимал участие в работе комиссии по исследованию пеньковой, свеклоса-

харной и табачной промышленности в главных центрах их производства, с 7 декабря 1849 года руководил особой комиссией для составления правил по строительной части министерства, с 17.05.1852 по 4.06.1852 гг. и с 19.05.1856 по 18.09.1856 гг. управлял канцелярией министерства, с 18.05.1850 по 7.10.1850 гг., с 15.05.1852 по 1.11.1852 гг., с 16.05.1853 по 19.11.1853 гг., с 21.05.1854 по 18.10.1854 гг. и с 22.12.1855 г. председательствовал в учёном комитете министерства и Центральной комиссии по уравниванию денежных сборов, а с 30.11.1855 г. принимал участие в работе Комитета для составления правил для облегчения частным компаниям сооружения железных дорог[554].

В 1853 году А.П. Заблоцкий-Десятовский возглавил «Земледельческую газету», в которой старался «помещать всё, что было направлено к улучшению быта крестьянского сословия и к доказательству несостоятельности крепостного права»[555].

Андрей Парфенович являлся одним из инициаторов открытия училищ для государственных крестьян и вместе с князем В.Ф. Одоевским составил несколько учебников для народных училищ: «Рассказы о Боге, человеке и природе: Чтение для детей, дома и в школе» (СПб., 1849) и «Ручная книжка для грамотного поселянина» (СПб., 1854).

7 июля 1856 года граф П.Д. Киселёв назначил Заблоцкого-Десятовского директором Департамента сельского хозяйства Министерства государственных имуществ, а сам перешёл на дипломатическую работу. Назначенный на его место Михаил Николаевич Муравьёв не разделял либеральных взглядов А.П. Заблоцкого-Десятовского в вопросах отмены крепостного права и через несколько лет упразднил Департамент сельского хозяйства, а самого Андрея Парфеновича перевёл на должность члена совета министерства и председателя его учёного комитета[556].

Однако работать на указанной должности Заблоцкий-Десятовский не стал и 25 февраля 1859 года поступил на службу исполняющим обязанности статс-секретаря Департамента экономии Государственного Совета[557]. По новому месту службы он был включён в состав редакционной комиссии по подготовке проведения реформы 1861 года и занялся разработкой законопроектов об освобождении крестьян.

25 декабря 1859 года А.П. Заблоцкий-Десятовский был произведён в тайные советники, а 8 февраля 1860 года назначен членом Особой комиссии при Министерстве финансов для обсуждения вопроса о кредитных билетах, их влиянии на народное хозяйство и о способах уменьшения их количества.

По окончании работы в указанной комиссии он 27 октября 1860 года

возглавил Особую комиссию при Министерстве финансов по составлению проекта «Положения о питейных сборах в империи» и, несмотря на значительное противодействие со стороны противников реформы, добился её проведения в жизнь, за что был награждён орденом Святого Владимира 2-й степени и 5057 десятинами земли в Самарской губернии[558].

30 ноября 1861 года Заблоцкого-Десятовского избрали членом учёного комитета Министерства финансов, 2 мая 1863 года назначили статс-секретарём его Императорского Величества с сохранением должности управляющего делами Департамента экономии Государственного Совета, 12 мая 1867 года – членом Комитета финансов России, а 1 января 1875 года – членом Государственного Совета России с оставлением в звании статс-секретаря Его Императорского Величества[559].

Андрей Парфенович был членом Русского географического общества (с 19.01.1845)[560] и на протяжении тридцати лет принимал активное участие в его работе, с 1846 года по 21 мая 1847 год исполнял обязанности помощника управляющего отделением статистики географического общества, с 21 мая 1847 по 17 марта 1850 гг. занимал должность управляющего отделением статистики, с 17 марта 1850 по 1859 гг. был председателем отделения статистики, а с 12 января 1869 по 1873 гг. – членом совета общества[561].

Во время работы в географическом обществе А.П. Заблоцкий-Десятовский входил в состав редакционного комитета по изданию «Вестника императорского русского географического общества» (1851), занимался составлением первого сельскохозяйственного атласа Российской империи, разработкой плана учёной экспедиции по исследованию состояния рыболовства на Каспийском море[562], инициировал издание Географического статистического словаря Российской империи, возглавлял комиссию по подготовке словаря к публикации[563] и т.д.

Одновременно с этим Заблоцкий-Десятовский принимал активное участие в работе Санкт-Петербургской городской думы, в состав которой был избран в 1853 году. С 1862 по 1868 гг. он возглавлял её 1-е отделение, в 1869 году председательствовал в комиссии по снабжению Санкт-Петербурга мясом, до 1871 года состоял членом особой комиссии по устройству больничной части, в 1873 году был избран председателем комиссии по производству общей переоценки недвижимых имуществ, в 1874 году – председателем комиссии о местных сборах и т.д.[564]

Санкт-Петербургская городская дума обязана ему созданием при городской управе статистического отделения по исследованию санитарного состояния вод в петербургских реках и каналах, проведению периодической переписи населения Санкт-Петербурга, а также выходом в

свет «Известий Санкт-Петербургской городской общей думы», которые предназначались для предварительного ознакомления гласных думы и городского общества с делами, подлежащими рассмотрению в думе[565].

Андрей Парфенович являлся действительным членом Московского общества членов сельского хозяйства (1836), действительным членом Российского общества любителей садоводства (13.04.1839), почётным членом Лифляндского экономического общества (17.05.1843), почётным членом Курляндского экономического общества (17.11.1843), членом Вольного экономического общества (26.07.1845), действительным членом Лебедянского общества сельского хозяйства (24.09.1848), действительным членом Общества сельского хозяйства Южной России (8.04.1850)[566] и т.д.

Он был одним из инициаторов создания Общества для пособия нуждающимся литераторам и учёным (Литературного фонда России), вместе с А.В. Никитенко и К.Д. Кавелиным принимал участие в составлении Устава общества, избирался членом комитета общества (8.11.1859 – 2.02.1862), помощником председателя общества (2.02.1862 – 2.03.1863, 2.02.1868 – 2.02.1871) и председателем общества (2.02.1872 – 2.02.1875)[567].

В 1868 году Заблоцкий-Десятовский учредил благотворительное «Общества вспоможения бедным в приходе Андреевского собора» на Васильевском острове в Санкт-Петербурге, которое в 1877 году построило богадельню для 30 женщин преклонного возраста и приют для 14 детей-сирот и обеспечило их полное содержание[568].

Более пятидесяти лет своей жизни Андрей Парфенович посвятил литературной и научной деятельности, был редактором «Журнала Министерства внутренних дел России» (1833–1834), «Отечественных записок» (1839–1846), «Журнала Министерства государственных имуществ» (1840–1856), «Записок для хозяев» (1844–1845) и «Земледельческой газеты» (1853–1859), опубликовал в них и других изданиях множество работ по экономике, статистике, истории, финансах и сельском хозяйстве: «О воспитательных домах вообще и в особенности в России» («Журнал Министерства внутренних дел», 1833, №1), «О рыбных промыслах в России» («Журнал Министерства внутренних дел», 1838, Часть XXVII, №1, 2), «Общее обозрение Тверской губернии» («Журнал Министерства внутренних дел», 1838, ч. XXVII, №3), «Статистические сведения об иностранных поселениях в России» («Журнал Министерства внутренних дел», 1838, №4), «О подкидышах и воспитательных домах» («Журнал Министерства внутренних дел», 1839, ч. 34, №10), «Успехи мер к

распространению образования между государственными крестьянами» («Журнал Министерства государственных имуществ», 1846, т. 18), «Взгляд на историю развития статистики в России» («Записки русского географического общества», СПб., 1847, кн. 2), «Об улучшении сельских построек» («Отечественные записки», 1848, №12), «Воспоминания об Англии» («Отечественные записки», 1849, №1, 2), «Об употреблении соли в сельском хозяйстве» (СПб., 1850), «Движение народонаселения России с 1838 по 1847 год» («Сборник статистических сведений о России», СПб., 1851, кн. 1), «Этнографическая карта Европейской России, составленная П. Кеппеном» («Вестник императорского русского географического общества», СПб., 1852, кн. 1), «Наставление о возделывании льна в северной и средней полосах России» (СПб., 1854), «Вспомогательная для сельских хозяев книжка на (1856, 1857)» (СПб., 1856, 1857), «Алфавитный указатель статей «Журнала Министерства государственных имуществ» за шестнадцать лет, с 1841 по 1856 год включительно» (СПб., 1858), «Опыт о местных училищах сельского хозяйства» («Труды вольного экономического общества», 1859, №3), «Несколько замечаний о финансах Австрии» (М., 1865), «Обозрение государственных доходов России» (СПб., 1868), «Обозрение государственных доходов России по смете 1868 года» (СПб., 1870), «Прусские финансы» («Вестник Европы», 1871, кн. 4), «Финансовое управлении и финансы Пруссии» (СПб., 1871, т. 1, 2), «Граф П.Д. Киселёв в Париже» («Вестник Европы», 1881, кн. 8)[569] и другие.

Последние годы своей жизни он работал над четырёхтомником «Граф П.Д. Киселёв и его время. Материалы для истории императоров Александра I, Николая I и Александра II». Указанная работа была напечатана в 1882 году, уже после смерти Андрея Парфеновича, и содержала в себе материалы о служебной деятельности П.Д. Киселёва и документальные материалы из истории царствования Александра I, Николая I и Александра II. Книга имела большой успех среди почитателей отечественной истории, и даже сам император Александр II «читал её ежедневно по вечерам, засиживаясь до двух часов ночи»[570].

Всю свою жизнь Андрей Парфенович беззаветно служил своей родине и за заслуги перед отечеством и наукой был награждён орденом Святого Владимира 4-й степени (29.05.1839), орденом Святой Анны 2-й степени (13.04.1845), орденом Святого Владимира 3-й степени (15.04.1849), орденом Станислава 1-й степени (30.03.1854), орденом Святой Анны 1-й степени (26.08.1856), тёмно-бронзовой медалью в память о войне 1853–1856 гг. (1856), императорской короной к ордену Святой Анны 1-й

степени (17.04.1858), золотой медалью в память освобождения помещичьих крестьян от крепостной зависимости (27.04.1861), орденом Святого Владимира 2-й степени (1.01.1862), орденом Белого Орла (24.06.1868), орденом Александра Невского (1.01.1881), двумя золотыми медалями Российского географического общества и другими наградами; удостоен чина действительного тайного советника (21.11.1877)[571] и звания члена-корреспондента императорской Санкт-Петербургской академии наук по разряду историко-политических наук (7.12.1856)[572].

С 1840 года Заблоцкий-Десятовский состоял в браке с англичанкой Фанни (Франциской) Андреевной (Генриховной) Андрюс (ок. 1806 – 23.06.1882) и имел от неё двух дочерей: Елизавету Андреевну (26.02.1842 – 17.07.1915) и Ольгу Андреевну (19.07.1845 – 1920).

Елизавета Андреевна была замужем за известным русским географом, путешественником и общественным деятелем, членом Государственного Совета России, действительным тайным советником П.П. Семёновым-Тянь-Шанским (2.01.1827 – 26.02.1914) и имела от него семерых детей: Ольгу (28.05.1863 – 21.11.1906), Андрея (9.06.1866 – 10.03.1942), Мануила (1868 – 1871), Вениамина (27.03.1870 – 10.02.1942), Валерия (17.12.1871 – 8.05.1968), Измаила (25.07.1874 – 3.01.1942) и Ростислава (16.12.1878 – 13.06.1893), а Ольга Андреевна (19.07.1845 – 1920) – за обер-прокурором Священного синода, сенатором, членом Государственного Совета России, действительным тайным советником П.К. Саблером (Десятовским) (1847 – 8.09.1929) и имела от него трёх сыновей: Святослава (1874 – ок. 1933), Георгия (1876 – 09.1918) и Сергея (1877 – 21.10.1937).

Наиболее известным среди внуков Андрея Парфеновича был Вениамин Петрович Семёнов-Тянь-Шанский, известный русский географ и картограф, профессор Санкт-Петербургского университета, автор 11-томного фундаментального труда «Торговля и промышленность Европейской России по районам» (1900–1911), монографии «Город и село Европейской России» (1910), соавтор и редактор многотомного издания «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества» (1899–1914) и других работ.

Андрей Парфенович Заблоцкий-Десятовский умер 24 декабря 1881 года в Санкт-Петербурге, на 74-м году жизни, и был похоронен на Смоленском кладбище, недалеко от своего брата Михаила[573].

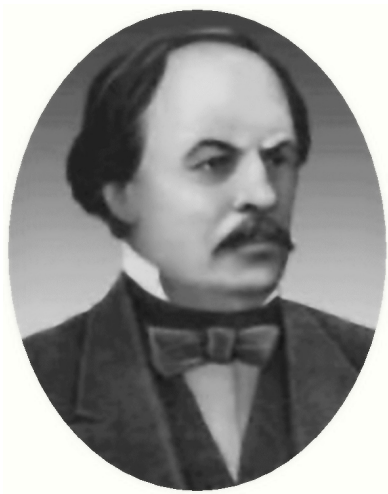
По воспоминаниям современников, он был человеком умным, образованным[574], трудолюбивым[575], добрым и благородным[576], и с любовью относился к простым людям.

Павел Парфенович Заблоцкий-Десятовский

Павел Парфенович Заблоцкий-Десятовский был одним из наиболее выдающихся деятелей медицинской науки дореволюционной России середины XIX века[577].

Он родился 3 июня 1814 года в хуторе Напрасновка Новгород-Северского уезда Черниговской губернии[578], и по окончании в 1830 году Новгород-Северской гимназии поступил на математическое отделение Московского университета[579]. Однако вскоре он увлёкся естественными науками и перевёлся на медицинский факультет.

В 1835 году П.П. Заблоцкий-Деся-товский окончил университет с похвальным листом по хирургии и званием врача первого отделения[580], и 1 сентября того же года был зачислен врачом в экспедицию Григория Силича Карелина, которая занималась исследованием восточных берегов Каспийского моря.

П.П. Заблоцкий-Десятовский

Во время пребывания в экспедиции, с 1 сентября 1835 года до конца октября 1836 года, Павел Парфенович наблюдал за состоянием здоровья её членов, оказывал медицинскую помощь местным жителям, которые «приходили к нему толпами»[581], и занимался научной деятельностью. В 1836 году он по поручению своего руководства составил «Обозрение Талышинского ханства в медико-топографическом и статистическом отношении, за 1836 год» и «Путевые записки из Астрахани, через Кизляр, в Баку, в 1835 и 1836 годах», которые были опубликованы в «Журнале Министерства внутренних дел России» (1837, ч. 26, №11, №12; 1838, ч. 29, №7). Указанными работами он обратил на себя внимание научной общественности и в 1837 году был избран членом «Общества естествоиспытателей», а в 1838 году – членом-корреспондентом «Российского общества любителей садоводства».

По возвращении из экспедиции Заблоцкий-Десятовский устроился семейным врачом к князю Щербатову и занялся написанием докторской диссертации на тему: «De Solpuga Arachnoide, circa mare Caspium vivente”.

К началу 1838 года он закончил работу над диссертацией и подал её для защиты в Московский университет. Однако, не будучи уверенным в положительном исходе своего начинания, он решил заручиться поддержкой молодых профессоров университета и попросил своего старшего брата Андрея свести его с ними. Андрей Парфенович близко не знал ни одного из них и обратился за помощью к своему университетскому другу – издателю и журналисту Краевскому Андрею Александровичу, который переадресовал его просьбу профессору Московского университета Михаилу Петровичу Погодину: «Брат моего доброго приятеля, университетского однокашника, Павел Парфенович Заблоцкий-Десятовский собирается держать экзамен в доктора медицины. Не мудрено, что различные школьные мелочи вышли у него из головы, а между тем это может навредить ему, особенно у молодых профессоров, которых способ преподавания и образ мыслей совершенно ему незнакомы. Сделайте одолжение, сведите его с этими господами»[582]. Исполнил ли М.П. Погодин просьбу А.А. Краевского – мы не знаем, однако как бы там ни было в начале 1838 года П.П. Заблоцкий-Десятовский успешно защитил докторскую диссертацию и 30 июня того же года был удостоен степени доктора медицины[583].

Через год после защиты диссертации Заблоцкий-Десятовский получил от князя Щербатова вознаграждение в сумме 3000 руб. и 5 июля 1839 года отправился в Парижский университет для изучения хирургии, физиологии, анатомии и общей патологии.

Во время пребывания за границей Павел Парфенович обучался у известнейших профессоров парижской школы, стажировался в лучших хирургических клиниках, лабораториях физиологии и общей патологии и написал три статьи по медицине: «Об операциях над заиками, произведённых в последнее время в Париже» («Санкт-Петербургские ведомости», 1841, №№ 77–80), «Об операциях над расширенными венами семенного канатика» («Военно-медицинский журнал», 1841) и «Краткий отчет о занятиях в Париже доктора медицины Заблоцкого-Десятовского» («Московские ведомости», 1841, №11, №12).

В Париже П.П. Заблоцкий-Десятовский подружился с профессорами Санкт-Петербургской медико-хирургической академии П.А. Дубовицким и И.Т. Глебовым и по их совету подал заявление о приёме его на работу в академию. 2 февраля 1842 года его просьбу удовлетворили и избрали на должность адъюнкт-профессора кафедры теоретической хирургии Санкт-Петербургской медико-хирургической академии.

Работая на указанной должности, Павел Парфенович вёл практиче-

ские занятия со студентами академии и читал им лекции по хирургии, сифилису и мочевым органам, которые отличались высоким профессионализмом, «носили отпечаток современности, систематичности и ясности, и посещались студентами с большим удовольствием»[584].

Через несколько месяцев после поступления в академию, П.П. Заблоцкий-Десятовский был назначен ординатором во 2-й Военно-сухопутный госпиталь[585], где в начале 1843 учебного года открыл клинический курс сифилитических и глазных болезней.

В том же году Павел Парфенович был назначен на должность дежурного гоф-медика при дворе государя императора, которую он занимал до 1849 года[586].

В 1845 году П.П. Заблоцкому-Десятовскому присвоили звание экстраординарного профессора теоретической хирургии, а 20 мая 1846 года избрали на должность ординарного профессора кафедры судебной медицины с токсикологией и гигиены с медицинской полицией Санкт-Петербургской медико-хирургической академии. Работая на указанной должности, Павел Парфенович разработал программу преподавания студентам академии судебной медицины с токсикологией (СПб., 1851), и написал несколько работ по судебной медицине: «Врачебно-полицейские и судебно-медицинские изыскания об утопленниках» (СПб., 1845), «О медных препаратах в гигиеническом и судебно-медицинском отношениях и о медной колике» (СПб., 1846), «Рассмотрение повреждений в судебно-медицинском отношении» (СПб., 1852), «Об огнестрельных ранах» (1852) и другие.

Одновременно с работой в академии Заблоцкий-Десятовский занимался практической медициной и с 1846 года заведовал хирургическим отделением 2-го Военно-сухопутного госпиталя. Здесь впервые в России (20.12.1847) он провёл пять операций под хлороформом, который с того времени стал применяться как анестезирующее средство по всей империи[587].

9 ноября 1852 года П.П. Заблоцкий-Десятовский оставил кафедру судебной медицины с токсикологией и гигиены с медицинской полицией и перешёл на работу на кафедру теоретической хирургии академии. Время работы на указанной должности было наиболее плодотворным в его деятельности. В этот период он усиленно занимался разработкой новых методов лечения и написал около десяти работ с описанием конкретных видов заболеваний и способов их лечения, которые отличались богатством фактического материала и ясностью изложения: «Болезни предстательной железы» (СПб., 1856), «Руководство к изучению и лечению

сифилитических болезней» (СПб., 1857), «Об искривлении различных частей человеческого тела» (СПб., 1853) и другие.

Павел Парфенович был одним из основоположников отоларингологии и стоматологии и много внимания уделял вопросам развития указанных наук. Особый интерес для врачей представляли его работы: «О болезнях рта и соседних ему частей» (СПб., 1856), в которой описывались заболевания губ, дёсен, твёрдого и мягкого нёба, языка и челюстей, «О болезнях челюстной пазухи» (СПб., 1854), которая содержала в себе описание патологии гайморовой полости и лечение гайморита, «О сохранении зубов в здоровом состоянии» («Друг здравия», 1855), в которой доказывался вред зубных порошков из угля и хинина, «О болезнях носа и носовых полостей» (СПб., 1857), в которой подробно описывались травмы носа и различные заболевания носовой полости и другие.

П.П. Заблоцкий-Десятовский был разносторонне образованным учёным и кроме научной и преподавательской деятельности увлекался музейным делом. В 1856 году он подарил природно-историческому музею Санкт-Петербургской медико-хирургической академии богатую коллекцию костей морских животных, насекомых и растений, которую он собрал во время экспедиции по исследованию восточных берегов Каспийского моря, а 9 февраля 1863 года учредил при академии хирургический музей, который стал и до сих пор остаётся неотъемлемой частью академии и гордостью военно-медицинской службы российской армии и флота[588].

23 сентября 1867 года Заблоцкий-Десятовский оставил кафедру теоретической хирургии и перевёлся на кафедру академической хирургической клиники. Однако уже через два года он уволился из академии и возглавил сифилитическую клинику 2-го Военно-сухопутного госпиталя.

П.П. Заблоцкий-Десятовский был членом многочисленных учёных обществ и комитетов: действительным членом «Общества русских врачей» (1842), действительным членом «Русского географического общества» (1850), членом «Вольного экономического общества» (1851)[589], членом комитета общественного здоровья Санкт-Петербурга (1860), почётным членом «Курского медицинского общества» (1864), почётным членом Военно-медицинского учёного комитета (1866), совещательным членом Медицинского совета Министерства внутренних дел России (1867), непременным членом Военно-медицинского учёного комитета (1869), членом Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей (1873)[590] и первым председателем «Хирургического общества им. Н.И. Пирогова» (1882)[591].

Он представлял Санкт-Петербургскую медико-хирургическую академию на столетнем юбилее Московского университета, организовал в 1873 году отдел Красного Креста на политехнической выставке в Москве, основал несколько госпиталей в Черногории[592].

Заблоцкий-Десятовский был крупным учёным и талантливым преподавателем[593] и за свою жизнь написал более 60 работ по медицине, многие из которых не потеряли своей актуальности и по сей день: «Заразительность сапа и перенос этой болезни от человека к человеку» («Военно-медицинский журнал», 1842, №39), «О неподвижности суставов» («Военно-медицинский журнал», 1842, №39), «О разрыве выше колена сухой жилы мышц, выпрямляющих голень» («Военно-медицинский журнал», 1842, №40), «О йодовых вспрыскиваниях в зоб и о водяной болезни суставов» («Военно-медицинский журнал», 1842, №40), «Опухоли вен на нижних конечностях» (СПб., 1843), «О бугорковой болезни яичек» (СПб., 1843), «Взгляд на историю хирургии» (СПб., 1844), «Описание особенного вида паховой грыжи» (СПб., 1844), «Очерк истории патологической анатомии» (СПб., 1844), «Невралгия яичка» (СПб., 1845), «Учение о болезнях яичка и семенного канатика и мошонки» (СПб., 1848), «О действии хронических болезней на отправление тестикулов» (1849), «Записки из судебной медицины» (СПб., 1850), «Слизистые пустулы и слизистые бугорки» («Военно-медицинский журнал», 1850, №53), «Статьи по гигиене, диете и домашней медицине» («Земледельческая газета», 1850), «О шанкрах и первичных сифилитических язвах» (СПб., 1851), «О влиянии климата на здоровье человека» (СПб., 1851), «Отношения страданий внутренних органов к хирургическим болезням» (1852), «О перелоймном поражении сочленений» («Труды общества русских врачей в Санкт-Петербурге», 1852), «Спазм мочевого пузыря» («Друг здравия», 1853), «Записки из теоретической хирургии» (СПб., 1853), «Гигромы или серозные выпотение в синовиальных сумках» («Военно-медицинский журнал», 1854, №16), «Записки о болезнях сифилитических» (СПб., 1854), «Ожоги и отморожения» («Друг здравия», 1855, №№ 8–13), «Об осложнении травматических повреждений черепа» (СПб., 1856), «Язвы» (СПб., 1857), «Руководство к изучению и лечению сифилитических болезней» (СПб., 1857), «О травматических повреждениях волосистой части головы» (СПб., 1860), «Опыты лечения сифилитических болезней оспопрививанием» («Медицинский вестник», 1861, №17, №18 и №19), «Наставление, как помогать во внезапных несчастных случаях, угрожающих жизни» («Месяцеслов за 1865 г.», СПб., 1865), «Медико-топографические сведения о юго-восточных

берегах Каспийского моря» («Записки русского географического общества», 1883) и другие[594].

Две из его работ, которые представляли наибольший интерес для отечественной науки, были удостоены $^{1}/_{2}$ части Демидовской премии, одной из почётнейших научных наград Санкт-Петербургской академии наук: «Учения о болезнях яичка и семенного канатика и мошонки» (17.04.1849)[595], в которой подробно описывались заболевания яичка и методы его лечения, и «Руководство к изучению и лечению сифилитических болезней» (20.05.1858)[596], содержащее в себе описание диагностики, лечения и профилактики сифилитических болезней.

П.П. Заблоцкий-Десятовский внёс весомый вклад в развитие отечественной медицины и за заслуги перед отечеством был награждён орденом Святого Владимира 3-й степени (1861), орденом Святого Станислава 1-й степени (1863), орденом Святой Анны 1-й степени (1866), императорской короной к ордену Святой Анны 1-й степени (1868), бронзовой медалью в память о войне 1853–1856 гг., Персидским орденом Льва и Солнца (1866) и знаком за 20-летнюю безупречную службу, а также удостоен учёного звания академика, заслуженного профессора Санкт-Петербургской медико-хирургической академии[597] и чина тайного советника (1870).

По воспоминаниям современников, Павел Парфенович отличался большой скромностью, доступностью, симпатичностью и добродушием. Здоровье больного он ставил превыше всего и никогда не стремился к власти. После выхода в отставку П.А. Дубовицкого ему предлагали место руководителя Медико-хирургической академии, однако он отказался, ссылаясь на обширность медицинской практики[598].

Заблоцкий-Десятовский увлекался земледелием и с 1869 года являлся действительным членом Санкт-Петербургского собрания сельских хозяев[599]. В своём имении в селе Крымки он выращивал пшеницу, табак и другую сельскохозяйственную продукцию и выставлял её на показ в русском отделе Филадельфийской международной выставки 1876 года[600].

Павел Парфенович был женат на Дарье Ивановне (добрачная фамилия неизвестна), красивой женщине крестьянского происхождения, и имел от неё двух дочерей – Наталью Павловну и Марию Павловну. Наталья Павловна была замужем за тайным советником Сергеем Павловичем Щепкиным (1824 – 25.08.1898), служившем в Министерстве государственного имущества России, и родила ему троих детей: Марию, Павла и Наталью, а Мария Павловна – за помещиком Чернолуским, од-

нако детей от него не имела[601].

За два года до смерти П.П. Заблоцкий-Десятовский заболел и летом 1882 года поехал отдохнуть в своё имение – село Крымки Чигиринского уезда Киевской губернии (в настоящее время Шполянского района Черкасской области). Однако там его здоровье ухудшилось, и 2 июля 1882 года он умер[60] и на другой день был похоронен за алтарём приходской церкви[603].

Михаил Парфенович Заблоцкий-Десятовский

Михаил Парфенович Заблоцкий-Десятовский был известным в дореволюционной России статистиком, метрологом и историком.

Он родился 7 ноября 1818 года в хуторе Напрасновка Новгород-Северского уезда Черниговской губернии.

В 1836 году М.П. Заблоцкий-Десятовский окончил Новгород-Северскую гимназию и в том же году поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского университета[604].

Во время учёбы в университете он близко сдружился с известным русским поэтом Аполлоном Николаевичем Майковым, с которым обучался на одном курсе, и до конца своей жизни поддерживал с ним дружеские отношения. Михаил Парфенович часто бывал у него дома, где собирались известные русские поэты и писатели: И.С. Тургенев, Ф.М. Достоевский, И.А. Гончаров, И.И. Панаев и другие[605], и под их влиянием приобщился к литературной деятельности.

В 1841 году М.П. Заблоцкий-Десятовский окончил университет со степенью кандидата[606] и в том же году поступил на службу в Министерство иностранных дел России[607], а осенью 1842 года был командирован на работу в Сербию.

По возвращении из-за границы он вернулся на работу в Азиатский департамент Министерства иностранных дел России, где в 1845–1846 гг. служил столоначальником второго отделения[608], в 1848–1849 гг. – младшим столоначальником второго отделения[609], в 1851–1854 гг. – старшим столоначальником третьего отделения[610], в 1855–1856 гг. – драгоманом VI класса (переводчиком и посредником между ближневосточными державами и европейскими дипломатическими и торговыми представительствами)[611], а затем перевёлся в Министерство внутренних дел России, где в чине статского советника служил в 1857–1858 гг. на должности начальника первого отделения Хозяйственного департамента министерства[612], а в 1858–1859 гг. – редактором департамента[613].

Одновременно с этим Михаил Парфенович занимался литературной и научной деятельностью, печатался в «Петербургских ведомостях», «Экономическом указателе», «Журнале Министерства государственных имуществ России» и в других периодических изданиях[614].

Во второй половине 40-х годов XIX века он опубликовал в «Журнале Министерства государственных имуществ России» несколько статей об известных политэкономистах своего времени и познакомил российского читателя с произведениями Вилерме, Фрежье и Жерандо[615]. В 1851 году Михаил Парфенович проредактировал один из первых сборников Русского географического общества – «Сборник статистических сведений о России», и опубликовал в нём две свои статьи: «Сведения о числе жителей в России по состояниям» и «Сравнительное обозрение внешней торговли России за последние 25 лет (1824–1848)»[616].

В 1854 году М.П. Заблоцкий-Десятовский написал одну из важнейших работ своей жизни: «Историческое исследования о ценностях в древней Руси»[617] (СПб., 1854), в которой подробно и «обстоятельно рассмотрел сведения современных писателей, своих и иностранных, о древней монете, удачно представил свои выводы и определил значение гривны, рубля и денег в разное время»[618], а через три года опубликовал её продолжение под названием: «Что такое выражения: рубль, рубль московский, рубль новгородский»[619]. Указанная работа имела большое значение для отечественной истории и нумизматики и в 1854 году была удостоена Демидовской премии[620] – одной из почётнейших неправительственных наград Российской империи.

В 1855 году Михаил Парфенович был командирован в Московский главный архив, где собственноручно переписал «Таможенную книгу города Вязьмы 1654 года» и вместе со своими пояснениями отослал её для публикации в Русское географическое общество. По окончании работы над таможенной книгой он выявил в архиве ранее неизвестную «Опись московской Мещанской слободы обывательским дворам и поимённый список, кто чем промышляет, 1677 года», которая заключала в себе важные статистические сведения о промышленном состоянии города, и написал на её основе статью: «Несколько данных, относящихся к промышленной статистике Москвы XVII века», которая была опубликована в «Экономическом указателе» (1857, №27, с. 617–624)[621].

Во время пребывания в командировке М.П. Заблоцкий-Десятовский обнаружил в семейном архиве княжны Е.Д. Щербатовой и княгини Н.Д. Шаховской ранее неизвестные собственноручные рукописи князя М.М. Щербатова: «О повреждении нравов в России», «Рассуждение о нынеш-

нем в 1787 году почти повсеместном голоде в России, о способах оному помочь и впредь предупредить подобное же несчастье», «Состояние России в рассуждении денег и хлеба в начале 1788 года при начале Турецкой войны» и другие его работы. Часть из них он опубликовал в «Отечественных записках» (1858, №3, с. 239–244; 1859, №12, с. 411–434) и «Библиографических записках» (1858, вып. I, с. 407–441; 1858, вып. II, с. 353–375, 385–394, 394–408, 408–409, 427–446, 476–480), а остальные были напечатаны после его смерти в «Чтениях в Обществе истории и древностей российских» (1859, кн. III, отд. II, с. 1–96; 1860, кн. I, отд. II, с. 1–140; 1860, кн. III, отд. V, с. 41–49; 1871, кн. IV, отд. V, с. 1–36) и «Русской старине» (1870, т. I, с. 28–30; 1870, т. II, с. 13–56, 99–116, 201; 1871, т. III, с. 673–688; 1872, т. V, с. 1–15)[622].

За свою недолгую жизнь Михаил Парфенович написал около двадцати работ по статистике, экономике и истории: «Художественный дилетантизм Петербурга» (СПб., 1847), «Несколько слов о 216-денежном рубле» («Санкт-Петербургские ведомости», 1855, №49), «Воспоминания из старого времени» («Экономический указатель», 1857, №11, с. 243–245), «О дороговизне в Москве в 1660 году» («Экономический указатель», 1857, №11), «Материалы для биографии князя М.М. Щербатова» («Санкт-Петербургские ведомости», 1857, №152), «О пьянстве в России» («Экономист», 1858, т. 1, кн. 1, отд. 1, с. 107–150), «О количестве народонаселения России в 1776–1777 годах, по губерниям, и частично по состояниям» («Указатель политико-экономический», 1859, №107 (вып. 3), с. 61–63), «О законе причин случайных, как основании нравственной статистики» («Экономический указатель», 1857, №2), «Немецкий таможенный союз» и другие.

По воспоминаниям современников, его работы отличались «глубиной изучения»[623], «бескорыстным стремлением к добру и истине, и были проникнуты уважением к науке и серьёзным взглядом на мир и общество»[624].

Михаил Парфенович был женат на Анне Васильевне Грибоедовой (4.02.1815 – 8.11.1906), двоюродной сестре известного российского драматурга, поэта и дипломата Александра Сергеевича Грибоедова[625], и имел от неё одну дочь – Евгению Михайловну Заблоцкую-Десятовскую (31.08.1854 – 15.04.1920). С 16 августа 1878 года Евгения Михайловна состояла в браке с Дмитрием Петровичем Семёновым-Тянь-Шанским (7.11.1852 – 1.11.1917), сыном П.П. Семёнова-Тянь-Шанского от первого брака, и имела от него пять сыновей: Рафаила (31.08.1879 – 12.1919), Леонида (2.12.1880 – 13.12.1917), Михаила (8.05.1882 – 19.01.1942), Ни-

колая (17.12.1888 – 27.06.1974) и Александра (6.10.1890 – 16.05.1979) и двух дочерей: Веру (8.11.1883 – 11.11.1984) и Ариадну (30.04.1885 – 20.6.1920). Наиболее известным из них был Леонид Дмитриевич Семёнов-Тянь-Шанский, поэт и писатель, близкий друг А.А. Блока и Л.Н. Толстого.

М.П. Заблоцкий-Десятовский умер от туберкулёза 21 сентября 1858 года и был похоронен на Смоленском кладбище в Санкт-Петербурге[626].

По воспоминаниям друзей, он был человеком «честным, благородным и добросовестным»[627], «истинно преданным русской литературе»[628].

Николай Маркович Колмаков

Николай Маркович Колмаков родился 15 ноября 1816 года в местечке Середина-Буда Новгород-Северского уезда Черниговской губернии (ныне город Середина-Буда Сумской области)[629].

Он был известным судебным деятелем дореволюционной России, писателем-мемуаристом и «сторонником освобождения крестьян»[630].

Его отец Марк Акимович Колмаков происходил из дворян Курской губернии. В 1808 году он окончил Харьковский университет[631] и был направлен на работу в Черниговскую губернию, где зарекомендовал себя как высокообразованный учитель, прекрасно владеющий науками и языками.

Во время проживания в Середина-Буде Марк Акимович познакомился с местным протоиереем Иоанном Карповичем Лузановым, который славился по всей округе своей учёностью и отличным знанием Священных писаний, и вскоре женился на его дочери Анне, будущей матери Н.М. Колмакова.

После свадьбы Колмаковы какое-то время проживали в Середина-Буде, а в начале 20-х годов XIX века переехали в город Севск Орловской губернии, где Николай Маркович поступил в первый класс местного училища.

В 1823 году родители Колмакова переселились в город Дмитриевку Орловской губернии, а в 1824 году – в город Белгород Курской губернии. В Белгороде Николай Маркович продолжил обучение в местном училище, а после смерти отца, которая наступила 28 января 1827 года, вернулся с матерью в Середина-Буду и начал обучаться в частной школе Надежды Михайловны Подобедовой.

Проучившись в Середина-Буде до конца 1827–1828 учебного года, он переехал в село Берёзу Глуховского уезда Черниговской губернии к сестре своей матери Марии Ивановне Атрешковой и поступил в Глу-

ховское уездное училище, где зарекомендовал себя как хороший ученик, обладавший незаурядными математическими способностями, и начиная с 12-летнего возраста стал подрабатывать репетиторством в пансионе учителя А.В. Величко.

Весной 1829 года Н.М. Колмаков окончил Глуховское уездное училище и в середине июня 1829 года отправился в Санкт-Петербург поступать в инженерное училище. Однако на вступительные экзамены он опоздал. Возвращаться домой ему было не за что, и он по совету своего двоюродного брата Наркиза Ивановича Атрешкова (Тарасенко-Отрешкова), известного в своё время писателя-экономиста, прославившегося плохой репутацией в среде петербургской знати, подал Николаю II заявление с просьбой направить его на учёбу в какое-либо учебное заведение. Император его ходатайство удовлетворил и распорядился зачислить с 1 октября 1829 года в инженерную роту Санкт-Петербургского батальона военных кантонистов.

Однако военная служба пришлась молодому Колмакову не по душе, и по окончании 1833 учебного года он оставил учёбу в батальоне военных кантонистов и в августе 1834 года поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского университета.

Во время обучения в университете Николай Маркович проживал в доме графини Софьи Владимировны Строгановой и занимался обучением её внука Александра Васильевича Голицына (1827–1869).

В 1838 году Н.М. Колмаков окончил университет со степенью «действительный студент»[632] и 27 августа 1838 года поступил на службу в комитет правления императорской академии наук[633].

Во время работы в академии он начал заниматься литературной деятельностью и в 1844 году опубликовал свою первую работу: «Памяти графа Александра Сергеевича Строганова», которая содержала в себе интересные сведения из личной жизни и служебной деятельности графа.

В 1844 году Н.М. Колмаков перешёл на работу в департамент Министерства юстиции, где в течение нескольких месяцев работал секретарём директора департамента М.М. Карниолина-Пинского[634], а в 1846 году занял должность столоначальника IV отделения департамента министерства[635].

В 1848 году Николай Маркович был назначен обер-секретарём 1-го отделения 3-го департамента сената[636], а в конце 1849 года – членом комиссии по рассмотрению жалобы предводителя дворянства Подольского уезда Московской губернии И.И. Ершова на калужского губернатора Н.М. Смирнова[637]. По окончании работы комиссии он вернулся на работу

в Министерство юстиции и в 1852 году был назначен начальником IV отделения министерства[638], а в 1854 году – чиновником особых поручений V класса при Министерстве юстиции[639].

В 1857 году Колмаков перевёлся на службу во второе отделение третьего департамента правительствующего сената на должность чиновника за обер-прокурорским столом[640], а в 1858 году был назначен старшим юрисконсультом консультации Министерства юстиции[641]. Работая на указанной должности, Николай Маркович рассматривал большинство законопроектов, поступавших в министерство, делал к ним необходимые замечания и поправки и, по его личным воспоминаниям, «считался опытным дельцом и приближённым лицом к высшей власти»[642].

В августе 1858 года Н.М. Колмаков был привлечён к работе по подготовке законопроектов крестьянской реформы 1861 года и зачислен в состав Комиссии по разработке свода отзывов руководителей губерний об уездной полиции и о мировых в крестьянских делах присутствиях[643], а в 1859 году включён в состав Комиссии о губернских и уездных учреждениях, которая была создана 27 марта 1859 года при Министерстве внутренних дел России с целью разработки законопроектов о судебных следователях и о мировых посредниках и уездных по крестьянским делам присутствиях. Указанная комиссия состояла из 19 постоянных членов и работала под непосредственным руководством исполняющего обязанности Министра внутренних дел России Николая Алексеевича Милютина[644]. Николай Маркович представлял в ней Министерство юстиции и был автором законопроектов о мировых посредниках.

В 1859 году Колмаков перешёл на службу во второе отделение третьего департамента правительствующего сената на должность чиновника за обер-прокурорским столом, а в начале 1861 года вышел в отставку по семейным обстоятельствам[645] и в последующие пять лет нигде не служил.

В 1865 году он побывал в селе Узруй Новгород-Северского уезда Черниговской губернии, где 25 июня написал статью «Рассказы об Иване Андреевиче Крылове»[646], в которой описал несколько интересных фактов из жизни великого баснописца, с которым ему неоднократно приходилось видеться в доме графини Софьи Владимировны Строгановой.

17 апреля 1866 года министр юстиции Дмитрий Николаевич Замятнин предложил Н.М. Колмакову вернуться на службу в подчинённое ему ведомство[647]. Николай Маркович согласился и вскоре был назначен председателем Киевской палаты гражданского суда[648], а в 1873 году – Киевской палаты уголовного и гражданского суда[649].

Работая на указанных должностях, Колмаков сталкивался с несовер-

шенством судебной системы и настойчиво выступал за распространение на Правобережную Украину Судебных уставов 1864 года. Чтобы ускорить этот процесс он составил «Записку о судебной реформе в Западном крае вообще и в частности в Киевской губернии» (1872)[650], однако она не принесла ожидаемого результата, и в 1875 году он вышел в отставку.

После увольнения со службы Н.М. Колмаков поселился в селе Ярославичи Дубенского уезда Волынской губернии (ныне Млиновского района Ровенской области) и занялся сельским хозяйством.

Одновременно с этим он занимался литературной деятельностью и на протяжении 1879–1894 гг. написал около десяти работ с воспоминаниями о своих встречах с И.С. Тургеневым, с которым он учился в Санкт-Петербургском университете, А.С. Пушкиным, с которым ему довелось неоднократно встречаться на Невском и в здании минеральных вод на Каменном острове в Санкт-Петербурге, и о других своих современниках: «Вопрос о почине крестьянского дела 20 ноября 1857 г. Исследование по официальным данным» («Русская старина», 1885, т. 47, с. 125–136); «Крестьянское дело в 1857–1860 гг. Заметки к запискам Я.А. Соловьева» («Русская старина», 1885, т. 47, с. 467–480); «Старый суд» («Русская старина», 1886, т. 52, с. 511–544); «Дом и фамилия графов Строгановых 1852–1887 гг.» («Русская старина», 1887, т. 53, с. 575–602; 1887, т. 54, с. 71–94), «Граф Виктор Никитич Панин» («Русская старина», 1887, т. 56, с. 297–332, 757–782); «Очерки и воспоминания с 1816 года» («Русская старина», 1891, т. 70, с. 23–43, 449–469, 657–679; 1891, т. 71, с. 119–148); «Очерк деятельности Киевского славянского благотворительного общества за 25 лет его существования. 1869–1894 гг.» (Киев, 1894) и другие.

В течение всей своей жизни Николай Маркович активно занимался общественной деятельностью, долгое время входил в состав Черниговского губернского статистического комитета[651] и Киевского отдела Славянского благотворительного комитета[652].

Он был глубоко верующим человеком и в 1879–1882 гг. пожертвовал значительную суму на строительство в селе Ярославичи церкви во имя Рождества Пресвятой Богородицы и устройство в ней иконостаса[653], а в конце жизни много заботился о благоустройстве церковно-приходской школы села Яроповичи Сквирского уезда Киевской губернии[654].

21 мая 1896 года Николай Маркович умер и был похоронен с правой стороны от входа в ярославичский храм во имя Рождества Пресвятой Богородицы.

После его смерти, в 1896 году, его жена Наталья Фёдоровна Колмакова подарила университету святого Владимира в Киеве около трёхсот

книг из его юридической библиотеки[655] и пожертвовала в пользу Санкт-Петербургского университета 3000 рублей. Деньги в указанной сумме были внесены в Санкт-Петербургское губернское казначейство, а на проценты от них 2 октября 1899 года была учреждена стипендия им. Н.М. Колмакова, которая выплачивалась малообеспеченным студентам университета, преимущественно выходцам из Черниговской губернии[656].

Герасим Иванович Лузанов

Герасим Иванович Лузанов вошёл в отечественную историю как баснописец, поэт и переводчик.

Он родился в 1789 году в местечке Середина-Буда Новгород-Северского уезда Черниговской губернии[657]. Его отец Иван (Иоанн) Карпович Лузанов служил протоиереем в местной церкви и, по воспоминаниям современников, был священником «с латынью, с умом и с нравственностью»[658], имел большую библиотеку, дружил с известным проповедником и протоиереем Киево-Софийского собора Иоанном Васильевичем Левандою и славился по всей округе своей учёностью и отличным знанием Священных писаний[659].

Иван (Иоанн) Карпович был женат на привлекательной девушке из простой семьи, которая была лет на двадцать моложе его, и имел от неё двух дочерей – Анну Ивановну (в замужестве Колмакову) и Марию Ивановну (в замужестве Атрешкову) – и двух сыновей: Павла Ивановича и Герасима Ивановича[660].

С детства Герасим Иванович проявлял склонность к наукам и по достижении девяти лет был определён на учебу в Московский университетский благородный пансион.

Во время учёбы в пансионе Г.И. Лузанов увлёкся изучением иностранных языков и перевёл с французского языка на русский одноактную драму «Пожар, или Награжденная добродетель» и анекдот «Благодеяние», которые были опубликованы в 1803 году в московском журнале «Новости русской литературы» (ч. №7–8)[661].

В 1804 году Лузанов окончил обучение в благородном пансионе и по рекомендации руководителя почтового ведомства России Д.П. Трощинского был определён на службу в Малороссийский почтамт, а в 1808 году был призван в Молдавскую армию и «по знанию иностранных языков» прикомандирован к штабу П.И. Багратиона[662].

В 1811 году Герасим Иванович уволился из армии и в конце 1811 – начале 1812 года вернулся на службу в Малороссийский и Полтавский

почтамт. Однако как только войска Наполеона вторглись на территорию России, он во второй половине июля 1812 года вступил в черниговское ополчение и был назначен управляющим канцелярией[663] и старшим адъютантом при корпусном командире графе Андрее Ивановиче Гудовиче. В указанных и других должностях он служил до 6 мая 1814 года и, согласно записям в его служебном формуляре, участвовал в Отечественной войне 1812 года в качестве «управляющего корпусным дежурством всех малороссийских войск, бывших при блокаде разных крепостей...»[664], принимал участие в заграничных походах русской армии 1813–1814 гг.[665] и был награждён медалью «В память вступления в Париж. 1814 г.»[666].

После окончания войны Г.И. Лузанов переехал в столицу и поступил на службу в Особенную канцелярию Министерства полиции, где с 1814 (1815) по 1817 (1818) гг. служил на должности помощника начальника 3-го стола[667].

Во время проживания в Санкт-Петербурге Лузанов начал заниматься литературной деятельностью и в 1815 году опубликовал в литературном журнале «Кабинет Аспазии» (1815, №3–7) несколько своих стихов, басен и эпиграмм[668], а затем стал сотрудничать с журналом «Дух журналов». По оценке известного баснописца и романиста начала XIX века Александра Ефимовича Измайлова, он был наиактивнейшем сотрудником «Духа журналов», «самым настоящим и плодовитым басенником»[669], и в период с 1815 по 1817 гг. опубликовал в нём 37 своих работ и «Малороссийскую песню»[670].

В 1817 году Герасим Иванович напечатал несколько эпиграмм и басню в харьковском журнале «Украинский вестник», а в следующем году переехал в Орёл и поступил на службу советником в Орловское губернское правление (1818–1821)[671], а затем служил советником в комиссии для решения прежних дел Орловского губернского правления (1822–1824)[672], советником в уголовном суде Орловской губернии (1825–1829)[673] и советником от Короны в уголовном суде Орловской губернии (1830)[674]. Он добросовестно относился к исполнению своих служебных обязанностей и за заслуги по службе был награждён орденами Святой Анны 3-й степени, Святого Владимира 4-й степени[675] и бриллиантовым перстнем.

По приезде в Орёл Г.И. Лузанов собрал большинство своих произведений в отдельный сборник и напечатал его в 1819 году под названием «Басни и сказки». Лузановский сборник состоял из трёх книг и содержал в себе 47 произведений, написанных простым и лёгким языком[676]: «Волчонок и сурок», «Столп», «Уголёк», «Разборчивый жених», «Пузырь и кремень» и другие.

Большинство из его басен не затрагивали общественных и злободневных тем и, по признанию самого автора, не содержали в себе «Крылова остроты...». Несмотря на это, они «были в ходу и отличались остроумием»[677], хотя многие с этим не соглашались и не любили его творчество.

Не любили творчество Г.И. Лузанова и некоторые орловские чиновники. Кто-то из них пожаловался на него в Министерство юстиции, откуда «сильная рука», покровительствовавшая Лузанову в его продвижении по службе, запретила ему печататься не только под своим именем, но и анонимно, и предупредила, что если хоть в каком-либо журнале появится его «писанье» – «тотчас с места долой»[678].

Герасим Иванович дорожил своей работой и с того времени литературной деятельностью занимался мало. В 1823–1824 гг. он опубликовал в журнале «Благонамеренный» несколько лирических стихотворений и отрывки из комедии в стихах «Слуга своего соперника», а в следующем году напечатал в «Невском альманахе» переводное стихотворение К.Ф. Вейсе «Солдат».

Последние годы своей жизни Г.И. Лузанов проживал в Орле. Он был женат на Анастасии Ивановне Мартос, дочери известного скульптора-монументалиста Ивана Петровича Мартоса, и в 1821 году имел от неё двух дочерей и двух сыновей[679]. Его семья владела несколькими поместьями и земельными угодьями в Мценском и Малоархангельском уездах Орловской губернии и, по свидетельству родственников, «жила без нужды и хорошо»[680].

Герасим Иванович Лузанов прожил недолгую жизнь и умер в 1830 году в возрасте чуть более сорока лет. Со дня его смерти прошло более 180 лет, однако его произведения печатаются и по сей день. В 2007 году в издательстве «Олма-Пресс» вышел сборник басен И.А. Крылова, И.И. Дмитриева и других авторов – «Самые любимые басни», среди которых была опубликована и басня Г.И. Лузанова «Старик с фонарём».

Иван Иванович Пантюхов

Иван Иванович Пантюхов был выдающимся исследователем в области антропологии, этнографии и медицины и, по свидетельству современников, обладал исключительным умом и своеобразным взглядом на многие научные проблемы.

За свою жизнь он написал более 150 работ (заметок, статей, брошюр, книг и т.д.) в области медицины, народной медицины, медицинской географии, санитарии, антропологии, этнографии, химии, клима-

тологии, статистики, истории и других наук и по праву считался одним из плодотворнейших исследователей конца XIX – начала XX века.

И.И. Пантюхов не был профессиональным учёным и писал свои труды в свободное от основной работы время. Многие из его работ носили научно-публицистический характер и часто подвергались критике. Неоднозначно оценивалась и личность самого Пантюхова. Одни считали его «гением земли русской»[681] и обстоятельным знатоком Кавказа[682], другие относили «не к антропологам, а к публике»[683], третьи причисляли к учёным, работы которого балансировали между академической и популярной антропологией и т.д.

И.И. Пантюхов

Однако как бы там ни было, его труды оказывали существенное влияние на развитие отечественной медицины, антропологии, статистики и других наук. Научное сообщество ценило его вклад в науку и избирало членом многочисленных научных обществ.

Иван Иванович Пантюхов родился 19 июля 1836 года в селе Кривоносовка Новгород-Северского уезда Черниговской губернии (ныне Середино-Будского района Сумской области). По утверждению его сына Олега Ивановича Пантюхова он «происходил от малороссийского полковника Пантюхова, которому принадлежала деревня Кривоносовка»[684]. Однако подтверждений этому мы не нашли.

Отец И.И. Пантюхова – Иван Несторович Пантюхов – имел воинское звание обер-офицера[685] и чин коллежского регистратора[686]. Он был женат на глуховской помещице Ираиде Петровне Гриневич[687], которая происходила из дворян Черниговской губернии.

Ираида Петровна доводилась племянницей кривоносовскому помещику Никифору Филипповичу Гриневичу[688], женатому на одной из правнучек Новгород-Северского сотника Д.Г. Кутневского[689] и, возможно, после его смерти унаследовала какие-то владения в Кривоносовке. Однако они были незначительны, и её муж И.Н. Пантюхов вынужден был подрабатывать чиновником в Чернигове. Когда его сыну Ивану исполнилось девять лет, он определил его на учёбу в Черниговскую гимназию, поближе к месту своей службы. Однако через несколько лет он

заболел и в 1848 (1849) году умер от туберкулёза[690].

После его смерти его жена оказалась в тяжёлом материальном положении и вынуждена была перевести своего сына Ивана в Новгород-Северскую гимназию, поближе к дому

Иван Иванович был способным учеником и, начиная с пятого класса начал зарабатывать себе на проживание репетиторством, занимаясь с учениками младших классов гимназии, среди которых был известный археолог и историк права Дмитрий Яковлевич Самоквасов, член Совета министра финансов России Николай Павлович Забугин и другие[691].

В 1856 году И.И. Пантюхов окончил Новгород-Северскую гимназию и 19 октября 1856 года поступил на медицинский факультет университета святого Владимира в Киеве[692].

Во время учёбы в университете он начал заниматься научной и публицистической деятельностью и написал несколько статей и заметок по медицине, которые были опубликованы в журнале «Современная медицина» и в других изданиях[693].

28 апреля 1862 года И.И. Пантюхов окончил университет[694] со степенью лекаря (12.05.1862)[695] и званием уездного врача (12.11.1862)[696], и высочайшим приказом по военному ведомству о чинах гражданских за №31 от 22 июля 1862 года был определён на службу в Кавказскую армию медиком для командировок. На протяжении последующих двух лет он служил военным врачом в Ставропольском (8.09.1862), Майкопском (2.12.1862), Екатеринодарском (3.09.1863) и Кутаисском (28.12.1863, 1.12.1864) военных госпиталях, в Кавказском линейном 6-м батальоне (5.07.1863), в 5-м Кавказском сводном стрелковом батальоне (27.03.1864), в лазаретном отделении 37-го Кавказского линейного батальона (8.07.1864), в лазарете 34-го Кавказского линейного батальона (5.10.1864), в 3-м батальоне 16-го Мингрельского гренадёрского полка (21.10.1864) и других воинских формированиях[697].

Одновременно с этим он занимался литературной деятельностью и написал около десяти статей в области медицинской патологии, статистики, климатологии и географии: «О средствах для занятия в Кавказских госпиталях» («Современная медицина», 1863, №15), «Особенности Кавказских болезней» («Современная медицина», 1863, №23–24), «Физиологическая заметка на походе» («Современная медицина», 1864, №36), «Замечание на проект преобразования госпиталей» («Современная медицина», 1863, №40), «Склоны Западного Кавказа» (Газета «Кавказ», 1864, №8), «Медицинские командировки, транспортировки и ревизии» («Медицинский вестник», 1864, №7) и другие.

В период прохождения службы И.И. Пантюхов принимал участие в боевых действиях за покорение Западного Кавказа и осенью 1864 года был тяжело травмирован большим камнем, брошенным на него неприятелем с вершины горы. Вследствие этого он около года находился на лечении[698], во время которого побывал в нескольких кавказских лечебницах, посетил Рионскую долину и написал ряд статей по медицинской топографии и лечебных свойствах минеральных вод Кавказа: «Минеральные воды в Кутаисской губернии» (Тифлис, 1865), «Абхазские и Мингрельские минеральные воды» (Тифлис, 1865), «Варваринский минеральный источник» (Газета «Кавказ». 1865, №56–57), «О Кавказских минеральных водах» («Протоколы заседаний общества киевских врачей», 1865, вып. 1, №7), «О холере на берегу Черного моря» («Современная медицина», 1865, №28, 32,) и другие.

Оправившись от ранения, Пантюхов вернулся на службу и 3 августа 1865 года был назначен заведующим лазаретом 37-го Кавказского линейного батальона, 7 сентября 1865 года – медиком для командировок при Кавказском окружном военно-медицинском управлении, 12 января 1867 года – врачом при Тифлисском военном госпитале, а 7 апреля 1867 года – врачом при Горайском военном госпитале[699]. Работая на указанных должностях, он изучал особенности заболеваний среди жителей Кавказа, разрабатывал способы их лечения и написал около двадцати работ в области практической медицины, климатологии и этнографии: «Особенности болезней на склонах Кавказа» («Медицинский сборник, издаваемый Кавказским медицинским обществом», 1866. №1), «О пище в Имеретии» («Медицинский сборник, издаваемый Кавказским медицинским обществом», 1866, №2), «Из отчёта лазарета Кавказской линии» («Современная медицина», 1866, №29, №34, №35), «О лихорадке, излеченной без хинной соли» («Протоколы заседаний общества кавказских врачей», 1866–67, №127), Наблюдение над холерой в Поти» («Современная медицина» 1867, №31) и другие.

В конце 1867 года И.И. Пантюхов был переведён в Киевский военный округ и назначен врачом в 33-ю артиллерийскую бригаду, а 8 ноября 1868 года перемещён в 48-й Одесский пехотный полк[700]. Во время проживания в Одессе он написал несколько интересных работ по истории и народной медицине, которые были опубликованы отдельными изданиями: «Лекарственные растения Южной России» (Киев, 1869), «Женщины-лекарки» (Киев, 1869) и другие.

Летом 1869 года Пантюхов уволился из армии[701], а 1 сентября того же года поступил на службу смотрителем и учителем в двухклассное народ-

ное училище города Балты Подольской губернии. В указанной должности он служил до 6 июня 1872 года, после чего был перемещён наставником в Киевскую учительскую семинарию[702], где в 1873 году издал небольшую книгу «Химические сведения» (Киев, 1873), которая была рекомендована учёным комитетом Министерства народного просвещения России в качестве учебного пособия для учительских семинарий[703].

12 июля 1873 года Иван Иванович уволился из Киевской учительской семинарии, переехал в Вязниковский уезд Владимирской губернии и поступил на должность земского врача, однако через несколько месяцев вернулся обратно и 11 ноября 1873 года был принят на службу младшим ординатором в Киевский военный госпиталь[704].

Проживая в Киеве И.И. Пантюхов занимался изучением проблем медицинской статистики и санитарной топографии города, совершенствовал свои познания в области народных способов врачевания и написал несколько интересных работ по народной медицине, санитарии и медицинской статистике: «О лечении простыми средствами» (Киев, 1875), «О народной медицине в Юго-западном крае» (Киев, 1875), «Доктора и знахари» (Киев, 1875), «Опыт санитарной топографии и статистики Киева» (Киев, 1876), «Больницы и болезни в Киеве» (Киев, 1876), «Причины болезней киевлян» (Киев, 1877) и другие.

Особый интерес для науки представляла его работа «Статистические и санитарные очерки Киева» (Киев, 1875). Она содержала в себе важные сведения о санитарном состоянии города, о заболеваниях, связанных с почвенными, топографическими и климатическими условиями, профессиональным и сословным характером населения и т.д., и была выдвинута для награждения Константиновской медалью, однако не подошла под условия награждения[705].

После вступления России в войну с Турцией, Пантюхов был командирован в действующую армию и с 25 декабря 1877 года служил врачом для особых поручений IV медицинского разряда при военно-медицинском управлении действующей армии, со 2 февраля 1878 года – заведующим статистическим отделением Полевого Военно-Медицинского Управления, а с 15 ноября 1878 года – врачом для поручений при начальнике военных сообщений в Болгарии[706]. По окончании военных действий, с 18.05.1879 по 1.01.1881 гг., он принимал участие в составлении медицинского отчёта о результатах войны 1877–1878 гг.[707], с 20 по 30 декабря 1879 года участвовал в работе VI съезда русских естествоиспытателей и врачей в Санкт-Петербурге[708], а затем вернулся в Киев и 3 июля 1881 года приступил к исполнению обязанностей старшего ординатора при

Киевском военном госпитале.

24 января 1884 года И.И. Пантюхов был назначен бригадным врачом 5-й саперной бригады в Одессе, а 1 декабря 1885 года – начальником отделения Главного военно-медицинского управления в Санкт-Петербурге. Однако кабинетная работа его тяготила, и он через три года подал рапорт о переводе на Кавказ. 11 декабря 1888 года его просьбу удовлетворили и назначили врачом для поручений V класса при Кавказском окружном военно-медицинском управлении в Тбилиси. В январе 1889 года Пантюхов прибыл к месту службы и 25 января 1889 года приступил к исполнению своих служебных обязанностей. На указанной должности он служил до 14 октября 1901 года и одновременно с этим временно исполнял обязанности заведующего военно-медицинской лабораторией управления (16.10.1892), помощника инспектора Кавказского окружного военно-медицинского инспектора (26.02.1897 – 16.11.1897) и Кавказского окружного военно-медицинского инспектора (26.05.1897 – 17.06.1897)[709].

Этот период жизни был наиболее плодотворным в его научной и публицистической деятельности. За одиннадцать лет пребывания на Кавказе им было написано более шестидесяти работ в области медицины, антропологии, этнографии, географии и других наук, многие из которых не утратили своей актуальности и по сей день: «О вырождающихся типах семитов» («Протокол заседания Русского антропологического общества за 1889 год», СПб., 1889), «О росте некоторых племён Закавказского края» (Тифлис, 1890), «Зоб в Сванетии» (СПб., 1890), «Малярия и парши в Абхазии» (СПб., 1890), «Парши у семитов Кавказа» (СПб., 1890), «Озеро Чалдырь и его окрестности» (Тифлис, 1891), «Влияние переселения в Закавказский край на физическое развитие русских» (СПб., 1891), «Население Кутаисской губернии» (СПб., 1892), «Антропологические типы Кавказа» (Тифлис, 1893), «О кумыках. Антропологический очерк» (Тифлис, 1895), «О пещерных и позднейших жилищах на Кавказе» (Тифлис, 1896), «Современные лезгины» (Тифлис, 1901), «Движение населения у чеченцев» (Тифлис, 1901), «Ингуши. Этнографическо-антропологический очерк» (Тифлис, 1901), «Алкоголизм на Кавказе» (Тифлис, 1901) и другие.

Научное сообщество по достоинству оценило его работы и избрало действительным членом Парижского географического общества[710], Русского антропологического общества (1888)[711], Кавказского отдела Русского географического общества (30.01.1892)[712], членом распорядительного Комитета Кавказского отдела Русского географического общества (12.05.1898)[713] и членом Кавказского отделения Московского археологи-

ческого общества (1901)[714].

В конце 1890-х годов Иван Иванович стал часто болеть и решил оставить службу. Весной 1900 года он подал рапорт об увольнении и уехал в Киев, где поселился в своём хуторе на Куренёвке[715].

Находясь в отставке, он продолжал заниматься научной деятельностью и написал около десяти работ в области антропологии, истории и медицины: «Куренёвка: Медико-антропологический очерк» (Киев, 1904), «Киевский и Уманский уезды в антропологическом отношении» (Киев, 1907), «Малорусский тип: Эпоха литовско-польская» (Киев, 1910) и другие.

Особый интерес для науки представляла его работа: «Значение антропологических типов в русской истории» (Киев, 1909), в которой, по мнению известного российского писателя и публициста Владимира Борисовича Авдеева, «в простой, доходчивой, но вместе с тем доказательной форме объяснялись многие спорные и драматические вопросы отечественной истории»[716].

Иван Иванович Пантюхов прожил около 75 лет и умер 15 июня 1911 года от атеросклероза[717]. По его завещанию он был похоронен на Куренёвском кладбище в Киеве, недалеко от своего хутора[718].

Всю свою жизнь он верой и правдой служил своему отечеству и был награждён орденами Святого Станислава 3-й степени с мечами (13.12.1864), Святой Анны 3-й степени (28.12.1877), Святого Владимира 4-й степени (2.04.1879), Святого Станислава 2-й степени (30.08.1884), Святой Анны 2-й степени (30.08.1888), Святого Владимира 3-й степени (30.08.1892), серебряной медалью «За покорение Западного Кавказа» (22.07.1865)[719], медалью Русского географического общества[720] и удостоен чина действительного статского советника (6.12.1897).

С осени 1868 года Пантюхов был женат на Ольге Николаевне фон Кнорринг, дочери барона Николая Густовича фон Кнорринга, и имел от неё шестерых сыновей: Николая (25.01.1871 – 1934), Андрея (20.11.1874 – 1935), Ивана (22.08.1876 – 1959), Михаила (4.01.1880 – 13.05.1910), Владимира (? – 1877) и Олега (13(25).03.1882 – 25.10.1973). Наиболее известными среди них были Олег Иванович Пантюхов – гвардии полковник, кавалер ордена Святого Георгия IV степени, основатель скаутского движения в России и его глава в эмиграции[721], и его брат писатель Михаил Иванович Пантюхов, который, по мнению известного украинского литературоведа Вадима Леонтьевича Скуратовского, был одним из прототипов булгаковского Мастера[722].

Василий Фёдорович Псиол

Василий Фёдорович Псиол оставил свой след в отечественной истории как переводчик с французского языка на русский[723].

Он родился в 1770 году в селе Протопоповка Новгород-Северского уезда Черниговской губернии (ныне – село Лесное Середино-Будского района Сумской области) [37, с. 211], в зажиточной украинской дворянской семье с казацкими корнями.

Его отец Фёдор Григорьевич Псиол служил канцеляристом в Генеральной войсковой канцелярии (1755), был войсковым (19.08.1765) и бунчуковым товарищем (14.01.1765), заседателем совестного суда Новгород-Северского наместничества (1783–1784) и депутатом дворянства Погарского уезда (22.03.1784)[724].

Мать Василия Фёдоровича – Анна Андреевна, урождённая Силевич – доводилась дочерью новоместскому сотнику Андрею Тимофеевичу Силевичу. При вступлении в брак она передала своему мужу в приданое принадлежавшие ей владения в селе Протопоповке Новгород-Северского уезда, которые достались ей в наследство от её матери Силевич (Заруцкой) Прасковьи Андреевны, внучки известного Новгород-Северского протопопа Афанасия Алексеевича Заруцкого [18, с. 230–231, 361].

Какое-то время после вступления в брак родители Василия Фёдоровича проживали в Протопоповке, а 3 июля 1777 года купили небольшое имение в селе Артюшково Стародубского уезда Черниговской губернии и переехали в него на постоянное жительство.

Прожив в Артюшкове несколько лет, Василий Фёдорович в 1781 году поступил в Благородный пансион при Московском университете, а после его окончания был зачислен в университет студентом.

Во время учёбы в университете В.Ф. Псиол входил в состав университетского литературного общества «Собрание воспитанников университетского благородного пансиона», принимал участие в издании университетских студенческих журналов «Вечерняя заря»[725] и «Покоящийся трудолюбец», занимался литературной деятельностью и переводами.

В 1784 году он перевёл с французского языка на русский анекдот «Счастливый пилигрим»[726]; в 1786 году – первый том романа «Le faux ravisseur ou Caravanes galantes du chevalier d'Abbeville / Par Mr. L. Le M...» (Hambourg, 1755), который был опубликован под названием «Ложный похититель Мальтийского ордена, кавалер Даббевиль, истинная повесть»[727]; в 1787 году – шесть повестей Ж.М. Лоэзель де Треогата из сборника «Soirées de mélancolie par M. L.» (Амстердам, 1777) и две

повести неизвестных авторов, которые были опубликованы в сборнике «Меланхолические вечера, или Собрание весёлых нравоучительных повестей из разных французских писателей»[728], а в 1788 году – комедию в трёх действиях Рокиль-Льето «Поединок, или Сила предрассудка»[729]. Его переводы отличались большой точностью, выразительностью, ясностью изложения и пользовались большим успехом среди читателей.

Известен Василий Фёдорович и как поэт. В 1788 году он написал «Стихи в честь героев, убитых при взятии города и крепости турецкой Очакова 1788 года, декабря 6 числа» и опубликовал их в «Прибавлениях к Московским ведомостям» (1788, № 100)[730].

В 1790 году Псиол окончил Московский университет и с тех пор ни литературной, ни переводческой деятельностью не занимался.

В январе 1791 года он поступил на военную службу кондуктором первого класса в Инженерный корпус, а 15 марта 1795 года был переведён корнетом в Гусарский генерал-лейтенанта Линденера полк, где 23 апреля 1799 года был пожалован в поручики [37, с. 211].

Прослужив в армии около девяти лет, В.Ф. Псиол 8 октября 1799 года вышел в отставку и поселился в своей усадьбе в Артюшкове.

13 октября 1804 года он женился на дочери подпоручика Фёдора Косача – Матрёне, однако через несколько лет развёлся и обвенчался с Екатериной Васильевной (фамилия неизвестна), от которой имел одного сына Петра (16.01.1822 – 04.1882).

Точная дата смерти Василия Фёдоровича Псиола неизвестна.

Михаил Осипович Судиенко

Михаил Осипович Судиенко был одним из известнейших археографов середины XIX века.

Он родился в конце 1802 года, предположительно в селе Очкино Середино-Будского района Сумской области, и, по утверждению Николая Фролова – автора нескольких биографических работ о владимирских губернаторах, был внебрачным сыном тайного советника Осипа Степановича Судиенко (1843 – 4.12.1811) и крепостной, служившей в его доме[731].

При регистрации рождения Михаил был записан как незаконнорожденный крестьянский сын и вначале числился крепостным своего отца[732]. Однако вскоре Осип Степанович решил усыновить своего внебрачного сына и подал в Государственный Совет прошение, в котором отмечал, что он, «не имея близких родственников и будучи последним в

своей фамилии, желает передать право наследства благоприобретенными имениями воспитаннику своему Михаилу, и просит разрешить ему усыновить его с перенесением на него его фамилии». В знак благодарности за это он пообещал пожертвовать в пользу Малороссийских училищ или других богоугодных заведений сорок тысяч рублей.

М.О. Судиенко

Государственный Совет прислушался к просьбе Судиенко и 30 мая 1804 года «в уважение значащего пожертвования, приносимого им на пользу общую» принял решение «даровать воспитаннику его право дворянства, с дозволением ему принять фамилию Судиенкова и быть, по желанию его, наследником благоприобретенного его имения»[733]. Александр I против этого не возражал и 21 июня 1804 года утвердил решение Государственного Совета[734].

С тех пор Михаил постоянно проживал со своим отцом в Очкино, а его воспитанием занималась статская советница Хильденбрант.

5 октября 1808 года Осип Степанович Судиенко завещал Михаилу всё своё имущество и назначил его опекунами своих близких друзей: действительного тайного советника графа Илью Андреевича Безбородко, действительного тайного советника графа Виктора Павловича Кочубея, действительного тайного советника князя Якова Ивановича Лобанова-Ростовского и своего двоюродного брата статского советника графа Илью Васильевича Завадовского[735].

Вскоре после этого он заболел и, предчувствуя близкую кончину, направил Михаила к его опекунам в Санкт-Петербург.

По приезде в столицу Михаил поселился в доме Якова Ивановича Лобанова-Ростовского и 23 октября 1811 года[736] поступил на учёбу в Пажеский корпус – привилегированное военно-учебное заведение, предназначенное для подготовки к военной и государственной службе детей высшей дворянской знати[737].

Яков Иванович с детства прививал молодому Судиенко начитанность и изящный вкус и был его благодетельным наставником. Об этом Михаил Осипович писал в одном из ответов на запрос новгород-северской

опеки: «Я воспитывался безотлучно при Якове Ивановиче. Он не только в малолетстве моём был благодетельным наставником, но и во время службы моей не оставлял меня своим покровительством»[738].

Во время учёбы в Пажеском корпусе Михаил выделялся среди своих сверстников начитанностью и изящным вкусом[739]. Однако он рано пристрастился к азартным играм и, ещё будучи пажем, проиграл не одну сотню тысяч рублей[740].

6 апреля 1824 года Михаил Осипович окончил Пажеский корпус[741] и был зачислен корнетом в лейб-гвардии Кирасирский полк. 28 января 1827 года ему присвоили звание поручика, а 5 сентября того же года перевели адъютантом к А.Х. Бенкендорфу – шефу корпуса жандармов и главному начальнику III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии[742].

Во время прохождения службы М.О. Судиенко участвовал в Русско-турецкой войне 1827–1828 гг., принимал участие в походе русских войск за Дунай, в сражениях при крепостях Шумле (8.07.1828 и 16.07.1828) и Варне (16.07.1828 – 22.07.1828)[743], и был награждён орденом Святой Анны 3-й степени (24.11.1828) и медалью «За турецкую войну»[744].

Однако «расстроенные домашние обстоятельства» вынудили Судиенко подать рапорт об отставке. 15 января 1829 года его просьбу удовлетворили и уволили из армии[745].

А незадолго перед тем М.О. Судиенко познакомился с Александром Сергеевичем Пушкиным. Между ними сложились дружеские отношения, и он стал одним из ближайших «приятелей и товарищей холостой жизни»[746] великого поэта, отношения с которыми Александр Сергеевич описал в черновом наброске к первой главе повести «Пиковая дама»: «Года четыре тому назад собралось нас в Петербурге несколько молодых людей, связанных между собою обстоятельствами. Мы вели жизнь довольно беспорядочную. Обедали у Андрие без аппетита, пили без веселости, ездили к Софье Астафьевне побесить бедную старуху притворной разборчивостью. День убивали кое-как, а вечером по очереди собирались друг у друга»[747].

По свидетельству известного историка, литературоведа и издателя П. Бартенева, молодой Судиенко выделялся в кругу светских приятелей Пушкина своей образованностью, богатством и приятной внешностью[748].

После увольнения со службы Михаил Осипович уехал в Москву, где во второй половине марта 1829 года выиграл у Александра Сергеевича около 4000 руб.[749]

Вслед за тем он направился в Очкино и вскоре женился на Надежде

Михайловне Миклашевской (? – 1876), дочери общественного и государственного деятеля России сенатора М.П. Миклашевского.

Об этом он сообщил Александру Сергеевичу и заодно попросил его уплатить карточный долг в сумме 4000 руб. В ответ на это Пушкин поздравил Судиенко с женитьбой, подарил ему 50 руб., сообщил об уплате долга и дважды – 22 января 1830 года и 12 февраля 1830 года – пообещал приехать в гости: «…умираю со скуки. Приезжай, мой милый, или я с горя к тебе приеду», «На днях я уезжаю из Петербурга, лето, вероятно, проведу в деревне. Быть может, заеду и в ваши края»[750]. Однако погостить у своего приятеля в Очкино Александру Сергеевичу не удалось.

27 июля 1830 года у Судиенко родился сын Иосиф, и вскоре после этого он уехал со своей семьёй в Москву. Узнав об этом, А.С. Пушкин, который после женитьбы на Н.Н. Гончаровой оказался в затруднительном материальном положении, 15 января 1832 года обратился к Судиенко с просьбой одолжить ему 25000 руб. Однако, не будучи уверенным в том, что Михаил Осипович даст ему деньги, Александр Сергеевич писал: «Вопрос: можешь ли ты мне сделать сие, могу сказать, благодеяние? Из числа крупных собственников трое только на сём свете состоят со мною в сношениях более или менее дружеских: ты, Яковлев и ещё третий (имеется в виду Государь Николай Павлович). К одному тебе могу обратиться откровенно, зная, что если ты мне и откажешь, то это произойдёт не от скупости или недоверчивости, а просто от невозможности. Жду ответа и дружески тебя обнимаю. Весь твой. А. Пушкин»[751].

Неизвестно, дал ли Судиенко взаймы Пушкину, однако дружеские отношения между ними сохранились, и 27 августа 1833 года Александр Сергеевич посетил Михаила Осиповича в Москве и в письме к своей жене от 2 сентября того же года сообщил об этом: «Обедал у Судиенки, моего приятеля, товарища холостой жизни моей. Теперь и он женат, и сделал двух ребят, и он перестал играть – но у него 125000 доходу… Мы отобедали втроем, и я, без церемонии, предложил здоровье моей именинницы, и выпили мы все не морщась по бокалу шампанского»[752].

В конце 1834 году Судиенко вернулся в Очкино и 20 октября 1835 года был избран предводителем дворянства Новгород-Северского уезда[753]. Однако уже 14 марта 1837 года он обратился к черниговскому губернатору с просьбой об отставке: «Расстроенное здоровье моего семейства, по (рекомендации) московских медиков, требует непременного и немедленного пользования заграничными лечебными ваннами. Почему убедительнейше прошу Ваше превосходительство не замедлить разре-

шением моей просьбы»[754].

Просьбу Михаила Осиповича удовлетворили, и весной 1837 года он со своим семейством отправился в Германию на курорт Бад Эмс, где пробыл около года, после чего вернулся на родину и в 1838 году был снова избран предводителем дворянства Новгород-Северского уезда[755].

В 1842 году Михаила Осиповича избрали почётным попечителем Черниговской гимназии, в которой он помог основать библиотеку, учительскую, построить больницу и пансион для учащихся и тем самым «оставил по себе благодарную, вполне заслуженную память»[756].

В 1843 году семья Судиенко переселилась в Киев, где Михаил Осипович близко сдружился с генерал-губернатором Юго-западной России Дмитрием Гаврииловичем Бибиковым и по его рекомендации был избран в 1844 г. почётным членом Временной комиссии для разбора древних актов, которая была создана в 1843 году для сбора и издания документальных материалов.

С 1845 года по 1846 год в указанной комиссии работал художником великий украинский поэт Тарас Григорьевич Шевченко. По поручению руководства комиссии он ездил по Киевской, Полтавской, Черниговской, Волынской и другим губерниям, описывал их исторические и культурные памятники и делал из них зарисовки.

М.О. Судиенко был лично знаком с Тарасом Григорьевичем, о чём свидетельствует сохранившаяся записка Михаила Осиповича, в которой он представлял выполненные Шевченко четыре акварели вида Почаевской лавры, два рисунка церкви в селах Вербки и Секуни на Волыни и один чертёж места обнаружения склепа князя А.М. Курбского в с. Вербки генерал-губернатору Д.Г. Бибикову – и тот их «одобрил и разрешил литографировать»[757].

В 1847 году М.О. Судиенко принял на себя обязанности попечителя Белоцерковской гимназии[758], а в августе 1848 года возглавил Временную комиссию для разбора древних актов, членами и редакторами которой в то время были первый ректор Киевского университета святого Владимира, известный учёный, писатель и общественный деятель М.А. Максимович, профессор того же университета Н.Д. Иванишев, украинский историк Н.И. Костомаров, писатели Н.А. Ригельман, П.А. Кулиш и другие.

При их содействии Михаил Осипович добился издания комиссией первого тома «Летописи событий в Юго-Западной России в XVII веке», составленной в 1720 году бывшим канцеляристом малороссийской генеральной канцелярии Самуилом Васильевичем Величко, первого тома «Памятников Киевской археографической комиссии», второго тома «Ле-

тописи событий в Юго-Западной России в XVII веке» под редакцией Н.А. Ригельмана (1851), третьего тома «Памятников Киевской археографической комиссии» (1852), «Летописи гадячского полковника Григория Грабянки» под редакцией И.И. Самчевского (1853) и других работ.

В 1855 году комиссия издала третий том «Летописи событий в Юго-западной России в XVII веке» под редакцией И.И. Самчевского и запланировала издание актов, относящиеся к истории православной церкви. Однако из-за недостатка собранных к тому времени материалов осуществить запланированное не удалось.

Не удалось опубликовать и задуманный Михаилом Осиповичем особый сборник актов, поясняющих историю Украины с первой половины XVII века до начала правления гетмана Даниила Апостола, который должен был включать в себя подлинные малороссийские акты, присланные в Москву от гетманов, старшин, духовных и светских лиц и русские документы малороссийского приказа.

Для подготовки указанного сборника почётный член комиссии князь М. Оболенский в течение 1852–1853 гг. прислал в комиссию из Главного архива около 600 документов, охватывающих период украинской истории с 1624 по 1688 гг. и 20 документов из Московского сенатского архива, извлечённых из официальной переписки гетмана Мазепы 1703–1705 гг.

Указанных документов было достаточно для того, чтобы начать публикацию сборника, однако князь М. Оболенский настоятельно попросил Судиенко отложить его издание до другого времени. Михаил Осипович пытался убедить князя, что «эти драгоценные памятники отечественной истории решительно не содержат в себе ничего такого, что могло бы быть неуместным к изданию при нынешних обстоятельствах»[759], однако тот остался непреклонным.

Начиная со второй половины 1854 года и на протяжении последующих пяти с половиной лет ассигнование комиссии, которую возглавлял Судиенко, было сокращено до минимума. Несмотря на это, она продолжала свою работу и благодаря Михаилу Осиповичу, «немало жертвовавшему собственных средств на издания и другие нужды»[760], не прекратила свою деятельность.

Кроме издательской деятельности, Временная комиссия для разбора древних актов занималась выявлением и изучением архивных документов. Эта деятельность была главной в работе комиссии, и ею занимались все члены.

Занимался этой работой и Михаил Осипович Судиенко, который ещё

в 1844 году предложил рассмотреть архив фельдмаршала графа П.А. Румянцева-Задунайского, который находился на хранении в Чернигове и подвергался уничтожению. Для этого он обратился к Киевскому генерал-губернатору Д.Г. Бибикову и при его содействии 23 сентября 1850 получил разрешение императора Николая I на передачу архива в комиссию.

Два года спустя, в январе 1852 года, Румянцевский архив был доставлен в Киев, и М.О. Судиенко вместе с капитаном П. Саковичем занялся его рассмотрением. Работа по разбору архива продолжалась с апреля 1852 года по 2 февраля 1853 года. За это время им было изучено более 2900 дел, включавших в себя документы гражданского управления Украиной, судебной системой, командованием войсками в мирное и в военное время и т.д. Часть из них была отобрана и оставлена в комиссии для использования в научных целях; дела, имевшие специальный военно-исторический характер, были отправлены в архив военного министерства, а остальные возвращены в Черниговский архив[761].

Во время работы в комиссии Судиенко удалось собрать одну из лучших в России частных коллекций рукописей, книг и документальных материалов по истории Гетманщины XVII–XVIII веков. Значительную их часть он приобрёл у Василия Васильевича Полетики – внука известного украинского историка, общественного деятеля и писателя Григория Андреевича Полетики (1725–1784): «Летопись событий в Юго-Западной России в XVII веке», «Летопись гадячского полковника Григория Грабянки»[762] и т.д.

Желая донести указанные и другие документы до широкого круга читателей, М.О. Судиенко решил издать сборник «Материалов для отечественной истории».

В письме к своему другу М. Максимовичу по этому поводу он писал, что «этот сборник будет выходить по две книжки, и будет заключать в себе:

1. Универсалы гетманов по гетманству;

2. Описание местностей малорусских по 10 полкам;

3. Грамоты царей и императоров к гетманам, не напечатанные в «Полном собрании законов»»[763].

В 1853 и 1855 гг. Михаил Осипович отчасти осуществил свою мечту и издал в Киеве первые два тома «Материалов для отечественной истории».

В первый том сборника он поместил документы гетмана Украины Апостола Даниила Павловича – краткий журнал его поездки в Москву на коронацию императора Петра II, универсалы гетмана за 1727–1732 гг.

и описание его имений, а во второй – письма к гетману Украины Ивану Ильичу Скоропадскому от князя А. Меньшикова (1708–1722), канцлера Г. Головкина (1708–1722), подканцлера П. Шафирова (1709–1716), киевского губернатора князя Д. Голицына (1709–1718), графа Б. Шереметьева (1708–1718) и других лиц[764].

В 3-й том «Материалов для отечественной истории» он планировал включить документы о правах и привилегиях города Чернигова, некоторые акты, относящиеся к истории Переславля, Кременчуга, а также акты времён Б. Хмельницкого. Однако в полной мере осуществить задуманное ему не удалось.

В 1851 году Судиенко за свой счёт издал в Киеве «Топографическое описание Черниговского наместничества» в двух частях, составленное в 1786 году Афанасием Филимоновичем Шафонским, в первой части которого содержится краткое географическое и историческое описание Малороссии со времен Литовского и Польского владычества до её раздела на три наместничества, а во второй – топографическое описание Черниговского наместничества, каждого его уезда и города[765].

Кроме указанных работ, Михаил Осипович опубликовал много материалов по истории Украины в «Чтениях в императорском обществе истории и древностей российских»: «Письма графа Г. Головкина к гетману И. Скоропадскому» (1847, кн. 1, с. 1–8); «Письма императора Петра I к малороссийскому гетману И. Скоропадскому» (1848, кн. 8, с. 42–44); «Письма к малороссийскому гетману Ивану Ильичу Скоропадскому, от царевен Екатерины и Елизаветы Петровен, и царицы Екатерины Алексеевны» (1848, кн. 1, с. 105–108); «Архив военно-походной канцелярии графа П.А. Румянцева-Задунайского» (1865. кн. 1, с. 1–270; 1865, кн. 2, с. 1–330; 1866, кн. 1, с. 1–274; 1875, кн. 4, с. 1–112; 1876, кн. 1, с. 113–240; 1876. кн. 2, с. 241–294); «Бумаги к управлению Малороссией графа П.А. Румянцева-Задунайского относящиеся» (1861, кн. 1, с. 137–165); «Плач о пленении и о конечном разорении превысокого и пресветлейшего Московского государства в лето 7119 г.» («Временник Общества истории и древностей российских», 1850, кн. 6, с. 56–61); «Письмо генерала П.Б. Пассека к П.А. Румянцеву от 14 мая 1780 г.» («Русская старина», 1882, т. 33, № 1, с. 189–190) и др.

Изданием указанных и других работ он внёс значительный вклад в развитие украинской истории и заслужил достойную оценку современников, в том числе и М.А. Максимовича, который писал, что «история Малороссии значительно обогатилась и продвинулась вперёд разнообразными трудами Бодянского, Домбровского, Зубрицкого, Иванишева, Косто-

марова, Маркевича, Самчевского, Судиенко и других»[766].

В августе 1857 года Судиенко уволился с должности председателя Временной комиссии для разбора древних актов в Киеве «в связи с ухудшением состояния здоровья», однако не оставил общественной деятельности и в следующем году был избран в состав Черниговского губернского комитета «По улучшению быта помещичьих крестьян» от Новгород-Северского уезда.

К тому времени он убедился в необходимости отмены крепостного права и проповедовал по Киеву самые либеральные взгляды по крестьянскому вопросу, заявляя, что он был против отмены крепостного права, «но когда она неизбежна, то необходимо предъявлять требования умеренные и тем утвердить прочные интересы дворянства и спасти страну от бедствия»[767].

Аналогичных взглядов он придерживался и после избрания в состав комитета «По улучшению быта помещичьих крестьян», и вместе с другими членами комиссии либерального направления выступал за отмену крепостного права и наделение крестьян за выкуп небольшими участками земли.

По окончании работы в комитете, 22 февраля 1859 года, Михаил Осипович поселился в своём доме в Новгороде-Северском и занялся упорядочением личного архива, в котором насчитывалось 92 рукописи и 43 атласа карт и видов, относящихся к разным местностям России, в том числе 14 богословских рукописей, 25 томов по правоведению и политике (допросы Пугачёва, учинённые в отделении Временной комиссии в присутствии Павла Сергеевича Потёмкина; разные указы из Генеральной войсковой канцелярии за 1722–1724, 1726–1727 гг.; рескрипты Екатерины II, императора Павла и т.д.), 50 томов по истории и географии (Записка Карамзина о древней и новой России; Краткая записка о малороссийских казаках; Журнал путешествия гетмана Апостола в Москву в 1828 г. и др.), а также его личные документы и документы его отца Судиенко Осипа Степановича[768].

После смерти Михаила Осиповича указанный архив достался в наследство его старшему сыну Иосифу Михайловичу Судиенко, который завещал его университету святого Владимира в Киеве.

Михаил Осипович был крупным землевладельцем и промышленником. До отмены крепостного права он владел обширными имениями в сёлах Андрейковичи, Андреевка, Голубовка, Добротово, Каменская Слобода, Очкино, Пятовск, Работин, Решетки, Собичево, Чернижов и др.[769], в которых проживало около 2700 крепостных крестьян мужского пола

(1828)[770] и числилось более 15 тысяч десятин земли, а также имел в собственности винокуренные заводы в селе Очкино и Красном хуторе и свеклосахарный завод в селе Голубовке.

Значительную часть получаемого дохода он тратил на благотворительные цели. В 1838 г. Судиенко пожертвовал 30000 руб. на строительство благородного пансиона при Черниговской мужской гимназии, в 1843 году перечислил 630 руб. серебром на нужды учащихся Черниговской гимназии[771], а в 1845 году оснастил ученическую квартиру Черниговской гимназии всеми принадлежностями и подарил ей значительное собрание книг[772].

Во время пребывания на должности почётного опекуна Новгород-Северской гимназии Михаил Осипович подарил гимназической библиотеке 578 книг на немецком, французском и английских языках и 75 книг на русском языке[773].

В 1855 году, во время войны с Турцией, он «со значительными со своей стороны пожертвованиями» сформировал Новгород-Северскую ополченскую дружину, предназначенную для пополнения регулярной армии[774], а задолго до этого времени, в 1821 году, построил каменный храм Рождества Христова в селе Каменская Слобода на Новгород-Северщине [27, с. 52].

За указанную и другую благотворительную и общественную деятельность он был награждён орденом Святой Анны 2-й степени с короной (1849)[775], орденом Святого Станислава 2-й степени, а 22 сентября 1856 года – орденом Святого Владимира 4-й степени.

Михаил Осипович Судиенко был членом комитета по возобновлению древней внутренней росписи в Софийском соборе г. Киева (с июня 1844)[776], действительным членом отделения этнографии императорского русского географического общества (с 30.11.1852)[777], почётным членом Черниговского губернского статистического комитета[778] и инициатором создания при университете святого Владимира в Киеве Центрального архива[779], в котором предлагал собирать все «гродские, городские и земские книги, рассеянные по трём»[780] юго-западным губерниям: Киевской, Подольской и Волынской.

Последние годы своей жизни Судиенко проживал в Новгороде-Северском, в собственном жилом доме, в котором 8 сентября 1825 года останавливался на отдых император Александр I, а 15 сентября 1825 года – императрица Елизавета Алексеевна[781].

В конце 50-х годов XIX века у него обнаружилась катаракта. Болезнь постепенно прогрессировала, и за два года до смерти М.О. Судиенко полностью потерял зрение. К этому недугу присоединились и другие за-

болевания, которые 8 сентября 1871 года привели его к смерти[782].

Судиенко много сделал для украинской истории и своего края – и в знак благодарности за это был похоронен на территории Спасо-Преображенского Новгород-Северского монастыря[783]. Однако его могила до наших дней не сохранилось.

По воспоминаниям современников, Михаил Осипович был человеком «хорошо образованным»[784], «с умом серьёзным, просвещённым и острым. Его правила были непоколебимы, его мнения не подчинялись никакому расчёту и уступали только убеждениям, им самим выработанным. Принадлежа, по состоянию и воспитанию, к высшему классу, он был по чувствам и образу мыслей человеком вполне народным и признавал дворянское достоинство только в нравственном его значении. Кто знал его хорошо, в том не могло не сложиться убеждение, что этот человек во всю жизнь свою не изменил сознательно никакому долгу»[785].

С 1829 года М.О. Судиенко состоял в браке с Надеждой Михайловной Миклашевской, дочерью общественного и государственного деятеля России сенатора М.П. Миклашевского, женщиной «высокой, стройной, доброй»[786], «милой»[787], «тихой и скромной»[788], и имел от неё трёх сыновей: Иосифа (27.07.1830 – 5.12.1892), который в 1876–1892 гг. был губернатором Владимирской губернии[789], Александра (28.07.1832 – 12.04.1882), занимавшего в 1881–1882 гг. должность предводителя дворянства Новгород-Северского уезда Черниговской губернии[790] и Михаила (? – 01.1896), служившего в Новгород-Северском уездном отделении попечительства о тюрьмах[791], и четырёх дочерей: Марию (1831 – † в малолетстве), Елизавету (3.03.1834 – † в малолетстве), Анастасию (14.12.1844 – 8.05.1873), которая была замужем за князем Эммануилом Васильевичем Голицыным (18.09.1834 – 1892)[792] и Екатерину (? – после 1914), которая состояла в браке с киевским губернатором Николаем Павловичем Гессе[793] и была пожизненным почётным членом Киевского губернского попечительства детских приютов[794].

Иосиф Михайлович Судиенко

Иосиф Михайлович Судиенко был видным государственным деятелем дореволюционной России и с 30.08.1876 года по 5.12.1892 года занимал пост губернатора Владимирской губернии.

Он родился 27 июля 1830 года в селе Очкино Середино-Будского района Сумской области [37, с. 800], по месту жительства своих родителей – М.О. Судиенко и Н.М. Судиенко (урождённой Миклашевской).

Во второй половине 30-х годов позапрошлого века родители Иосифа Михайловича переехали в Новгород-Северский, поселились в собственном жилом доме, который находился вблизи Спасо-Преображенского монастыря, и пригласили для обучения своих детей лучших преподавателей местной гимназии.

Среди них был и Иосиф Акимович Самчевский, инспектор Новгород-Северской гимназии, автор «Воспоминаний», опубликованных в 1893–1894 гг. в журнале «Киевская старина». Он преподавал будущему владимирскому губернатору и его младшему брату Александру Закон Божий, русский язык и словесность. По его свидетельству, «сыновья Судиенко учились хорошо, особенно даровит из них был старший (Иосиф Михайлович Судиенко)»[795].

В 1843 году Судиенки переехали в Киев, где Иосиф Михайлович поступил на историко-филологический факультет университета святого Владимира.

В 1851 году он окончил университет со степенью кандидата[796] и 5 декабря того же года был принят на военную службу унтер-офицером в Драгунский Его Императорского Величества наследника цесаревича полк[797], в котором 18 января 1852 года был произведён в юнкеры, 13 сентября 1852 года в прапорщики, а 4 августа 1854 года в поручики.

С 27 января 1854 года по 12 января 1855 года И.М. Судиенко служил адъютантом при командире 1-й Драгунской дивизии, а затем был прикомандирован к Елисаветградскому драгунскому полку и 17 декабря 1856 года зачислен в полк поручиком.

Во время Крымской войны 1853–1856 гг. Иосиф Михайлович принимал участие в походе русских войск по Молдавскому княжеству (с 17.05.1854 по 27.08.1854 гг.), в походе против соединённых войск Турции, Англии, Франции и Сардинии (с 21.10.1854 по 31.12.1854 гг.), в сражении под командованием генерала от инфантерии князя Горчакова П.Д. (24.10.1854), в усиленной рекогносцировке под командованием генерал-лейтенанта Хрулёва С.А. (5.02.1855), в боях с турками у села Саки (15.05.1855, 13.09.1955), на речке Чёрной и на Федюхиных высотах (4.08.1855), между аулом Чеботари и Темешским телеграфом (11.10.1855) и вблизи аула Чеботари (15.10.1855)[798], а также неоднократно направлялся с разного рода поручениями в северную часть Севастополя, которая подвергалась усиленному артобстрелу противника. За проявленную в ходе боевых действий храбрость он был награждён серебряной медалью за защиту Севастополя и бронзовой медалью в память о войне 1853–1856 гг.[799]

10 июня 1857 года Судиенко был переведён в Днепровский пехотный полк и назначен преподавателем истории в училище подпрапорщиков при штабе 4-го армейского корпуса, а 25 апреля 1860 года прикомандирован к лейб-гвардии Гусарскому Его Величества полку с шестимесячным испытательным сроком. По окончании испытания его 6 ноября 1860 года зачислили в списки полка поручиком, а 17 апреля 1862 года пожаловали в штабс-ротмистры.

28 марта 1864 года И.М. Судиенко уволился из армии по домашним обстоятельствам[800], возвратился на свою родину и 18 июля 1865 года был избран на должность председателя Новгород-Северской уездной земской управы, а 5 октября 1868 года переизбран в указанной должности на новый срок.

Работая в должности председателя, Судиенко пытался улучшить систему образования в Новгород-Северском уезде и для повышения качества подготовки учащихся предлагал: «1) приискать наставников-специалистов; 2) полностью обеспечить их в материальном отношении; 3) правильно устроить сельские школы и 4) на первое время, ввести обязательное для поселян обучение грамоте»[801]. Однако из-за отсутствия средств осуществить свои замыслы не смог.

В 1867 году Иосиф Михайлович был избран кандидатом на должность предводителя дворянства Новгород-Северского уезда, 22 августа 1868 года утверждён в должности предводителя, а 3 июня 1869 года переизбран в указанной должности на новый срок.

В 1868 и 1872 гг. И.М. Судиенко избирался почётным мировым судьёй Новгород-Северского судебного мирового округа, в 1872 году – мировым судьёй Глуховского судебного мирового округа, а 1 мая 1869 года – председателем съезда мировых судей Новгород-Северского судебного округа.

30 августа 1869 года Судиенко присвоили звание камер-юнкера двора Его Императорского Величества, а 17 октября 1869 года назначили исполняющим обязанности Черниговского вице-губернатора с присвоением чина надворного советника.

28 марта 1871 года его утвердили в должности вице-губернатора и за отличия по службе присвоили чин коллежского советника, а 30 июня 1872 года – статского советника.

В должности вице-губернатора И.М. Судиенко работал до 2 января 1876 года и, по свидетельству близко знавших его людей, «жил открыто, отличался радушием и гостеприимством и пользовался всеобщим уважением и любовью как местных жителей, горожан и дворян, так и подчинённых ему чиновников губернского правления»[802].

2 января 1876 года Иосифа Михайловича назначили исполняющим обязанности владимирского губернатора, а 30 августа того же года произвели в чин действительного статского советника и утвердили в должности губернатора[803].

Владимирской губернией И.М. Судиенко управлял около 17 лет – «дольше всех остальных владимирских наместников и губернаторов за всё время существования наместничества и губернии»[804], и «необыкновенно добросовестным исполнением своих обязанностей и своими личными качествами снискал себе общую симпатию и глубокое уважение»[805].

За время губернаторства Судиенко во Владимире было открыто ряд общественных учреждений и благотворительных заведений: Братство святого благоверного великого князя Александра Невского (16.11.1879), приют для престарелых лиц духовного звания (1880), ремесленно-грамотная школа при Владимирском благотворительном обществе (1882), ремесленное училище действительного тайного советника И. Мальцова (14.11.1885), городская богадельня для престарелых бедных мещан города Владимира в память 900-летия крещения Руси (1890), Община сестёр милосердия во имя святого благоверного великого князя Георгия Всеволодовича (25.10.1892)[806], городское трёхклассное училище, четырёхклассная прогимназия[807] и т.д.

Вторая половина губернаторства Судиенко совпала с началом забастовочного движения в России, волна которого прокатилась и по Владимирской губернии. 7 января 1885 года на текстильной фабрике Морозова в местечке Никольском вспыхнула забастовка, известная из истории как Морозовская стачка. Рабочие фабрики, недовольные объявлением праздника Крещения Господнего рабочим днём, непомерными штрафами и тяжёлыми условиями труда, отказались выйти на работу. В ответ на это Судиенко лично отдал приказ войскам применить силу, арестовать наиболее активных участников стачки и выслать более 600 рабочих из Никольского по месту жительства[808].

В другом случае, когда 24 февраля 1887 года около 600 рабочих Ковровских железнодорожных мастерских отказались взять введённые новым законом расчётные книжки, Иосиф Михайлович запретил допускать их к работе.

Действовал ли Судиенко в указанных и других подобных случаях по своим личным убеждениям, или же его к тому принуждали обстоятельства – мы не знаем. Некоторые склонны считать, что за время управления Владимирской губернией его взгляды изменились, и он превра-

тился из либерального политика, каким был при вступлении на должность губернатора, в реакционно настроенного царского чиновника. Такой точки зрения придерживался академик В.П. Безобразов, который лично знал Иосифа Михайловича и в своих воспоминаниях писал: «Судиенко стал решительно другим человеком, как я его знал шесть лет назад. Он стал отвратителен своим реакционным направлением, он даже фанфаронит своим деспотизмом, хвастается своими произвольными распоряжениями»[809].

Однако, как бы там ни было, Судиенко добросовестно относился к исполнению своих служебных обязанностей и за успехи по службе был награждён орденами: Святой Анны 2-й степени (30.08.1874), Святого Станислава 1-й степени (1.01.1879), Святой Анны 1-й степени (1882), Святого Владимира 2-й степени со звездой (15.05.1883), орденом Белого Орла (1888), а также удостоен звания камергера (17.04.1877), должности шталмейстера двора Его Императорского Величества (17.04.1886)[810] и чина действительного статского советника[811] (по другим данным – тайного советника[812]).

Иосиф Михайлович был крупным землевладельцем и перед назначением на должность исполняющего обязанности владимирского губернатора владел 6000 десятинами земли в Новгород-Северском уезде Черниговской губернии и 4300 десятинами в Глуховском и Конотопском уездах той же губернии[813].

С 1864 года он был женат на фрейлине императрицы Юлии Михайловне Пашковой (1834 – 29.11.1895), дочери генерал-лейтенанта Михаила Васильевича Пашкова и графини Марии Трофимовны Барановой[814]. Юлия Михайловна была попечительницей Владимирской женской гимназии и много заботилась о её нуждах. В знак благодарности за это, 23 апреля 1890 года император России учредил две стипендии её имени, которые выплачивались дочерям малообеспеченных потомственных дворян Владимирской губернии[815].

Иосиф Михайлович прожил немногим более 62 лет и умер 5 декабря 1892 года в Москве, после тяжёлой и продолжительной болезни. Он занимал высокую должность в местной администрации царской России и был похоронен на территории Новодевичьего монастыря[816]. Его могила до наших дней не сохранилась[817].

После его смерти остался бесценный архив документов, собранных его отцом М.О. Судиенко, который включал в себя около 100 номеров отдельных рукописей, сборников и связок архивных документов: официальную и частную переписку фельдмаршала П.А. Румянцева-

Задунайского; систематически подобранные копии жалованных грамот городам Киеву и Чернигову; собранные в хронологическом порядке и переплетённые в шесть томов копии грамот, статей, писем и других сочинений, касающихся малороссийской истории 1650–1773 гг.; Дневник Петра Даниловича Апостола; Записку известного защитника малорусского шляхетства Г.А. Полетики о привилегиях и вольностях, которые принадлежали шляхетству на основании «прав малороссийских»; летописи Самуила Величко и Грабянки и другие документы[818].

Архив представлял значительный интерес для истории Украины и по завещанию И.М. Судиенко был передан в 1894 году в библиотеку университета святого Владимира в Киеве[819], где его впоследствии описал профессор В.С. Иконников в своей книге «Опыт русской историографии»[820].

Судиенко не имел своих детей и значительную часть своего имущества передал своим воспитанницам, дочерям Александра Михайловича Судиенко, умершего 12 апреля 1882 года в Новгороде-Северском: Ольге (6.06.1867 – ?), Марии (29.03.1869 – 28.10.1951) и Софии (7.09.1874 – ?).

Ермолай Васильевич Четвертаков

По мнению известного военного историка Евгения Александровича Альбовского, Ермолай Васильевич Четвертаков (Четвертак) был одним из немногих руководителей партизанского движения Отечественной войны 1812 года, подвиги которых были если «не превосходнейшие по результатам, то, во всяком случае, не уступавшие по усердию» подвигам Дениса Васильевича Давыдова[821].

Е.В. Четвертаков родился в 1781 году в селе Мефёдовка Новгород-Северского уезда Черниговской губернии (ныне Середино-Будского района Сумской области)[822], в семье крепостных крестьян действительного тайного советника Петра Васильевича Завадовского.

Как и большинство его сверстников, он не умел ни писать, ни читать и с детства трудился на помещичьих полях и в хозяйстве своих родителей.

В 1804 году Четвертаков был призван в армию и направлен для прохождения службы в Киевский драгунский полк. Однако служить он не хотел и по дороге в полк бежал домой, но вскоре был пойман и 5 ноября 1804 года наказан перед разводом палками[823]. После этого Ермолай Васильевич изменил своё отношение к воинской службе и с того времени был на хорошем счету у командования, которое «аттестовывало его

хорошо»[824].

Во время прохождения службы Е.В. Четвертаков принимал участие во всех «более или менее значительных боевых сражениях» и военных походах своего полка[825], и в начале Отечественной войны 1812 года был направлен в действующую армию для участия в боевых действиях против французской армии.

19 августа 1812 года, в ходе одного из арьергардных боёв у деревни Царёво-Займище, под ним была ранена лошадь и он попал в плен. Три дня французы удерживали Четвертакова в Царёво-Займище, а на четвёртый отправили под конвоем в город Гжатск (в настоящее время город Гагарин Смоленской области). При подходе к Гжатску ему удалось бежать, и он направился к югу от города, надеясь присоединиться к какому-либо подразделению русской армии. Однако к тому времени русские войска уже отступили к Москве, а на территории Гжатского уезда хозяйничали французские мародёры, которые грабили местных жителей, отбирали у них продукты питания и живность.

Е.В. Четвертаков решил противостоять насилию неприятеля и предложил жителям села Басманы Гжатского уезда создать партизанский отряд, который бы защищал их от набегов французов. Однако лишь один местный житель поддержал его начинание. С ним Ермолай Васильевич и отправился в соседнее село Зибково, чтобы склонить его жителей встать на защиту своего края.

По дороге они убили двух вооружённых французов, искавших наживы в окрестных сёлах, завладели их вооружением и формой, а на другой день убили ещё двух французов, которые грабили местное население. Этим они снискали уважение среди жителей села Зибково, и на третий день к ним примкнуло 47 конных крестьян, вооружённых деревянными пиками[826].

Крестьяне были воодушевлены подвигами Е.В. Четвертакова и через несколько дней отправились под его руководством в свой первый поход к деревне Красной Гжатского уезда. Боевые действия отряда Четвертакова подробно описаны в рапорте командира Киевского драгунского полка генерал-майора Георгия Арсеньевича Эммануэля к генералу от кавалерии Петру Христиановичу Витгенштейну №375 от 27 июня 1813 года, который хранится в Российском государственном военно-историческом архиве в Москве. Мы решили не пересказывать его своими словами, а привести дословно в том виде, в каком он напечатан в «Сборнике документов М.И. Кутузова».

«Под селением Царевым-Займищем по причине раненой лошади

Четвертаков был неприятелем захвачен в плен, где и находился три дня, на четвертый бежал под городом Гжацкою-пристанью; пришёл в селение Басманы, подговорил одного мужика, с которым пошли в селение Зибково подговаривать более мужиков для защищения от разорения неприятелем селений; и идучи в оное, встретили на дороге двух пеших вооруженных французов, которых побили, и оделись оба в их платье и амуницию. На другой день в том селении убили двух конных французов, а лошадей со всем конным убором взяли себе. На 3-й день подговорили мужиков 47 человек, которые были на собственных своих лошадях с пиками, а четверо было совсем вооружённых, ехали в селение Красное, где нашли конных в латах 12 человек, коих побили, а лошадей распределили по себе, с коими уже 17 человек вооружённых. А латы вешали на деревья, в кои стреляли мужики для приучения к прицельной стрельбе.

Около оного ж селения захватили 15 человек французов с двумя провиантскими фурами и коляску с офицерским экипажем, коих 15 человек побили, одну фуру разломали, а одну затопили, а коляску взяли и экипаж весь по себе разделили. Возвратились опять на Басманы (где во все время была его, Четвертакова, квартира). В этом селении бурмистр собрал мужиков к 47-ми 253 человека, а всего с прежними 300 человек, из коих выставлен был пикет при селении Басманах из 50 человек; второй расстоянием от оного в 4-х верстах при селении Семёновском и 3-й в 8 верстах при селении Мокром, сии два были в каждом по 30 человек, а всего стояло на пикетах 150 человек. Остальные же 150 человек были посылаемы в партии к Колоцкому монастырю и городу Гжацкой-пристани, к селу Никольску, к селению Михайловке, что к Медыню, которыми партиями взято и побито разными случаями французов: в селении Семёновке 50 человек пеших, и в том же селении в доме у священника сожгли 60 человек, а амуницию с них взяли и вооружились оною и было уже 127 вооружённых; в селении Скугоревой, когда неприятеля подступило целый батальон пехоты с двумя орудиями, для разграбления селения и дома помещика Воикина, тогда по приказанию бурмистров собралось с вотчин графа Орлова-Денисова, князя Долгорукова и Воикина 4000 человек на своих лошадях, кинулись на оной батальон и прогнали к городу Гжацкой-пристани и не допустили разграбить селение и дома помещика; причём отбили 10 фур с фуражом, 30 штук рогатого скота и 20 овец. По изгнании оного батальона мужики прочие были отпущены, а осталось только 300 человек, из коих для содержания постов 150 человек и для разъездов 150 человек. При селении Антоновке взято 19 человек конных в латах, коих и побили, а палашами и ружьями воору-

жились мужики, а латы были вешаны на деревья и мужики, стреляя в оные, приучались к цельной стрельбе. В селении Купсовым собралось 400 человек, с коими взято 70 человек, коих и побили, с них снято 3 знака российских: 2 св. Анны, а 3-й св. Георгия, солдатские (из коих отдано им, Четвертаковым, в городе Могилёве генералу от кавалерии Кологривову св. Анны один, а остальные в то же время взяли мужики). В селении Цветкове убили 50 человек, в селении Михайловке – одного офицера с женою и 14 рядовых, захватили 5 повозок с фуражом и с 6-ю под ними лошадьми. Под городом Гжацкою-пристанью отбили две пушки и один патронный с ружейными патронами ящик, которые не могли следовать по усталости лошадей, убили трёх часовых, которые пушки затопили в болоте, а патроны разделили мужики по себе. И напоследок, когда наша армия шла за французом, при селении Драчёвом убито 50 человек»[827].

После отступления неприятельской армии от Москвы Четвертаков распустил своих бойцов по домам, а сам отправился в Могилёв, в управление генерала от кавалерии Алексея Семёновича Кологривова, где в ноябре 1812 года был зачислен в один из резервных эскадронов, а 8 марта 1813 года произведён в унтер-офицеры[828].

Весной 1813 года резервный эскадрон, в котором служил Е.В. Четвертаков, был направлен в действующую армию и в мае 1813 года включён в состав Киевского драгунского полка, которым командовал генерал-майор Георгий Арсеньевич Эммануэль. Генерал Эммануэль подробно опросил Четвертакова о действиях его партизанского отряда и 27 июня 1813 года подал генералу от кавалерии Петру Христиановичу Витгенштейну рапорт о его награждении.

Витгенштейн поддержал его прошение и 21 июля 1813 года направил обстоятельный доклад на имя главнокомандующего русско-прусской армией Михаила Богдановича Барклая-де-Толли. В нём он подробно описал обстоятельства, при которых был обнаружен партизанский отряда Четвертакова, подчеркнул, что «та страна за 35 верст от Гжацкой-пристани не была разорена, и все обыватели единодушно с чувствительною благодарностью называли его (Четвертакова) спасителем той страны»[829] и попросил представить его к награде. Михаил Богданович Барклай-де-Толли прислушался к доводам своих генералов, высоко оценил заслуги Четвертакова и в 20-х числах июля 1813 года наградил его Знаком отличия Военного ордена за № 23194[830].

Ермолай Васильевич с благодарностью принял заслуженную награду и в составе своего полка отправился в заграничный поход русской армии 1813–1814 гг., в ходе которого принимал участие в боях при Люцене и

Бауцене, при Кацбахе, в «битве народов» под Лейпцигом, при крепости Меце, при взятии Реймса и в сражении при Париже.

Если верить преданиям, по окончании войны он возвратился со своим полком в Киев, дослужил до конца рекрутской службы, а затем вернулся на свою родину и умер в глубокой старости[831]. Однако каких-либо достоверных данных, подтверждающих это, мы не нашли.

В 1912 году гусары Киевского драгунского полка решили увековечить память своего однополчанина и установили на Николаевской церкви села Мефёдовки памятную мемориальную доску в его честь. После революции церковь была разрушена, а обломки мемориальной доски переданы в Сумской областной краеведческий музей, где хранятся и по сей день.

Не забыла героических подвигов Ермолая Четвертакова и Россия. Его имя было высечено на одном из обелисков, установленных на Бородинском мосту в Москве, рядом с именами выдающихся организаторов и руководителей крестьянских партизанских отрядов: Василисы Кожиной, Герасима Курина, Фёдора Потапова, Никифора Савельева, Ивана Скобеева и Егора Стулова[832].

Михаил Васильевич Юркевич

Михаил Васильевич Юркевич был известным в дореволюционной России журналистом, переводчиком и писателем, который сочинял под своим именем и псевдонимами «М. Горюнин»[833] и «Славянский странник»[834].

Он родился в конце 1852 года в селе Красичка Новгород-Северского уезда Черниговской губернии (ныне Середино-Будского района Сумской области)[835] в небогатой дворянской семье подпоручика Василия Юркевича, прямого потомка основателя села Красички – стародубского полкового хорунжего Ивана Афанасьевича Юркевича.

В 1876 года М.В. Юркевич вступил добровольцем в сербскую армию и на протяжении нескольких месяцев принимал участие в боевых действиях против турецких войск, а во второй половине 1877 года был назначен корреспондентом в военно-полевую газету «Летучий военный листок», которая издавалась в городе Свиштове.

По окончании боевых действий и закрытия газеты Юркевич женился на гражданке Болгарии и в 1878 году поступил на службу чиновником интендантской службы в Управлении военных сообщений русской армии на Балканском полуострове[836], а когда управление эвакуировали –

уволился со службы и остался проживать в городе Свиштове.

В 1879 (1880) году он был избран главным учителем Свиштовского училища и около двух лет преподавал в нём историю и староболгарский язык. Работая на указанных должностях, М.В. Юркевич учредил первое в Свиштове общество учителей, на свои средства основал педагогический журнал «Просвещение. Ежемесячный вестник для родителей, воспитателей и преподавателей», и 30 января 1881 года в соавторстве с Ф.В. Сплитеком и Г. Байдановым издал его первый номер.

Однако болгарское общество не поддержало его издательских начинаний, и он перешёл на другую работу (прокурором[837] или адвокатом[838]), и занялся политической деятельностью.

Михаил Юркевич поддерживал идеи консервативной партии Болгарии, искренне надеялся, что они откроют народу и обществу путь к социальному и государственному благополучию, и в 1881 году был избран секретарём Свиштовского Великого Народного Собрания. Однако через какое-то время он переосмыслил свои политические взгляды, изменил отношение к политическому руководству страны и вернулся к публицистической деятельности.

На протяжении последующих двадцати лет Юркевич работал корреспондентом «Новороссийского Телеграфа», «Варшавского дневника», «Московских ведомостей», «Рассвета» и «Санкт-Петербургских ведомостей» на Балканском полуострове[839] и публиковал в них острые статьи с критикой ошибочных действий русских политиков по отношению к Болгарии, Сербии и Македонскому славянству, указывал на их недостатки и ошибки в торговой политики с Болгарией и Македонией, обвинял русских дипломатов в незнании условий жизни местного населения, активно поддерживал обездоленные слои болгарского населения и сочувственно относился к их тяжёлому положению[840].

Во время работы в газете «Новороссийский телеграф» он напечатал острую статью против одесских властей, которые унизительно относились к болгарским эмигрантам. Это вызвало недовольство у одесского губернатора, и он распорядился выслать Юркевича в одну из восточных губерний России. Однако в его защиту выступил известный дипломат и государственный деятель России Николай Павлович Игнатьев. Благодаря его вмешательству М.В. Юркевич избежал ссылки и был направлен в Варшаву, где с 1888 по 1891 гг. курировал славянский отдел газеты «Варшавский дневник»[841].

По новому месту службы Юркевич занялся исследованием творчества известного русского певца, хорового дирижёра и собирателя

народных песен Дмитрия Александровича Агренева (Славянского) и в 1889 году издал обширную работу о его 25-летней художественной и политической деятельности: «Д.А. Славянский в его четвертьвековой художественной и политической деятельности» (М., 1889).

По возвращении из Польши Юркевич поселился в Софии и около десяти лет писал для «Рассвета» и «Петербургских ведомостей».

Одновременно с этим он занимался переводческой деятельностью и в 1903 году перевёл с болгарского языка на русский воспоминания полковника запаса болгарской армии С.И. Кисова: «Из боевой и походной жизни 1877–1878 гг. Воспоминания полковника запаса болгарской армии С.И. Кисова» (София, 1903). Воспоминания имели большой успех среди болгарских и русских читателей, однако получили отрицательную оценку со стороны главного редактора «Санкт-Петербургских Ведомостей» А.А. Столыпина, который обвинил Михаила Юркевича в том, что «в угоду новому режиму он перевёл на русский язык порочащие офицеров воспоминания Кисова и способствовал их распространению с целью вызвать самые дурные чувства к России в болгарском населении», и уволил его за это с работы[842].

На тот момент Михаилу Васильевичу было около 52 лет, и он трудился над главной работой свой жизни: «Двадцатипятилетние итоги княжества Болгарии 1879–1904. Опыт собрания материалов». Указанную работу он задумал написать ещё в 1898 году и планировал издать её в семи томах и девяти книгах: «Землеведение», «Народонаселение», «Государственное и административное устройство», «Культура и быт», «Землеведение, садоводство и скотоводство», «Торговля», «Ремёсла и промышленность», «Финансовое хозяйство», «Материалы к истории политики княжества»[843].

Однако в полной мере осуществить задуманное ему не удалось. Из-за отсутствия средств и материальной поддержки[844] им было опубликовано лишь два тома, состоявшие из трёх книг: «Землеведение» (София, 1904, т. 1, кн. 1), «Статистика состояния населения» (София, 1905, т. 2, кн. 2, ч. 1) и «Статистика состояния населения» (София, 1908, т. 2, кн. 2, ч. 2).

Во время работы над книгой Михаил Васильевич заболел и 29 октября 1909 года скончался в Софии[845].

По свидетельству современников, он был одарённым публицистом, смелым и пылким сторонником славянской идеи[846] и пользовался огромным уважением среди жителей Болгарии[847].

Усадьба Судиенко в Очкино

В конце XVIII – начале XIX века на Украине было построено немало величественных усадебных комплексов: имение графа П.А. Румянцева-Задунайского в селе Вишенки на Черниговщине, усадьба князя В.П. Кочубея в пгт Диканька на Полтавщине, дворец князей Голицыных в городе Тростянце Сумской области, усадьба Осипа Степановича Судиенко в селе Очкино Середино-Будского района Сумской области и другие.

С момента их возведения прошло более 200 лет, и за это время большинство из них кануло в Лету.

Не сохранилась и усадьба Судиенко в Очкино – усадьба, которую Николай Николаевич Врангель, выдающийся первооткрыватель русской усадебной культуры, ставил в один ряд с Дубровицами, Архангельским, Останкино, Кусково, Марьино, Ольгово[848], а известный российский искусствовед, архитектор и художник Георгий Крискентьевич Лукомский считал одной из лучших среди построенных в екатерининскую эпоху[849].

Усадьба в селе Очкино была возведена в середине 80-х годов XVIII века уроженцем города Новгород-Северского тайным советником Осипом Степановичем Судиенко (ок. 1743 – 4.12.1811), который служил в главном Почтовых дел управлении в Санкт-Петербурге и заведовал частными делами А.А. Безбородко.

О.С. Судиенко

По преданию, её строительство было приурочено к приезду Екатерины II, которая, якобы, планировала остановиться в ней на отдых во время своего исторического путешествия из Петербурга в Крым[850]. Так ли это на самом деле – нам установить не удалось.

Из многочисленных литературных источников известно, что маршрут путешествия императрицы через Новгород-Северское наместничество пролегал через город Стародуб, сёла Дохновичи, Мышково, Андреевку, Андрейковичи, Бучки, Смяч, город Новгород-Северский и другие населённые пункты, расположенные на правом берегу Десны.

На участке пути между сёлами Бучки и Смяч императрица могла свернуть с намеченного маршрута и, например, через Каменскую Слобо-

ду заехать в Очкино, официальным собственником которого на то время был А.А. Безбородко, сопровождавший её в путешествии.

Так она поступила поблизости от Херсона, заехав к Александру Андреевичу на обед в Белозерск, недалеко от Кривого Рога, остановившись на ночлег в его усадьбе в Анновке и т.д.[851]

Могла она заехать и в Очкино. Однако никаких указаний на это ни в книге Г.В. Есипова «Путешествие императрицы Екатерины II в Южную Россию в 1787 году»[852], ни в книге П.М. Добровольского «Путешествие императрицы Екатерины II через Черниговский край», составленной по материалам Черниговских архивов[853], ни в камер-фурьерском «Журнале высочайшего путешествия её величества государыни императрицы Екатерины II, самодержицы Всероссийской, в Полуденные страны России в 1787 году», изданном сразу после окончания путешествия, ни в других пересмотренных нами источниках нет.

И только в Черниговских губернских ведомостях за 1855 год есть упоминание о том, что Осип Степанович Судиенко принимал императрицу в своём дворце, однако это было не в Очкино, как утверждал последний очкинский помещик – депутат IV Думы России Евгений Александрович Судиенко, а в селе Рыково Новгород-Северского уезда, недалеко от села Вишенки, куда Екатерина II следовала на встречу с П.А. Румянцевым-Задунайским[854].

Существует предположение, что усадьба Судиенко в Очкино возводилась по проекту известного российского архитектора и графика итальянского происхождения, члена Королевской Академии искусств Швеции Джакомо Кваренги[855], который в конце XVIII – в начале XIX века спроектировал Екатерининский и Смольный институты в Петербурге, гостиные дворы на Красной площади в Москве, собор Спасо-Преображенского монастыря в Новгороде-Северском, усадебный ансамбль А.А. Безбородко в селе Стольном на Менщине, усадебный ансамбль П.В. Завадовского в селе Ляличи на Стародубщине и много других архитектурных сооружений прошлого.

НА. Львов

Однако не все разделяют эту точку зрения. По мнению Алексея Ни-

колаевича Греча, председателя общества изучения русской усадьбы с 1927 по 1930 гг., строительство усадьбы в Очкино осуществлялось по проекту сослуживца Осипа Степановича Судиенко по почтовому ведомству, известного российского архитектора, поэта и музыканта – Николая Александровича Львова (1751–1803)[856], по проектам которого были возведены Никитские ворота Петропавловской крепости, здание Почтового двора (Почтамт) в Санкт-Петербурге, Приоратский дворец в Гатчине, Борисоглебский собор в Торжке, некоторые усадебные постройки в селе Стольном на Менщине, в Ляличах на Стародубщине и т.д.

На принадлежность проекта очкинской усадьбы Н.А. Львову указывает и научный сотрудник Научно-исследовательского института теории архитектуры и градостроения РААСН Андрей Викторович Чекмарев. По его мнению, кроме «наличия в очкинском доме типично львовского бельведера – широкого четверика с термальными окнами, руку Львова выдают и другие постройки усадьбы – лиричный павильон пристани, напоминающий парковую архитектуру в Знаменском-Райке, ворота, оранжереи»[857].

Усадьба Судиенко находилась на южной окраине села Очкино. Со всех сторон она была обнесена каменной оградой, а по её краям, со стороны реки, возвышались две башни со шпилями, которые придавали ей особую живописность.

На территорию усадьбы вели въездные ворота в стиле барокко, украшенные маленькими чугунными изображениями львов, а от них доро-

Въздные ворота

га пролегала к широкой и почти квадратной площадке – партеру перед дворцом.

Со стороны партера дворец был украшен высоким и сравнительно узким портиком колонн тосканского ордера, в полтора этажа по одному фасаду, а над ним возвышался плоский купол, окрашенный в бледно-зелёный цвет.

Рядом с дворцом находились два флигеля, фасады которых украшались низенькими портиками – крылечками из четырёх попарно установленных колонн, а вблизи от него была расположена оранжерея – длинное помещение, украшенное полукруглыми окнами, к торцевым фасадам которого примыкали полукруглые, в классическом стиле входы, увенчанные куполами. По мнению известного российского искусствоведа Г.К. Лукомского, «оранжереи в Очкино были необычно красивы»[858]. Они представляли собой «положительно стильное сооружение, редкое и, пожалуй, даже лучшее в этом роде (если не считать оранжерей в усадьбе Мамонтова под Москвой, у графа Гендрикова в с. Графском и у князя Голицына в с. Должике)»[859].

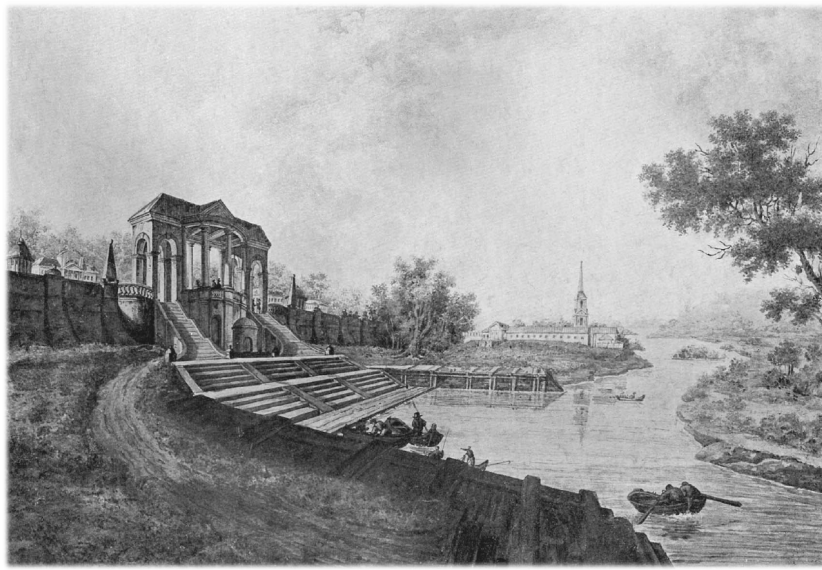
Вид с балкона дворца

Вблизи дома находился корпус служб, представлявший собой длинный одноэтажный флигель, с чередованием крылечек из парных колонн и гладких стен, помещение для приготовления пищи – компактный домик с антресолями, два фасада которого были украшены колоннадой, а

на краю берегового склона был возведён павильон-пристань.

Павильон-пристань считался одним из красивейших сооружений в Очкино. В средней его части, со стороны реки, была установлена прямая колоннада, с другой стороны – полукруглый, уставленный колоннами выступ, а по бокам – две арки. По свидетельству Г.К. Лукомского, павильон отдалённо напоминал беседку в саду Михайловского дворца, а его формы были «просты, но удивительно гармоничны, и белые колонны одинаково восхитительны: и когда они выделялись на фоне зелёного луга (если смотреть на беседку от дома), и когда сквозь них проглядывалась чаща парка (если рассматривать павильон от реки)»[860].

О том, как выглядел павильон-пристань в начале XIX века, можно судить из акварели известного российского живописца Александра Михайловича Кунавина «Вид беседки со спуском на Десну реку господина Судиенко»[861]. Акварель была написана живописцем в начале XIX

Вид на усадьбу и павильон-пристань

века и через несколько лет оказалась в руках малороссийского генерал-губернатора князя Алексея Борисовича Куракина, близкого друга Осипа Степановича Судиенко. До революции она хранилась в семейной вотчине Куракиных – в селе Надеждино Саратовской губернии[862], а после революции поступила в Государственный музейный фонд России, откуда в 1925 году была передана в Национальный художественный музей Украины, где и хранится по сей день[863].

Метрах в пятидесяти от павильона-пристани находился двухэтажный дворец усадьбы, который был украшен высоким портиком колонн с приплюснутым фронтоном, полукруглыми окнами в венецианском стиле и колоннадой со стороны парка.

Внутри дворец был богато и изысканно отделан в стиле Людовика XVI. Его обширный вестибюль, ведущий в расположенный посередине дома огромный двухсветный зал, был украшен колоннами и расписан белой росписью на синем фоне. Стены зала были увешаны портретами царей из дома Романовых и украшены богатейшей орнаментальной росписью с изображением римских руин в медальонах. Посредине зала была установлена большая ваза, а с потолка свешивалась огромная хрустальная люстра, с голубым стеклом грушевидной формы внутри.

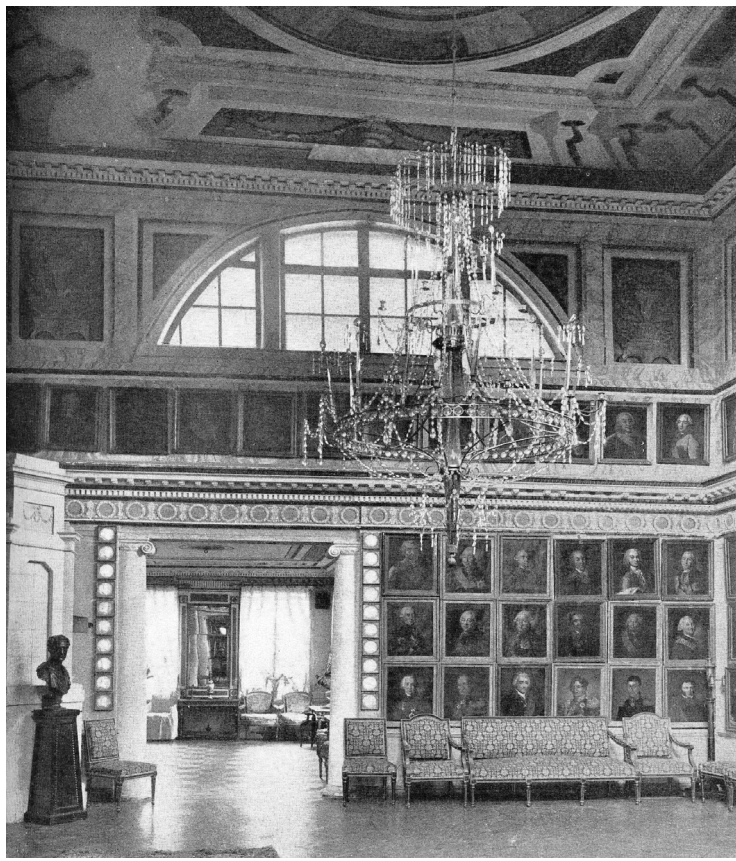

Вестибюль дворца

Во дворце имелись две хорошо украшенные гостиные, два полузала, столовая, большая библиотека и множество кабинетов и спален.

Очкинское имение всегда восхищало своих посетителей богатством и красотой строений и обстановки. В своих воспоминаниях офицер кавалерийского полка Никита Иванович Толубеев, посетивший с группой своих сослуживцев в начале XIX века усадьбу Судиенко, писал: «Едучи туда, мы предполагали увидать в Очкино всё обыкновенное – сельское, но как удивились, когда представилось нам всё городское, и даже столичное. Двор представлял собой квадратную площадь, величиной десятины с две или более. Он прилегал к реке Десне и возвышался над нею.

На противоположной стороне двора находился огромный трёхэтажный, каменный, новейшей архитектуры дом, а по обе стороны от него были расположены большие каменные флигели, которые образовывали скобу, концами к Десне прилегающую, почему в полую воду, когда она почти равнялась с поверхностью двора, проходящие по Десне водоходные суда представлялись как будто по двору плывущими.

Общий вид зала

Всё это огромное строение наполнено было дорогой мебелью, особенно главный дом, в котором были комнаты, обитые китайскими тканными обоями, ценою тысяч по двадцать и тридцать.

Столовая вся была обвешана грудными в натуральную величину портретами всех известных российских князей, царей и императоров, здесь же находился и тканый портрет императрицы Екатерины II, превосходной работы, а под ним портреты Безбородко, Румянцева, Суворова,

Потёмкина и других, отличившихся в военной, статской и придворной службах мужей.

В верхнем этаже многие комнаты были обвешаны такими же портретами всех по истории известных европейских, азиатских и даже частью африканских и американских государей.

Две комнаты дома были обвешаны историческими и аллегорическими картинами, некоторые из которых на обратной стороне имели натуральные изображения.

Почти все комнаты снабжены были часами футлярными, столовыми и прочими, какие для удовлетворения богатой роскоши выдуманы. Нет из них ни одних часов, которые бы стоили одну тысячу, но всякие – две, три, четыре, пять, десять тысяч и так далее, даже до двадцати четырёх тысяч рублей.

В одной комнате стоит китайская кровать, которая также стоит более десяти тысяч рублей, и все флигели наполнены также дорогою мебелью.

Словом, нам, ехавшим от Новгород-Северского по необитаемым местам и между лесов, всё наружное в Очкино показалось волшебным, а внутреннее привело в удивление»[864].

Был восхищён усадьбой Судиенко и малороссийский генерал-губернатор князь Алексей Борисович Куракин, который во время путешествия по губернии в августе-сентябре 1802 года заболел и на несколько дней останавливался на отдых в Очкино. Свои воспоминания от увиденного он 5 сентября 1802 года описал в письме к своему брату: «Среди мест, в которых я останавливался, находится жилище господина Судиенкова. Я оставался там на два дня и чувствую себя после этого лучше. То, что я увидел у него, нельзя представить себе: количество, красота и вкус сооружений, которые далеко от дорог и в окружении лесов находятся, напоминают мне сказочные времена. Только богатство построек графа Шереметьева и принца Безбородко могли бы их превзойти; все другие не могут даже сравниться»[865].

Не осталась равнодушной к усадьбе Судиенко и действительный член общества изящных искусств России Мария Клавдиевна Тенишева, которая, выйдя замуж за князя Вячеслава Николаевича Тенишева, проплывала в 1892 году по Десне мимо Очкина на пароходе «Благодать». Свои воспоминания от увиденного она описала в своей книге «Впечатления моей жизни», которая была выпущена в 1933 году в Париже. «Перед нами раскинулась удивительно величественная картина, облитая ярким солнцем. Утопая в пышной весенней зелени, на фоне колоссальных то-

полей, лип и дубов торжественно стоял роскошный белый господский дом с высокими гордыми колоннами. Это чарующее видение – творение прошлого, страница, созданная и пережитая нашими дедами, баловнями судьбы, разом, неожиданно предстала перед нами. Название этого рая – Очкино. Мы навсегда сохранили впечатление этого истинно барского жилища, редкого по красоте и уюту»[866].

В очкинской усадьбе хранилось огромное количество предметов, представлявших высокую историческую и художественную ценность. Среди них: ваза императорского завода павловского времени; ваза с пейзажем александровского времени; замечательный орган из тёмного орехового дерева, покрытый изысканной бронзовой арматурой; волшебные миниатюры, датированные 1785 годом; удивительная «хрустальная горка» эпохи Людовика XVI; плафон «с фруктами» и видами античных белых построек; изумительная мебель стиля переходного от Людовика XV к Людовику XVI; диваны, кресла, шкафы, комоды, люстры, рамы и много других удивительных по своей красоте и изысканности произведений искусства, а также бюст А.А. Безбородко (по другим данным – князя Г.А. Потёмкина), предположительно, работы известного русского скульптора Федота Ивановича Шубина[867].

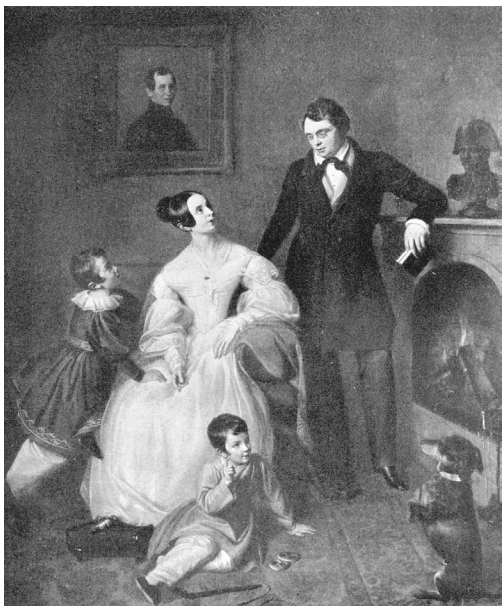

Хрустальная горка

Однако наибольший интерес представляла картинная галерея. Она принадлежала к наиболее известным частным коллекциям на Украине, и истинные ценители искусства ставили её в один ряд с коллекциями А.М. Лазаревского (собрание древностей, гравюр и портретов малороссийских деятелей); В.В. Тарновского (собрание портретов и предметов домашнего быта) и других собирателей древности[868].

Коллекция включала в себя портрет основателя усадьбы О.С. Судиенко работы Д.Г. Левицкого[869]; портрет О.С. Судиенко работы известного портретиста В.Л. Боровиковского; портрет М.О. Судиенко работы немецкого художника К.Х. Фогель-фон-Фогельштейна[870]; портрет М.О. Судиенко работы французского живописца Ф.К. Винтергальтера; портрет князя Кантемира работы Д.Г Левицкого; портрет князя А.А. Безбородко (автор неизвестен); портрет графа П.А. Румянцева-Задунайского

(автор неизвестен); портрет императора Павла (автор неизвестен); автопортрет, который приписывался К.П. Брюллову; две картины «Фрукты» известного швейцарского живописца Ж.Е. Лиотарда; полотна Ф. Вувермана и Э. Вандервельде[871]; картину К.Х. Фогель-фон-Фогельштейна «М.О. Судиенко с семьей»[872]; картину «Мадонна» А. Корреджио; несколько картин И.К. Айвазовского и Х.Д. Рауха[873]; картину К.Х. Фогель-фон-Фогельштейна «Анна Болейн за решеткой»; портрет В.А. Моцарта, работы известного австрийского художника Й. Грасси[874]; портрет А.С. Пушкина, писанный масляными красками «Типа Кипренского»; портреты царей из рода Романовых и «всех великих людей России, начиная с Петра»[875], которые были из той же серии, что и портреты в галереях Юсуповых в Архангельском и Воронцовых в Андреевском, и много других полотен, а также рисунки с видами Киева, Михайловского монастыря, Софийского собора и др.

М.О. Судиенко с женой и детьми

В усадьбе хранилась коллекция старинных малороссийских портретов[876]. Однако подробных сведений о её составе нет[877]. Есть лишь упоминание о том, что при издании книги «Исторические деятели Юго-Западной России в биографиях и портретах» (Киев, 1885), «портрет Юрия Хмельницкого писан был с изображения его, находящегося у Судиенко».[878]

Со дня основания усадьба принадлежала Осипу Степановичу Судиенко, а после его смерти, которая наступила 4 декабря 1811 года, досталась в наследство его сыну – известному украинскому археографу и историку Михаилу Осиповичу Судиенко. В его собственности она находилась до 8 сентября 1871 года, после чего перешла по наследству к его среднему сыну – предводителю дворянства Новгород-Северского уезда Александру Михайловичу Судиенко (28.07.1832 – 12.04.1882), а от него к его детям – последним помещикам Очкина: депутату IV Государственной

Думы России Евгению Александровичу Судиенко и его брату, георгиевскому кавалеру Георгию Александровичу Судиенко.

После октябрьской революции Судиенки покинули свою усадьбу, забрав с собой лишь несколько картин, которые представляли для них наибольшую ценность.

После их отъезда принадлежащая им картинная галерея, огромная библиотека, старинная мебель, посуда и другое имущество было захвачено местными крестьянами, «кто сколько успел захватить». «Картины, рисованные знаменитыми художниками, масляными красками, на полотнищах были оборваны крестьянами и использованы на портянки, огромная библиотека разобрана на курево, а усадьба частично сожжена»[879].

По воспоминаниям местного краеведа Фёдора Лукича Котова, «к 1927 году от кирпичных строений усадьбы остались только фундаменты. Всё остальное было разобрано крестьянами на стройматериалы и использовано для строительства своего жилья. Столетние деревья – пирамидальные тополи, клёны, липы, ели и фруктовые сады – были срезаны, а прекрасный уголок земли превращён в пустырь».

Из когда-то величественного усадебного комплекса и прекрасного парка в английском стиле до наших дней сохранились лишь три заросших пруда. Всё остальное, к сожалению, навсегда утрачено.

Список использованных источников:

1 ЦГИАК. Ф. 1336. Оп. 1. Д. 5 (1797 год).

2 Список наявних у Малоросійській губернії селищ, із зазначенням, в яких вони містяться повітах і скільки в кожному душ чоловічої статі, що сплачують податки 1799–1801 рр. // Описи лівобережної України кінця XVIII – початку XIX ст. – Київ, 1997.

3 Списки населённых мест Российской империи. Том XLVIII. Черниговская губерния. – СПб., 1866.

4 Волости и важнейшие селения Европейской России. Вып. III. Губернии Малороссийские и Юго-Западные. – СПб., 1885.

5 Список населённых мест Черниговской губернии, имеющих не менее 10 жителей по данным 1892 г. // Календарь Черниговской губернии на 1893 год. – Чернигов, 1892.

6 Руссов А.А. Описание Черниговской губернии. Том 2. Приложение IV. Списки населённых мест Черниговской губернии. – Чернигов, 1899.

7 Список населённых мест Черниговской губернии, имеющих не менее 10 жителей по данным 1901 г. – Чернигов, 1902.

8 Список селений Черниговской губернии по уездам и волостям. – Чернигов, 1913.

9 Список селений и городов Черниговской губернии по уездам и волостям. – Чернигов, 1919.

10 Список населённых мест Черниговской губернии на 1924 г. – Чернигов, 1924.

11 Список населених місцевостей Глухівщини. – Глухів, 1927.

12 Военно-топографическая карта Генерального штаба СССР, 1941 года издания, масштаб 1:100000, листы N-36-139, N-36-140, N-36-141.

13 Історія міст і сіл Української РСР. Сумська область. – К., 1973.

14 Середино-Будський район. Долі людей та поселень краю. (Упор. Нетудихаткін А.В.). – Суми, 2009.

15 Приложения к трудам редакционных комиссий для составления положения о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. Сведения о помещичьих имениях. – Т. 6. – СПб., 1860.

16 О выкупе земельных наделов временнообязанными крестьянами. Черниговская губерния. // РГИА. – Ф. 577. – Оп. 47.

17 Кулаковський П.М. Чернігово-Сіверщина у складі Речі Посполитої 1618-1648 рр. – К., 2006.

18 Лазаревский А.М. Описание старой Малороссии. Т. 1. Полк Стародубский. – К., 1888.

19 Генеральне слідство про маєтності Стародубського полку. – Т. 1. – К., 1929.

20 Константинович Н.К. Обозрение Румянцевской описи Малороссии. Вып. 3. Полк Стародубский. – Чернигов, 1875.

21 Опис Новгород-Сіверського намісництва 1779–1781 рр. – К., 1931.

22 Домантович М.А. Материалы для географии и статистики России. Черниговская губерния. – СПб., 1865.

23 Семёнов В.П. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т. 7. Малороссия. – СПб., 1903.

24 История городов и сел УССР. Сумская область. – К., 1980.

25 Корноухов Е.А. Алфавитный список церквей Черниговской епархии. // Труды Черниговской губернской архивной комиссии 1906-1908 гг. – Вып. 7. – Чернигов, 1908.

26 Адрес-календарь духовного ведомства Черниговской епархии на 1879 год. – Чернигов, 1879.

27 Гумилевский Д.Г. Историко-статистическое описание Черниговской епархии. – Кн. 6. – Чернигов, 1874.

28 Корнієнко О.М. Зруйновані храми Сумщини. Мартиролог втрачених святинь. –

Суми, 2007.
29 Памятная книжка Киевского учебного округа на 1901 год. Ч. 4. Черниговская губерния. – К., 1901.
30 Список начальных школ духовного ведомства, состоящих к 1-му января 1899 года в Черниговской епархии. // Приложение к №3 официальной части Черниговских епархиальных известий за 1900 год. – Чернигов, 1900.
31 Список о школах, заведённых до 1861 года при церквах Черниговской епархии, в которых состояло до 25 и более учеников и учениц. // Черниговские епархиальные известия. Часть неофициальная. – №14. – Чернигов, 1861.
32 Ведомость о школах грамоты Черниговской епархии за 1894–1895 учебный год. // Черниговские епархиальные известия. – №20. – Чернигов, 1895.
33 Грамотность в Новгород-Северском уезде в начале 1897 г. – Чернигов, 1898.
34 Модзалевский В.Л. Малороссийский родословник. – Т. 1. – К., 1908.
35 Модзалевский В.Л. Малороссийский родословник. – Т. 2. – К., 1910.
36 Модзалевский В.Л. Малороссийский родословник. – Т. 3. – К., 1912.
37 Модзалевский В.Л. Малороссийский родословник. – Т. 4. – К., 1914.
38 Василенко Н.П. Генеральное следствие о маетностях Нежинского полка 1729–1730 гг. – Чернигов, 1901.
39 Юркевич В. «Відчит про археологічні обслідування району с. Боровичи-Очкин Новгород-Сіверської округи на Чернігівщині 1925 р.» Архів ВУАК 49/12.
40 Воеводовский М.В. Памятники каменного века на Десне. // КСИИМК.– М., 1949. – Вып. XXVI. – С. 22–26.
41 Розенфельдт И.Г. Стоянка Мыс Очкинский. // КСИИМК.– М., 1950. – Вып. XXXI. – С. 130–140.
42 Юркевич В. «Відчит про археологічні обслідування району с. Боровичи-Очкин Новгород-Сіверської округи на Чернігівщині 1925 р.» Архів ВУАК 49/12.
43 Воеводский М.В. Памятники каменного века на Десне. // КСИИМК.– М., 1949. – Вып. XXVI. – С. 22–26.
44 Левенок В.П. Работы Деснинского отряда 1956 года. // КСИИМК.– М., 1959. – Вып. 74. – С. 35.
45 Газета «Знамя труда» от 5 января 1989 года.
46 Покидченко Л.А. Сумщина від давнини до сьогодення. Науковий довідник. – Суми, 2000. – С. 120–122.
47 Юркевич В. «Відчит про археологічні обслідування району с. Боровичи-Очкин Новгород-Сіверської округи на Чернігівщині 1925 р.» Архів ВУАК 49/12.
48 Самоквасов Д.Я. Северянская земля и северяне по городищам и могилам. – М., 1908. – С. 25–26.
49 Юркевич В. Розшуки в Новгород-Сіверській окрузі. // Коротке звідомлення Всеукраїнського археологічного комітету. – К., 1926. – С. 96–99.
50 Сперанский М.Н. Раскопки курганов в Рыльском уезде Курской губернии. // Археологические известия и заметки, издаваемые Московским археологическим обществом. – М., 1894. – №1. – С. 263–264.
51 Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. – М., 1962. – С. 332; Железняк І.М. та ін. Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі. – К., 1985. – С. 109.
52 Гудзь-Марков А.В. Тайны земли русской. Домонгольская Русь в летописных сводах V – XIII вв. – М., 2005. – С. 209–210.
53 Довнар-Запольский М.В. Документы Московского архива Министерства юстиции. – Т. 1. – М., 1897. – С. 6; Василенко Н.П. Очерки по истории Западной Руси и Украины. – К., 1916. – С 557.
54 Записи земельных дач короля Казимира. // Документы Московского архива Мини-

стерства юстиции. – Т. 1. – М., 1897. – С. 26.
55 Н.М. Левобережная Украина в XV–XVII ст. Очерк колонизации. // Киевская старина. – К., 1896. – Т. LIII. – С. 370, 374.
56 Дракохруст Е.И. Промысловые сёла владения Кочубеев в Новгород-Северском наместничестве во второй половине XVIII в. // К вопросу о первоначальном накоплении в России (XVII–XVIII вв.). – М., 1958. – С. 346.
57 Пономарьов А.П. Етнічність та етнічна історія України. – К., 1996. – С. 103–104.
58 Горленко В. Литвини півночі України – ймовірний уламок племені літописних Сіверян. // «Пам'ятки України». – К., 2001. – № 1, 2.
59 Внутренний и внешний быт местного населения Черниговской губернии. // Календарь Черниговской губернии на 1887 г. – Чернигов, 1886. – С. 681–682.
60 Пантюхов О.И. О днях былых. Семейная хроника Пантюховых. – Нью-Йорк, Durand Hause, 1969. – С. 30.
61 Расторгуев П.А. Северско-белорусский говор. Исследование в области диалектологии и истории белорусских говоров. – Ленинград, 1927.
62 Лилеев М.И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубе. – К., 1895. – С. 37.
63 Городские поселения в Российской империи. – Т. 5, ч. 1. – СПб., 1665. – С. 412.
64 Костомаров Н.И. Мазепа. Историческая монография. – М., 1882. – С. 40.
65 Ханенко А.И. Историческое описание некоторых местностей Черниговской губернии. Новгород-Северский уезд. – Чернигов, 1887. – С. 31.
66 Лазаревский А.М. Сёла Конотопского уезда. // Записки Черниговского губернского статистического комитета. – Ч. 2. – Чернигов, 1868. – С. 196.
67 Ханенко А.И. Описание местностей Черниговской губернии в пределах бывшего Стародубского полка. // Календарь Черниговской губернии на 1891 г. – Чернигов, 1890. – С. 75.
68 Багалей Д.И. Рецензия на книгу А. Лазаревского «Описание старой Малороссии». – СПб., 1892. – С. 126; Лазаревский А.М. Описание старой Малороссии. Т. 1. Полк Стародубский. – К., 1888. – С. 183–184.
69 Мякотин В.А. Очерки социальной истории Украины в XVII–XVIII вв. – Т. 1, вып. 2. – Прага, 1926. – С. 195.
70 Журнал о поездке в Москву гетмана Даниила Апостола. // М. Судиенко. Материалы для отечественной истории. – Т. 1. – К., 1853. – С. 120.
71 Русский исторический сборник. – Т. 108. – Юрьев, 1900. – С. 355–356.
72 Путро О.І. Гетьман Кирило Розумовський та його доба. – Т. 1. – К., 2008. – С. 48.
73 Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. – М., 1961. – С. 90.
74 Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. – М, 1847. – №7. – С. 23–24.
75 Словарь географический Российского государства, собранный Афанасием Щекатовым. – Ч. 5. – М., 1807. – С. 919.
76 Лазаревский А.М. Списки черниговских дворян 1783 года. – Чернигов, 1890. – С. 125.
77 Городские поселения в Российской империи. – Т. 5, ч. 1. – СПб., 1865. – С. 412.
78 Полное собрание законов Российской империи. (Собрание 2). – Т. XIX. – СПб., 1845. – С. 455.
79 Список фабрикантам и заводчикам Российской империи 1832 года. – СПб., 1833. – С. 817–818.
80 Очерк мануфактурно-промышленных сил европейской России. – СПб., 1853. – С. 231.
81 Вся Россия. Торгово-промышленный адрес-календарь Российской империи. – Т. 1. – СПб., 1900. – С. 2193.

82 Указатель фабрик и заводов европейской России. – СПб., 1887. – С. 460.
83 Список фабрик и заводов Российской империи. – Ч. 2. – СПб., 1912. – С. 127.
84 Вся Россия. Адрес-календарь Российской империи. – СПб., 1902. – С. 2178–2179.
85 Города России в 1904 году. – СПб., 1906. – С. 184, 185, 202, 243, 248, 300, 332, 371.
86 Там же. – С. 213, 295.
87 Очерки и воспоминания Е.М. Колмакова с 1816 года. // Русская старина. – СПб., 1891. – Т. 70. – С. 23–28.
88 Адрес-календарь Черниговской губернии на 1902 год. – Чернигов, 1901. – С. 48.
89 Журнал Министерства народного просвещения. – СПб., 1845. – Ч. XLVI. – С. 47, 149.
90 Кругляк Ю.М. Имя вашего города. – К., 1978. – С. 117.
91 Тимковский И.Ф. О состоянии пчеловодства в Черниговской губернии. // Москвитянин. – М., 1853. – №10, отд. 3. – С. 98.
92 Довнар-Запольский М.В. Документы Московского архива Министерства юстиции. – Т. 1. – М., 1897. – С. 6; Василенко Н.П. Очерки по истории Западной Руси и Украины. – К., 1916. – С. 557.
93 Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы. – Т. 1. – М., 1953. – С. 54–55.
94 Левицкий О. Афанасий Заруцкий, малорусский панегирист конца XVII и начала XVIII ст. // Киевская старина. – К., 1896. – Т. LII. (Март). – С. 392–396.
95 Лазаревский А.М. Списки черниговских дворян 1783 г. – Чернигов, 1890. – С. 129.
96 Объявления и извещения. // Черниговские губернские ведомости. – Чернигов, 1854. – №22, отд. 1. – С. 128.
97 Обзор различных отраслей мануфактурной промышленности России. – Т. 1. – СПб., 1862. – С. 20 (Приложения).
98 Вся Россия. Торгово-промышленный адрес-календарь Российской империи. – Т. 1. – СПб., 1895. – С. 1630.
99 Мякотин В.А. Очерки социальной истории Украины в XVII–XVIII вв. – Т. 1, вып. 1. – Прага, 1924. – С. 183.
100 Стариков М. Родные помня имена. – Шостка, 2006. – С. 9.
101 Владимирский-Буданов М. Государство и народное образование в России с XVII века до учреждения министерств. // Журнал Министерства народного просвещения. – СПб., 1873. – Ч. CLXVIX. – С. 209.
102 «Диариуш» Святого преподобномученика Афанасия Брестского.
103 Русский биографический словарь. – Т. 20. – СПб., 1920. – С. 471–478.
104 Путро О.І. Гетьман Кирило Розумовський та його доба. – Т. 1. – К., 2008. – С. 50.
105 Заруба В.М. Адміністративно-територіальний устрій Війська Запорізького в 1648–1782 рр. – Дніпропетровськ, 2007. – С. 221–222.
106 Каманин И. Материалы для биографии Г.Н. Теплова. // Киевская старина. – К., 1888 . – Т. 23 (Ноябрь). – С. 84–98.
107 Остафьевский архив князей Вяземских. – Т. 2. – СПб., 1901. – С. 514–515.
108 Каманин И. Материалы для биографии Г.Н. Теплова. // Киевская старина. – К., 1888 . – Т. 23 (Ноябрь). – С. 84–98.
109 Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. – Т. 3. – Казань, 1897. – С. 38–40 (Приложение).
110 Объявления и извещения. // Черниговские губернские ведомости. – Чернигов, 1854. – №22, отд. 1. – С. 128.
111 Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. – Т. 3. – Казань, 1897. – С. 41 (Приложение).

112 Долгоруков П. Российская родословная книга. – Ч. 3. – СПб., 1856. – С. 299–300.
113 Крестьянское движение в России. Сборник документов. – М., 1963. – С. 629.
114 Граф Иван Карлович Шуленбург. Некролог. // Черниговские губернские ведомости. – Чернигов, 1891. – №50.
115 О винокуренных заводах. // Памятная книжка Черниговской губернии на 1887 год. – Чернигов, 1886. – С. 458–459.
116 Русак А. Судный день. Партизаны полесья 1941–1942 гг. – К., 2009. – С. 168.
117 Памятная книжка Черниговской губернии на 1878 год. – Чернигов, 1878. – С. 119.
118 Довжинец Л.Г. и др. Сумская область в период Великой Отечественной войны. – К., 1988. – С. 207.
119 Русак А. Судный день. Партизаны полесья 1941–1942 гг. – К., 2009. – С. 351–361.
120 Відомості Верховної Ради України. – К., 2001. – №4. – С. 104.
121 Научный отчет В.Д. Юркевича. – Фонд ВУАК №49/12.
122 Воеводский М.В. Памятники каменного века на Десне. // КСИИМК. – М., 1949. – Вып. XXVI. – С. 22–26.
123 Труды Черниговского комитета по устройству XIV археологического съезда в Чернигове. – Чернигов, 1908. – С. 129.
124 Чалый М.К. Воспоминания. // Киевская старина. – К., 1889. – Т. 24. (Июль). – С. 150, 152–153.
125 Записки Аркадия Васильевича Кочубея. – СПб., 1890. – С. 211–212.
126 Русский биографический словарь. – Т. 9. – СПб., 1903. – С. 363.
127 Административно-территориальное деление Брянского края в 1916–1970 гг. – Т. 2. – Брянск, 1972. – С. 259–261.
128 Русский биографический словарь под редакцией А.А. Половцева. – Т. 9. – СПб., 1903. – С. 364–366.
129 Модзалевський В.Л. Гути на Чернігівщині. – К., 1926. – С. 96; Модзалевский В.Л. Малороссийский родословник. – Т. 2. – К., 1910. – С. 534, 535.
130 Дракохруст Е.И. Промысловые сёла владения Кочубеев в Новгород-Северском наместничестве во второй половине XVIII в. // К вопросу о первоначальном накоплении в России (XVII – XVIII вв.). – М., 1958. – С. 349, 350, 363.
131 Там же. – С. 371.
132 Домантович М.А. Материалы для географии и статистики России. Черниговская губерния. – СПб., 1865. – С. 307; Календарь Черниговской губернии на 1887 год. – Чернигов, 1887. – С. 370.
133 Орлов Т.А. Указатель фабрик и заводов европейской России. – СПб., 1887. – С. 608.
134 Вся Россия за 1902 год, адрес-календарь Российской Империи. – СПб., 1902. – С. 2178.
135 Адрес-календарь Черниговской губернии на 1894 год. – Чернигов, 1893. – С. 235.
136 Календарь Черниговской епархии на 1891 год. – Чернигов, 1891. – С. 94.
137 Черниговские епархиальные известия. – Чернигов, 1861. – №17. – С. 209–211.
138 Цимбал Т.Н. Адміністративно-територіальний устрій Лівобережної України 50-х років 18 ст. – К., 1990. – С. 58.
139 Сумщина в іменах. Енциклопедичний довідник. – Т. 2. – Суми. 2003. – С. 139.
140 ЦГИАК (1336-1-5), 1797 г.
141 Відомості Верховної Ради України. – К., 2007. – №40–41. – С. 1746.
142 Ханенко А.И. Историческое описание некоторых местностей Черниговской губернии. – Чернигов, 1887. – С. 7.
143 Заруба В.М. Адміністративно-територіальний устрій та адміністрація Війська Запорозького у 1648–1782 рр. – Дніпропетровськ, 2007. – С. 176.
144 Лазаревский А.М. Очерки из быта Малороссии в XVIII веке. // Русский архив, из-

даваемый П. Бартеневым. – М., 1873. – Вып. 1–3. – С. 366.
145 Салита Е.Г. Его не спасла скрипка Страдивари. // Журнал Вестник. – 2002. – №7 (292).
146 Багалей Д.И. Рецензия на книгу А. Лазаревского Описание старой Малороссии. // Отчет о тридцать втором присуждении наград графа Уварова. – СПб., 1892. – С. 185.
147 Григорович Н.И. «Канцлер князь А.А.Безбородко, в связи с событиями его времени». – Т. 1. – СПб., 1989. – С. 90.
148 Семёнов П.П. Географическо-статистический словарь Российской империи. – Т. 1. – СПб., 1863. – С. 652–653.
149 Календарь Черниговской епархии на 1891 год. – Чернигов, 1891. – С. 94.
150 Браловский С. Кудоярова пещера. // Киевская старина. – К., 1894. – Т. XLVII. – С. 241.
151 Там же. – С. 207–241.
152 Сперанский М.Н. Раскопки курганов в Рыльском уезде (Курской губернии). // Археологические известия и заметки, издаваемые Московским археологическим обществом. – М., 1894. – №1. – С. 263–264.
153 Сумщина від давнини до сьогодення. – Суми, 2000. – С. 120.
154 Модзалевський В.Л. Гути Чернігівщини. – К., 1926. – С . 83.
155 Дневник генерального хорунжего Николая Ханенко. – К., 1884. – С. 115.
156 Ситий І. Послужні списки погарської шляхти 1784 р. – К., 2008. – С. 36–37, 135–138.
157 Лазаревский А.М. Списки Черниговский дворян 1783 года. – Чернигов, 1890. – С. 121.
158 Милорадович Г.А. Родословная книга Черниговского дворянства. – Т. 2, ч. 3. – СПб., 1901. – С. 344.
159 Календарь Черниговской губернии на 1901 год. – Чернигов, 1900. – С. 307.
160 Нумизматика и сфрагистика. – К., 1963. – Вып. 1. – С. 168.
161 Неопубликованные записки Александра Федоровича Липского. – СПб., 1884.
162 Н.М. Левобережная Украина в XV–XVII ст. Очерк колонизации. // Киевская старина. – К., 1896. – Т. LIII. – С. 374 – 375.
163 Гумилевский Д.Г. Описание Новгород-Северского Спасо-Преображенского монастыря. – Чернигов, 1873. – С. 88.
164 Там же. – С. 87–88,103–107, 107–108.
165 Мякотин В.А. Очерки социальной истории Украины в XVII–XVIII вв. – Т. 1, вып. 3. – Прага, 1926. – С. 147–149.
166 Описание актов южно-русских монастырей. // Чтения в Обществе истории и древностей российских. – М., 1884. – Кн. 1. – С. 15.
167 Гумилевский Д.Г. Описание Новгород-Северского Спасо-Преображенского монастыря. – Чернигов, 1873. – С. 65.
168 Дневник генерального хорунжего Ханенко 1727–1753. – К., 1884. –С. 115.
169 Полное собрание законов Российской империи. – Т. 22. – СПб., 1830. – С. 574–576; Гумилевский Д.Г. Описание Новгород-Северского Спасо-Преображенского монастыря. – Чернигов, 1873. – С. 17, 39–40.
170 Вся Россия. Торгово-промышленный адрес-календарь Российской империи. – Т. 1. – СПб., 1895. – С. 1630.
171 Владимирский-Буданов М. Государство и народное образование в России с XVII века до учреждения министерств. // Журнал Министерства народного просвещения. – СПб., 1873. – Ч. CLXVIX. – С. 209.
172 Герои Советского Союза. Краткий биографический справочник. – Т. 2. – М., 1988. – С. 578.
173 Яновский Н.Н. Русские писатели Сибири XX века. – Новосибирск, 1997.

174 Ханенко А.И. Историческое описание некоторых местностей Черниговской губернии. – Чернигов, 1887. – С. 14

175 Кониский Г. История русов или Малой России. – М., 1846. – С. 207.

176 Модзалевский В.Л. Малороссийский родословник. – Т. 2. – К., 1910. – С. 42; Генеральне слідство про маєтності Стародубського полку. – Т. 1. – К., 1929. – С. 425–426.

177 Модзалевский В.Л. Малороссийский родословник. – Т. 5, ч. 3. – К., 2004. – С. 16; Универсал гетмана Данила Апостола бунчуковому товарищу Максиму Турковскому. // Черниговские губернские ведомости. – Чернигов, 1887. – №45.

178 РГИА. Ф. 1405. Оп. 105. Д. 5479. Л. 38-39; Д. 7883; Оп. 107. Д. 9311. Л. 24 об. – 25.

179 Список фабрик и заводов Российской империи. – Ч. 2. – СПб., 1912. – С. 128.

180 Записи земельных дач короля Казимира. // Документы Московского архива Министерства юстиции. – Т. 1. – М., 1897. – С. 26.

181 Долгоруков П. Российская родословная книга. – Ч. 1. – СПб., 1854. – С. 321.

182 Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – Т. XXXIII^. – СПб., 1901. – С. 918.

183 Памятная книжка Орловской губернии на 1860 год. – Орел, 1860. – С. 15.

184 Приложение к трудам редакционных комиссий для составления Положения о крестьянах. – Т. 2. – СПб., 1860. – С. 76–77.

185 Памятная книжка и адрес-календарь Орловской губернии на 1904 год. – Орел, 1904. – С. 43.

186 Список церковных школ Орловской епархии. // Памятная книжка и адрес-календарь Орловской губернии на 1911 год. – Орел, 1911. – С. 9.

187 Административно-территориальное деление Брянского края за 1916 – 1970 годы. – Т. 1. – Брянск, 1971. – С. 269.

188 Военно-статистическое обозрение Российской империи. Орловская губерния. – Т. 6, ч. 5. – СПб., 1855. – С. 65.

189 Список населённых мест по сведениям 1866 г. Орловская губерния. – СПб., 1871. – С. 191.

190 Волости и селения Европейской России. – Вып. 1. – СПб., 1880. – С. 136.

191 ГАБО. Фонд Р-269, оп. 1, д. 271, л. 22.

192 Богуславский Ф. Село Каменка, Новгород-Северского уезда. // Черниговские губернские ведомости. – Чернигов, 1854. – №49. – С. 271.

193 Ханенко А.И. Историческое описание некоторых местностей Черниговской губернии. – Чернигов, 1887. – С. 7.

194 Модзалевский В.Л. Малороссийский родословник. – Т. 2. – К., 1910. – С. 42; Генеральне слідство про маєтності Стародубського полку. – Т. 1. – К., 1929. – С. 425–426.

195 Модзалевский В.Л. Малороссийский родословник. – Т. 5, ч. 3. – К., 2004. – С. 16; Универсал гетмана Данила Апостола бунчуковому товарищу Максиму Турковскому. // Черниговские губернские ведомости. – Чернигов, 1887. – №45.

196 Богуславский Ф. Село Каменка, Новгород-Северского уезда. // Черниговские губернские ведомости. – Чернигов, 1854. – №49. – С. 272.

197 Журнал Министерства народного просвещение. Обозрение книг и журналов. – СПб., 1853. – Т. 79. – С. 67.

198 Богуславский Ф. Село Каменка, Новгород-Северского уезда. // Черниговские губернские ведомости. – Чернигов, 1854. – №49. – С. 272.

199 Административно-территориальное деление Брянского края в 1916-1970 гг. – Т. 2. – Брянск, 1972. – С. 259–260.

200 ДАЧО, ф. 128, оп. 1, дело 3830.

201 Славянски глас. – София, 1909. – С. 229–230.

202 Курдюмов М.Г. Описание актов, хранящихся в архиве Археографической комис-

сии. – СПб., 1907. – С. 176.
203 Отмена крепостного права на Украине. Сборник документов. – К., 1961. – С. 172–173.
204 Вінок безсмертя: Книга-меморіал. – К., 1987. – С. 290.
205 Відомості Верховної Ради України. – К., 2001. – №4. – С. 104.
206 Кулаковський П.М. Боротьба за спадщину: конфлікт між Яном та Ельжбетою Пісочинськими щодо Новгород-Сіверських маєтностей. // СОЦІУМ. Альманах соціальної історії. – К., 2005. – Вип. 5. – С. 129.
207 Модзалевский В.Л. Малороссийский родословник. – Т. 5, ч. 3. – К., 2004. – С. 16; Универсал гетмана Данила Апостола бунчуковому товарищу Максиму Турковскому. // Черниговские губернские ведомости. – Чернигов, 1887. – №45.
208 Записки Василия Никифоровича Геттуна (1771–1815). // Исторический вестник. – СПб., 1880. – Т. 1. – С. 39.
209 Чалый М.К. Воспоминания. // Киевская старина. – К., 1889. – Т. 24. (Июль). – С. 149–154.
210 Вся Россия. Торгово-промышленный адрес-календарь Российской империи. – Т. 1. – СПб., 1900. – С. 2193.
211 Газета «Знамя труда» от 5 января 1989 года.
212 Материалы для истории научной и прикладной деятельности в России по зоологии и соприкасающимся с нею отраслям знаний. – Т. 4, ч. 1. – М., 1892.
213 Административно-территориальное деление Брянского края в 1916-1970 гг. – Т. 2. – Брянск, 1972. – С. 259–261.
214 Сумщина в іменах. Енциклопедичний довідник. – Т. 2. – Суми, 2003. – С. 254.
215 Лазаревский А.М. Очерки старейших дворянских родов Черниговской губернии. // Записки Черниговского губернского статистического комитета. – Чернигов, 1868. – Кн. 2. – С. 125.
216 Русский биографический словарь. – Т. 7. – Петроград, 1916. – С. 248.
217 Модзалевський В.Л. Гути Чернігівщини. – К., 1926. – С. 83–84.
218 Лазаревский А.М. Списки Черниговский дворян 1783 года. – Чернигов, 1890. – С. 121.
219 Милорадович Г.А. Родословная книга Черниговского дворянства. – Т. 2, ч. 3. – СПб., 1901. – С. 344.
220 Календарь Черниговской губернии на 1901 год. – Чернигов, 1900. – С. 307.
221 Дроздов И.Г. Аграрные волнения и карательные экспедиции в Черниговской губернии в годы первой революции 1905–1906 гг. – Чернигов, 1925. – С. 36.
222 Браисловский С. Царев шпиг. // Исторический вестник. – СПб., 1895. – Т. LXII. – С. 900.
223 Игрицкий И.В. Тысяча девятьсот семнадцатый год в деревне. – М., 1929. – С. 187.
224 Сборник Императорского Русского исторического общества. – Т. 62. – СПб., 1888. – С. 191.
225 Герои Советского Союза. Краткий биографический справочник. – Т. 2. – М., 1988. – С. 358.
226 Відомості Верховної Ради України. – К., 2007. – №40–41. – С. 1746.
227 Полное собрание законов Российской империи. – Т. 22. – СПб., 1830. – С. 574–576; Гумилевский Д.Г. Описание Новгород-Северского Спасо-Преображенского монастыря. – Чернигов, 1873. – С. 17, 39–40.
228 Административно-территориальное деление Брянского края в 1916-1970 гг. – Т. 2. – Брянск, 1972. – С. 259–261.
229 Нумизматика и сфрагистика. – К., 1963. – Т. 1. – С. 168.
230 Судиенко М.О. Материалы для отечественной истории. – Т. 1. – К., 1853. – С. 85–88.

231 Лазаревский А.М. Малороссийские посполитые крестьяне (1648–1783). – К., 1908. – С. 33.
232 Мякотин В.А. Очерки социальной истории Украины. – Т. 1, вып. 2. – Прага, 1926. – С. 249.
233 Дудицкий-Лишня Л.И. Дом графа Завадовского. // Календарь Черниговской губернии на 1892 год. – Чернигов, 1891. – С. 161–162.
234 Вся Россия. Торгово-промышленный адрес-календарь Российской империи. – Т. 1. – СПб., 1900. – С. 2193.
235 Аграрное движение в России в 1905–1906 гг. – Ч. 2. – СПб., 1908. – С. 364.
236 Дроздов И.Г. Аграрные волнения и карательные экспедиции в Черниговской губернии в годы первой революции 1905–1906 гг. – Чернигов, 1925. – С. 36.
237 Бережков М. О занятиях археологической комиссии. // Сборник историко-филологического общества при институте князя Безбородко в Нежине. – Нежин, 1903. – Т. 4. – С. 50.
238 Календарь Черниговской епархии на 1891 год. – Чернигов, 1891. – С. 96.
239 Советская историческая энциклопедия. – Т. 15. – М., 1974. – С. 882.
240 Герои Советского Союза. Краткий биографический справочник. – Т. 1. – М., 1987. – С. 709.
241 Герои Советского Союза. Краткий биографический справочник. – Т. 2. – М., 1988. – С. 817.
242 Сумська область: Адміністративно-територіальний поділ на 1-ше січня 1986 р. – Харків, 1986. – С. 107.
243 Лазаревский А.М. Описание старой Малороссии. Т. 1. Полк Стародубский. – К., 1888. – С. 233; Модзалевський В.Л. Гути на Чернігівщині. – К., 1926. – С. 80.
244 Модзалевський В.Л. Гути на Чернігівщині. – К., 1926. – С. 96.
245 Дракохруст Е.И. Промысловые сёла владения Кочубеев в Новгород-Северском наместничестве во второй половине XVIII в. // К вопросу о первоначальном накоплении в России (XVII–XVIII вв.). – М., 1958. – С. 358.
246 Записки Аркадия Васильевича Кочубея. – СПб., 1890. – С. 211–212.
247 Владимирский-Буданов М. Государство и народное образование в России с XVII века до учреждения министерств. // Журнал Министерства народного просвещения. – СПб., 1873. – Ч. CLXVIX.– С. 209.
248 Покидченко Л.А. Сумщина від давнини до сьогодення. Науковий довідник. – Суми, 2000. – С. 121.
249 Відомості Верховної Ради України. – К., 1988. – №5. – С. 199.
250 Там же. – С. 199.
251 Українська РСР. Адміністративно-територіальний поділ на 1.01.1972. – К., 1972. – С. 809.
252 Юркевич В. «Відчит про археологічні обслідування району с. Боровичи-Очкин Новгород-Сіверської округи на Чернігівщині 1925 р.» Архів ВУАК 49/12.
253 Воеводовский М.В. Памятники каменного века на Десне. // КСИИМК. – 1949. – Вып. XXVI. – С. 22–26.
254 Розенфельдт И.Г. Стоянка Мыс Очкинский. // КСИИМК. – 1950. – Вып. XXXI.– С. 130–140.
255 Самоквасов Д.Я. Северянская земля и северяне по городищам и могилам. – М., 1908. – С. 25–26.
256 Тищенко К. «Слов'янські вектори топонімії Сіверщини».
257 Кулаковський П.М. Боротьба за спадщину: конфлікт між Яном та Ельжбетою Пісочинськими щодо Новгород-Сіверських маєтностей. // СОЦІУМ. Альманах соціальної історії. – 2005. – Вип. 5. – С. 127–139.
258 Наказ от жителей г. Новгорода-Северского. // Сборник русского исторического

общества. – Т. 144. – СПб., 1914. – С. 70–71.
259 Ханенко А.И. Историческое описание некоторых местностей Черниговской губернии: Новгород-Северский уезд. – Чернигов, 1887. – С. 19.
260 Судиенко М.О. Материалы для отечественной истории. – Т. 1. – К., 1853. – С. 85–88.
261 Лазаревский А.М. Очерки малороссийских фамилий. // Русский архив, издаваемый П. Батеневым. – М., 1875. – Кн. 2. – С. 256–257.
262 Путро А.И. Левобережная Украина в составе российского государства во второй половине 18 века. – К., 1988. – С. 18.
263 Григорович Н.И. «Канцлер князь А.А. Безбородко, в связи с событиями его времени». – Т. 1. – СПб., 1989. – С. 100.
264 Сочинения Ивана Ивановича Дмитриева. – Т. 1. – СПб., 1895. – С. 122–126.
265 Лукомский Г.К. «Очкино, имение Е.А. Судиенко». // Столица и усадьба. – Петроград, 1914. – №21. – С. 7.
266 Греч А.Н. Венок усадьбам. // Памятники Отечества. – М., 1994–1995. – №32.
267 Брокгауз Ф.А., Эфрон И.А. Энциклопедический словарь. – Т. 20. – СПб., 1897. – С. 120–121.
268 Каталог Д.Г. Левицкого. – М., 1987. – С. 135.
269 Каталог историко-художественной выставки русских портретов 1905 г. – СПб., 1905. – С. 69.
270 Лукомский Г.К. «Очкино, имение Е.А. Судиенко». // Столица и усадьба. – Петроград, 1914. – №21. – С. 10.
271 Ежегодник государственного исторического музея. – М., 1970. – С. 192.
272 Павловский И.Ф. К истории Шведской могилы. Пожертвование И.С. Судиенко и его духовное завещание. – Полтава, 1914. – С. 30–36.
273 Дмитриев М.А. Мелочи из запаса моей памяти. – М., 1869. – С. 146–147.
274 Черниговский государственный архив. Фонд 127, опись 1, дело 10686, лист 4.
275 Революція 1905–1907 рр. на Україні. Збірник документів і матеріалів. – К., 1949. – С. 364.
276 Великая Октябрьская социалистическая революция и победа Советской власти на Украине. – Ч. 2. – К., 1982. – С. 188, 217.
277 Игрицкий И.В. Тысяча девятьсот семнадцатый год в деревне. – М., 1929. – С. 185.
278 Черниговская памятка. Справочная книжка на 1898–1899 гг. – Чернигов, 1898. – С. 94–95.
279 Владимирский-Буданов М. Государство и народное образование в России с XVII века до учреждения министерств. // Журнал Министерства народного просвещения. – СПб., 1873. – Ч. CLXVIX. – С. 209.
280 Ильенко А.К. Начало конца Польши. – СПб., 1898. – С. 257.
281 Полное собрание законов Российской империи. – Т. 22. – СПб., 1830. – С. 574–576; Юбилейный сборник в память 900-летия епископской кафедры в г. Чернигове. – Чернигов, 1893. – С. 87.
282 Гумилевский Д.Г. Описание Новгород-Северского Спасо-Преображенского монастыря. – Чернигов, 1873. – С. 89–97, 98–103.
283 Там же. – С. 65.
284 Полное собрание законов Российской империи. – Т. 22. – СПб., 1830. – С. 574–576; Гумилевский Д.Г. Описание Новгород-Северского Спасо-Преображенского монастыря. – Чернигов, 1873. – С. 17, 39–40.
285 Герои Советского Союза. Краткий биографический словарь. – Т. 1. – М., 1987. – С. 741.
286 Відомості Верховної Ради України. – К., 1993. – №29. – С. 767.
287 Вінок безсмертя: Книга-меморіал. – К., 1987. – С. 290.

288 Відомості Верховної Ради України. – К., 1988. – №5. – С. 199.
289 Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. – Т. 7. – СПб., 1872. – С. 22, 389.
290 Заруба В.М. Адміністративно-територіальний устрій Війська Запорізького в 1648–1782 рр. – Дніпропетровськ, 2007. – С. 222.
291 Відомості Верховної Ради України. – К., 1988. – №5. – С. 199.
292 Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. – М., 1962. – С. 332; Железняк І.М. та ін. Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі. – К., 1985. – С. 109.
293 Гудзь-Марков А.В. Тайны земли русской. Домонгольская Русь в летописных сводах V–XIII вв. – М., 2005. – С. 209–210.
294 Довнар-Запольский М.В. Документы Московского архива Министерства юстиции. – Т. 1. – М., 1897. – С. 6; Василенко Н.П. Очерки по истории Западной Руси и Украины. – К., 1916. – С. 557.
295 Кулаковський П.М. Боротьба за спадщину: конфлікт між Яном та Ельжбетою Пісочинськими щодо Новгород-Сіверських маєтностей. //СОЦІУМ. Альманах соціальної історії. – 2005. – Вип. 5. – С. 127–139.
296 Смолій В.А. та ін. Спеціальні історичні дисципліни: питання історії та методики: Збірник наукових праць та спогадів. – Ч. 2. – К., 1997. – С. 181.
297 Лазаревский А.М. Описание старой Малороссии. Т. 2. Полк Нежинский. – К., 1893. – С. 503.
298 Універсали Івана Мазепи 1687–1709 рр. – К. – Львів, 2002. – С. 102.
299 Листи Івана Мазепи. Упорядник та автор передмови В.Станіславський. – Т. 2. – К., 2010. – С. 270.
300 Бантыш-Каменский Д. История Малой России от водворения славян в сей стране до уничтожения гетманства. – СПб., 1903. – С. 416; Василенко Н.П. Генеральное следствие о маетностях Нежинского полка 1729–1730 гг. – Чернигов, 1901. – С. 59–50.
301 Есипов Г.В. Тяжелая память прошлого. – СПб., 1885. – С. 248, 257.
302 Полное собрание законов Российской империи (1649–1825). – Т. 11. – СПб., 1830. – С. 182–183.
303 Жизнь И.И. Неплюева им самим написанная. // Отечественные записки. – СПб., 1826. – Ч. 25. – С. 470.
304 Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. – Т. 3. – Казань, 1897. – С. 38 (Приложение).
305 Абаліхін Б.С. Український народ у Вітчизняній війні 1812 р. – К., 1962. – С. 7.
306 Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. – Т. 3. – Казань, 1897. – С. 38–40 (Приложение).
307 Объявления и извещения. // Черниговские губернские ведомости. – Чернигов, 1854. – №22, отд. 1. – С. 128.
308 Крестьянское движение в России. Сборник документов. – М., 1963. – С. 629.
309 Вся Россия. Торгово-промышленный адрес-календарь Российской империи (Адреса землевладельцев). – Т 2. – СПб., 1895. – С. 48.
310 Сухомлинов М. Училища и народное образование в Черниговской губернии. // Журнал Министерства народного просвещения. – СПб., 1864. – Ч. CXXI, отд. III. – С. 4.
311 Отчет археологической комиссии за 1913–1915 гг. – Петроград, 1918. – С. 269.
312 Летопись города Севска и церквей по уезду (1890–1903). Севский уезд. – ГАБО. ОДФ 249, оп. 1. д. 247. лл. 196–197об.
313 Дубровский А.М., Иванин А.А. Севский уезд во второй половине 18 в.: поселения, землевладение, крестьяне и землевладельцы. – Локоть, 1994.
314 Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы. – Т. 1. М., 1953. – С. 258.

315 Волости и важнейшие селения европейкой России. – Вып. 1. – СПб., 1880. – С. 239.

316 ГАБО. Ф. 121. Оп. 3. Д. 1. Л. 946.

317 ГАБО. Д. 2. Л. 1157.

318 ГАБО. Ф. 325. Оп. 1. Д. 2232. Л. 3 об.

319 Список населённых мест Российской империи. Т. XXIX. Орловская губерния. – СПб., 1871. – С. 187.

320 Волости и важнейшие селения европейкой России. – Вып. 1. – СПб., 1880. – С. 239.

321 Населённые места Российской империи в 500 и более жителей на 1897 г. – СПб., 1905. – С. 139.

322 Летопись города Севска и церквей по уезду (1890–1903). Севский уезд. – ГАБО. ОДФ 249, оп. 1. д. 247. лл. 196–197об.

323 Там же.

324 Список церковных школ Орловской Епархии. Севский уезд. – Орел, 1909. – С. 225.

325 Летопись города Севска и церквей по уезду (1890–1903). Севский уезд. – ГАБО. ОДФ 249, оп. 1. д. 247. лл. 196–197об.

326 Административно-территориальное деление Брянского края за 1916 – 1970 годы. – Т. 2. – Брянск, 1972. – С. 60.

327 Н.М. Левобережная Украина в XV-XVII ст. Очерк колонизации. // Киевская старина. – К., 1896. – Т. LIII. (Июнь). – С. 374–375.

328 Мякотин В.А. Очерки социальной истории Украины в XVII–XVIII вв. – Т. 1, вып. 1. – Прага, 1924. – С. 224.

329 Універсали Івана Мазепи. 1687–1709. Упорядник І. Бутич. – Ч. 2. – Львів, 2002. – С. 315.

330 Сборник императорского русского исторического общества. – Т. 120. – Юрьев, 1905. – С. 228.

331 Дневник генерального подскарбия Якова Марковича (1736–1746). – Ч. 2. – М., 1859. – С. 233.

332 Лазаревский А.М. Люди старой Малороссии. Оболонские. // Киевская старина. – К., 1887. – Т. XVIII (август). – С. 632–633.

333 Неопубликованные воспоминания А.Ф. Липского. – СПб., 1884.

334 Там же.

335 Мякотин В.А. К истории Нежинского полка в XVII–XVIII вв. Рецензия на книгу А.М. Лазаревского «Описание старой Малороссии. Полк Нежинский». – СПб., 1896. – С. 106.

336 Бантыш-Каменский Д. История Малой России от водворения славян в сей стране до уничтожения гетманства. – СПб., 1903. – С. 416.

337 Есипов Г.В. Тяжелая память прошлого. – СПб., 1885. – С. 248, 257.

338 Полное собрание законов Российской империи (1649–1825). – Т. 11. – СПб., 1830. – С. 182–183.

339 Жизнь И.И. Неплюева им самим написанная. // Отечественные записки. – СПб., 1826. – Ч. 25. – С. 470.

340 Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. – Т. 3. – Казань, 1897. – С. 38 (Приложение).

341 Там же. – С. 38–40 (Приложение).

342 Объявления и извещения. // Черниговские губернские ведомости. – Чернигов, 1854. – №22, отд. 1. – С. 128.

343 Сумська область. Адміністративно-територіальний поділ на 1-ше січня 1969 р. – Суми, 1969. – С. 119.

344 Гумилевский Д.Г. Описание Новгород-Северского Спасо-Преображенского монастыря. – Чернигов, 1873. – С. 105–107.
345 Універсали Івана Мазепи 1687–1709. – К., – Львів. – 2002. – С. 603.
346 Полное собрание законов Российской империи. – Т. 22. – СПб., 1830. – С. 574–576; Гумилевский Д.Г. Описание Новгород-Северского Спасо-Преображенского монастыря. – Чернигов, 1873. – С. 17, 39–40.
347 Вся Россия. Торгово-промышленный адрес-календарь Российской империи. – Т. 1. – СПб., 1900. – С. 2193.
348 Земско-медицинский сборник. – Вып. 7. – М., 1893. – С. 39–41.
349 Адрес-календарь Черниговской губернии на 1902 год. – Чернигов, 1901. – С. 48.
350 Сумщина від давнини до сьогодення. Науковий довідник. Упорядник Покидченко Л.А. – Суми, 2000. – С. 120.
351 Сумська область: Адміністративно-територіальний поділ на 1-ше січня 1986 р. – Харків, 1986. – С. 108.
352 Русский биографический словарь под редакцией А.А. Половцева. – Т. 9. – СПб., 1903. – С. 364–366.
353 Бантыш-Каменский Д. Словарь достопамятных людей русской земли. – Т. 3. – М., 1836. – С. 94.
354 Лазаревский А.М. Очерки, заметки и документы по истории Малороссии. – Т. 2. – К., 1895. – С. 21.
355 Модзалевський В.Л. Гути на Чернігівщині. – К., 1926. – С. 96.
356 Дракохруст Е.И. Промысловые сёла владения Кочубеев в Новгород-Северском наместничестве во второй половине XVIII в. // К вопросу о первоначальном накоплении в России (XVII–XVIII вв.). – М., 1958. – С. 353.
357 Модзалевський В.Л. Гути на Чернігівщині. – К., 1926. – С. 96.
358 Дракохруст Е.И. Промысловые сёла владения Кочубеев в Новгород-Северском наместничестве во второй половине XVIII в. // К вопросу о первоначальном накоплении в России (XVII–XVIII вв.). – М., 1958. – С. 351.
359 ЦГАДА, ф. Кочубеев, дд. 99, 101, 103, 109, 110 и др.
360 Записки Аркадия Васильевича Кочубея. – СПб., 1890. – С. 211–212.
361 Вся Россия. Торгово-промышленный адрес-календарь Российской империи. – Т. 1. – СПб., 1895. – С. 1630.
362 Вся Россия. Адрес-календарь Российской империи. – СПб., 1902. – С. 2178.
363 Список фабрик и заводов Российской империи. – Ч. 1. – СПб., 1912. – С. 193, 194.
364 Успенский Г. Письма переселенцев. // Русская мысль. – М., 1891. – Кн. 1. – С. 204–206.
365 Владимирский-Буданов М. Государство и народное образование в России с XVII века до учреждения министерств. // Журнал Министерства народного просвещения. – СПб., 1873. – Ч. CLXVIX. – С. 209.
366 Сумська область: Адміністративно-територіальний поділ на 1-ше січня 1986 р. – Харків, 1986. – С. 108.
367 Документи до історії Стародубського полку. // Сіверянський літопис. – Чернігів, 2008. – №1. – С. 14.
368 Модзалевський В.Л. Гути Чернігівщини. – К., 1926. – С. 102–103; Лазаревский А.М. Описание старой Малороссии. Т. 1. Полк Стародубский. – К., 1888. – С. 230.
369 Есипов Г.В. Тяжелая память прошлого. – СПб., 1885. – С. 248, 257.
370 Полное собрание законов Российской империи (1649–1825). – Т. 11. – СПб., 1830. – С. 182–183.
371 Жизнь И.И. Неплюева им самим написанная. // Отечественные записки. – СПб., 1826. – Ч. 25. – С. 470.
372 Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до

1758 г. – Т. 3. – Казань, 1897. – С. 38 (Приложение).

373 Там же. – С. 38 – 40 (Приложение).

374 Объявления и извещения. // Черниговские губернские ведомости. – Чернигов, 1854. – №22, отд. 1. – С. 128.

375 Дубровский А.М., Иванин А.А. Севский уезд во второй половине 18 в.: поселения, землевладение, крестьяне и землевладельцы. – Локоть, 1994.

376 Волости и важнейшие селения европейкой России. – Вып. 1. – СПб., 1880. – С. 239.

377 ГАБО. Д. 2. Л. 1369 об.

378 ГАБО. Ф. 325. Оп. 1. Д. 2232. Л. 3 об.

379 Список населённых мест Российской империи. Т. XXIX. Орловская губерния. – СПб., 1871. – С. 187.

380 Волости и важнейшие селения европейкой России. – Вып. 1. – СПб., 1880. – С. 239.

381 Населённые места Российской империи в 500 и более жителей на 1897 г. – СПб., 1905. – С. 140.

382 Летопись города Севска и церквей по уезду (1890–1903). Севский уезд. Село Сетное. – ГАБО. ОДФ 249, оп. 1. д. 247. лл. 181–182об.

383 Список церковных школ Орловской Епархии. Севский уезд. – Орел, 1909. – С. 227.

384 Летопись города Севска и церквей по уезду (1890–1903). Севский уезд. Село Сетное. – ГАБО. ОДФ 249, оп. 1. д. 247. лл. 181–182об.

385 Административно-территориальное деление Брянского края за 1916 – 1970 годы. – Т. 2. – Брянск, 1972. – С. 84.

386 Герои Советского Союза. Краткий биографический справочник. – Т. 2. – М., 1988. – С. 647.

387 Милорадович Г.А. Родословная книга Черниговского дворянства. – Т. 1, ч. 1. – СПб., 1901. – С. 108.

388 Константинович Н.К. Обозрение Румянцевской описи Малороссии. Вып. 4. (дополнение). // Черниговские губернские ведомости. –Чернигов, 1884. – №41. – С. 421.

389 ДАЧО, ф. 128, оп. 1, дело 3830.

390 Список губернских и уездных предводителей дворянства Черниговской губернии 1782–1893. – Чернигов, 1893. – С. 15.

391 Юркевич В. «Відчит про археологічні обслідування району с. Боровичи-Очкин Новгород-Сіверської округи на Чернігівщині 1925 р.» Архів ВУАК 49/12.

392 Відомості Верховної Ради України. – К., 1993. – №29. – С. 767.

393 Административно-территориальное деление Брянского края в 1916-1970 гг. – Т. 2. – Брянск, 1972. – С. 259–261.

394 Бантыш-Каменский Д. История Малой России от водворения славян в сей стране до уничтожения гетманства. – СПб., 1903. – С. 416.

395 Труды Черниговского комитета по устройству XIV археологического съезда в Чернигове. – Чернигов, 1908. – С. 58–59.

396 Есипов Г.В. Тяжелая память прошлого. – СПб., 1885. – С. 248, 257.

397 Полное собрание законов Российской империи (1649–1825). – Т. 11. – СПб., 1830. – С. 182–183.

398 Жизнь И.И. Неплюева им самим написанная. // Отечественные записки. Ч. 25. – СПб., 1826. – С. 470.

399 Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Т. 3. – Казань, 1897. – С. 38 (Приложение).

400 Там же. – С. 38–40 (Приложение).

401 Объявления и извещения. // Черниговские губернские ведомости. – Чернигов,

1854. – №22, отд. 1. – С. 128.

402 Крестьянское движение в России. Сборник документов. – М., 1963. – С. 629.

403 Гумилевский Д.Г. Описание Новгород-Северского Спасо-Преображенского монастыря. – Чернигов, 1873. – С. 24–25, 77–86.

404 Жалованная грамота Польского короля Сигизмунда Московским сановникам, дворянам, детям боярским и другим лицам на отчины и поместья по случаю избрания сына его, королевича Владислава на Московский царский престол от 15 августа 1610 года. // Акты, относящиеся к истории Западной России. – Т. 4. – СПб., 1852. – С. 340.

405 Фасмер К. Этимологический словарь русского языка. – Т. 1. – М., 1986. – С. 72.

406 Гумилевский Д.Г. Описание Новгород-Северского Спасо-Преображенского монастыря. – Чернигов, 1873. – С. 89–97, 103–107.

407 Полное собрание законов Российской империи. – Т. 22. – СПб., 1830. – С. 574–576; Гумилевский Д.Г. Описание Новгород-Северского Спасо-Преображенского монастыря. – Чернигов, 1873. – С. 17.

408 Адрес-календарь Черниговской губернии на 1902 год. – Чернигов, 1901. – С. 48.

409 Акты, относящиеся к истории Западной России. – Т. 4. – СПб., 1852. – С. 331.

410 Модзалевский В.Л. Малороссийский родословник. – Т. 5, ч. 3. – К., 2004. – С. 16; Универсал гетмана Данила Апостола бунчуковому товарищу Максиму Турковскому. // Черниговские губернские ведомости. – Чернигов, 1887. – №45.

411 Модзалевский В.Л. Малороссийский родословник. – Т. 2. – К., 1910. – С. 650–651; Лазаревский А.М. Списки Черниговский дворян 1783 года. – Чернигов, 1890. – С. 120–121.

412 Дневник генерального хорунжего Ханенко 1727–1753. – К., 1884. С. 298.

413 Вишневский Д. Киевская академия в первой половине XVIII столетия. – К., 1903. – С. 52.

414 Лазаревский А.М. Списки Черниговский дворян 1783 года. – Чернигов, 1890. – С. 122.

415 Милорадович Г.А. Родословная книга Черниговского дворянства. – Т. 1, ч. 2. – СПб., 1901. – С. 600.

416 Владимирский-Буданов М. Государство и народное образование в России с XVII века до учреждения министерств. // Журнал Министерства народного просвещения. – СПб., 1873. – Ч. CLXVIX. – С. 209.

417 Герои Советского Союза. Краткий биографический справочник. – Т. 2. – М., 1988. – С. 375.

418 Русский провинциальный некрополь. Картотека Н.П. Чулкова из собрания Государственного Литературного музея. (Река времен. Кн. 4). – М., 1996. – С. 188.

419 Семёнов-Тян-Шанский В.П. То, что прошло. Главы из книги воспоминаний. // Невский архив. – СПб., 2003. – №6. – С. 8.

420 Довголевский Я.И. Происхождение рода Заблоцких. Заметка, сообщенная Довголевским Я.И. // Русская старина. – СПб., 1882. – Т. 33. – С. 548.

421 Семёнов-Тян-Шанский П.П. Мемуары. – Т. 3. – Петроград, 1915. – С. 21.

422 Европин А.К. Исторический очерк кафедры судебной медицины с токсикологией при императорской Военно-медицинской академии. – СПб., 1898. – С. 105.

423 Вся Россия. Торгово-промышленный адрес-календарь Российской империи (Адреса землевладельцев). – Т. 2. – СПб., 1900. – С. 340.

424 Орлов Т.А. Указатель фабрик и заводов европейской России и царства Польского. – СПб., 1887. – С. 460, 553.

425 Календарь Черниговской губернии на 1887 год. – Чернигов, 1886. – С. 458–459.

426 Адрес-календарь Черниговской губернии на 1894 год. – Чернигов, 1893. – С. 235.

427 Неопубликованные воспоминания Василия Филимоновича Кравченко.

428 Игрицкий И.В. Тысяча девятьсот семнадцатый год в деревне. – М., 1929. – С. 185–186.

429 Чухно В.Є. Заблоцькі-Десятовські – видатні уродженці Чернігівської губернії. // Сіверянський літопис. – Чернігів, 2010. – №6. – С. 87–100.

430 Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России (1638–1657). – СПб., 1861. – С. 510–511.

431 Гумилевский Д.Г. Описание Новгород-Северского Спасо-Преображенского монастыря. – Чернигов, 1873. – С. 89–97, 103–105.

432 Полное собрание законов Российской империи. – Т. 22. – СПб., 1830. – С. 574–576; Юбилейный сборник в память 900-летия епископской кафедры в г. Чернигове. – Чернигов, 1893. – С. 87.

433 Український народ у Вітчизняній війні 1812 року. Збірник документів. – К., 1948. – С. 34–35.

434 Орлов Т.А. Указатель фабрик и заводов европейской России и Царства Польского. – СПб., 1887. – С. 461.

435 Список фабрик и заводов Российской империи. – Ч. 2. – СПб., 1912. – С. 129.

436 Список ярмарок Черниговской губернии. – Чернигов, 1911. – С. 27.

437 Миллер В.Ф. Систематическое описание коллекции Дашковского этнографического музея. – М., 1887. – С. 162–164.

438 Село Чернацкое Новгород-Северского уезда. // Черниговские губернские ведомости. – Чернигов, 1894. – №1.

439 Отчет археологической комиссии за 1912 г. – Петроград, 1916. – С. 116.

440 Гумилевский Д.Г. Описание Новгород-Северского Спасо-Преображенского монастыря. – Чернигов, 1873. – С. 87–88.

441 Полное собрание законов Российской империи. – Т. 22. – СПб., 1830. – С. 574–576; Гумилевский Д.Г. Описание Новгород-Северского Спасо-Преображенского монастыря. – Чернигов, 1873. – С. 17.

442 Крестьянское движение в России в XIX–XX века. – М., 1961. – С. 883.

443 Лазаревский А.М. Описание старой Малороссии. Т. 2. Полк Нежинский. – К., 1893. – С. 507.

444 Бантыш-Каменский Д. История Малой России от водворения славян в сей стране до уничтожения гетманства. – СПб., 1903. – С. 416; Василенко Н.П. Генеральное следствие о маетностях Нежинского полка 1729–1730 гг. – Чернигов, 1901. – С. 59.

445 Лазаревский А.М. Описание старой Малороссии. Т. 2. Полк Нежинский. – К., 1893. – С. 507.

446 Есипов Г.В. Тяжелая память прошлого. – СПб., 1885. – С. 248, 257.

447 Полное собрание законов Российской империи (1649–1825). – Т. 11. – СПб., 1830. – С. 182–183.

448 Жизнь И.И. Неплюева им самим написанная. // Отечественные записки. – СПб., 1826. – Ч. 25. – С. 470.

449 Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. – Т. 3. – Казань, 1897. – С. 38 (Приложение).

450 Там же. – С. 38–40 (Приложение).

451 Відомості Верховної Ради України. – К., 2007. – №40–41. – С. 1746.

452 Модзалевский В.Л. Малороссийский родословник. – Т. 5, ч. 3. – К., 2004. – С. 16; Универсал гетмана Данила Апостола бунчуковому товарищу Максиму Турковскому. // Черниговские губернские ведомости. – Чернигов, 1887. – №45.

453 Орлов ТА. Указатель фабрик и заводов европейской России и Царства Польского. – СПб., 1887. – С. 553; Календарь Черниговской губернии на 1887 г. – Чернигов, 1886. – С. 460–461.

454 Відомості Верховної Ради України. – К., 1988. – №5. – С. 199.

455 Русский биографический словарь. – Т. 2. – СПб., 1900. – С. 546–547.

456 Лазаревский А.М. Списки черниговских дворян. – Чернигов. 1890. – С. 116.

457 Відомості Верховної Ради України. – К., 2007. – №40–41. – С. 1746.

458 Административно-территориальное деление Брянского края в 1916-1970 гг. – Т. 2. – Брянск, 1972. – С. 259–261.

459 Там же. – С. 259–261.

460 Вінок безсмертя: Книга-меморіал. – К., 1987. – С. 287.

461 Решения гражданского кассационного департамента правительствующего Сената за 1891 г. – Екатеринославль, 1904. – С. 130–135.

462 Курков К.Н. Адаптация российского дворянства к условиям модернизационного процесса начала XX в. – М., 2005.

463 Русский биографический словарь. – Т. 2. – СПб., 1900. – С. 546–547.

464 Там же. – С. 546 – 547.

465 Лазаревский А.М. Списки черниговских дворян. – Чернигов. 1890. – С. 116.

466 Статистический сборник Министерства путей сообщения. – Вып. 31. – СПб., 1893. – С. 55.

467 Колесников В.М., Коршунов А.Д. Материалы для оценки земельных угодий. Новгород-Северский уезд. Том 12. Новгород-Северский уезд. – Чернигов, 1884. – Приложение. – С. 7.

468 Українська РСР. Адміністративно-територіальний поділ на 1.09.1946. – Ч. 1. – К., 1947. – С. 528.

469 Українська РСР. Адміністративно-територіальний поділ. – Т. 2. – К., 1969. – С. 451.

470 Игрицкий И.В. Тысяча девятьсот семнадцатый год в деревне. – М., 1929. – С. 187.

471 Милорадович Г.А. Родословная книга Черниговского дворянства. – Т. 1, ч. 1. – СПб., 1901. – С. 23–24.

472 Модзалевский В.Л. Малороссийский родословник. – Т. 5, ч. 3. – К., 2004. – С. 16; Универсал гетмана Данила Апостола бунчуковому товарищу Максиму Турковскому. // Черниговские губернские ведомости. – Чернигов, 1887. – №45.

473 Путро А.И. Левобережная Украина в составе Российского государства во второй половине XVIII века. – К., 1988. – С. 33.

474 Заблоцкий-Десятовский А.П. Исследования о состоянии пеньковой промышленности в России. – СПб., 1852. – С. 91.

475 Вся Россия. Торгово-промышленный адрес-календарь Российской империи. – Т. 1. – СПб., 1895. – С. 1630.

476 Вся Россия. Торгово-промышленный адрес-календарь Российской империи. – Т. 1. – СПб., 1900. – С. 2193.

477 Список фабрик и заводов Российской империи. – Ч. 2. – СПб., 1912. – С. 127.

478 Милорадович Г.А. Родословная книга Черниговского дворянства. – Т. 1, ч. 2. – СПб., 1901. – С. 630.

479 Календарь Черниговской губернии на 1901 год. – Чернигов, 1900. – С. 308.

480 Игрицкий И.В. Тысяча девятьсот семнадцатый год в деревне. – М., 1929. – С. 186.

481 Українська РСР. Адміністративно-територіальний поділ на 1.09.1946. – Ч. 1. – К., 1947. – С. 528.

482 Сумська область. Адміністративно-територіальний поділ на 1-ше січня 1969 р. – Суми, 1969. – С. 112.

483 Колесников В.М., Коршунов А.Д. Материалы для оценки земельных угодий. Новгород-Северский уезд. Том 12. Новгород-Северский уезд. – Чернигов, 1884. – Приложение. – С. 8.

484 Милорадович Г.А. Родословная книга Черниговского дворянства. – Т. 1, ч. 2. – СПб., 1901. – С. 279; Опись дел архива Государственного совета. – Т. 1. – СПб., 1908. – С. 636.

485 Українська РСР. Адміністративно-територіальний поділ на 1.09.1946. – Ч. 1. – К.,

1947. – С. 528.

486 Українська РСР. Адміністративно-територіальний поділ. – Т. 2. – К., 1969. – С. 456.

487 ДАЧО, ф. 128, оп. 1, дело 3830.

488 Милорадович Г.А. Родословная книга Черниговского дворянства. – Т. 1, ч. 1 и 2. – СПб., 1901. – С. 338.

489 Полное собрание законов Российской империи. – Т. 22. – СПб., 1830. – С. 574–576; Гумилевский Д.Г. Описание Новгород-Северского Спасо-Преображенского монастыря. – Чернигов, 1873. – С. 17, 39–40.

490 Колесников В.М., Коршунов А.Д. Материалы для оценки земельных угодий. Новгород-Северский уезд. Том 12. Новгород-Северский уезд. – Чернигов, 1884. – Приложение. – С. 7.

491 Записки Аркадия Васильевича Кочубея. – СПб., 1890. – С. 299.

492 Павловский И.Ф. К истории Шведской могилы. Пожертвование И.С. Судиенко и его духовное завещание. – Полтава, 1914. – С. 27–37.

493 Колесников В.М., Коршунов А.Д. Материалы для оценки земельных угодий. Новгород-Северский уезд. Том 12. Новгород-Северский уезд. – Чернигов, 1884. – Приложение. – С. 4.

494 Куліш П.О. Повне зібрання творів: Листи, 1850–1856. – Т. 2. – К., 2009. – С. 637.

495 Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – Т. 21. – СПб., 1897. – С. 250.

496 Багновская Н.М. Севрюки: население Северской земли в XIV–XVI вв. – М., 2002. – С. 10.

497 Иринин А.М. Черниговщина. История, естественное и экономическое описание края. – Чернигов, 1919. – С. 22.

498 Багновская Н.М. Севрюки: население Северской земли в XIV–XVI вв. – М., 2002. – С. 12.

499 Там же. – С. 19.

500 Заруба В.М. Адміністративно-територіальний устрій та адміністрація Війська Запорозького у 1648–1782 рр. – Дніпропетровськ, 2007. – С. 176–177, 221–222.

501 Именной указ Петра I «Об учреждении губерний и о расписании к ним городов» от 18 декабря 1708 года. // Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. (1700–1712). – Т. IV. – СПб., 1830. – С. 436–439.

502 Именной указ Петра I «Об устройстве губерний и об определении в оном правителей» от 29 мая 1719 года. // Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. (1713–1719). – Т. V. – СПб., 1830. – С. 701–710.

503 Готье Ю.В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. – Т. 1. – СПб., 1913. – С. 109.

504 Именной указ Екатерины II от 10.11.1764 г. «Об учреждении в Малой России, вместо Гетманского Правления Малороссийской коллегии. // Полное собрание законов Российской империи с 1649 года (1762–1765). – Т. XVI. – СПб., 1830. – С. 961– 962.

505 Именной указ Екатерины II «Об учреждении Новгород-Северского наместничества» от 16.09.1781 г. // Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. (1781–1783). – Т. XXI. – СПб., 1830. – С. 246–247.

506 Именной указ Павла I «О восстановлении в Малороссии правления и судопроизводства сообразно тамошним правам и прежним обрядам» от 30.11.1796 г. // Полное собрание законов Российской империи. – Т. XXIV (1796–1798). – СПб., 1830. – С. 212–213.

507 Сенатский указ «Об учреждении губерний Малороссийских: Черниговской и Полтавской и Белорусских: Могилевской и Витебской» от 27.02.1802 г. // Полное собрание законов Российской империи. – Т. XXVII (1802–1803). – СПб., 1830. – С. 59–60.

508 Военно-статистическое обозрение Российской Империи. Т. XII, ч. 2. Черниговская губерния. – СПб., 1851. – С. 10–12.

509 Памятная книга Черниговской губернии на 1863 год. – Чернигов, 1863. – С. 418–419.

510 Руссов А.А. Описание Черниговской губернии. Том 2. Приложение IV. Списки населённых мест Черниговской губернии. – Чернигов, 1899. – С. 137–152; Список селений Черниговской губернии по уездам и волостям. – Чернигов, 1913. – С. 20–21; Список селений и городов Черниговской губернии по уездам и волостям. – Чернигов, 1919. – С. 22–23; Колесников В.М. Материалы для оценки земельных угодий. Новгород-Северский уезд. – Чернигов, 1884. – С. 4–8.

511 Игрицкий И.В. Тысяча девятьсот семнадцатый год в деревне. – М., 1929. – С. 188–189.

512 Державний архів Сумської області. Путівник. – Т. 1. – Суми-К., 2002. – С. 251; Середино-Будський район. Долі людей та поселень краю. (Упор. Нетудихаткін А.В.). – Суми, 2009. – С. 312.

513 Збірник узаконень та розпоряджень робітничо-селянського уряду України. – 1923. – №18–19. – Ст. 312–314.

514 Административно-территориальное деление Украины. – Харьков, 1923. – С. 40–41, 117–118.

515 Постановление ВУЦИКа от 03.06.1925 г. «О ликвидации губерний и о переходе на трехстепенную систему управления». // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Украины. — Харьков, 1925. – №29–30. – Ст. 233.

516 Постановление ВУЦИКа и СНК УССР от 19.08.1925 года «О перенесении окружного центра Новгород-Северского округа из города Новгород-Северска в город Глухов, Переименовании Новгород-Северского округа в Глуховский и изменениях административно-территориального деления Новгород-Северского и Конотопского округов». // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Украины. — Харьков, 1925. – №66. – Ст. 371.

517 Постановление ВУЦИКа и СНК УССР от 13.07.1930 г. «О реорганизации округов». // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Украины. – Харьков, 1930. – №14. – Ст. 141.

518 Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Украины. – Харьков, 1930. – №23. – Ст. 225.

519 Постановление ВУЦИКа от 9.02.1932 г. «Об организации областных исполнительных комитетов на территории УССР» // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Украины. – Харьков, 1932. – №5. – Ст. 28.

520 Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Украины. – Харьков, 1932. – №28. – Ст. 170.

521 Постановление ВУЦИКа от 22.01.1935 г. «О разукрупнении районов в УССР» и от 17.02.1935 г. «О составе новых административных районов Черниговской области». // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Украины. – Харьков, 1935. – №3. – Ст. 12; – №5. – Ст. 25.

522 Постановление ВУЦИК от 17.02.1936 г. «О переносе районного центра Хильчицкого района Черниговской области». // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Украины. – Харьков, 1936. – №9. – Ст. 39.

523 Сумська обласна газета «Більшовицька зброя». – 1944. – 23 серпня.

524 Указ ПВС СССР от 10.01.1939 г. «Об образовании Сумской, Кировоградской и Запорожской областей в составе Украинской ССР». // Сборник законов СССР и указов президиума Верховного Совета СССР (1938–1956). – М., 1956. – С. 52.

525 Українська РСР. Адміністративно-територіальний поділ на 01.09.1946. – Ч. 1. – К., 1947. – С. 528, 539–540.

526 Сумська область. Адміністративно-територіальний поділ на 1 серпня 1960 року. – Суми, 1960. – С. 16, 32–33.

527 Ведомости Верховного Совета УССР. – 1963. – № 2. – Ст. 35; – № 21. – Ст. 549.
528 Ведомости Верховного Совета УССР. – 1965. – №3. – Ст. 64.
529 Указ Президиума Верховного Совета УССР от 8.12.1966 г. «Об образовании новых районов Украинской ССР». // Ведомости Верховного Совета УССР. – 1966. – № 48. – Ст. 293.
530 Отчет императорского русского географического общества за 1880 год. – СПб., 1880. – С. 4.
531 Шилов Д.Н., Кузьмин Ю.А. Члены Государственного совета Российской империи (1801–1906). – СПб., 2007. – С. 323.
532 Семёнов-Тянь-Шанский П.П. Мемуары. – Т. 3. – Петроград, 1915. – С. 21.
533 Европин А.К. Исторический очерк кафедры судебной медицины с токсикологией при императорской Военно-медицинской академии. – СПб., 1898. – С. 105.
534 Русский биографический словарь. – Т. 7. – СПб., 1897. – С. 128.
535 Отчет по Государственному Совету за 1881 год. – СПб., 1881. – С. 46.
536 Шилов Д.Н., Кузьмин Ю.А. Члены Государственного совета Российской империи (1801–1906). – СПб., 2007. – С. 323.
537 Отчет по Государственному Совету за 1881 год. – СПб., 1881. – С. 46.
538 Заблоцкий-Десятовский А.П. Статистические сведения о Санкт-Петербурге. – СПб., 1836.
539 Отчет по Государственному Совету за 1881 год. – СПб., 1881. – С. 46.
540 Шилов Д.Н., Кузьмин Ю.А. Члены Государственного совета Российской империи (1801–1906). – СПб., 2007. – С. 323.
541 Собрание сочинений К.Д. Кавелина. А.П. Заблоцкий-Десятовский (некролог). – Т. 2. – СПб., 1898. – С. 1238.
542 Отчет по Государственному Совету за 1881 год. – СПб., 1881. – С. 47.
543 Шилов Д.Н., Кузьмин Ю.А. Члены Государственного совета Российской империи (1801–1906). – СПб., 2007. – С. 324.
544 Систематическая опись делам бывшего V отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. – СПб., 1887. – С. 169.
545 Заблоцкий-Десятовский А.П. Граф П.Д. Киселёв и его время. – Т. 4. – СПб., 1882. – С. 344.
546 Федорченко В.И. Императорский Дом. Выдающиеся сановники: энциклопедия биографий. – Т. 2. – Красноярск, 2003. – С. 467.
547 Энциклопедический словарь. Т. XII. Издатели: Ф.А. Брокгауз и И.А. Эфрон. – СПб., 1894. – С. 86.
548 Сочинения В. Белинского. – Ч. 10. – М., 1894. – С. 170.
549 Некрасова Е. Журналы для народа. // Русская мысль. – М., 1891. – Кн. 2. – С. 145.
550 Лихачев В. Андрей Парфенович Заблоцкий-Десятовский. Некролог. // Вестник Европы. – СПб., 1882. – Т. 1. – С. 876–877.
551 Отчет по Государственному Совету за 1881 год. – СПб., 1881. – С. 47.
552 Семевский В.И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в. – Т. 2. – СПб., 1888. – С. 326.
553 Семевский В.И. Крестьянский вопрос в царствование императора Николая. // Русская мысль. – М., 1886. – Кн. 3. – С. 100.
554 Шилов Д.Н., Кузьмин Ю.А. Члены Государственного совета Российской империи (1801–1906). – СПб., 2007. – С. 324.
555 Биография Александра Ивановича Кошелева. – Т. 2. – М., 1892. – С. 114.
556 Отчет по Государственному Совету за 1881 год. – СПб., 1881. – С. 47.
557 Русский биографический словарь. – Т. 7. – СПб., 1897. – С. 129.
558 Там же.
559 Список господам членам Государственного Совета по старшинству чином. – СПб.,

1878. – С. 17.

560 Отчёт императорского русского географического общества за 1880 год. – СПб., 1880. – С. 4.

561 Двадцатипятилетние императорского русского географического общества 13 января 1871 года. – СПб., 1872. – С. 247, 249, 256.

562 Семёнов П.П. История полувековой деятельности императорского русского географического общества. – Т. 1. – СПб., 1896. – С. 132, 147, 148.

563 Географическо-статистический словарь Российской империи под ред. П. Семёнова. – Т. 1. – СПб., 1863. – С. II.

564 Речь гласного В.И. Лихачева в заседании Санкт-Петербургской городской думы 15 января 1881 г. посвященная памяти А.П. Заблоцкого. // Русская старина. – СПб., 1882. – Т. 33. – С. 553–557.

565 Дитятин И.И. Столетие Санкт-Петербургского городского общества 1785–1885 гг. – СПб., 1885. – С. 323–324.

566 Шилов Д.Н., Кузьмин Ю.А. Члены Государственного совета Российской империи (1801–1906). – СПб., 2007. – С. 325–326.

567 XXV лет. Сборник, изданный комитетом общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. – СПб., 1884. – С. 1, 2, 3, 37, 68, 69, 71, 75, 85, 187; Шилов Д.Н., Кузьмин Ю.А. Члены Государственного совета Российской империи (1801–1906). – СПб., 2007. – С. 325.

568 Речь гласного В.И. Лихачева в заседании Санкт-Петербургской городской думы 15 января 1881 г. посвященная памяти А.П. Заблоцкого. // Русская старина. – СПб., 1882. – Т. 33. – С. 556.

569 Языков Д.Д. Обзор жизни и трудов русских писателей. – СПб., 1881. – С. 18–19; Шилов Д.Н., Кузьмин Ю.А. Члены Государственного совета Российской империи (1801–1906). – СПб., 2007. – С. 326.

570 Федорченко В.И. Императорский Дом. Выдающиеся сановники: энциклопедия биографий. – Т. 2. – Красноярск, 2003. – С. 468.

571 Шилов Д.Н., Кузьмин Ю.А. Члены Государственного совета Российской империи (1801–1906). – СПб., 2007. – С. 325.

572 Модзалевский Б.Л. Список членов императорской академии наук. – СПб., 1908. – С. 214.

573 Кобак А.В., Пирютко Ю.М. Исторические кладбища Петербурга: Справочник-путеводитель. – СПб., 1993. – С. 332.

574 Записки Василия Антоновича Инсарскаго. – СПб., 1894. – С. 46.

575 Записки Александра Ивановича Кошелева (1812–1883). – Берлин, 1884. – С. 128.

576 Михаил Иванович Семевский – основатель исторического журнала «Русская старина». – СПб., 1895. – С. 102.

577 Мирский М.Б. Медицина России XVI–XIX веков. – М., 1996. – С. 265.

578 Шилов Д.Н., Кузьмин Ю.А. Члены Государственного совета Российской империи (1801–1906). – СПб., 2007. – С. 323.

579 Змеев Л.Ф. Русские врачи писатели. – Вып. 1. – СПб., 1886. – С. 107.

580 Европин А.К. Исторический очерк кафедры судебной медицины с токсикологией при императорской Военно-медицинской академии. – СПб., 1898. – С. 106.

581 Флора Средней Азии, то есть русского Туркестана, ханств Бухары и Хивы. – Ч. 3. – СПб., 1905. – С. 625.

582 Барсуков Н.П. Жизнь и труды М. П. Погодина. – Кн. 5. – СПб., 1892. – С. 113.

583 Карпинский И.Г. Жизнь и деятельность Павла Парфеновича Заблоцкого-Десятовского. – СПб., 1882. – С. 2.

584 Европин А.К. Исторический очерк кафедры судебной медицины с токсикологией при императорской Военно-медицинской академии. – СПб., 1898. – С. 113.

585 Русский биографический словарь. – Т. 7. – СПб., 1897. – С. 130.
586 Европин А.К. Исторический очерк кафедры судебной медицины с токсикологией при императорской Военно-медицинской академии. – СПб., 1898. – С. 107.
587 Профессора военно-медицинской (медико-хирургической академии) под редакцией проф. Белевитина А.Б. – СПб., 2008. – С. 151.
588 Адажий В.Д. Гудков В.П. и др. Первому военно-медицинскому музею России – 140 лет. // Медицинские Ведомости. – СПб., 2003. – Вып. № 2(57).
589 Труды императорского вольного экономического общества. – Т. 2. –СПб., 1870. – С. 173.
590 Обзор деятельности Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей за первое двадцатипятилетние его существование 1868–1893. Приложение II. – СПб., 1893. – С. XI.
591 Русский биографический словарь. – Т. 7. – СПб., 1897. – С. 132.
592 Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. – Т. 12. – СПб., 1894. – С. 88.
593 Здекауер Н.Ф. Императорская Санкт-Петербургская медико-хирургическая академия в 1833–1863 гг. // Русская старина. – СПб., 1891. – Т. 70. – С. 129.
594 Змеев Л.Ф. Русские врачи писатели. – Вып. 1. – СПб., 1886. – С. 107–109.
595 Восемнадцатое присуждение учрежденных П.Н. Демидовым наград 17 апреля 1849 г. – СПб., 1849. – С. 121–178.
596 Двадцать седьмое присуждение учрежденных П.Н. Демидовым наград 20 мая 1858 г. – СПб., 1859. – С. 41–101.
597 Список гражданским чинам четвертого класса. – СПб., 1869. – С. 105–106.
598 Карпинский И.Г. Жизнь и деятельность Павла Парфеновича Заблоцкого-Десятовского. – СПб., 1882. – С. 6.
599 Советов А. Двадцатипятилетие Петербургского собрания сельских хозяев. – СПб., 1889. – С. 240.
600 Указатель русского отдела Филадельфийской международной выставки 1876 года. – СПб., 1876. – С. 228, 234.
601 Семёнов-Тян-Шанский В.П. То, что прошло. Главы из книги воспоминаний. // Невский архив. – СПб., 2003. – №6. – С. 22.
602 Языков Д.Д. Обзор жизни и трудов покойных русских писателей. – Вып. II. – М., 1882. – С. 23.
603 Карпинский И.Г. Жизнь и деятельность Павла Парфеновича Заблоцкого-Десятовского. – СПб., 1882. – С. 9.
604 Щепкин М. Некролог. М.П. Заблоцкий-Десятовский. // Московские ведомости. – 1858. – №220. – С. 487.
605 Арсеньев К.К. Валериан Майков. // Вестник Европы. – СПб., 1886. – Т. 2. – С. 781–782.
606 Григорьев В.В. Императорский Санкт-Петербургский университет в течении первых пятидесяти лет его существования. – СПб., 1870. – С. LXXVIII.
607 Большая энциклопедия под редакцией С.Н. Южакова. – Т. 9. – СПб., 1902. – С. 441.
608 Адрес-календарь или Общий штат российской империи на 1845 г. – Ч. 1. – СПб., 1845. – С. 140; – Ч. 1. – СПб., 1846. – С. 119.
609 Адрес-календарь или Общий штат российской империи на 1848 г. – Ч. 1. – СПб., 1848. – С. 131; – Ч. 1. – СПб., 1849. – С. 127.
610 Адрес-календарь или Общий штат российской империи на 1850 г. – Ч. 1. – СПб., 1850. – С. 95; – Ч. 1. – СПб., 1851. – С. 131; – Ч. 1. – СПб., 1852. – С. 130; – Ч. 1. – СПб., 1853. – С. 133; – Ч. 1. – СПб., 1854. – С. 136.
611 Адрес-календарь или Общий штат российской империи на 1855 г. – Ч. 1. – СПб., 1855. – С. 136; – Ч. 1. – СПб., 1856. – С. 136.

612 Адрес-календарь или Общий штат российской империи на 1857 г. – Ч. 1. – СПб., 1857. – С. 154.

613 Адрес-календарь или Общий штат российской империи на 1858 – 1859 гг. – Ч. 1. – СПб., 1859. – С. 169.

614 Энциклопедический словарь. Издатели: Ф.А. Брокгауз и И.А. Эфрон. – Т. XII. – СПб., 1894. – С. 87.

615 Дудышкин С. М.П. Заблоцкий, его краткая биография в статье: «Неизданное сочинение князя Щербатова…». // Отечественные записки. – СПб., 1859. – №12. – С. 412.

616 Сборник статистических сведений о России. – СПб., 1851. – С. 51–57, 123–182.

617 Заблоцкий-Десятовский М.П. О ценностях в древней Руси. – СПб., 1854.

618 Устрялов Н. Разбор сочинения М. Заблоцкого «О ценностях в древней Руси». // Двадцать третье присуждение учреждённых Н.Н. Демидовым наград. – СПб., 1848. – С. 198.

619 Заблоцкий-Десятовский М.П. Что такое выражения: рубль, рубль московский, рубль новгородский? // Журнал Министерства народного просвещения. – СПб., 1857. – Ч. XCV, отд. II. – С. 1–35.

620 Мезенин Н.А. Лауреаты Демидовских премий Петербургской Академии наук. – Л., 1987. – С. 197.

621 Дудышкин С. М.П. Заблоцкий, его краткая биография в статье: «Неизданное сочинение князя Щербатова…». // Отечественные записки. – СПб., 1859. – №12. – С. 413.

622 Иконников В.С. Опыт русской историографии. – Т. 1, кн. 2. – К., 1892. – С. 1148–1150.

623 Ламанский Е.И. Отчет о действиях императорского русского географического общества за 1858 г. // Вестник императорского русского географического общества. – Ч. 25. – СПб., 1859.– С. 2.

624 Некролог М.П. Заблоцкого-Десятовского. // Экономический указатель. – СПб., 1858. – №91, вып. 39. – С. 889.

625 Тезисы докладов научной конференции «А. Блок и русский постсимволизм». Под ред. З.Г. Минц. – Тарту, 1991. – С. 68.

626 Кобак А.В., Пирютко Ю.М. Исторические кладбища Петербурга: Справочник-путеводитель. – СПб., 1993. – С. 332.

627 Щепкин М. Некролог. М.П. Заблоцкий-Десятовский. // Московские ведомости. – 1858. – №220.– С. 487.

628 Дудышкин С. М.П. Заблоцкий, его краткая биография в статье: «Неизданное сочинение князя Щербатова…». // Отечественные записки. – СПб., 1859. – №12. – С. 412.

629 Колмаков Н.М. Очерки и воспоминания с 1816 года. // Русская старина. – СПб., 1891. – Т. 70. – С. 26.

630 Семёнов-Тянь-Шанский П.П. Мемуары. Эпоха освобождения крестьян в России. – Т. 4. – Петроград, 1916. – С. 144.

631 Багалей Д.И. Опыт истории Харьковского университета. – Т. 1. – Харьков, 1893–1898. – С. 788–791.

632 Список гражданским чинам 4 класса 1869 г. – СПб., 1869. – С. 154.

633 Милорадович Г.А. Родословная книга Черниговского дворянства. – Т. 2, ч. 3, 4, 5, 6. – СПб., 1901. – С. 139.

634 Колмаков Н.М. Очерки и воспоминания с 1816 года. // Русская старина. – СПб., 1891. – Т. 71. – С. 121.

635 Список чинам правительствующего сената и Министерства юстиции. – СПб., 1847. – С. 74; – СПб., 1848. – С. 75.

636 Список чинам правительствующего сената и Министерства юстиции. – СПб., 1851. – С. 28; Список высшим чинам государственного, губернского и епархиального управления. – СПб., 1849. – С. 81; – СПб., 1850. – С. 81; – СПб., 1851. – С. 63; – СПб., 1852. – С.

64.

637 Колмаков Н.М. Очерки и воспоминания с 1816 года. // Русская старина. – СПб., 1891. – Т. 71. – С. 144–145.

638 Список высшим чинам государственного, губернского и епархиального управления. – СПб., 1853. – С. 128; – СПб., 1854. – С. 129; Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве. – Ч. 1. – СПб., 1853. – С. 271.

639 Список чинам правительствующего сената и Министерства юстиции. – СПб., 1857. – С. 235.

640 Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве, 1857. – СПб., 1857. – С. 98; – СПб., 1858. – С. 106.

641 Список высшим чинам государственного, губернского и епархиального управления. – СПб., 1858. – С. 139.

642 Колмаков Н.М. Крестьянское дело в 1857–1860 гг. Заметки к запискам Я.А. Соловьева. // Русская старина. – СПб., 1885. – Т. 47. – С. 477.

643 Записки сенатора Я.А. Соловьева о крестьянском деле. // Русская старина. – СПб., 1884. – Т. 41. – С. 249–250.

644 Семёнов Н.П. Освобождение крестьян в царствование императора Александра II. – Т. 3, ч. 1. – СПб., 1891. – С. 777–778.

645 Список высшим чинам государственного, губернского и епархиального управления. – СПб., 1859. – С. 18; – СПб., 1860. – С. 19.

646 Колмаков Н.М. Рассказы об И.А. Крылове. //Русский архив. – М., 1865. – С. 1319.

647 Колмаков Н.М. Очерки и воспоминания с 1816 года. // Русская старина. – СПб., 1891. – Т. 71. – С. 146.

648 Список чинам правительствующего сената и Министерства юстиции. 1866 г. – СПб., 1866. – С. 196; Список высшим чинам государственного, губернского и епархиального управления. – СПб., 1869. – С. 135; – СПб., 1872. – С. 141.

649 Список высшим чинам государственного, губернского и епархиального управления. – СПб., 1873. – С. 147.

650 Колмаков Н.М. Записка о судебной реформа в западном крае вообще и в частности в Киевской губернии. – К., 1872.

651 Памятная книжка Черниговской губернии на 1862 год. – Чернигов, 1862. – С. 8; Календарь Черниговской губернии на 1895 год. – Чернигов, 1894. – С. 361.

652 Отчет о деятельности Киевского отдела Высочайше утвержденного славянского благотворительного комитета за 1871 г. составленный и читанный 21 декабря 1871 года секретарем комитета Колмаковым Н.М. // Киевские епархиальные ведомости. – К., 1871. – №7.

653 Теодорович Н.И. Историко-статистическое описание церквей и приходов Волынской епархии. – Т. 2. – Почаев, 1889. – С. 1000–1004.

654 Церковные ведомости. – СПб., 1892. – №4. – С. 33–34.

655 Наши учебные заведения. Императорский университет святого Владимира в 1896 г. // Журнал Министерства народного просвещения. – СПб., 1897. – Ч. CCCXIV. – С. 36.

656 Положение о стипендии имени действительного статского советника Николая Марковича Колмакова при императорском Санкт-Петербургском университете. // Журнал Министерства народного просвещения. – СПб., 1899. – Том. 326. – С. 46–47.

657 Русские писатели (1800–1917). – Т. 3. – М., 1989. – С. 400.

658 Добрынин Г.И. Истинное повествование или жизнь Гавриила Добрынина. – СПб., 1872. – С. 149.

659 Колмаков Н.М. Очерки и воспоминания с 1816 года. // Русская старина. – СПб., 1891. – Т. 70. – С. 26.

660 Там же. – С. 26, 27, 37.

661 Русские писатели (1800–1917). – Т. 3. – М., 1989. – С. 400.

662 Там же. – С. 400.

663 Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. Сборник документов. – М., 1962. – С. 430.

664 Власов В.А. Орловский баснописец. // Орловская правда от 28.09.04 г. – С. 4.

665 Любавин М.А. Литературная среда Петербурга рубежа XVIII–XIX века. // Актуальные проблемы теории и истории библиофильства. – СПб., 2003. – С. 11.

666 Власов В.А. Его слава принадлежит России. – Орёл, 2008. – С. 95.

667 Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на 1815 г. – Ч. 1. – СПб., 1815. – С. 672–673; – Ч. 1. – СПб., 1816. – С. 719.

668 Русские писатели (1800–1917). – Т. 3. – М., 1989. – С. 400.

669 Письмо А.Е. Измайлова к И.И. Дмитриеву. // Русский архив. – М., 1871. – Кн. 2. – С. 962.

670 Русские писатели (1800–1917). – Т. 3. – М., 1989. – С. 400.

671 Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на 1818 г. – Ч. 2. – СПб., 1818. – С. 178; – Ч. 2. – СПб., 1819. – С. 177; – Ч. 2. – СПб., 1820. – С. 182; – Ч. 2. – СПб., 1821. – С. 185.

672 Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на 1822 г. – Ч. 2. – СПб., 1822. – С. 134; – Ч. 2. – СПб., 1823. – С. 140; – Ч. 2. – СПб., 1824. – С. 142.

673 Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на 1825 г. – Ч. 2. – СПб., 1825. – С. 145; – Ч. 2. – СПб., 1826. – С. 150; – Ч. 2. – СПб., 1827. – С. 152; – Ч. 2. – СПб., 1828. – С. 156; – Ч. 2. – СПб., 1829. – С. 162.

674 Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1830 г. – Ч. 2. – СПб., 1830. – С. 121.

675 Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на 1825 г. – Ч. 2. – СПб., 1825. – С. 145.

676 Власов В.А. Орловский баснописец. // Орловская правда от 28.09.04 г. – С. 4.

677 Колмаков Н.М. Очерки и воспоминания с 1816 года. // Русская старина. – СПб., 1891. – Т. 70. – С. 26–27.

678 Воспоминания об А.Е. Измайлове. // Дело. №4. – СПб., 1874. – С. 159–160.

679 Там же. – С. 357.

680 Частная переписка Ивана Романовича Мартоса (1917–1830) // Киевская старина. – К., 1896. – Т. LIII (июнь). – С. 350.

681 Русская расовая теория до 1917 года в 2-х томах: Сборник оригинальных работ русских классиков под редакцией В.Б. Авдеева. – Т. 2. – М., 2002. – С. 28.

682 Орбели Д.И. Сванетия. – СПб., 1904. – С. 100.

683 Воробьев В.В. Рецензия на книгу И.И. Пантюхов: Куреневка. Медико-антропологический очерк. // Русский антропологический журнал. – СПб., 1905. – Кн. XXI – XXII, №1–2. – С. 184–185.

684 Пантюхов О.И. О днях былых. Семейная хроника Пантюховых. – Нью-Йорк Durand Hause, 1969. – С. 28, 31.

685 Именная ведомость о студентах университета святого Владимира. // Университетские известия. – К., 1861. – №3 (ноябрь). – С. 54–55.

686 Змеев Л.Ф. Русские врачи писатели. – Вып. 1, тетр. 2. – СПб., 1886. – С. 47.

687 Пантюхов О.И. О днях былых. Семейная хроника Пантюховых. – Нью-Йорк Durand Hause, 1969. – С. 28.

688 Лазаревский А.М. Списки черниговских дворян. – Чернигов, 1890. – С. 110.

689 Записки Василия Никифоровича Геттуна (1771–1815). // Исторический вестник. – СПб., 1880. – Т. 1. – С. 39.

690 Пантюхов О.И. О днях былых. Семейная хроника Пантюховых. – Нью-Йорк Durand Hause, 1969. – С. 28.

691 Иван Иванович Пантюхов. // Материалы для истории научной и прикладной деятельности в России по зоологии. – Т. 4. – М., 1892.

692 Именная ведомость о студентах университета святого Владимира. // Университетские известия. – К., 1861. – №3 (ноябрь). – С. 54–55.

693 Иван Иванович Пантюхов. // Материалы для истории научной и прикладной деятельности в России по зоологии. – Т. 4. – М., 1892.

694 Послужной список И.И. Пантюхова. // РГВИА ф. 546, оп. 2, д. 2999.

695 Университетские известия. – К., 1875. – №1. – С. 169.

696 Академические списки императорского университета святого Владимира (1834–1884). – К., 1884. – С. 159.

697 Послужной список И.И. Пантюхова. // РГВИА ф. 546, оп. 2, д. 2999.

698 Пантюхов И.И. Некролог. // Исторический вестник. – СПб., 1911. – С. 764.

699 Послужной список И.И. Пантюхова. // РГВИА ф. 546, оп. 2, д. 2999.

700 Там же.

701 Иван Иванович Пантюхов. // Материалы для истории научной и прикладной деятельности в России по зоологии. – Т. 4. – М., 1892.

702 Послужной список И.И. Пантюхова. // РГВИА ф. 546, оп. 2, д. 2999.

703 Правительственные распоряжения. // Журнал Министерства народного просвещения. – СПб., 1873. – №170. – С. 68–69.

704 Иван Иванович Пантюхов. // Материалы для истории научной и прикладной деятельности в России по зоологии. – Т. 4. – М., 1892.

705 Отчет императорского русского географического общества за 1877 год. – СПб., 1877. – С. 36.

706 Послужной список И.И. Пантюхова. // РГВИА ф. 546, оп. 2, д. 2999.

707 Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – Т. 22-А. – СПб., 1897. – С. 710–711.

708 Речи и протоколы VI съезда русских естествоиспытателей и врачей в Санкт-Петербурге. – СПб., 1880. – С. 21.

709 Послужной список И.И. Пантюхова. // РГВИА ф. 546, оп. 2, д. 2999.

710 Пантюхов О.И. О днях былых. Семейная хроника Пантюховых. – Нью-Йорк Durand Hause, 1969. – С. 84.

711 Ежегодник Русского антропологического общества при императорском Санкт-Петербургском университете. – Т. 1. – СПб., 1905. – С. 361.

712 Отчёт о действиях и состоянии Кавказского отдела императорского Русского географического общества за 1901-й год. // Известия Кавказского отдела Русского географического общества. – Тифлис, 1904. – Т. XVII, №2. – С. 90.

713 Отчёт о действиях и состоянии Кавказского отдела императорского Русского географического общества за 1901-й год. // Известия Кавказского отдела Русского географического общества. – Тифлис, 1902. – Т. XV, №3. – С. 134.

714 Известия Кавказского отделения императорского Московского археологического общества. – Вып. 1. – Тифлис, 1904. – С. 11–12.

715 Пантюхов О.И. О днях былых. Семейная хроника Пантюховых. – Нью-Йорк Durand Hause, 1969. – С. 125, 140.

716 Русская расовая теория до 1917 года в 2-х томах: Сборник оригинальных работ русских классиков под редакцией В.Б. Авдеева. – Т. 2. – М., 2002. – С. 30.

717 Пантюхов И.И. Некролог. // Исторический вестник. – СПб., 1911. – С. 764.

718 Пантюхов О.И. О днях былых. Семейная хроника Пантюховых. – Нью-Йорк Durand Hause, 1969. – С. 203.

719 Послужной список И.И. Пантюхова. // РГВИА ф. 546, оп. 2, д. 2999.

720 Пантюхов И.И. Некролог. // Исторический вестник. – СПб., 1911. – С. 764.

721 Булатов И.А. Роль семьи в жизни О.И. Пантюхова – основателя русского скаутско-

го движения. // Журнал «Власть». – М., 2010. – №9. – С. 146–148.

722 Скуратовский В. Как зовут булгаковского мастера? // Столичные новости. – К., 2002. – № 44 (240).

723 Сборник Императорского Русского исторического общества. – Т. 62. – СПб., 1888. – С. 191.

724 Милорадович Г.А. Родословная книга Черниговского дворянства. – Ч. 2. – СПб., 1901. – С. 451–452.

725 Шевырев С.П. История императорского Московского университета, написанная к столетнему её юбилею. – М., 1855. – С. 260.

726 Покоящийся трудолюбец. – Ч. 2. – М., 1784. – С. 187–195.

727 Псиол В.Ф. Ложный похититель Мальтийского ордена, кавалер Даббевиль, истинная повесть. – М., 1786.

728 Лоэзель де Треогата Ж.М., Псиол В.Ф. Меланхолические вечера, или Собрание веселых нравоучительных повестей из разных французских писателей. – М., 1787.

729 Рокиль-Льето, Псиол В.Ф. Поединок, или Сила предрассудка. – М., 1788.

730 Словарь русских писателей XVIII века / Редколлегия: Н.Д. Кочеткова, Г.Н. Моисеева, С.И. Николаев (секретарь), А.М. Панченко, В.П. Степанов. – Вып. 2 . – СПб., 1999.– С. 506.

731 Фролов Н. О Пушкине и семье Судиенко: На коленях у великого поэта играл будущий владимирский губернатор. // Владимирские ведомости. – 2006. – 3 июня. – С. 8 – 9.

732 Там же.

733 Архив Государственного совета. – Т. 3. – СПб., 1876. – С. 46.

734 Милорадович Г.А. Родословная книга Черниговского дворянства. – Т. 2. – СПб., 1901. – С. 193.

735 Павловский И.Ф. К истории Шведской могилы. Пожертвование И.С. Судиенко и его духовное завещание. – Полтава, 1914. – С. 31.

736 Формулярный список о службе Судиенко М.О. Государственный архив Черниговской области. – Ф. 127. – Оп. 17. – Д. 2294.

737 Фрейман О.Р. Пажи за 185 лет: Биографии и портреты бывших пажей с 1711 г. по 1896 г. – СПб., 1897. – С. 247.

738 Павловский И.Ф. К истории Шведской могилы. Пожертвование И.С. Судиенко и его духовное завещание. – Полтава, 1914. – С. 41.

739 Письма А.С. Пушкина к М.О. Судиенко. // Русский архив. – СПб., 1898. – №1. – С. 168.

740 Тургенев А.М. Записки Александра Михайловича Тургенева. 1772–1863 гг. // Русская старина. – СПб., 1886. – Т. 52, № 10. – С. 54.

741 Левшин Д.М. Пажеский его императорского величества корпус за сто лет. – Т. 2. – СПб., 1902. – С. 279.

742 Формулярный список о службе Судиенко М.О. Государственный архив Черниговской области. – Ф. 127. – Оп. 17. – Д. 2294.

743 Там же.

744 Там же.

745 Российский Государственный военно-исторический архив. – Ф. 395. – Оп. 84. – Д. 6, 2. – Отд. 1829 г.

746 Библиотека великих писателей под редакцией В.Н. Венгерова. Пушкин. – Т. 6. – Петроград, 1915. – С. 107.

747 Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. – Т. 4. – СПб., 1887. – С. 400–401.

748 Письма А.С. Пушкина к М.О. Судиенко. // Русский архив. – СПб., 1898. – №1. – С. 168.

749 Тархова Н.А. Летопись жизни и творчества А.Пушкина (1829–1932). – Т. 3. – М., 1999. – С. 36.

750 Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 10-ти томах. – Т. 10. – М., 1966. – С. 268–269, 272–273, 401–402, 528.
751 Там же.
752 Там же.
753 Формулярный список о службе Судиенко М.О. Государственный архив Черниговской области. – Ф. 127. – Оп. 17. – Д. 2294.
754 Морозова А.В. Черниговские приятели Пушкина. // Черниговский полдень. – 1999. – 13, 20 мая.
755 Список губернских и уездных предводителей дворянства Черниговской губернии 1782–1893 гг. – Чернигов, 1893. – С. 15.
756 Памяти М.О. Судиенко // Киевская старина. – К., 1901. – Т. IXXIV. – С. 84.
757 Конисский А.Я. Жизнь украинского поэта Тараса Григорьевича Шевченко. – Одесса, 1898. – С. 231–233.
758 Памятная книжка Киевской губернии на 1856 год. – К., 1856. – С. 191.
759 Левицкий О.И. Пятидесятилетие Киевской комиссии для разбора древних актов. – К., 1893. – С. 74–83.
760 Там же. – С. 101–102.
761 Иконников В. О разборе архива графа П.А. Румянцева-Задунайского (Записки М.О. Судиенко). // Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца. – К., 1892. – Кн. 6, отд. III. – С. 138–142.
762 Лазаревский А.М. Очерки, заметки и документы по истории Малороссии. – Т. 1. – К., 1892. – С. 42–44.
763 Лист Судієнко М. до М. Максимовича від 4 травня 1850 р. // Сіверянський архів. – Чернігів, 2008. – Вип. 2. – С. 70.
764 Судиенко М.О. Материалы для Отечественной истории. – Т. 1, 2. – К., 1853–1855.
765 Шафонский А.Ф. Черниговского наместничества топографическое описание. – К., 1851. – Предисловие.
766 Максимович М. Сочинения. – Т. 1. – К., 1876. – С. 524.
767 На заре крестьянской свободы. // Русская старина. – СПб., 1898. – Т. 94. – С. 53.
768 Иконников В.С. Опыт русской историографии. – Т. 1, кн. 2. – К., 1892.– С. 1105, 1228, 1420, CCLXXII, CCLXXIII, CCLXCVI, CCLXCVII; – Т. 2, кн. 2. – С. 1574, 1586, 1625, 1635.
769 Павловский И.Ф. К истории Шведской могилы. Пожертвование И.С. Судиенко и его духовное завещание. – Полтава, 1914. – С. 30.
770 Российский Государственный военно-исторический архив. – Ф. 395. – Оп. 84. – Д. 6. – 2 отд., 1829 г.
771 Журнала Министерства народного просвещения. – СПб., 1844. – Ч. XLII. – С. 43.
772 Журнала Министерства народного просвещения. – СПб., 1845. – Ч. XLVI. – С. 47.
773 Материалы для истории и статистики наших гимназий. // Журнал народного просвещения. – СПб., 1864. – Ч. CXXI. – С. 519.
774 Сумщина в іменах: Енциклопедичний довідник. – Суми, 2004. – С. 446.
775 Українські архівісти: Бібліографічний довідник. – Вип. 1 (XIX ст. – 1930-ті рр.). – К., 1999. – С. 312.
776 Сементовский Н. Киев, его святыни, древности и достопамятности. – К., 1864. – С. 99.
777 Семёнов П.П. История полувековой деятельности императорского русского географического общества. – Ч. 3. – СПб., 1896. – С. 51.
778 Памятная книжка Черниговской губернии на 1862 год. – Чернигов, 1862. – С. 8.
779 Гринь О. Листи М. Судієнка до М. Максимовича (1837–1867 рр.). // Сіверянський архів. – Чернігів, 2008. – Вип. 2. – С. 67.
780 Там же. – С. 70.

781 Сбитнев И. Новгород-Северский. // Отечественные записки. – СПб., 1828. – Т. 34, № 4. – С. 125–127.
782 «Киевлянин» (некролог Судиенко). – К., – 1871. – №112.
783 Чулкова Н.П. Река времен. Книга истории и культуры. Русский Провинциальный Некрополь: Картотека из собрания государственного литературного музея. – Кн. 4. – М., 1996. – С. 398–399.
784 Записки Петра Дмитриевича Селецкого. – К., 1884. – С. 187.
785 Памяти М.О. Судиенко. // Киевская старина. – К., 1901. – Т. IXXIV. – С. 83.
786 Записки Петра Дмитриевича Селецкого. – К., 1884. – С. 187.
787 «Дневники В. А. Жуковского», с примеч. И.А. Бычкова. – СПб., 1903. – С. 402.
788 Сочинения А.С. Пушкина. – Т. 7. – СПб., 1903. – С. 497.
789 Формулярный список о службе Судиенко И.М. Государственный архив Черниговской области. – Ф. 127. – Оп. 20а. – Д. 25.
790 Формулярный список о службе Судиенко А.М. Государственный архив Черниговской области. – Ф. 127. – Оп. 26а. – Д. 220.
791 Календарь Черниговской губернии на 1891 г. – Чернигов, 1890. – С. 206.
792 Голицын Н.Н. Материалы для полной родословной росписи князей Голицыных. – К., 1880. – С. 91.
793 Русский биографический словарь. – Т. 5. – М., 1916. – С. 146.
794 Календарь Киевской губернии на 1914 год. – К., 1914. – С. 73.
795 Воспоминания Иосифа Самчевского. // Киевская Старина. – К., 1894. – № 5. – С. 227.
796 Академические списки императорского университета св. Владимира. – К., 1884. – С. 95.
797 Формулярный список о службе Судиенко И.М. // Государственный архив Черниговской области. – Ф. 127. – Оп. 20а. – Д. 25. – С. 2.
798 Там же. – С. 3 – 8.
799 Придворный календарь на 1888 г. – СПб., 1888. – С. 88.
800 Формулярный список о службе Судиенко И.М. // Государственный архив Черниговской области. – Ф. 127. – Оп. 20а. – Д. 25. – С. 5.
801 Хижняков В. Народное образование в Черниговской губернии. // Русская мысль. – М., 1897. – Кн. 6. – С. 27.
802 Формулярный список о службе Судиенко И.М. // Государственный архив Черниговской области. – Ф. 127. – Оп. 20а. – Д. 25. – С. 5.
803 Иосиф Михайлович Судиенко. (Некролог). // Владимирские губернские ведомости. Часть неофициальная. – Владимир, 1892. – №50.
804 Фролов Н.В., Фролова Э.В. Владимирские наместники и губернаторы. 1778–1917 гг. – Ковров, 1998. – С. 106.
805 Иосиф Михайлович Судиенко. (Некролог). Владимирские губернские ведомости. Часть неофициальная. – Владимир, 1892. – №50.
806 Фролов Н.В., Фролова Э.В. Владимирские наместники и губернаторы. 1778–1917 гг. – Ковров, 1998. – С. 108.
807 Журнал Переславской городской думы экстренного заседания 13 декабря 1892 года.
808 Засулич В.И. Десятилетие Морозовской стачки. – Женева, 1897. – С. 18.
809 Дневник академика В.П. Безобразова. // Русская старина. – СПб., 1910. – Кн. 1. – С. 311.
810 Там же.
811 Иосиф Михайлович Судиенко. (Некролог). // Владимирские губернские ведомости. Часть неофициальная. – Владимир, 1892. – №50.
812 Иосиф Михайлович Судиенко. (Некролог). // Черниговские губернские ведомости.

– Чернигов, 1892. – №102.; Модзалевский В.Л. Малороссийский родословник. – Т. 4. – К., 1914. – С. 798–800.

813 Формулярный список о службе Судиенко И.М. // Государственный архив Черниговской области. – Ф. 127. – Оп. 20а. – Д. 25. – С. 2.

814 Лобанов-Ростовский А.Б. Русская родословная книга. – Т. 1. – СПб., 1873. – С. 277.

815 Журнал Министерства народного просвещения. – СПб., 1890. – Ч. CCLXIX. – С. 29–30.

816 Саитов В.И., Модзалевский Б.Л. Московский некрополь. – Т. 3. – СПб., 1907–1908. – С. 171.

817 Артамонов М.Д. Московский некрополь. – М., 1995. – С. 385.

818 Маслов С.И. Обзор рукописей библиотеки Императорского Университета святого Владимира. – К., 1910. – С. 1, 4.

819 Записка о состоянии и деятельности императорского университета св. Владимира в 1894 г. // Университетские известия. – К., 1895. – №5. – С. 24; Наши учебные заведения. // Журнал Министерства народного просвещения. – СПб., 1895. – Ч. CCCI. – С. 25

820 Иконников В.С. Опыт русской историографии. – Т. 1, кн. 2. – К., 1892. – С. 1228; – Т. 2, кн. 2. – К., 1908. – С. 1625, 1635.

821 Альбовский Е. Один из партизан 1812 года. // Русская старина. – СПб., 1898. – Т. 95. – С. 96.

822 Там же. – С. 96.

823 ЦГВИА СССР, ф. 489, оп. 1, д. 2505, л.л. 103. об., 104 // Нарежный Б. Ермолай Четвертак. – К., 1991. – С. 37.

824 Альбовский Е. Один из партизан 1812 года. // Русская старина. – СПб., 1898. – Т. 95. – С. 96.

825 Там же.

826 Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. Сборник документов. – М., 1962. – С. 191–192.

827 ЦГВИА, ф. 103, оп. 208а, св. 0, д. 27, ч. 2, лл. 193–194 об. // М.И. Кутузов. Сборник документов. – Т. 4, ч. 2. – М., 1955 . – С. 730–731.

828 ЦГВИА СССР, ф. 489, оп. 1, д. 2407, л.л. 63, 86, об. 87. // Нарежный Б. Ермолай Четвертак. – К., 1991. – С. 217.

829 ЦГВИА, ф. 103, оп. 208а, св. 0, д. 27, ч. 2, лл. 192 и об., 195 и об. Подлинник. // М.И. Кутузов. Сборник документов. – Т. 4, ч. 2. – М., 1955 . – С. 729–730.

830 Альбовский Е. Один из партизан 1812 года. // Русская старина. – СПб., 1898. – Т. 95. – С. 102.

831 Нарежный Б. Ермолай Четвертак. – К., 1991. – С. 254.

832 Смирнов А.А. Москва – героям 1812 года. – М., 1981.

833 Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. – Т. 4. – М., 1960. – С. 544.

834 По случай 25 години от публицистическата дейность на Михайл В. Юркевич. – София, 1907. – С. 3.

835 Некролог о Юркевиче М.В. // Славянски глас. – София, 1909. – С. 229– 230.

836 Тагеев Б. Из македонских воспоминаний русского добровольца. // Русский вестник. – Т. 288. – СПб., 1903. – С. 788.

837 Некролог о Юркевиче М.В. // Славянски глас. – София, 1909. – С. 229–230.

838 Иванов Ю. Българский периодически печать. – Т. 1. – София, 1893. – С. 295.

839 Некролог о Юркевиче М.В. // Славянски глас. – София, 1909. – С. 229–230.

840 По случай 25 години от публицистическата дейность на Михайл В. Юркевич. – София, 1907. – С. 2.

841 Там же. – С. 2.

842 Библиографический отдел. // Мир Божий. – СПб., 1904. – №7. – С. 73.
843 Юркевич М.В. Двадцатипятилетние итоги княжества Болгарии 1879-1904. Опыт собрания материалов». – Т. 1, кн. 1. – София, 1904. – С. II.
844 Юркевич М.В. Двадцатипятилетние итоги княжества Болгарии 1879-1904. Опыт собрания материалов». – Т. 2, кн. 2, ч. 1. – София, 1905. – С. II.
845 Некролог о Юркевиче М.В. // Славянски глас. – София, 1909. – С. 229–230.
846 Там же. – С. 229–230.
847 Тагеев Б. Из македонских воспоминаний русского добровольца. // Русский вестник. – Т. 288. – СПб., 1903. – С. 788.
848 Врангель Н.Н. Старые усадьбы. Очерки русского искусства и быта. – СПб., 1910. – С. 8.
849 Лукомский Г.К. «Очкино, имение Е.А. Судиенко». // Столица и усадьба. – СПб., 1914. – №21. – С. 7.
850 Там же.
851 Григорович Н.И. «Канцлер князь А.А.Безбородко, в связи с событиями его времени». – Т. 1. – СПб., 1989. – С. 182.
852 Есипов Г.В. Путешествие императрицы Екатерины II по Южной России в 1787 году. // Киевская старина. – К., 1890.
853 Добровольский П.М. Путешествие императрицы II через Черниговский край. – Чернигов, 1903.
854 Село Вишенки. // Черниговские губернские ведомости. Отдел второй. Часть неофициальная. – Чернигов, 1850. – №8. – С. 66.
855 Січинський В. Історія українського мистецтва. – Т. 1. – Нью-Йорк, 1956. – С. 142.
856 Греч А. Н. Венок усадьбам. // Памятники Отечества. 1994–1995 гг. –№32.
857 Чекмарев А.В. Постройки Н.А. Львова и его круга в провинции: новые открытия. // Архитектурное наследство. – М., 2009. – Вып. 50. – С. 255–279.
858 Лукомский Г.К. Памятники старинной архитектуры России: в типах художественного строительства. Изд. Шиповник. – Петроград, 1916. – С. 386.
859 Лукомский Г.К. «Очкино, имение Е.А. Судиенко». // Столица и усадьба. – Петроград, 1914. – №21. – С. 8.
860 Там же. – С. 8.
861 Український живопис XIX – XX ст. З колекції НХМУ. – К., Артанія Нова. – 2005. – С. 49.
862 Куракин Ф.А. Восемнадцатый век. Исторический сборник. – Т. 1. – СПб., 1904. – С. 484–485.
863 Український живопис XIX–XX ст. З колекції НХМУ. – К., 2005. – С. 252.
864 Толубеев Н.И. Записки Никиты Ивановича Толубеева (1780–1809). Издание редакции журнала Русская старина. – СПб., 1889. – С. 82–85.
865 Куракин Ф.А. Восемнадцатый век. Исторический сборник. – СПб., 1904. – Т. 1. – С. 299.
866 Тенишева М.К. Впечатления моей жизни. – М., 2006. – С. 84.
867 Лукомский Г.К. «Очкино, имение Е.А. Судиенко». // Столица и усадьба. – Петроград, 1914. – №21. – С. 10.
868 Брокгауз Ф.А., Эфрон И.А. Энциклопедический словарь. – Т. 20. – СПб., 1897. – С. 120–121.
869 Каталог Д.Г. Левицкого. – М., 1987. – С. 135.
870 Каталог историко-художественной выставки русских портретов 1905 г. – СПб., 1905. – С. 69.
871 Лукомский Г.К. «Очкино, имение Е.А. Судиенко». // Столица и усадьба. – Петроград, 1914. – №21. – С. 10.
872 Барон Врангель. Иностранцы XIX века в России. // Старые годы. – СПб., 1912. –

(Июль – сентябрь). – С. 34–35.
873 Ежегодник государственного исторического музея. – М., 1970. – С. 192.
874 Наумов А.А. «История московского портрета работы художника Й. Грасси». // Журнал «Мелодия». – М., 2006. – С. 21–23.
875 Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. – Т. 1. – СПб., 1888. – С. 136.
876 Иконников В.С. Опыт русской историографии. – Т. 1, Кн. 2. – К. 1892. – С. 1420.
877 Лазаревский А.М. Старинные малороссийские портреты. // Киевская старина. – К., 1882. – Т. 4. – С. 175.
878 «Исторические деятели Юго-Западной России в биографиях и портретах». – Вып. 1. – К., 1885. – С. VI.
879 Игрицкий И.В. Тысяча девятьсот семнадцатый год в деревне. – М., 1929. – С. 185.

Чухно Владимир Егорович

История населённых пунктов Украины: Середино-Будский район Сумской области.

Підписано до друку 08.02.2013 р.
Формат 60х84/16. Папір офс. Друк офс. Ум. друк арк. 19,9
Гарнітура Times New Roman. Наклад: 100 прим.,
Замовлення №08/02/13

Видавець: ТОВ «НВП «Інтерсервіс»
м. Київ, вул. Бориспільська, 9,
Свідоцтво серія ДК № 3534 від 24.07.2009 р.

Виготовлювач: Типографія «Айс Принт»
Тел: +38 (063) 231-92-82, +38 (048) 735-92-83
Site: http://ice-print.com.ua
E-mail: info@ice-print.com.ua

